

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

— — — — —
СТАРЫЕ ДОРОГИ — — — — —

Annotation

Первая книга цикла любимой читателями Галины Гончаровой, на этот раз в фантазийном сеттинге, похожем на средневековую Италию. История о приключениях двух сильных женщин

В королевстве Эрвлин неспокойно.

Вымирает династия. А вот не надо было в свое время завоевывать людей с помощью подлости. Они и ответили, как могли. Ты их в спину – а они тебя предсмертным проклятьем.

Последний из Эрвлинов должен жениться на девушке из рода Сибеллинов. Не хочется? Любовь? Амбиции? Ну, тогда вымирай на здоровье. Или – выбирай, что тебе больше нравится.

Адриенна СибЛевран прекрасно прожила бы в своем поместье, даже не приезжая в столицу. Но – увы. Кровь старой династии не дает жить спокойно. Да и не откажешься от такого, просто не сумеешь. Выйти замуж за принца? А ведь это не сказка, и король не очень-то добрый, и принц любит другую, и призрак прабабки диктует свои правила, и цветут возле дворца черные розы. Розы королевского гнева и боли.

Мия Феретти просто пытается выжить. После смерти родителей на ее руках остаются брат и сестры. И надо как-то выживать. Пробудились старые родовые таланты? Отлично! И их поставим на пользу делу. Чьему? А вот кто заплатит, тому и поможем. Правда, закон такого не одобряет, но не умирать же с голоду?

Старые дороги, новые люди – и выбор. Старый или новый? Неважно. Главное – он есть.

Прочитав книгу, вы узнаете: почему черные розы цветут только в дворцовом саду, где могут найти себе применение метаморфы. Вы побываете в Средневековье и порадитесь, что мы живем не там.

-
- [Галина Гончарова](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
-

Галина Гончарова

Ветер и крылья. Старые дороги

© Гончарова Г.Д., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Пролог

Истории очень часто заканчиваются свадьбой. Но начинаются они не столь радостно.

Вот и эта история началась в спальне, где лежала молодая и очень красивая женщина.

Сейчас она уже была не столь красива, тяжкие трехдневные роды подорвали ее здоровье, и она чувствовала, как жизнь утекает из ее тела.

– Рианна... – Муж держал ее за руку, но она уже почти ничего не чувствовала. – Рианна, любовь моя...

Женщина прерывисто вздохнула.

Она пыталась собраться с мыслями... так тяжело. Так больно. И разум словно бы уплывает.

– Я умираю, Марк?

За что она ценила своего мужа, так это за его правдивость. Вот и сейчас он не стал лгать.

– Лекарь говорит, что у тебя сильное разлитие внутренних соков, и предлагает сцедить дурную кровь.

Женщина качнула головой. Даже это легчайшее движение отдалось таким приступом дурноты, что пришлось пару минут подышать. Прийти в себя, успокоиться.

У нее осталось не так много времени. Нельзя его терять.

– Я знала, что могу умереть во время родов.

Женщина смотрела в ту сторону, где стояла колыбелька с младенцем. Девочкой.

Адриенной СибЛевран.

Она умоляла, чтобы ребенка не уносили, чтобы даже кормили малышку при ней... Жар? Горячка? Пусть так! Каждая минута, проведенная рядом с ребенком, была для нее бесценна. Каждая секунда...

Сейчас жара не было. Был только холод. Смертельный холод. И она понимала, что это значит.

Агония.

– Не говори так, любимая. Ты поправишься...

Рианна качнула головой и приподнялась.

– Нет. Уже нет. Марк, я умоляю тебя. Умоляю выполнить мое последнее желание.

– Клянусь, любимая!

– Нет, не так. Клянись. Своей матерью, своим родом, своей честью и сердцем.

Марк сдвинул брови. Но послушно произнес требуемые слова:

– Рианна, я клянусь. Клянусь своей матерью – да изольется ее чрево, клянусь своим родом – да пресечется он навеки, клянусь своей честью – пусть будет мое имя покрыто позором, клянусь своим сердцем – да остановится оно в тот же миг, если я не выполню твое последнее желание.

Женщина откинулась на подушки.

Полная клятва. По всей форме. Такие дают крайне редко, но держат... лучше взойти на костер, чем ее нарушить. Последствия будут куда как хуже. Судьба слышит. Судьба карает.

– Ты не женишься, пока наша девочка не станет женщиной. Ты поклялся.

Марк вздрогнул.

– Х-хорошо. Я поклялся – и я исполню. Но ты лишаешь меня наследника.

– У рода СибЛевран есть наследница, – прищурилась Рианна. – Роду достаточно.

Марк коснулся руки супруги.

Ледяная... и понял, что она даже не чувствует его прикосновения.

– Я обещал. Я воспитаю нашу малышку. И не женюсь, пока она не повзрослеет, Рианна. Я сберегу нашу дочь.

– Дай мне ее... пожалуйста.

Женщина откинулась на подушки.

Лицо ее стремительно бледнело. Жизнь из него уходила на глазах. Каким чудом она еще держалась – муж не знал. Нет, не знал.

Но послушно подал малышку матери. Та потянулась к ребенку, почти села, опершись спиной на подушки. И без того белое лицо вовсе уж выцвело от усилий – одни глаза жили на нем. Громадные, синие...

– Выйди. Закрой дверь.

Стоило ли повиноваться?

Он не знал. Но ноги сами собой двинулись на выход. Сами собой...

И дверь закрылась.

Рианна с нежностью посмотрела на дочь. Те же черные волосы, те же синие глаза – наследство рода. Ее рода. Уже сейчас видно. Даже черты лица как у нее.

– Прости меня, малышка. И – прими мое последнее благословение. Мою силу и мою власть над родом СибЛевран.

Женщина последним усилием наклонилась к малышке – и коснулась поцелуем ее лба.

И на миг...

На долю секунды в комнате разлилось белое свечение.

Древняя магия рода СибЛевран, о которой почти никто не знает. Древняя власть. Та, что позволяет процветать ее землям.

Поля поместья СибЛевран, того единственного, что осталось, самого сердца, всегда были плодородны, стада изобильны, деревья ломились от фруктов. Засуха?

Никогда...

Болезни – и те обходят ее землю стороной. И это лишь частичка былой силы.

Руки женщины бессильно опали. Малышка оказалась на коленях матери, накрытая ее телом, словно коконом. Но не разревелась, а почувствовала знакомый запах, засопела носиком – и продолжила спать. Она еще не знала, что сегодня стала сиротой.

Войти в спальню посмели только час спустя.

Над землями СибЛевран гремела и грохотала гроза, оплакивая хозяйку замка.

Малышка мирно сопела в своей колыбельке, наевшись молочка кормилицы и не думая ни о чем плохом.

Мрачно напивался в стельку дан^[1] Марк. Жену он любил. И дочь... к дочери отношение было сложное. Наследница...

Но дочь от любимой женщины?

Дочь, рождение которой стоило Рианне жизни...

Но его малышка...

А поскольку был он все же неплохим человеком, то и зла в его душе не нашлось. И девочку он будет беречь. И заботиться.

Мчался сквозь грозу гонец, спеша доставить королю известие о смерти эданны СибЛевран.

Так и началась эта история.

Глава 1

Адриенна

– Дана Риен! Дана Риен!

Девочка досадливо скривила губы.

Вот ведь... опять ее Розалия ищет!

Кормилицу она любила. Но она такая... клуша! Опять начнет приставать со всякими глупостями! Чтобы девочка вышивала, или молилась, или на кухню сходила...

Мало ли дел для юной даны?

Дел-то много. Но они все такие скучные! Вы просто не представляете насколько!

Уж-жасно скучные!

Дана могла приглядеть за хозяйством. Знала рецепты блюд. И молитвы знала, каждый третий день с ней занимался падре Санто, так что требуемый круг молитв девочка на память могла прочесть.

И вышивать умела.

Не любила только.

Нитки путались, игла кололась, стежки получались разной длины и ширины, а уж про кривизну страшно и подумать было! И дана быстро бросала подходящие ей занятия.

И занималась неподобающими.

Известно же, что юные даны должны сидеть в доме своего отца. Выходить они могут только в церковь и только после того, как им исполнится двенадцать лет. До той поры девочек из благородных семей посторонним не показывают. Даны могут гулять во дворе дома, но и только. А показаться чужим – нельзя. Позор для всего семейства.

Это в городе.

В деревне, конечно, нравы более вольные. И если юная дана пойдет к мессе с отцом или матерью, если она прокатится в карете по окрестностям... конечно, карета или паланкин должны быть закрыты наглухо, а юную дану должен сопровождать кто-то из старших. Мать,

отец, брат... в крайнем случае – духовник. Так вот, ее не осудят. И долго сплетничать не станут.

Конечно, девушки из крестьянских семей более свободны в своих поступках. И родителям они помогают, и бегают где хотят, но ведь это крестьяне! Чернь!

Разве можно их девчонок равнять с благородными данами? Там в двенадцать уж и замуж выдают, как только девки первую кровь уронят. А благородных дан раньше семнадцати отдавать можно только по разрешению церкви.

Иначе позор.

Помолвку заключить – это хоть в колыбели. А вот замуж – только в семнадцать.

Дана Риен об этом отлично знала. И очень этому радовалась. Адриенна вообще не хотела замуж, и на то были серьезные причины.

Десять лет назад умерла ее мать. Умерла в родах. Успела только денек побыть с дочкой, имя ей дать, благословить – и умерла. Да и кормилицу эданна Рианна сама подбирала.

Розалия приехала с ней из самой Эвроны. Там у бедолаги все сложилось плохо, служанку обрюхатил сынок хозяев, а та, дуреха, нет бы к бабке какой сбегать да плод стравить, принялась рыдать и сопли размазывать.

Не убьет она младенца!

Вот дура-то!

Конечно, хозяева выгнали ее на улицу без куска хлеба и без единой монеты из честно заработанных. И закончилась бы история несчастной Розалии в сточной канаве, если б не проехал мимо паланкин эданны Рианны.

А дальше все было просто. Эданна, обладая острым зрением и добрым сердцем, не только увидела плачущую беременную девушку, но и посочувствовала ей. И пригласила работать кормилицей.

Конечно, за новую хозяйку Розалия готова была и в огонь, и в воду. Сына она родила, к маленькой Адриенне относилась как бы не ласковее, чем к родному ребенку, и ночей не спала, и на своей груди девочку подняла. А четыре года назад у нее и личная жизнь сладилась.

Розалия вышла замуж за старшего конюха и была безумно счастлива. И сын ее доволен – лошадиник он заядлый, с малолетства. И она второго ребенка родила, а может, и не одного еще родит, хоть и не

девочка уже, двадцать шесть исполнилось. Крестьянские девки в таком возрасте и бабками стать могут. И спины сгибаются, и зубы выпадают...

Розалию это миновало. Хотя и возраст такой, а все равно – спелая, сочная, что то наливное яблочко, зубы целы, морщин считай что и нет...

А вот упорство – есть.

– Дана Риен! Дана!!!

Девочка скрипнула зубами.

– Сиди, – шепнул Марко. – Я ей скажу, что тебя нет.

Но совесть уже одолела молодую хозяйку.

– Ладно уж... не поленилась же она сюда прийти! И Тоньо бросила...

Марко насмешливо фыркнул. Адриенна вышла из конюшни.

– Что ты шумишь, Роза? Здесь я...

– И вы посмотрите, в каком виде! – вознегодовала почтенная ньюра^[2]. – Дана, вы не мальчишка конюшенный! Опять эти бриджи ужасные, опять дублет, опять волосы кое-как собраны... слов у меня нет! Немедленно умываться и переодеваться, как подобает благородной дане.

– Зачем? – заныла Адриенна, совершенно не имея желания по такой жаре влезать в платье. Это ж с ума сойдешь!

Нижняя рубашка, панталоны, которые подвязывать надо, верхняя рубашка, платье, рукава... еще и волосы укладывать заставят! И головной убор надевать!

Не хо-чу!

– Дан Марк хотел вас видеть.

Адриенна только вздохнула.

Если отец... тут не поспоришь и не поругаешься. Он и так многое позволяет дочери, но на беседу лучше явиться как положено благородной дане.

Что уж там... у других и сотой степени свободы Адриенны нет. И не снилось им такое.

Чтобы в мужской одежде ходить. Чтобы на коне по полям проскакать. Чтобы на траве в лесу поваляться... чтобы и ветер в лицо, и воля в душе... и грамоте их не учат, разве что некоторых, и счету,

жена вообще должна уметь любить мужа, молиться, вести хозяйство и рожать детей. В любой последовательности.

Думать?

Думать за нее будут отец, муж и сын. Вот именно так.

На словах.

На деле получается по-разному, вот как у Адриенны. Жениться ее отцу эданна Рианна запретила, а как вообще девочек воспитывают? Кто-то знает?

Ну да... они в доме постоянно.

Вот на мессу ходят...

А как удержишь живого и любознательного ребенка? Который везде лезет, который смотрит своими синими глазищами... красота – невероятная. Розалия каждый раз вспоминала умершую эданну и глаза уголком передника вытирала.

Та тоже хороша была, а уж Адриенна, ее малышка Риен, – всем на загляденье.

Волосы черные, гладкие, блестящие, глазищи огромные, синие, личико точеное... жаль, загорелое, что у той крестьянки, но тут уж дан всему виной! А кто с собой ребенка везде таскал? Ну хорошенькая, как куколка! И просится!

Строже надо было быть! Строже!

А так дана из отца веревки вила и косички из них плела. И по арендаторам с отцом, и по делам с отцом, а чтобы не придирались, отец ее в мальчишескую одежду и переодевал. Кто знает, тот относится снисходительно: единственное чадо, память об умершей жене, а кто не знает... мальчик и мальчик, что такого?

И читать Адриенна захотела научиться, и считать, и дан разрешил. Падре Санто лично учил малышку. Еще и радовался, какая умная да смышленная.

И считает она легко и быстро, и восемь языков освоила, и на всех пишет, читает, стихи складывает, и к хозяйству способная, счета проверяет почти мгновенно, хотя сам дан с ними часами сидит...

Вырастили!

Кто ж ее такую замуж-то возьмет?

Мужчины не любят, когда женщина умная. Ой не любят...

Вот и переживала верная кормилица, помогая девочке обтереться губкой над тазиком, а потом надевая на свою красавицу тонкую

нижнюю рубашку, более плотную верхнюю, потом корсаж, платье, пояс, подвязывая рукава и помогая подвязать панталоны к поясу. Да и чулки забывать не стоит.

Хоть и тепло, но легонькие, нитяные, все равно быть должны. И туфли с лентами...

– Садитесь, дана, волосы вам расчешу и уложу.

Адриенна повиновалась.

Волосы так волосы. Надо...

Кормилица ловко расчесала смоляные пряди, уложила их в тяжелый узел на затылке, потом закрепила на нем кокетливый чепец, который больше напоминал крохотную шапочку и ничего не скрывал. Подчеркивал – и только.

И во всем этом облачении дана Адриенна отправилась в кабинет к своему отцу.

Без трепета. Что она, не бывала там? Бывала, и не раз...

Все знакомо, все родное. От здоровущей медвежьей шкуры на полу, на которой любила играть, а то и засыпать малышка Риен, до оружия на стенах.

И отец сидит за огромным столом и улыбается. Ласково.

– Что, егоза? Спряталась от Розы?

Адриенна тут же превратилась из сдержанной и исполненной достоинства даны в шаловливую девчонку.

– Папа! А чего она...

Отец улыбнулся, но пальцем девочке погрозил. Чего-чего... работа у нее такая – пытаться хоть как-то сделать дану из этой норовистой кобылки. Вот и о кобылках...

– Риен, я решил прикупить нам еще пару кобыл на племя. Хочешь съездить со мной на ярмарку?

– ДА!!! Да, папочка, прошу тебя!!!

– Тогда собери вещи. Мы едем через два дня. И чтобы до отъезда я не слышал на тебя ни одной жалобы, поняла?

А вид невинный... как есть – лучик солнечный.

– Папочка, я ничего...

– Ничего? А кто в поварню ужика подбросил? Да еще и пятна ему покрасил?

– А чего они сами... чуть меня помоями не облили.

– А ты не знаешь, что юной дане не пристало таскать булочки прямо из кухни?

– Знаю, – потупилась Адриенна, тем более что таскала она их вовсе даже не себе, а Марко и Тоньо. Вот мальчишки сладкие булочки с орехами любили, а ей бы мяса. Или рыбки... соленькой...

– Чтобы больше такого не было. Не то дома останешься.

– Обещаю! – подскочила дочь. – Папочка, ты самый лучший!

Поцеловала в щеку и умчалась.

Дан Марк только головой покачал.

Вот ведь... егоза.

Но взять ее с собой обязательно возьмет. В животных, в людях малышка разбирается идеально. Никогда плохую скотину купить не даст, больного работника почувствует...

Наследственность.

У Рианны тоже такое было, она рассказывала. Род СибЛевран. Этим все сказано.

Род СибЛевран.

Побочная ветвь воронова крыла. И птица на гербе. Черная, тревожная... ворон. Ле Вран.

Мия

– ПАПА!!!

Крик вырвался сам. Когда осела на пол мама, когда заплакал младший брат...

Когда мимо пронесли носилки и Мия увидела цепочку капелек крови на каменных серых плитах.

Папа...

Как же... за что же... он же просто поехал на охоту! Что в этом такого страшного? Папа всегда ездил, и возвращался, и охотился он сейчас на уток... обычно он привозил разноцветные тушки, и их потом ощищивали на кухне, а пух все равно летал по всему дому...

И мама смеялась.

А сейчас она лежала на полу. И Герин, охотничья собака отца, обнюхивал ей лицо. А потом сел рядом и завыл. Печально так... горестно.

Дальше девочка и сама себя не осознавала. Все было как в тумане. Герин получил пинок, и Мия за ошейник вытащила его из дома. Нечего тут!

Они хоть и бедные, а все ж не ньюры! Ее отец – дан! Просто денег у него нет, и все наследство – медяки медные да клочок земли... охота была не только развлечением, но и способом выжить.

Младший брат отца, дан Джакомо, давно плюнул на благородство рода, семнадцати лет от роду ушел из дома, умудрился удачно жениться – то есть обменял титул на деньги, взял в супруги дочку купца и усердно помогал ее отцу в торговле.

Дан Пьетро до такого не опускался.

Кое-как сводил концы с концами, получал скудную ренту от арендаторов, то одалживал денег у брата, когда выдавался неудачный год, то отдавал...

Мия знала, что о поездке ко двору и мечтать не приходится. Что удачный брак... вряд ли это возможно в ее положении. Основа удачного брака – приданое. Кроме клочка земли и полуразваленного дома, даже не замка, у отца ничего не было.

Деньги? Какие деньги?

Мия понимала, что ее судьба – или брак по расчету, или монашество. Но это было ДО беды, случившейся с отцом. А вот что будет сейчас?

Мама так и лежала на полу, и Мия решилась. Брат растерян, да он и на три года младше ее. Ему всего девять лет. Какие уж тут команды?

Слуги мечутся, младшие рыдают... Кто-то должен взять все это в руки? Кто-то должен... и выбора нет...

Маму свою Мия любила совершенно искренне. Но и оценивала достаточно трезво.

Слабая и хрупкая, эданна Фьора полностью соответствовала своему имени. Цветочек. Нежный и хрупкий. Изящная и грациозная, томная и воздушная... каким образом она родила четверых детей?

Не понять.

Но родила же... и воспитывала, и хозяйство вела, хотя и из рук вон плохо...

Воздушность – конечно, хорошо, но для хозяйства лучше на земле стоять двумя ногами. Иначе это плохо закончится.

Такими словами Мия не думала. Но понимала, что на мать сейчас рассчитывать нельзя. А потому сделала первое, что ей пришло в голову.

Два шага вперед.

А потом размахнулась – и отвесила первой же подвернувшейся под руку служанке звонкую затрещину.

– А ну молчать, дура!

Служанка замолчала просто от шока.

Ладно бы эданна... но чтобы ребенок? Ее? Вот ТАК?! Растерянность ньоры была видна невооруженным взглядом, но выть она перестала. А Мии того и требовалось.

– Ньор Симон! Немедленно займите людей делом! Конь отца наверняка не вычищен и не расседлан! Пошлите конюха за лекарем! И немедленно! Уберите беспорядок! Кровь надо смыть, полы посыпать свежим тростником! Мою мать – в спальню, и приставить к ней служанку! Малышню – к няньке! Выполняйте!

Ньор Симон, старший над слугами в доме, с уважением взглянул на девочку. Мия выглядела такой очаровательной куколкой в кудряшках. Совсем как мать.

Светлые волосы, карие глаза раненой лани, большие и влажные, очаровательное, почти кукольное личико... тут было на что посмотреть! Тем более эданна Фьора одевала дочь на свой вкус: в кружева, шелка, оборки и рюшечки с бантиками. И кто бы мог ждать от девочки такого проявления характера?

Отец ее, дан Пьетро, между нами говоря, тоже силой воли не отличался.

Но... приказ получен. И засуетились слуги, которых и было-то всего четверо. Симон и лакей потащили эданну вверх по лестнице, в спальню, одна служанка пошла за ними, а вторая, которую ударила Мия, принялась сгребать с пола грязный тростник.

Мия вздохнула и подошла к ней.

– Прости меня, Анна.

– Мне сердиться не пристало, – буркнула женщина. – Все хорошо, дана.

– Лгать – против Господа. Падре на исповеди за ложь епитимью наложит, – прищурилась девочка. – Пойми, я не хотела тебя бить. Но

если б крик не остановился... отцу лекарь нужен, матери на полу лежать нехорошо...

Анна подняла глаза от тростника.

– Вы, дана, лучше никому свой нрав не показывайте.

Мия даже головой помотала. А это, простите, здесь к чему сказано? Но Анна поняла и пояснила:

– Выглядите вы, что цветочек. А только из железа откованный. Такой и не сломаешь, и руки изрежешь... вы это никому не показывайте. Дурочке на свете жить всяко проще.

Мия кивнула.

– Спасибо за совет, Анна.

– Ничего, дана. Хоть бы дан Пьетро поправился...

Мия кивнула.

– Пойду к отцу. Пока не приехал лекарь... мать туда пускать нельзя, а то еще и ее в чувство приводить придется.

Спорить было сложно. Служанка опустила глаза и принялась усерднее сгребать тростник, которым был посыпан пол. И то сказать, давно пора было его обновить, вон, подгнил уже...

Ладно уж... чего на девочку сердиться.

Бывает...

* * *

Мия медленно поднималась в отцовскую спальню.

Она знала, куда понесли отца. Знала. Но...

Ей было страшно. Что бы она ни увидела... в любом случае рана отца – это серьезные проблемы. И хорошо еще, если он выздоровеет. И достаточно быстро...

А если нет?

Мия торопливо перекрестилась, отгоняя молитвой и знаменiem дурные мысли, но не ускорилаcь. Страшно же...

Вот и спальня отца.

И кровь на полу, кровь на кровати, кровь на одежде, на тряпках, которыми перетянут живот... как же ее много! Откуда в человеке столько?!

И сколько отец еще потерял по пути?!

Мия очень медленно, чтобы не потревожить, не причинить боли, принялась осматривать живот. Аккуратно разрежала заскорузлую тряпку, нитки, иголки, ножнички – все было у нее в маленьком кошельке на поясе. Не милостыня, как положено благородной дане, нет у них денег нищим подавать. Самим бы кто подал.

А вот такие, хозяйственные мелочи... когда у вас трое младших, брат и две сестры, кто-то да поранится. А то и одежду порвет...

И зашить требуется, и перевязать Мия могла... и крови не боялась.

– Кхм... дана...

Мия подняла глаза.

Томас, егерь, стоял неподалеку, просто тень от полога так падала, что Мия его не заметила.

– Ньор Томас?

– Дана Мия, там плохо все очень.

Мужчина все понял правильно. И приход девочки, и ее действия...

– Я послала за лекарем.

– Не знаю, сможет ли он помочь. Но лучше повязку не трогайте. Проклятый кабан... мы на уток охотились, а эта тварь через камыши мчалась, как будто сам дьявол погонял, мы и опомниться не успели. Он дана рванул – и дальше помчался. Мы подбегаем, а там живот распорот, внутренности на землю вывалились... ну мы уж кое-как... простите, дана.

Мия побелела.

Ранение в живот? Да такое?

Приговор.

Она, конечно, дождется лекаря. Она будет бороться до конца. Но...

– Надо написать дяде Джакомо. Все очень серьезно.

Томас кивнул.

А девочка-то умница. И не кричит, не орет, не бьется в истерике... другая б на ее месте... Впрочем, вот вам эданна Фьора. Тихо лежит в глубоком обмороке. А малышка решает, что надо сделать.

– Напишите, дана. Вы сумеете? А я сейчас и отвезу письмо-то... до Эвроны путь неблизкий. Пока доеду, пока дана Джакомо найду...

Мия закрыла глаза.

На секунду, только на секунду. А потом выпрямилась.

– Ньор Томас, прошу вас пока побыть с моим отцом. Я скоро вернусь.

И вышла. Писать письмо...

* * *

Так ли это легко – написать письмо?

Ну... если вы хорошо умеете писать – то да. Мия этим похвастаться не могла, как и остальные отпрыски рода Феретти.

Падре Уго их учил, конечно, и Мия могла что-то прочесть, и написать могла, хоть и с горем пополам, но...

Написать. А бумага в кабинете отца. Там же чернила и печать.

В кабинет отца запрещено заходить всем. Даже эданне Фьоре. Если отец узнает, он Мию просто выпорет. На конюшне. Хлыстом.

Один раз ей досталось за то, что она подглядывала за конюхом и служанкой... но это сейчас не важно. Ладно! Если отец выживет – пусть порет! Мия потерпит!

И девочка решительно вошла в кабинет.

Там было темно и прохладно, тяжелые бархатные шторы, бывшие некогда темно-зелеными, а сейчас скорее грязно-бурыми, практически не пропускали света.

Мия решительно раздернула их в стороны.

– Так...

В ящиках стола последовательно нашлись: бутылки, кинжал, пистоль (правда, сломанный), порох и пули, карты и дамские чулки сиреневого цвета, книжка с картинками, при виде которых Мия сначала покраснела, а потом подумала и сунула книжку себе за пазуху.

Вряд ли отец хватится пропажи в ближайшее время. Она успеет ее просмотреть... ну и прочесть, если получится. Читала Мия откровенно плохо и медленно.

А вот и бумага. И чернильница... здесь на донышке. Песочница, восковая палочка, печать рода Феретти...

Мия не стала садиться. Ей было бы неудобно, в кресле отца она могла два раза утонуть.

Она подвинула скамеечку для ног поближе к столу, встала на нее и положила перед собой лист бумаги. Медленно, вспоминая уроки доброго падре, вывела несколько слов. Перо нещадно царапало бумагу, а в одном месте даже прорвало ее, но не сильно, самым кончиком. Присыпала песком, подождала, пока высохнут чернила. Свернула бумагу так, чтобы получился конверт, растопила восковую палочку и накапала воска.

Приложила печать.

Вот так.

Теперь подождать, пока застынет воск... это быстро.

И к Томасу. Пусть мчится стрелой.

Папочка... только выживи! Можешь меня хоть три раза выпороть, только выживи...

* * *

Лекарь прибыл спустя три часа. Ньора Фаусто Мия знала давно. Он лечил папу от разлития желчи, маму – от меланхолии, младших – когда те заболели. Сама Мия к его услугам не прибегала ни разу – не болела. Вообще. Но ньора Фаусто знала. Ей нравился невысокий седой мужчина с умными серыми глазами и доброй улыбкой. А в кармане у него всегда были лакричные леденцы для маленьких ребят. Она верила – лекарь справится. Но ньор Фаусто поднялся к пациенту, осмотрел его – и вышел.

И наткнулся на Мию.

– Дана?

– Разговаривайте со мной, ньор, – тихо сказала Мия. Девочка сильно повзрослела за эти страшные несколько часов. – Матери плохо...

– Я могу чем-то помочь эданне?

Ньор интересовался скорее профессионально, чем действительно желая помочь. И был удивлен резким кивком Мии.

– Ньор, у матери просто нервы. У нас мало денег... мы не сможем оплатить вашу помощь. Сколько мы должны вам за вызов к отцу... и что вы скажете?

Ньор Фаусто оценил.

И заговорил с девочкой уважительно и ровно, как со взрослой. Глядя ей в глаза и не принижая юную дану недоверием или предложением позвать кого-то взрослого.

– Дана Феретти, ваш отец опасно ранен. Если сейчас на кухне сделают чесночный отвар, я проверю кое-что...

– Я распоряжусь, и сделают. Что именно вы хотите проверять и какой отвар нужен, ньор Фаусто?

Лекарь вздохнул.

Да, разговаривать о таких вещах с юной даной, тем более такой очаровательной и милой, сложно. А если больше не с кем?

– Дана Феретти, ранения в живот бывают разными. Но я сейчас условно поделю их на две группы. В первом случае повреждаются кишки и шансов выжить у больного нет. Идет излияние содержимого кишок в брюшную полость... полагаю, вы знаете, чем это чревато.

Мия кивнула.

Она отлично знала, как из милой свинки делают вкусную колбаску. И как кишки промывают – тоже. И как их набивают, и все остальное...

Даже видела.

Мама была бы в шоке, но девочка обожала подглядывать и подслушивать. И не находила в этом ничего дурного. Правда, больше она за тем, как режут свинью, не подглядывала. Даже на спор.

Неприятное зрелище.

И запах... фу-у-у-у-у!

– Понимаю. А второй вариант?

– Если у вашего отца не повреждены кишки, я еще раз промою рану. И мы будем молиться, больше ничего не остается.

Знамение Мия сотворила. Но – не удержалась:

– А кроме молитвы что-то может помочь?

Лекарь поглядел на девочку грустными серыми глазами.

– Дана Феретти, вам будет легче, если я выпишу вашему отцу сорок шарлатанских снадобий, возьму с вас деньги, а потом объявлю, что на все воля Божия?

Мия качнула головой. Вряд ли... только и того, что даже денег не будет.

– Я благодарна вам за честность, ньор Фаусто.

– Тогда пойдёмте. Я скажу, как сделать чесночный отвар, а когда его сварят, мы попробуем напоить вашего отца.

– А потом?

– Спустя некоторое время надо будет открыть рану и принохиваться. Если из живота у него запахнет чесноком... этот запах очень сильный и отчетливый, дана. И отвар не наносит вреда здоровью...

Мия поняла. И прикусила губу до крови.

– Вы хотите сказать, что если запахнет...

– Да, дана Феретти. Вашему отцу сможет помочь только Бог.

Мию это не утешило. Но...

– А сейчас? Отцу больно...

– Я перебинтовал его и дал маковый отвар. Он спит и не ощутит боли еще несколько часов.

– Благодарю вас, ньор. Сколько я должна?

Ньор только вздохнул.

Сколько она должна? Да знает он о состоянии семьи Феретти, вся округа о нем знает. Но и сказать, что денег не надо, пожалуйть малышку, означает жестоко ее оскорбить. Она не простит.

А потому...

– Десять сольди, дана Феретти. Я не так много сделал, а за вызов я больше не беру^[3].

Мия поняла все. И то, что осталось несказанным. И как пощадили ее гордость.

– Да благословит вас Бог, ньор Фаусто.

Ньор молча поклонился.

Божья помощь им понадобится. И этой девочке прежде всего. Увы...

* * *

Чесночный отвар сделали.

И Мия лично сидела рядом с отцом, вливала ему между губ по ложечке, уговаривала выпить... отец глотал в беспамятстве.

Где-то неподалеку билась в истерике мать на руках верных служанок.

Уснули дети под сказку кормилицы.

Мия сидела и пила отца. А потом сидела вместе с ньором Фаусто. И лекарь тихонько рассказывал дане случаи из своей практики, понимая, что девочка стала взрослой сегодня.

А еще, что она останется одна. А ей нельзя, вот именно сейчас никак нельзя...

Пусть он чужой человек для даны. Но здесь и сейчас – он человек, он рядом, он дает ей необходимое тепло... что еще надо?

Да ничего!

Только молитва...

Увы. Бог, если и слышит человеческие молитвы, то ответ не всегда дает благоприятный.

Спустя два часа Мие не понадобилось и объяснений.

От повязок на животе отца резко и остро пахло чесноком, перебивая даже запах крови и дерьма.

Надежды не было...

* * *

Куда не хотела идти Мия...

К матери.

Вот ведь и так бывает... Мия любила мать. До слез, до острой подсердечной жалости... вот как сейчас быть?

Войти и сказать, что, мама, все! Папе осталось несколько часов! Хочешь ты побыть с ним? Или нет? Решай...

Как тут повернуться языку?

И все же, все же...

– Хотите, я скажу это вашей матери? – тихо спросил ньор Фаусто.

Мия сжала кулачки. До боли, до крови в лунках ногтей... ах, как же это просто! Переложить ответственность на чужие плечи!

Не увидеть в материнских глазах боль и отчаяние.

И врать, врать себе до самой смерти... так легко, так просто, так приятно...

Мия качнула головой.

– Ньор Фаусто, я благодарю вас. Но... я должна.

И в глазах мужчины явственно блеснуло уважение. Он медленно взял руку девочки, поднес к губам, поцеловал.

– Дана Мия Феретти, что бы ни было в вашей жизни, вы можете рассчитывать на мою помощь и поддержку. Вы необыкновенная девушка.

Мия хлюпнула носом. Не сдержалась. Да, еще даже не девушка, двенадцать лет всего, но кого это волнует? Сегодня она на сорок лет повзрослела. Или на пятьдесят? И стала старше своей милой мамочки. Самой старшей в семье...

– С-спасибо, ньор Фаусто.

– Держитесь. Вам нельзя сейчас раскисать, иначе не справитесь. – Ньор Фаусто поднял руку ладонью к ней. – И вот... возьмите. Подышите.

Маленький флакончик переключался из рук в руки. Мия послушно поднесла его к носу – и едва не задохнулась от острого ядовитого запаха.

– Ох!

– Это нюхательные соли. Не разбавленные, как для благородных эдаанн, а чистые. Концентрированные. Вам пригодятся.

Мия сделала еще один вдох.

Слезы не хлынули. Нос даже задышал ровнее...

– Гадость какая...

У мамы был флакончик нюхательных солей. Вот там содержалось нечто подобное, только слабее, намного. И розой еще пахло... мама его использовала, когда у нее болела голова.

– Сколько я должна, ньор Фаусто?

– Еще десять сольди. Итого один дарий, дана Мия.

Мия качнула головой.

Она знала, что мамин флакончик стоил не меньше трех лоринов.

– Это стоит дороже, ньор Фаусто.

– Стоит. В красивых флаконах, с добавками из масел и прочей дряни... понимаете, дана? Я у вас прошу чистую цену вещества.

– Вы уверены? – сдалась девочка.

Отказываться не хватило сил. А это... что бы это ни было, но ей пригодится. И голова проясняется, и держаться легче.

– Вполне.

Мия достала из кармана одну из серебряных монет, которые нашла в столе у отца, вручила ньору Фаусто.

– Я благодарю вас, ньор.

– Дана Мия, полагаю, будет нелишним, если я останусь с вами... какое-то время.

Мия посмотрела на лекаря очень внимательно.

– Ньор Фаусто...

– Распорядитесь меня кормить вместе со всеми и отведите комнату, дана. Услуги лекаря не будут сейчас для вас лишними, а я могу себе позволить потратить пару дней. Считайте это моей молитвой.

– Молитвой? – искренне удивилась Мия.

– Конечно. Богу угодна помощь ближнему, вот и весь сказ.

– Не благотворительность? – прищурилась Мия.

– Вы в ней не нуждаетесь, дана. И в жалости тоже, – коротко ответил лекарь. – А вот в помощи и поддержке – безусловно. Как когда-то нуждался и я. Мне помогли, сейчас я отдаю свои долги. Не благодетельствую, понимаете? Просто возвращаю то, что никогда не смогу отдать близкому мне человеку.

– Он...

– Человек, который помог мне, уже умер. Он бы тоже остался здесь в такой ситуации. Уверяю вас.

Мия кивнула. Коснулась руки ньора Фаусто.

Руки постороннего мужчины! Благородная дана! Наедине!

Мама упала бы в обморок от ужаса. А Мия ничего, стойт... может, и не так ужасно нарушать приличия?

* * *

Вот и мамины покои. Мия решительно толкнула дверь и вошла.

– Дана! – зашипела на нее служанка.

Мария...

Личная мамина служанка. Раньше Мия ее боялась... почему? Подумаешь, толстая и строгая? Это не страшно. Страшно, когда умирает отец, а ты не можешь ничего сделать.

Мия посмотрела прямо в глаза толстухе.

– Где. Моя. Мать?

Ньора Мария не выдержала первой.

– Утомилась. Лежит в спальне, отдыхает...

– Вон отсюда, – резко распорядилась Мия. И шагнула по направлению к спальне.

Мария с неожиданным проворством загородила ей дорогу.

– Это вы что ж, дана, будете матушку тревожить?! Так нельзя! Неправильно это! Вы понимаете, у нее душа нежная, ранимая...

Может, не скажи Мария последнего слова...

Ранимая, ага.

А неподалеку погибает от раны в живот ее отец. И это НЕ мать сидела с ним рядом и обнюхивала рану.

– Еще одно слово – и ты уволена, – отчеканила Мия.

Мария аж задохнулась.

– К-как!?

– Молча. И без жалованья. – Девочка резала словами, будто ножом, хлестала наотмашь. – Ты слишком много воли взяла – указывать мне, куда ходить и что говорить. Вон!

Мария хотела что-то сказать. А потом вспомнила, что дан Пьетро ранен, что эданна Фьора плохо себя чувствует, да и прикусила язык. Поняла, что заступаться за нее некому. Прикажет девчонка, так и вытолкают Марию за ворота.

Может, потом что-то и вернется. Когда выздоровеет дан, когда придет в себя эданна, а может, и нет? Слуги послушаются.

И вышла вон.

Мия перевела дух.

Победа. Первая победа... не над собой, над другими. Оказывается, ее тоже слушаются? Она еще попробует, потренируется... но потом. А сейчас...

– Кто там, Мария? – раздался из спальни слабый голос матери.

Мия решительно шагнула вперед.

* * *

Спальня эданной Фьоры была выдержана в белых и розовых тонах. Стены цвета слоновой кости, розовые шторы и занавеси, розовая

мебель... и посреди этого сама эданна. Действительно как хрупкий цветок. Белокурые волосы рассыпаны по плечам, подушки высоко взбиты, рядом, на тумбочке у кровати, чашка с отваром.

– Мия? Я приказала меня не беспокоить! У меня болит голова... Пьетро поступил просто ужасно...

– Мама. Отец умирает, – жестко отчеканила Мия. И откуда только силы взялись?

Эданна Фьора, не говоря ни слова, потеряла сознание.

Ненадолго, ага. Ровно пять секунд понадобилось Мии, чтобы подойти к кровати и сунуть под нос матери тот самый флакончик. Простой, из грязного серого стекла, с пузырьками воздуха внутри... с очень хорошим, как оказалось, снадобьем.

– Ах-х-х!

Мия тоже вдохнула украдкой, пока мать приходила в себя и пыталась вытереть льющиеся слезы.

– Мия! Что это за гадость?! Выкинь немедленно!

– Мама, ты не слышала? Мой. Отец. Умирает.

Второй раз эданна падать в обморок не стала. Вместо этого она поднесла к вискам белые руки, обильно украшенные кольцами.

– Ужасно... просто ужасно! Что же теперь с нами будет?! Боже, я – вдова? За что?! Ах, за что мне такие горести?!

– Ты не хочешь пойти и проститься с отцом? Посидеть с ним рядом, пока он жив? За руку поддержать? – В голосе Мии скрежетал металл.

– Но... я не смогу! – даже слегка удивилась эданна Фьора. – Я просто не смогу, я упаду в обморок...

– Ничего. У меня есть средство от обморока.

– Я... это ужасно! Просто ужасно!

– Мама, ты пойдешь к отцу?

– Я... я не знаю... там все очень плохо?

– Там рана на животе. Плохо пахнет. Есть кровь, – не стала врать Мия.

– Я... это так сложно и плохо...

Мия просто не выдержала. Сложно?! Плохо?! Да что ж ты...

– Мама. Ты идешь? Или нет?

– Как же ты похожа на свою прабабку...

– Мама?!

Фьора Феретти качнула головой.

– Нет, Мия. Я не смогу. Я пойду к детям и побуду с ними. А ты... ты сможешь побыть с отцом?

Мия опустила голову. Потом подняла глаза на мать. Да, мама...

Любящая и любимая. Добрая и ласковая. Слабая и зависимая.

Сегодня Мия стала старше матери. Потому что стала сильнее. Потому что приняла на свои плечи то, что не смогла принять мать. Потому что взяла на себя ответственность за семью.

– Хорошо, мама. Побудь, пожалуйста, с младшими. Я не смогу их успокоить.

– Обещаю, – сказала Фьора. – А Мария где?

– Я ее выставила. Она пыталась не пустить меня к тебе. Мама, сходи сейчас к детям.

– Хорошо, Мия. Они не спят?

Мия скрипнула зубами.

– Не спят, мама. Им плохо и страшно. Скажи им, что ты рядом, что ты их любишь, что все будет хорошо... пусть у них будет хотя бы эта ночь.

И Фьора медленно склонила голову.

Она признала главенство дочери.

* * *

Отца не стало к обеду.

Ночь он проспал под действием макового отвара. А с утра все же пришел в себя.

Хорошо еще, ньюр Фаусто был рядом. И приказал привязать несчастного к кровати, чтобы тот не навредил себе еще больше, и лекарство какое-то дал, после которого взгляд отца потерял сосредоточенность, но и боль утихла. Самая страшная, невыносимая... от распоротого живота воняло вовсе уж страшно.

– Дан Феретти, вы умираете. Я бы советовал вам позвать падре.

Мия обошла лекаря и встала так, чтобы отец видел ее.

– Папенька...

– Мия? Где Фьора?

И как сказать отцу, что мать даже не может зайти к нему. Ее уже перед дверью начало тошнить, и на этот раз непритворно.

Сейчас Фьора сидела с младшими детьми и читала им сказку. Хоть так...

Мия справилась и с этим.

– Папенька, маму не получается привести в чувство. Она так переживает, что ничего не может ей помочь.

– Моя Фьора...

– Папенька, падре Уго Бонито ждет внизу. Я позову его?

– Исповедаться и причаститься?

– Да, папенька.

– Зови, Мия. И приходи, когда он уйдет. И сына приведи.

О младших ни слова. Только о Лоренцо, Энцо. Что ж, хотя бы так.

Мия чуть поклонилась и вышла из комнаты. Ньор Фаусто проводил девочку грустным взглядом.

Она так и не спала. Всю ночь. Дремала рядом с отцом, сжимая его руку, чутко отзывалась на малейшее его шевеление, поила, вытирала пот со лба...

Феретти были недостойны своей дочери. И убедить ньора Фаусто в обратном не смог бы и Господь Бог.

* * *

– Мама, ты точно не пойдешь к отцу?

Фьора качнула головой.

– Не могу, Мия. Не могу... я хочу его запомнить живым и здоровым. Не так, как сейчас.

Мия еще раз кивнула. Хорошо, мама. Твой выбор – твое право. А у меня выбора нет.

– Отец хотел видеть Энцо.

– Зачем?!

– Мама? – Мия удивленно поглядела на мать. Зачем умирающий хочет видеть сына? Да, действительно...

– А дочерей?

Мия опустила глаза.

– Может быть, потом? Когда он даст все наставления Энцо? Братик, приведи себя в порядок, пожалуйста.

Энцо послушно отправился приглаживать волосы и поправлять воротник. Фьора подалась вперед, коснулась руки Мии.

– Ты умница, дочка. И ты так похожа на свою прабабку...

– Ты уже второй раз об этом говоришь. Но никогда мне о ней не рассказывала. – Разум Мии цеплялся за отвлеченные вещи, лишь бы не думать о том, что предстоит сейчас.

Она будет с отцом до конца.

Она не позволит взвалить эту ношу на младших.

Она справится, она сильная.

Но боже милосердный, как же больно!

– Не рассказывала, потому что на то есть причины, – помрачнела внезапно Фьора. – Обещаю, я все тебе расскажу – потом.

Мия наклонила голову.

– Хорошо, мама.

Вернулся Лоренцо. Улыбнулся сестре.

– Мия?

– Идем, братик.

Мия крепко взяла его за руку и вывела из комнаты.

– Энцо, отец сильно изменился. Я тебя прошу не шарахаться, не кричать, не плакать. Просто держи меня за руку. Я буду рядом с тобой, что бы ни случилось. Обещаю.

Брат поднял на Мию серьезные карие глаза. Они с мальчиком вообще были очень похожи и друг на друга, и на эданну Фьору. Погодки, светловолосые, высокие, тонкокостные, неожиданно сильные при своем хрупком сложении, с тонкими чертами лица.

Красивые.

– Мия. Слуги говорили... Отец умирает?

– Да.

– Это мать должна держать меня за руку.

– Она не сможет, Энцо. Просто не сможет. Пойми ее, пожалуйста.

Энцо кивнул. Но понял или нет?

Промолчал. Впрочем, объяснять и разговаривать времени уже не было. Дети стояли перед дверью отцовских покоев, и оттуда выходил падре Бонито, привычно благословивший обоих маленьких Феретти.

Мия чуть склонила голову, равно как и Лоренцо.

– Дан Феретти ждет вас, дети, – кивнул падре. И спустился вниз. Там его ждало угощение, Мия распорядилась перед тем, как идти за братом. И деньги – у Томаса.

Ей будет не до того, это уж точно. Надо и за всем остальным следить. Гроб, поминальная трапеза, одежда, вино... сколько же всего сваливается на ее плечи...

Ничего. Она выдержит. А сколько раз ей придется повторить эти слова? Снова и снова, и вслух, и про себя... Не важно. Совершенно не важно. Главное – то, что она справится.

* * *

В покоях отца было тихо и сумрачно. Энцо пригляделся. Нет, ничем вот это... на кровати... не походило на его отца. На веселого, красивого, сильного мужчину, который легко подхватывал его на руки и подбрасывал в воздух. А потом и маму подбрасывал... и та смеялась.

И Энцо тоже.

А сейчас в кровати лежало нечто желтое, словно высушенное, с резкими чертами, незнакомое... ошибка?! Это ведь не папа? Это просто перепутали! Правда?!

Он хотел уже спросить у Мии, как та могла, дернул сестру за руку, но тут мужчина на кровати кашлянул.

– Энцо? Подойди ко мне, сын.

А голос отцовский. Значит... это правда?

Энцо почувствовал, как по щекам сами собой побежали две слезинки... еще минута, и они превратятся в водопад...

Мия заметила вовремя. Дернула его за руку так, что Энцо даже охнул от боли.

– Не смей! Выпорю!

Подействовало. Боль отрезвила, Энцо пришел в себя. Действительно, нашел время расклеиваться, тряпка! Мие сложнее, а она держится.

– Папа, здравствуй.

– Подойди ближе, Энцо. Я хочу с тобой поговорить...

Энцо повиновался. Рядом с отцом было вовсе уж невыносимо. И пахло так... если бы не рука сестры, мальчик точно упал бы. Не помог

бы даже ароматный дым из жаровни.

– Выйди, Мия.

Девочка сдвинула брови.

– Нет, отец.

– Ты смеешь...

– Смею, – отрезала Мия. – Брата я не оставлю. Ему плохо.

Отец только вздохнул. Раньше... да, раньше Мия получила бы трепку. Но здесь и сейчас она была права, и отец это понимал.

Дальше?

Дальше отец просил Энцо заботиться о матери и сестрах, постараться выдать маленьких замуж, молиться за его, Пьетро, душу...

Энцо обещал.

Когда отец попросил пожертвовать деньги на храм... Мия опять вмешалась. Резко и жестко:

– Когда у нас будут деньги, отец, Энцо пожертвует их. Сейчас у нас денег просто нет. Ни на что.

И снова, снова отец не стал ее ругать.

Наконец Пьетро отпустил сына, и Мия лично вывела его за дверь. Провела по коридору, подошла к окну, помогла мальчику влезть на подоконник. Обычно их за это ругали, но сегодня все было иначе.

– Как ты?

Свежий воздух помог Энцо чуточку прояснить мысли.

– Плохо. Мия... папа скоро умрет?

– Ньор Фаусто сказал – два, может, три часа, – честно ответила Мия.

– Ты пойдешь к нему?

– Да.

– До... до конца?

– Да.

– Я...

– Ты со мной не пойдешь, – отрезала Мия. – И думать не смей, хватит с тебя!

– Я мужчина!

Мия обняла брата, погладила светлые кудри.

– Да, Энцо. Ты мужчина. Настоящий. Но сейчас не надо брать на себя и эту ношу. Забудь то, что видел. Забудь. Я не хочу, чтобы ты носил это в себе, чтобы помнил, я хочу, чтобы отец навсегда остался в

твоей памяти как легкий и светлый человек. Не это вот... Ньор Фаусто сказал, что может быть плохо. И метаться отец будет, и кричать... не думай ни о чем. Не думай.

Энцо доверчиво прижался к сестре.

А ведь и подзатыльники он от нее получал за испорченных кукол и разрезанную ленту. И дрались они, когда Энцо сестре в волосы песка насыпал. И ругались.

А сейчас вот прижался к Мии, затих доверчиво...

– Это мама должна с ним быть. Не ты.

– Знаю.

– Никогда ее не прощу.

Мия еще раз вздохнула.

– Каждому дается крест по силе, Энцо. Каждому – свой.

– А ты выдержишь? – Энцо пытливо заглянул в глаза Мии. Сестра была права. Он бы тоже выдержал, но чего это будет ему стоить?

– Выдержу. У меня нет выбора.

– Я...

– Иди, Энцо. Не прибавляй на мой крест еще камней, – тихо попросила Мия.

Мальчик посмотрел в ее глаза и спрыгнул с подоконника.

– Я люблю тебя, сестренка.

– И я тебя, братик.

Мия проводила брата тоскливым взглядом – и вернулась в спальню отца. К умирающему и ньору Фаусто.

* * *

Похороны состоялись на следующее утро.

Скромные и тихие.

Эданна Фьора упала в обморок на гроб с телом мужа.

Дан Лоренцо Феретти был бледен и сдержан. Дана Мия... Дана Мия просто держалась. У нее не было выбора. Сейчас похороны закончатся, все отправятся в дом, выпить вина и закусить, а потом, вечером...

Только вечером она останется одна – и позволит себе то, что давно хотела сделать.

Позволит себе выть, кричать, кататься по полу от боли, рвать волосы...

Только вечером. А сейчас надо быть сильной.

И забегаю вперед – так и случилось. И выла, и рыдала, и каталась... но если никто не видел, значит, этого и не было.

Спала в своей комнате эданна Фьора, одурманенная сонным отваром.

Спали малышки, которые не думали о смерти отца, для них это не было пережитым, для них это осталось рассказанным, а значит, и не таким страшным.

А Мия...

Ничего не было. Только глаза с утра красные. Но это бывает от разных причин. Может, она не выпалась?

Бывает...

Глава 2

Адриенна

Ярмарки Адриенне нравились. Шум, гам, веселая суматоха... правда, иногда было немножко жаль. Вот крестьянские девушки спокойно ходят по ярмарке, прицениваются то к тому, то к сему, а она вынуждена переодеваться в мужскую одежду.

А хотелось бы!

И платье надеть, и потанцевать в веселом хороводе, и на карусели прокатиться...

Нельзя. Отец полностью прав, это занятие для ньоры, не для даны. И если кто-то узнает, она в жизни себе жениха не найдет. Хотя она и так до сих пор не сговорена.

Странно даже...

Вот по соседям все даны уже помолвлены, кое-кто в ее возрасте и замуж вышел, а Адриенна – одна. Отец всем отказывает. И соседям, и знакомым...

Но в монастырь он ведь ее не отдаст? Правда?

Риен решила, что этот вопрос надо еще уточнить. И занялась тем, что умела и знала.

Надо было выбрать кобыл. Четыре штуки, на племя...

Конечно, так-то по ярмарке ходил отец. Крепко держал дочку за руку, не отпускал от себя, приглядывал как мог. А Адриенна приглядывалась к лошадям.

Вот ей приглянулась молоденькая, не старше двух лет, гнедая кобылка у торговца.

– Отец?

– Вон та? Давай посмотрим...

Торговец не был бы самим собой, не «перепутав» лошадей, но ту, которую подвели, Риен решительно отвергла. Еще и головой замотала:

– У нее мокрец, точно. Смотри...

– Да нет у нее мокреца! – взвыл лошажник, но Адриенна ловко подхватила лошадь за копыто.

– А это что такое?

– Ах ты жулик! Вон ту кобылку покажи! Живо!

Купец поник, понимая, что в его интересах сторговаться сейчас и быстро. А то ведь шум на всю ярмарку пойдет... сейчас он может продать своих лошадей даже с прибытком. А вот потом...

Гадкая болячка – копытная гниль^[4].

Таким же образом Адриенна проглядела еще два десятка лошадей и наконец отобрала еще трех кобыл, достаточно крепких и здоровых. И плодовитых.

Она не знала, как именно у нее это получается. Вот как-то само собой выходит.

Видит она, видит, где больное животное, где здоровое, чего от него ждать... что тут неясного? Как-то... и глаза у лошади тусклые, и дыхание нехорошее, и шерсть не та...

И не только к лошадям это относится. Нет.

С людьми была совершенно та же история. Помнится, в детстве Риен едва не нажила врагов среди соседей... ну поняла она каким-то образом, что сосед болен дурной болезнью, не подошла к нему, когда тот хотел потискать девочку... хорошо хоть, у отца потихоньку спросила.

А то кто его знает, чем бы дело кончилось.

А сейчас Риен сидела рядом с отцом в таверне, жевала мясо, болтала ногами в воздухе...

– Папа, я ненадолго? На двор?

Дверь была открыта, нужник отлично виден из окна... отец и кивнул. Ну что, что может угрожать ребенку? Здесь же два шага...

Казалось бы...

Адриенна вышла за дверь.

А в следующий момент на дана вдруг вылился вонючий поток. Разносчица споткнулась, демонстрируя свои прелести в глубоком вырезе, да и облила его пивом. Нечаянно, конечно.

Но дан Марк все равно вскочил, дернулся... и только когда через десять минут Адриенна не вернулась, понял, что случилась беда.

Вскочил, заметался...

Было непоправимо поздно.

– Вот он, дрянь такая!

Адриенна даже сознания не теряла. Ей попросту зажали рот рукой – и потащили. Не особенно далеко, за сарай и в переулок. Аккурат к двум ромам, которые ждали свою добычу.

Ну да...

Вот у этих двоих она отцу отсоветовала покупать лошадей. Явно же крашенные... краденые?

И такое тоже может быть! У ромов это легко и просто, они считают, что воровать – это часть их веры. Если ром ни разу в жизни ничего не украл, его в их рай и не пустят.

А до рая их стараются не пускать вообще никуда.

В дома, в поместья...

На ярмарки пускают, но не везде. Где-то гонят и бьют. По мнению Адриенны – справедливо. Воровать – плохо, падре Санто так говорит, а он лучше знает.

– Ишь ты, какой голубоглазый... красивый ром будет!

– А не то глазки-то повынем. – Второй ром вытащил нож и приближался к Риен. – Пойдешь с нами добром? Или...

Воспитывай отец свою дочку как благовоспитанную дану, она бы растерялась. А так...

– Зачем? Зачем я вам?

– А что не так, мальчик? В лошадях ты разбираешься, сразу видно, да и не только в них. В кочевье пригодишься... и дану твоему козью морду сделаем. Ты ж незаконный? Вот подумай, что тебя ждет, – вступил второй, тот, который был без ножа. – Всю жизнь в прислугах, на побегушках, своего – только что хозяин дозволит. А у нас свобода, вольный ветер, все дороги перед тобой, песня льется...

Если б Адриенна на это еще и повелась. Но вместо того...

– Ай-й-й-й-й!

Раненым зверем взвыл третий ром, который держал девочку. Потому что обута она была хоть и в сапоги, но далеко не дамские, мягкие и легонькие.

Она же изображала мальчика? Вот и одевалась соответственно!

Дублет, рубашка, штаны, а на ногах грубые башмаки. Одним из которых она и проехала душевно по ноге расслабившегося

похитителя. Она же почувствовала, когда у него хватка стала чуточку полегче, – и ударила.

Жестко, коварно, по стопе, ломая тонкие косточки...

И вырвалась.

Ненадолго.

Аккурат до рома с ножом, который не успел отвести его в сторону. И Риен налетела на него рукой.

Порез на предплечье получился не опасным, но впечатляющим – длинным, корявым, кровь так и хлынула. Риен испугалась по-настоящему и отшатнулась.

Кровь, боль... и, конечно, крик. Руку девочка отдернула так, что разлетелись алые капли, попали на стены, на землю, на ромов...

– Ай!

Что случилось дальше, не поняла ни сама Риен, ни ромы. Но ровно через секунду кричали уже все.

Да как!

Дану Марку и искать никого не пришлось, на истерический крик дочери он помчался бы через любую бурю. И услышал бы, и узнал...

Только вот когда он влетел в переулок, ни спасти было некого, ни помогать...

Его дочь оседала по стеночке, с ужасом глядя на трех людей, которые корчились рядом. Корчились, хрипели... кричать они уже не могли. Вообще...

Даже стонать...

Их словно что-то пожирало изнутри, расползались по коже громадные кровоточащие язвы, лица были уже неузнаваемы...

– Риен!

Дан Марк подхватил дочь и вынес из переулка.

– Цела?

– П-пап-па...

Адриенна протянула отцу раненую руку. Слезы у девочки катились градом...

– Потерпи, малышка! – Дан Марк мигом понял, что рана хоть и кровит, но для жизни не опасна. – Сейчас, секунду... что это за типы?

Он остановился у трактира, и один из слуг тут же протянул ему клок от рубахи. Им дан и перетянул руку дочери, останавливая кровь.

– Н-не знаю, – заикалась Риен. – Ром-мы...

– Ромы? Кто этих тварей только пустил сюда!

Впрочем, гневался дан Марк впустую, отлично понимая, что пустили. И пускать будут. Это на свои земли он им дорогу навсегда закроет, а на чужие – как хозяева решат.

– П-папа... кровь...

– Ничего, детка. Мы сейчас к лекарю. Это рана не опасная, ты коленки серьезнее расшибала.

– П-правда?

– Да.

– Там столько крови было... и они кричали, и язвы эти...

– Они такие с самого начала были?

Дан Марк нахмурился, вспоминая. Тогда-то понятно, он родного ребенка спасал, ему не до ромов было, а вот сейчас... кто его знает, откуда и какую заразу принесли эти твари?

А если Адриенна...

– Детка?

– Н-нет. Они сначала нормальные были, а потом с ними вот это стало...

Дан Марк нахмурился еще сильнее. Задумался.

– Адриенна, это произошло после того, как тебя ранили?

Девочка, уютно пригравшаяся и успокоившаяся на руках у отца, кивнула:

– Да.

Она уже не боялась. Папа рядом, папа пришел, попробуйте теперь ее тронуть! На руках-то у отца!

Смешно!

– Они на тебя напали, а потом...

– Нет. Я вырывалась, а у одного был нож. И я налетела рукой...

– Ага. И полилась кровь.

– Да, папа.

– Молчи об этом, Риен. Молчи...

И столько серьезности было в голосе отца, что девочка испугалась. Уже не раны, а чего-то... жутковатого, необъяснимого.

– П-папа?

– Слово даю, детка, я тебе все расскажу. Только чуть позднее.

– Х-хорошо...

– А вот и лекарь. Молчи, Риен.

Сначала Адриенна боялась, что и с лекарем, который перевязывал и бинтовал ее руку, начнется что-то подобное.

Но седой старик смывал кровь с ее руки, накладывал швы, ворчал, что руку распахали – шрам на всю жизнь останется... и ничего с ним опасного не происходило.

Адриенна успокоилась.

А потом как-то и сгладилось, и забылось...

А что дан Марк напился в лоскуты в ту же ночь... бывает.

И что он повторял что-то про ворон и их отродье...

Спьяну, наверное. Чего уж там – спьяну и не то придумаешь.

* * *

Примерно в это же время, в столице

– Отец, я не хочу.

– Я понимаю. И поверь мне, я тоже этого не хочу. Но боюсь, что другого выхода у нас нет.

– Бред какой-то... в наше просвещенное время – колдовство, проклятие...

– Ты понимаешь, что об этом надо молчать?

– Да.

– Никому. Даже твоей великой любви.

– Отец, я...

– Не забывай, она достаточно суеверна. Начнет еще тебя бояться или кому проболтается, слухи пойдут... И вообще, есть вещи, которые женскому уму просто недоступны.

Сын кивнул.

С такой трактовкой он был согласен. Действительно, женщины – существа непредсказуемые. Мало ли что им в голову придет, так надо сразу же и делать... или не делать... сложно с ними! И без них плохо, но и с ними не лучше иногда.

– Я буду молчать.

– Вот и отлично. Я бы не настаивал, но династия вымирает. И если это наш шанс...

– А если нет?

– Через пару лет ты будешь знать ответ наверняка. Да или нет. И если нет... кто тебе помешает овдоветь?

Взгляды отца и сына встретились. Недобрые, змеиные... сын первый опустил глаза.

– Хорошо, отец. Я сделаю, как ты скажешь.

– Вот и отлично. И помни – молчание и еще раз молчание.

Сын помнил.

Не хотелось, конечно, но рано или поздно отец все равно настоит на своем. Проще согласиться сейчас, но поторговаться.

Итак, что именно он хотел?

Любимая женщина как раз просила участок земли рядом с городом. Вот – пусть отец расщедрится.

Мия

Дядюшку Джакомо Мия видела последний раз, наверное, лет пять назад. И помнила плохо.

Кажется, он был высоким.

Кажется, он был толстым...

Темноволосым, как отец? Нет, уже не вспомнить. Стерлось лицо из детской памяти. Вот и не признала, когда дядя вошел в зал. Четыре дня спустя после похорон.

И то!

Где Эврона, а где Феретти? Даже если гонец мчался что есть сил, даже если дядя спешил...

Два дня туда, никак не меньше. И пока там, пока обратно... получалось так, что спешили оба. Но не успели.

Отца уже не было на этом свете, и прах покоился в родовой усыпальнице Феретти, под полом храма, и мама заперлась у себя в комнатах, оплакивая горькую жизнь, а заодно, как предполагала Мия, примеряя вдовьи наряды...

Светловолосая, белокожая... ей к лицу были синие тона, но не все. Не каждый оттенок. Серый ей решительно не шел, а черный... черный – хорош. Но дорого.

Сама Мия повязала на лоб синюю ленту в знак траура и махнула рукой на одежду.

Дорого. Слишком дорого. А потому... такие же синие ленты остальным детям, а мать пусть делает что пожелает.

Дядя оценил обстановку мгновенно. И ленты – тоже.

– Боже мой! Какое горе! Неужели мой бедный брат...

Мия медленно встала из-за пялец.

– Добрый вечер. Дан?

– Мия, ты не узнаешь меня? Я твой дядя, Джакомо!

– Простите, дядюшка, последний раз мы виделись несколько лет назад, – извинилась Мия, понимая, что, кроме нее, никому... ан нет?

Мать, которая то ли увидела из окна, то ли услышала новости от Марии, выбежала из своих комнат.

– Джакомо! О Джакомо, наконец-то!

Почти слетела по лестнице со второго этажа, кинулась на шею Джакомо – и разрыдалась в голос.

Мия скрипнула зубами и кивнула нянькам. Мол, уводите детей! Мать рыдает, еще им разреветься не хватало! Думать надо!

И сами все убирайтесь, без свидетелей обойдемся!

Спустя десять минут в просторном зале остались только Фьора, Мия, Джакомо и Энцо.

Фьора рыдала, Джакомо ее утешал, пока не заметил, какими глазами смотрят на это дети. Энцо... Тот смотрел спокойно. Даже слегка равнодушно.

А вот Мия...

Мия сама не знала, чего она больше желает.

То ли надавать матери затрещин, чтобы та перестала рыдать, то ли выкинуть их за дверь вдвоем с дядюшкой...

Именно в эту минуту девочка навсегда возненавидела социальные ритуалы.

Конечно, с ними проще. О покойном принято плакать, женщина должна быть слабой, мужчина должен ее утешать, Джакомо теперь старший в роду, и это надо признавать...

Но боже мой, какое же это лицемерие!

И как же остро это почувствовала Мия!

Энцо не кольнуло настолько остро, но и он подумал, что мать... сначала она не нашла в себе сил даже прийти к отцу, хотя тот желал ее видеть, а теперь... Теперь она рыдает на груди у его брата. В новом платье. Сером, но с черной оторочкой, которое ей очень к лицу. И

рыдает красиво, так, что нос не краснеет, только слезинки катятся по бледным щекам...

В эту секунду Энцо понял, что его жена такой не будет. Он женится только на сильной женщине. Чтобы его дети никогда вот так не стояли... мало ли что случится в жизни?

Никогда!

Пару минут Джакомо еще терпел, а потом аккуратно отодвинул от себя Фьору.

– Присядь, дорогая сестра. Вот так... да, в это кресло...

– О-о-о-о-о... это кресло Пьетро...

Джакомо скрипнул зубами, но Фьору погладил по длинным светлым локонам, которые согласно обычаю заплели в две толстые косы. Вдова...

– Не сомневаюсь, он был бы не против. Расскажи мне, дорогая сестрица, как все произошло?

Вместо ответа Фьора разразилась слезами. Мия подошла к двери и резко распахнула ее.

– Ах, ты... подслушивать?!

Мария, с подносом в руках, только ахнула.

– Что вы, дана! Я бы никогда... я вот... горячее вино с пряностями...

Мия понимала, что вино можно было бы и быстрее принести, да и под дверью стоять не обязательно, но ладно уж...

– Поставь поднос и выйди вон. Еще раз увижу под дверью – уволю.

И сама, лично, закрыла дверь за служанкой. Потом повернулась в дядюшке.

– Горячего вина, дядя Джакомо?

– Пожалуйста, Миечка, поухаживай за мной...

Мия не стала спорить.

Она налила вино в бокал, лично поднесла дяде вместе с большим блюдом... кто-то понял, что гость будет голоден, и на подносе стояла тарелка с ломтями ветчины, сыра, хлебом...

Джакомо пил вино, жевал ветчину и оглядывался по сторонам.

Да, он здесь не был уже лет пять. Феретти, дом его предков... загаженный до предела. Обедневший, пыльный... тростник на полу!

Боги, даже у него на полу – ковры! Хотя отец Катарины купец, и не из бедных!

А тут даны...

Но что с того титула, когда в кармане ветер свищет? Как второй сын в семье Джакомо должен был выбрать военную карьеру. Он мог пойти в гвардию, мог служить при дворе, но ему этого совершенно не хотелось.

Придворная жизнь дорогая. Где взять деньги? Каждый выкручивается по-своему.

Кто-то играет, кто-то находит себе богатую вдову и живет с ней, кто-то... Единицы делают карьеру. А сколько умирает? Сколько остается в неизвестности?

Если бы Джакомо пообещали, к примеру, что при дворе короля Филиппо Третьего он сделает карьеру, он бы не задумался. Но когда гарантий никаких нет, да и вообще, ты служи, а мы посмотрим... нет, так он не согласен.

Да и сложно при дворе его величества.

Чины король раздавал охотно, титулы тоже, так Джакомо и без того дан. А вот земли и деньги – простите. Казне нужнее.

Джакомо за родную страну радел, конечно, в сильной стране оно куда как приятнее жить, нежели в слабой. Но богатым жить приятнее в любой стране. А денег он при дворе не получит.

Вот и женился на Катарине Лаццо.

Нельзя сказать, что он безумно любил невесту или был невероятно счастлив. Перестарка взял. Страшную, тощую, длинноносую, с редкими зубами и волосами, да еще и с бородавками по всему телу... никакого сравнения с очаровательной Фьорой.

Зато Фьора в приданое только себя принесла. Ну с десяток ложечек серебряных. Достаток, как же!

А Фредо Лаццо, отец Катарины, взял Джакомо в свое дело. Учит, наставляет, как родного сына принял. Да и Паскуале, его сын, не против зятя.

Хорошо они дружат.

Коли на то пошло, каждый уважающий себя купец обязан содержать куртизанку. Снять ей дом, обеспечивать, посещать... тут даже Катарина не возражает. Если так не поступать, все решат, что он,

Джакомо, страдает мужским бессилием. Нельзя так, чтобы у мужчины только супруга была, нельзя!

Так тесть по-отечески посоветовал, и куртизанку подобрать помог, и с домиком тоже... и он куртизанку содержит, и Паскуале – куда деваться?

И не ругается. Понимает...

Пьянок-гулянок Джакомо не закатывает, Катарину уважает, та ему хоть детей и не родила, так что же? Случается... жена на богомолья ездит, вот Джакомо свое и берет.

Хорошо он устроился. А брат все какую-то чушь несет... нес.

Вот и поругались в последний раз. А сейчас и помириться не с кем. И как-то тоскливо стало...

Мия рассказывала, как отец поехал на охоту, как на него из камышей кабан выскочил, как умирал дан Феретти, а Джакомо слушал и понимал, что грядут серьезные проблемы. Потому как... нет у него выбора. Брат бы так же поступил, ну и ему придется.

Он дослушал девочку, допил вино и подвел печальный итог:

– Фьора, мне очень жаль, сестра. Когда вы сможете начать сборы?

– Сборы?

Фьора широко открыла глаза. Большие, красивые... вот кого бы в любовницы, но нельзя. Инцест. За такое церковь четыре шкуры сдерет.

– Вам придется переехать ко мне, в Эврун, – объяснил Джакомо. – Жить здесь вы просто не сможете.

Мия сдвинула брови. Кажется, девочка хотела что-то сказать, но боялась, что ее оборвут. И не по возрасту рот открывать, и не принято это – за благородную дану должны мужчины думать. Джакомо примерно так и считал. Но если девочка смогла руководить и похоронами, и поминками, и всем остальным, и ему сообразила отписать – не такая уж она и дура?

В купеческом сословии, знаете ли, чуточку иначе дело обстоит. У ньюр свободы немного побольше. Им и выходить можно, и дела вести они могут, не напрямую, конечно, это не принято, но через управляющего, и мужчины к ним частенько прислушиваются.

– Что ты хотела сказать, Миечка?

– Собрать вещи не так сложно. Но что будет с домом? Слугами? Это наследство Энцо, и мне хотелось бы, чтобы тут все было в порядке.

Джакомо уважительно взглянул на девочку.

Практичная.

Если и дальше будет такой же умненькой, то свою судьбу она всяко устроит. Это братец Пьетро был против брака с ньором. А вот Джакомо сейчас думал, что Мия станет выгодным вложением капитала.

Если гонор поубавить, то ее многие в жены захотят.

— Я не прошу собираться и выезжать уже завтра, — пожал плечами Джакомо. — Пьетро сам вел дела поместья?

— Да, дядя Джакомо.

— Мне потребуется не меньше пяти дней, чтобы во всем разобраться. А потом сможем и уехать. Надо будет подобрать хорошего управляющего, часть слуг придется уволить, часть останется, чтобы следить за домом, придется наезжать, проверять их... м-да. Хорошо, если в пять дней уложимся. Завтра отпишу супруге.

— А сегодня, дядя Джакомо, полагаю, вам надо выспаться. Ванная готова, и комната ваша тоже готова.

Распоряжения Мия отдала, еще пока дядя с матерью обнимался.

Джакомо уважительно поглядел на девочку и поднялся.

— Благодарю, Миечка. Тебя не затруднит проводить меня?

— Да, дядя.

— Да, Миечка. Пожалуйста...

— Мама, а Энцо проводит тебя в спальню. Тебе пока еще нельзя нервничать. И вставать вредно.

— Ты у меня умничка, дочка...

* * *

Конечно, не просто так Джакомо попросил Мию проводить его.

— Мия, ты пыталась разобраться в бумагах отца?

— Да, дядя.

— Тогда завтра помоги мне. Насколько я помню, Пьетро никогда не умел вести дела.

— А вы не хотите с утра сходить в склеп? Попрощаться?

Джакомо и не подумал смущаться.

– Не хочу. Я сделаю это перед отъездом, сейчас я продрог, устал и, если еще завтра промерзну, точно заболēju.

Мия кивнула.

Да, дядя оставался дядей. Вот отец бы точно сначала кинулся в склеп. А дядя предпочитает ванную, вино, поспать, заняться делами, а потом уж можно и чувствам поддаться. Если они вообще есть, те чувства.

Вот она, разница подходов. И понятно, почему дядя Джакомо не мог найти с отцом общий язык. Куда уж тут...

Только вот сама Мия отлично и понимала, и одобряла дядю.

Адриенна

– Папа, что это было?

– Что именно, дочка?

– Вчера, когда ромы меня похитили... что с ними случилось?

Дан Марк опустил глаза.

– Дочка... давай не будем об этом пока говорить.

– А все же, папа? Мне кажется, я должна об этом знать?

Дан Марк вздохнул. Притянул к себе дочку, обнял ее покрепче.

– Адриенна, я тебе когда-нибудь отказывал?

– Нет, папа.

– Тогда просто поверь мне сейчас. Есть вещи, которые тебе еще рано знать. Не потому, что ты глупая или маленькая, а потому, что даже мне их знать не стоило бы.

– Даже если эти вещи происходят со мной? С твоей дочерью?

– Даже так. Я обещаю, я расскажу тебе все, когда придет время.

Этот вариант Адриенну решительно не устраивал.

– Папа, а нельзя мне хотя бы намекнуть? Ну так... мало ли что?

Дан Марк помолчал какое-то время. А потом решился.

Действительно, все мы смертны, все под Богом ходим. А так девочка хоть знать будет, о чем идет речь. Сможет что-то да отыскать.

Хоть намек ей дать.

– Это старая сказка, Риен. И подчеркиваю – только сказка.

– Да, папа.

– А если я узнаю, что ты ее где-то пересказала, – выпорю.

– Да, папа. – Эту угрозу Адриенна всерьез не приняла.

– И замуж выдам.

– Не надо! – Вот этого Адриенна уже побаивалась.

– То-то же. Так вот, Риен, это очень старая сказка. Когда-то в одной стране жил юный и прекрасный король. Он однажды поехал на охоту, как это водится у королей, и конь его захромал. Его величество отстал от охотников...

– Папа, а это вообще возможно?

– В сказке? Конечно.

Адриенна кивнула. И даже хихикнула. В сказке... попробуй кто в жизни короля потеряй! Как же!

– Так вот. Его величество остался один. И встретил в лесу прекрасную девушку. Она сидела на берегу реки и напевала песню. Увидел ее король – и влюбился, потому что прекраснее ее в жизни не видел. Встал на колени и предложил деве выйти за него замуж.

– И та согласилась?

– Да, Риен. Она согласилась, и пришла с королем во дворец, и прожила с ним сто долгих лет. Родила ему сына. А когда его величество умер – ушла. И только на полу в его спальне нашли несколько черных перьев.

– Откуда?..

– Говорят, та девушка была лесной ведьмой. Она обернулась птицей и улетела. Говорят... Говорили. Следующий король пресекал такие разговоры о своей матери. Да и затихли они вскорости, потому что люди заметили иное. На землях королевства воцарился покой и достаток. Плодовиты были поля, обильны урожаи, женщины рожали здоровых детей, а болезни обходили королевство стороной. И оно стало богатеть не по дням, а по часам.

– Почему, пап?

– Говорили, что та девушка была лесной феей. И она благословила и землю, и своих потомков. Она благословила землю, на которой станут править ее потомки.

– Так ведьмой или феей?

– Если королевство процветало?

– Тогда она была доброй. А ведьмы злые.

– Вот и люди так решили. И в память о той женщине до сих пор никто не стреляет черных птиц. Никогда.

Риен кивнула.

Это она знала. Те же вороны, кстати, обнаглели от такой безнаказанности до полного озверения!

– А что было дальше, папа?

– Дальше было плохо, дочка. Пока на троне сидели потомки лесной девы, королевство богатело. И вызвало зависть у соседа, который пошел войной. И победил. Завоевал королевство и присоединил к своему.

– Гад!

– Такова жизнь, малышка. Если ты живешь хорошо, всегда найдутся завистники.

– А если живешь плохо – те, кто над тобой поиздевается.

– Поэтому жить надо так, чтобы уметь себя защитить. Но сейчас разговор о том, что королевство было завоевано, а законный король убит.

– Ой...

– Говорят, что до сих пор на поле его последней битвы не растет ничего. Так его и называли – Черное поле. Только ветер там гоняет прах. Говорят, что после смерти короля недолго прожил и его убийца.

– Другой король?

– Нет, Риен. Тот король не воевал сам. Он победил предательством и ударом в спину, такое тоже бывает. Подкупил королевского друга, и тот убил своего сюзерена. И умер. Сгнил заживо.

– Как те трое?

– Страшнее, Риен. Намного страшнее. Но короля этим было не вернуть.

– Все равно! Поделом предателю!

Дан Марк кивнул. Вот с этим он был согласен. Поделом...

– Говорят еще, что иногда благословение лесной девы защищает невинную кровь...

Риен кивнула.

– А мне она помогла, потому что я невинна?

– Не знаю, дочка. Не знаю.

– Хорошо, что она мне помогла, – зевнула Риен. – Я бы сама не отбилась.

Дан Марк уложил дочку спать. И радовался, что ей пока хватило. Потому что у истории было продолжение. Увы.

Говорят, что, когда отгремела битва, на следующий день король-победитель проснулся с диким криком. Потому что во сне к нему пришла лесная дева.

И была она в образе полуптицы.

Гневной, черной...

И прокляла короля.

«Ты пролил мою кровь, ты не будешь знать покоя во веки веков. Ты будешь хоронить своих детей, ты будешь видеть их болезни и мучения, ты будешь страдать, глядя на беды, которые придут на твои земли. И так будет, пока на троне вновь не окажется мой потомок».

И так случилось.

Все дети короля-завоевателя умерли. Остался лишь один сын, и тот всю жизнь страдал от болезней. И у него был тоже только один сын. А остальные дети умирали в младенчестве. И внук у него был тоже только один. И тоже больной и несчастный.

И страну трясло, как в лихорадке.

Не эпидемия, так голод, не голод, так наводнение, не наводнение, так засуха и неурожай... не знаешь уж, в какую церковь и бежать.

Кстати, церковь как раз поддержала завоевателя. Только вот счастья ей это не принесло. Подлость еще никого не осчастливила.

Первое, что сделал завоеватель, – это отписал в свою пользу примерно треть церковных земель. А там, примерившись, и еще треть. И остатка, мол, вам хватит!

Но это о плохих героях.

А говорили еще и другое. Что у погибшего короля был внебрачный ребенок. Только вот кто он, где он... этого не знал никто. Почти никто.

Вот если бы он сел на трон или его потомки...

Проклятие было бы снято. Наверное.

Кто в наши дни верит глупым сказкам?

Адриенна не верила. Она спала.

А дан Марк верил. И спать не мог. Потому что доля истины, увы, в сказке была. И ничего хорошего это Риен не сулило.

Ньора Катарина не понравилась девочке сразу.

Высокая, худая, носатая. И на мать она посмотрела так, что сразу ясно – нелюбовь эта взаимна. Впрочем, Фьора выглядела великолепно. Как и всегда.

Везде, в любой ситуации Фьора была прекрасна. Даже сейчас, растрепанная, усталая, в дорожной пыли, в простом платье...

Вот в роскоши Катарина выигрывала. И платье у нее было из оранжевого бархата, и убор с полудрагоценными камнями, а все равно – как на пугале.

– Добро пожаловать, – процедила ньора Катарина. – Я рада приветствовать вас под крышей своего дома... нашего дома.

Фьора на такую оговорку и в лучшие времена внимания бы не обратила. Порхнула к Катарине, обняла ее, расцеловала в обе щеки...

– Ее сейчас стошнит, – прошептал Энцо на ухо Мие.

И верно, выражение лица Катарины было неопишимо.

– Дорогая сестра! Я знала, что вы не оставите нас в беде!

Энцо хрюкнул, уткнувшись в плечо сестры. Джакомо наблюдал за этим цирком со сложным выражением лица.

В том-то и дело, что Фьора не издевалась. Она все приняла за чистую монету и вела себя соответственно. И благодарила Катарину тоже от души.

Несколько минут ньора смотрела на эданну Феретти, а потом только головой покачала.

– Идем... сестрица.

Но голос ее был уже намного мягче. И спокойнее.

Понятно, когда в твой дом приходит такая ослепительная красавица, волноваться будешь. А вдруг она еще и стерва, каких свет не видывал?

Ан нет.

Просто глуповатая эгоистка. Красивая, но что от той красоты? Отцветет и погаснет. А вот ум останется... так утешают себя умные женщины.

Только вот помогает не всегда. Но сейчас получилось.

Джакомо проводил их глазами и повернулся к детям.

– Давайте вылезайте, малышня...

Мия полезла из кареты первой. За ней уже и младшие.

Такой роскоши девочка еще не видела.

Дома?

Дома у них было достаточно бедно. Даже в покоях у отца. У матери... нет, не то.

А здесь!

Мия искренне удивилась, что на первом этаже нет окон. Только на втором. Но ей объяснил дядя Джакомо:

– Так все делают, чтобы не привлекать воров.

Небольшой сад, ухоженный настолько, что, наверное, для этого человек пять садовников требуется. Трава подстрижена чуть ли не по травинке, розы цветут, вазы шикарные, скамеечки...

– Будете здесь гулять и играть. Я распоряжусь, чтобы вам отвели уголок, – с сомнением оглядел садик дядя.

Мия тоже сомневалась.

Дома она была намного свободнее, а здесь?

Здесь придется соблюдать правила для благородных дан и никуда даже не выходить. Разве что в церковь, и то не часто.

Но, может, есть какие-то обходные пути? Это Мия выяснит позднее. А пока... выспаться бы. После кареты все тело болело, да и младшие капризничали, им тоже было плохо. Но ньюра Катарина позаботилась обо всем.

На втором этаже были отведены комнаты для всех.

Для Энцо – он мальчик. Для Мии – она старшая. Для двух младших – они пока могут пожить вместе. Но комната Мии соединялась дверью с их комнатами.

На всякий случай.

Рядом – покои для матери. Две комнаты – спальня и гостиная. В гостиной есть диванчик для служанки. Марию мама все-таки взяла с собой. Марию и няньку для младших.

Сейчас в комнатах были приготовлены кувшины с горячей водой – обтереться, тазики, полотенца... Мия так и поступила. Стерла с себя какую-то часть дорожной грязи и рухнула в кровать.

Завтра, все завтра...

– Прости меня, дорогая. Я понимаю, тебе это неприятно, но выбора у меня не было.

Джакомо сидел рядом с супругой. Он уже искупался, а теперь кушал и рассказывал Катарине о том, что увидел в доме Феретти.

Катарина отмахнулась.

Все было именно так. И ей это не слишком приятно, и выбора у Джакомо не было. Увы. Хотя она и не удержалась:

– Неужели нельзя было нанять им управляющего? И пусть живут.

Джакомо только руками развел, не забыв по дороге сунуть в рот ломоть мяса, щедро намазанный острой приправой.

– Ты помнишь, Кати, из-за чего мы поссорились с Пьетро, земля ему пухом.

– Ты говорил, Жако, – ласково сократила Катарина имя супруга. Что ж, неприятные решения тоже иногда надо принимать. А Джакомо явно подлизывался, показывал, что она главная в доме...

Катарина тоже неплохо знала своего мужа.

Будучи дочерью купца, она умела считать. Да и отец ей объяснял, что муж мужу рознь. Он, конечно, постарается найти такого, чтобы уважал его девочку, но свою ведь голову не приставишь. И не объяснишь каждому, что жену уважать надо – тогда и мир в доме будет, и сам дом стоять будет.

На многое, конечно, Катарина не рассчитывала. И Джакомо оказался подарком Небес.

Нельзя сказать, что он был таким уж красавцем. Не слишком высокий, ей примерно до плеча, полноватый, немного нескладный – с первого взгляда.

А со второго?

Хватило ж у него ума заинтересовать ньюра Лаццо, который не страдал излишней доверчивостью. И не просто заинтересовать, а настолько, что отец решил ввести Джакомо в семью.

Катарина иллюзий не питала. Конечно, муж женится из соображений выгоды. Но даже так... вести себя можно по-разному. Она ведь будет в полной его власти. Приданое он получит, а дальше...

Даны... они такие даны.

Ан нет.

Ухаживал Джакомо красиво и почтительно. И если подружки сначала хихикали, глядя, как мужчина подает ей святую воду или бросает под ноги бутоны цветов, то потом стали завидовать.

Дан.

Это многое значит.

Конечно, даже выйдя замуж за дана, Катарина останется ньорой. Но дети ее будут данами.

Кстати – если бы Мия, будучи даной, вышла замуж за ньора, она бы даной осталась. А вот дети ее были бы ньорами, и никак иначе.

Подруги завидовали.

Катарина нервничала. Мужчина ДО и мужчина ПОСЛЕ свадьбы – это разные мужчины. И кто знает, как поведет себя Джакомо.

Но...

Джакомо честь по чести обвенчался с ней в храме. Настало время первой брачной ночи.

Катарина боялась. Старалась не подавать вида, но боялась. А муж был почтителен и ласков. Сам потушил свет, чтобы она так не переживала, обнял ее, уговаривал... и вообще это было не так страшно, как говорят.

Больно в первый раз, неприятно, но и только. И потом ей даже противно не было.

Катарина оценила. Подруги жаловались, бывало. У кого-то мужа приносили дурные болезни, кого-то поколачивали, у кого-то были исключительно наглые любовницы... разве что две подружки вышли замуж по любви. Но и там все вышло не так гладко.

Джакомо оказался идеальным мужем.

Приданое он вложил в дело ее отца и старался помогать по мере сил. Точнее, даже забирать деньги из дела не стал. Попросил, чтобы Катарине выделяли на содержание дома, а ему определенную сумму в месяц на прожитие, а остальное пусть работает. Так что даже ньор Лаццо оценил – и порадовался за дочь. Дом он отдал на откуп Катарине и в ее дела не вступал.

Детей не было – жаль. Но племянников Катарина любила. И подарки им дарила с удовольствием. А сама...

Не дает Бог. Такое тоже бывает.

Про любовницу супруга Катарина тоже знала. Но так принято. И девка знала свое место, ничем не оскорбляя ньору Феретти.

Единственное, что мешало картине безоблачного счастья женщины, были иногда появляющиеся у мужа деньги. Достаточно крупные суммы, которые он клал в банк. Катарине он покупал украшения, давал деньги на расходы, но... откуда?

Откуда у него эти деньги?

Катарина как-то спросила, муж зарделся и признался, что иногда... нет, не часто, дорогая, но к сожалению, это бывает. Я склонен к игре.

Раз в месяц, может, раз в два месяца, но Искуситель приводит Джакомо за игорный стол. Поэтому ему и не надо много денег – так он меньше проиграет. Если он проигрывает – это только то, что при нем. Если выигрывает, то дорогая Кати все видит сама...

Пусть супруга его простит за эту маленькую слабость...

Катарина простила.

Не бывает мужчин без пороков. Вот и у Джакомо он оказался. Что ж. Это не так страшно, она знала людей, которые состояния проигрывали. Не могли остановиться. А ее муж может. И знает о своей слабости. Это уже хорошо.

Что до родни мужа – Катарина их и видела-то два раза. Первый раз, когда дан Феретти приехал к ним на свадьбу и сидел весь вечер с таким кислым лицом, словно испорченную устрицу скушал. Но тогда самой Кати было не до него.

Второй раз – три года спустя. Дан Феретти был в столице по каким-то делам и остановился у них проездом.

Катарине он показался донельзя глупым и напыщенным, но выводами с мужем она не поделилась. А когда лет пять тому назад братья поссорились, даже и грустить по этому поводу не стала.

Данов много! А торговых дел, таких, как Дом Лаццо, куда как меньше.

Обойдутся они без Феретти!

Так и вышло. А вот Феретти без них не обошлись, увы.

И сейчас Джакомо честно рассказывал:

– Мой брат запустил поместье до полного разорения. Туда придется вкладывать бешеное количество денег.

Катарина подняла брови. Мол, откуда? С твоих выигрышей? Или как?

Джакомо качнул головой.

– Я этого делать не собираюсь, Кати. Попрошу твоего отца, пусть посоветует грамотного управляющего. Просто не станем брать с крестьян никаких денег следующие лет пять. Или даже десять. Энцо сейчас девять лет... ладно, до его пятнадцатилетия. Пусть поживут спокойно, авось и жирок отрасли. А там посмотрим.

– Я тоже поговорю с отцом, – благосклонно отнеслась к решению мужа Кати. – Тут надо подобрать умного человека, который не станет воровать. А может, захочет потом остаться в Феретти на службе у твоего племянника?

– Не станет воровать – без меры, – уточнил Джакомо, усмехнувшись. Бывают управляющие, которые не воруют. Бывают, наверное. Но почему он ни разу таких не видел?

Супруги переглянулись – и весело заулыбались. Они действительно отлично понимали друг друга.

Любовь? Страсть?

Безусловно, отличные вещи. Только очень часто проходящие. Или вообще проходящие мимо.

А вот дружба, уважение, взаимопонимание могут оставаться надолго. На всю жизнь. И весьма ее облегчить. Если, конечно, приложить усилия. Но супруги были благодарны друг другу и старались.

– Хорошо. С поместьем так и решим. И если ты захочешь что-то туда вложить, дорогой, поговори с отцом. Папа подскажет, что и как будет лучше.

Джакомо кивнул.

– Я пока ничего не планирую, Кати. Но если решусь – обязательно. Лучше твоего отца мне совета не даст никто.

Катарина расцвела в улыбке. И тут же погасила ее. Кстати – не зря. Улыбка ее уродовала так, что страх сказать было. Показывались редкие зубы, самым причудливым образом разбегались бородавки, появлялись морщины...

Что уж там!

В первую брачную ночь Джакомо потушил свет, не только чтобы сберечь стыдливость невесты. В темноте можно себе было хоть что-то представить. И то время для настроения потребовалось...

– А остальные? Я правильно понимаю, что, когда мальчику исполнится пятнадцать...

– Надо будет подобрать ему подходящую невесту и отправить в поместье. Лучше бы такую же умницу, как ты. И с такой же прекрасной душой. Но это очень большая редкость.

Катарина польщенно улыбнулась.

Знал муж, как сделать ей комплимент. Отлично знал. Хвалил он ее внешность, не поверила бы.

– Я подумаю. Время пока еще есть.

– Вот и замечательно. Что до эданны Феретти... Катарина, милая, начинай через месяц брать ее с собой в церковь. А до той поры предлагаю распространять слухи, какая она очаровательная, скромная, милая...

– Джакомо?

– Не уверен, что она еще раз выйдет замуж. Но покровителя найдет легко. И тот снимет Фьору Феретти с нашей шеи.

– И ее детей?

Джакомо забавно сморщил нос.

– Вряд ли. Кати, ты приглядишься к Мие. Малышка хоть и похожа на мать, но весьма и весьма неглупа. Даже и не знаю, в кого такое чудо уродилось, братец мой тоже умом не отличался...

– В дядюшку? – невинно поддразнила мужа Кати.

Джакомо только фыркнул.

– Кати, дорогая, выбирая между тобой и Фьорой, я бы всегда выбрал тебя. Только тебя. Поверь, внешность – не главное. Та же оспа может изуродовать дану Феретти так, что от нее кони шарахаться будут. А твое доброе сердце и светлая душа – они всегда при тебе.

И поцеловал супруге руку.

Нежно так, ласково...

Катарина покраснела.

– Жако, конечно, девочка в тебя. Весь ум, отпущенный семье Феретти, ты унес с собой. И я так рада, что мой отец согласился на твое предложение...

– И я рад, – признался Джакомо.

И ведь не лгал, подлец.

Жену он взял по расчету. А деньги – по чистой и нежной любви.

– Так вот, дорогая, приглядишься к Мие. Она действительно неглупа и свою выгоду может понять. А среди торговых партнеров твоего отца наверняка найдется кто-то... молодая жена, дана, из приличной семьи,

красивая, умненькая... бесприданница? Бывает и такое. Но если она вторая-третья по счету, какая разница? Наверняка ты знаешь нескольких достойных вдовцов.

– Пойдет ли дана за ньора?

– Фьора упоминала, что Мия еще не стала девушкой. Так что год у тебя есть. Посмотри, подумай, но мне кажется, что монастырь или место приживалки при племянниках ей будут не по вкусу. А если не супруга, так любовница... о, Кати, прошу тебя! Я знаю, что дамы в курсе многих событий, происходящих в Эвроне. Ты же умничка и понимаешь, что любые обстоятельства надо обернуть нам на пользу. В идеале – нам и семье Лаццо.

Катарина кивнула.

Муж был прав, как и всегда. Что ж...

– Хорошо, Жако. Я поговорю с подругами и пригляжусь к девочке.

А младшие?

– Пока – глина. Лепи что пожелаешь. Чистый лист.

Катарина задумчиво повертела в руках четки.

– Но при правильном воспитании пользу может принести каждый. Жако, ты меня убедил. Я пригляжусь к девочкам, обещаю.

– Кати, родная, я всегда в тебя верил.

– Я пойду спать, – поднялась из-за стола ньора. – Завтра будет тяжелый день.

Джакомо тоже встал.

– Дорогая, я умоляю простить меня... я с дороги и безумно устал. Но если ты разрешишь мне прийти сегодня... хотя бы спать с тобой рядом. Я так люблю обнимать тебя, и знать, что ты со мной, слушать твоё дыхание, чувствовать твой аромат...

Катарина покраснела.

– Я буду счастлива, Жако.

И быстро ушла к себе.

Джакомо улыбнулся ей вслед и вернулся к столу. Да, в юности он сделал верный выбор. Бабами очень легко управлять, зная, как они устроены. Если бы он сказал, что устал и в ближайшие два-три дня ни на что не способен, супруга могла бы обидеться.

А поменяй формулировку? И Кати счастлива.

Ей надо быть спокойной и счастливой, потому что иметь дело с эданной Феретти – это жуть жуткая, незабываемая. Вот ведь...

И у братца ума было что в пустом шлеме, и у его супруги так же... убил бы! Действительно интересно, в кого у них старшая девчонка пошла?

Страшное сочетание, умница и красавица, мужчины в очередь выстроятся, чтобы ее только увидеть. И этим тоже можно будет поторговать...

Что-то получить, где-то выиграть... он еще с Фредо Лаццо поговорит, вот уж кто умен, так это тесть. Конечно, поделиться чем-то придется, но это уже мелочи. Главное, самому Джакомо почти ничего и делать не придется. А это хорошо, это очень хорошо.

* * *

Мия проснулась утром с ощущением чего-то неправильного.
Неприятного...

Внизу живота болело, тянуло, она ощущала себя разбитой и измученной...

Что происходит? Что с ней такое? Она заболела?

Девочка откинула одеяло, собираясь выбраться из кровати, и с ужасом уставилась на пятно крови.

Она поранилась?

Но... когда?! И чем? И... и как?! Где рана?

Может, через пару минут она бы и сообразила, но дверь в комнату стукнула. Вошла мама.

Очаровательная, как и всегда, серое платье только подчеркивает блеск золотых волос...

— Мия, уже почти вечер. Все давно проснулись, мы начали за тебя беспокоиться...

Взгляд Фьоры упал на простыню.

— Ах вот оно что? Ты стала девушкой...

Теперь Мия и сама сообразила. Но... неприятно же!

И живот болит!

— Мама, это всегда так?

Фьора сморщила носик.

— Да, дорогая. Всегда.

— Больно...

– Я понимаю, Миечка. Сейчас я прикажу служанке принести тебе все необходимое и помогу в первый раз.

Мия кивнула с благодарностью.

Фьора, конечно, своеобразный человек. Но здесь и сейчас весы качнулись в сторону Мии. И это радовало. Эданна Феретти отдала приказания, потом вернулась к дочери и приобняла ее.

Мия благодарно ткнулась лицом ей в подмышку.

– Мамочка...

– Все хорошо, Миечка. Это со всеми бывает, это случается. Рано или поздно все девочки становятся девушками...

Служанка принесла специальный передник и что-то еще, положила на стул и вышла вон. Фьора продолжала уговаривать дочь:

– Неприятно, конечно, но зато теперь ты можешь выйти замуж, можешь рожать детей...

– Не хочу, – фыркнула Мия.

– Рано или поздно захочешь. Пойдем, я покажу тебе, как это надевается...

Фьора уже успела встать, выпить горячего отвара из лепестков роз с булочками, поболтать о том о сем с ньюрой Катариной и найти ее пусть страшной, но полезной.

А почему нет?

С ней вполне можно сходить в церковь.

С ней можно нанести даже некоторые визиты. Это дане не подобает разъезжать где захочется, но для вдов правила другие. Тем более в Эвроне.

А еще... рядом с ньюрой Катариной Фьора будет сиять, словно солнце. Она и так очаровательна, а будет вообще великолепна!

М-да...

Только Мия...

Фьора не была слепой и отлично видела, что дочь превосходит ее во всем. Ум, внешность, характер... Если Фьора появится рядом с Катариной, она будет королевой. Если Фьора появится рядом с Мией, все восхищенные взоры достанутся дочери. Увы, это приходится принимать. Мия молода и очаровательна, ей всего двенадцать лет. Фьоре уже двадцать семь... какое ужасное число!

– Ой!

Задумавшись, Фьора слишком сильно дернула завязки передника. Специального, кожаного, который надевался под юбку и призван был беречь ее от пятен крови – мало ли что?

Мия вскрикнула от неожиданности.

И в эту секунду Фьора заметила...

Лицо девочки словно бы поменялось. На долю секунды черты Мии стали более размытыми, словно смазанными, маленький носик раздался вширь, глаза стали вовсе уж огромными, расползся рот...

– МИЯ!!!

– Мама?

Девочка испугалась выражения лица Фьоры. Серьезно испугалась. Никогда на ее памяти мать так не выглядела.

Бледная, с мгновенно выцветшим румянцем и словно бы провалившимися глазами...

– Мама, что-то не так?!

Не так?!

Не так было все! Потому что от испуга поменяли цвет и волосы Мии... были светлыми, как у Фьоры, а стали вдруг ярко-рыжими...

Каким чудом женщина взяла себя в руки?

Как не закричала, не забилась в истерике... впрочем, такое случается даже у самых отъявленных трусих: в какую-то секунду разум берет вверх над чувствами.

А может, горло перехватило.

Но девочку, которая готова была уже бежать из комнаты, Фьора тоже перехватить успела.

– С-с-с-стой...

Мия замерла на месте.

– Мама?!

– Сейчас-с-с-с-с... отпус-с-с-стит... – Фьора шипела на выдохе, словно змея.

– Что случилось?!

– Миечка, ты сядь, успокойся... приди в себя.

Фьора коснулась пояса. Там, в золоченом чехольчике, висело маленькое зеркальце. Подарок супруга. Сейчас оно пригодится.

– Да, мама...

Мия постепенно успокаивалась, посветлели волосы, вернулись прежние точеные черты личика. И если бы не испуг, Фьора могла бы

подумать – привиделось.

Но...

Слишком силен был старый страх, чтобы сейчас она позволила себе так думать.

Не привиделось и не забудется, и молчать об этом нельзя. И сказать надо так...

– Мия, возьми зеркальце, посмотри на себя.

– Да, мама...

– А теперь попробуй представить себя с черными волосами.

– Зачем?

– Мия, попробуй. Пожалуйста.

– Ладно...

Девочка поглядела в зеркало, сосредоточилась. А в следующий миг звякнул об пол металл, вскрикнула Мия, вовремя заглушенная матерью.

Светлые волосы девочки быстро чернели. Правда, отдельными прядями, но Фьора понимала, что это дело наживное. Просто Мия пока ничего не умеет...

Только вот она научится. Они все этому быстро учатся.

– Чш-ш-ш-ш-ш-ш!

Несколько минут Мию пришлось просто держать, чтобы девочка не забилась в истерику. А потом Фьора поняла, что дочь обмякла, успокаивается, да и волосы стали светлеть.

Конечно, сейчас это ненадолго...

– Мама?

– Миечка, ты пришла в себя?

– Да, мама... что это?! – почти стоном вырвалось у девочки. – Мне показалось?!

– Нет, детка, – грустно отозвалась эданна Феретти. – Тебе не показалось. Ты действительно перевертыш.

* * *

Мать и дочь сидели рядом, на кровати. И Фьора тихо-тихо рассказывала Мие очень старую историю.

Историю своего рода.

– Я думала, детка, что все это в прошлом. Правда думала. И у матери это не проявлялось, и у меня тоже никак... ты сама видишь. А вот тебе досталось. Ты уж прости меня... я действительно думала, что все прошло и не вернется.

– Что это такое – перевертыш? – тихо спросила Мия. – Что это значит... как вообще...

Она запуталась в словах и умолкла. Но заговорила Фьора, отлично понимая, о чем хочет узнать ее девочка.

– Перевертыш, Мия, это значит, что ты сможешь принимать любое обличье. Какое сама захочешь.

– Вообще любое? А если я захочу стать драконом?

Фьора улыбнулась и качнула головой.

– Человеческое, Мия. Только человеческое... но любое. Мужское, женское – ты можешь выглядеть любым человеком.

– Это... от дьявола?

Фьора качнула головой.

– Нет. Ты крещеная, и я, и все в нашем роду, и к причастию ты можешь ходить спокойно, и в церковь войдешь. И если примешь облик падре, тебя не поразит молнией.

– Но? Есть же какое-то «но»?

– Нет. Разве что зеркала могут отражать твой истинный облик. Но не все. Только какие-то особенные... прабабка была скупа в подробностях. Что есть зеркала на крови и золоте, я знаю. А где они есть и как их распознать – уже не представляю.

– Прабабка?

– Да, Мия. Моя прабабка, твоя прапра, была перевертышем, как и ты. Она легко принимала любой облик. Правда, никто об этом не знал, иначе ее сожгли бы, как ведьму.

Мия и не сомневалась.

– И меня...

– И тебя тоже. Поэтому молчи, дочка. Молчи обо всем.

– Но я же... Оно само...

– Ты просто не можешь пока держать это под контролем. Впервые проявившийся дар ошеломляет, это так. А у тебя он открылся, потому что ты стала девушкой. Обычно так оно и проявлялось.

– А потом...

– Зависело от родных.

Мия поняла и промолчала.

– В нашем случае я предлагаю оставить это нашим секретом. И приглядеться к младшеньким.

– Энцо?

– Нет. Мальчики перевертышами не бывают почему-то. В нашем роду только девочки.

– Постоянно? Или...

– Прабабка говорила, что раньше было постоянно. А потом все реже и реже... да и скрываться приходилось, и кровь разбавляли... не знаю точно. Я думала, это прошло навсегда.

– А сказала, что я похожа на прабабку? Тогда... в Феретти? – вспомнила Мия.

– Похожа. Она тоже была красивой. И очень властной. И ты распоряжалась в Феретти, как она.

Мия кивнула. Она поняла.

– Ты ее знала?

– Не слишком хорошо. Видела пару раз... Она фыркнула – пустышка. Но рассказала мне, чего можно ждать. Мало ли – проявится. Вот и случилось... старая зараза как чуюла, – сморщила нос Фьора.

– И чего можно ждать?

– Ничего особенного. Пока ты маленькая, ты можешь менять цвет волос, черты лица, но и только. Ненадолго. Потом сможешь менять и тело. Даже на мужское.

– Даже так?

– Да. И надолго. Прабабка могла до суток находиться в чужом облике. Потом просто падала от изнеможения, но – сутки.

Мия хмыкнула.

– Знаю, что у тебя сейчас на уме. К примеру, в облике Энцо взять конфеты из буфета...

– Мама! Я уже не ребенок!

Фьора пожала плечами.

– Докажи мне это.

– Как?

– Я скажу всем, что у тебя очень болезненные дни.

– Да, мама.

– А вечером приду. И ты будешь учиться работать с этим. Будешь учиться себя контролировать.

– Да, мама. А откуда это в нашем роду?

Фьора пожала плечами.

– Я не знаю, дочка. Я знаю, что ЭТО – было. Прабабка говорила. А вот откуда... она думала, что ее дар навсегда исчез. Поэтому и не рассказывала ничего.

– Совсем-совсем?

– Упоминала Энурию. И все.

– А откуда... родословную... ничего?

– Нет, Мия. И я не хотела будить лихо.

Мия поняла.

Фьора... она такая. Кто-то другой заинтересовался бы, но Фьора всю жизнь прятала голову в песок, словно птица страус из Арайи. А может, обойдется?

А может, пронесет?

А когда беда пришла, она оказалась к ней не готова. Ничего, Мия разберется в свое время.

– Все в порядке, мама. Мы справимся.

– Моя отважная девочка...

Фьора поцеловала дочь и вышла из комнаты. А потом привалилась к стене и едва не застонала.

Нет, ну надо же такому случиться?!

Чтобы Мия...

Старинное проклятие семьи настигло ее здесь и сейчас, через столько лет...

Глава 3

Адриенна

Когда по каменным плитам пола гулко простучали шаги, Адриенна даже не подумала насторожиться.

Мало ли кто?

Мало ли что?

А вот когда в зал вошел мужчина в королевских цветах, она искренне удивилась.

Белое и алое – цвета короны. Белое, словно снег, алое, словно кровь. Алый лев на белом фоне – королевский зверь.

На вошедшем в зал мужчине были именно эти цвета.

Плащ из двух полос – белой и алой. Берет тех же цветов, алый с белым пером. Перевязь алая с белым... тут уж Риен догадалась, хотя и не видела никогда ничего подобного. Королевский гонец.

А вот ее отец – видел?

– Воля его величества! – В руке гонца затрепетал свиток с тяжелой бело-алой печатью.

Дан Марк медленно встал из-за стола.

– Повиновение его величеству. – Так же медленно принял свиток, поднес печать к губам и поцеловал.

И переломил.

Развернул, пробежал глазами, побледнел. Но нашел в себе силы поклониться еще раз.

– Повиновение воле короля. Прошу вас пока отдохнуть с дороги, завтра вы повезете мой ответ.

Гонец кивнул. Примерно такой реакции он ждал. Так ему и сказали – дожидаться ответа.

Дан Марк посмотрел на дочь.

– Дана Адриенна, прошу вас пройти в мой кабинет.

– Папа, что случилось?!

Дан Марк упал в кресло и поглядел на дочь. Даже как-то и жалобно...

– Ничего хорошего, Риен. Налей мне вина, пожалуйста.

– Какого?

– Крепленого.

Дочь сморщила нос, но вино послушно и налила, и подала. Дан Марк осушил бокал одним глотком, как горькое лекарство, – и протянул девочке свиток.

– Читай!

Адриенна сделала шаг назад.

– Надо?

Показалось вдруг, что в руке отца свивает кольца ядовитая змея. Гадкая такая, бело-алая... вот сейчас зашипит, цапнет...

Дан Марк потер лоб.

– Надо, девочка. Если хочешь. А если нет, я и так скажу. Нам придется ехать ко двору.

– Ко двору?! – ахнула Адриенна.

– Да.

– Но я же... у меня и надеть нечего! И вообще... папа, ну зачем нам туда!?

– Потому что так решил его величество, – помрачнел дан Марк.

– А почему он так решил? – Адриенна тоже умела думать. И могла быть и въедливой, и назойливой, если ей что-то нужно...

Дан Марк только головой качнул.

– Риен, доченька... пожалуйста! Дай мне прийти в себя, я потом с тобой поговорю.

После такого и настаивать было неловко.

– Хорошо, отец.

– Я обещаю, сегодня вечером я поговорю с тобой. А пока иди, думай, что взять с собой в поездку, и оставь меня. Мне тоже надо подумать.

Адриенна кивнула.

Потом медленно взяла свиток с руки отца и развернула.

«Дан СибЛевран!

В течение суток после получения сего письма повелеваем тебе вместе с дочерью выехать к Нашему двору. Промедление не будет одобрено.

Его величество Филиппо Третий».

Вроде бы и ничего такого. Но...

Но!

Почему так страшно? Словно в горле комок сжимается.

– Отец?

– Да, Риен?

– Что потом надо делать с этим свитком?

– Предъявить на въезде во дворец. Поэтому рвать его нельзя. И жечь тоже, даже если очень хочется.

Риен скрипнула зубами.

– И мы обязаны повиноваться?

– И приехать как можно быстрее.

– Чума на этих негодяев! – буркнула Риен.

Развернулась и вышла.

Дан Марк обмяк в кресле.

Он знал, что именно сейчас произошло. Ох как он это знал...

Но как остановить дочь? Как ее уберечь?

Кровь... это просто кровь... с этим никому не справиться. Проклятая воронья кровь... за что?! Хотя и тут он отлично знал ответ. Иногда все происходит не «за что». А просто – потому что.

Только вот это знание не утешает.

* * *

В свою комнату Адриенна вошла в крайне недобром настроении.

Что же взять с собой? Что взять?

С одной стороны, самое лучшее – мужской костюм. И ехать удобно верхом, и вообще...

С другой стороны – знатной дане принято прибывать ко двору в парадном облачении, при служанках, при... чем там еще? А ведь читала...

– Дана! – кинулась к Адриенне верная Рози, повышенная с кормилицы до личной горничной даны.

Адриенна напомнила себе, что Рози ни в чем не виновата, и кое-как взяла себя в руки.

– Рози, ты была с моей матушкой в столице? В Эвроне?

– Да, дана.

– А кто еще с ней был?

– Так старая Льетта, но она, поди уж, умерла давно... вашей матушки личная кормилица и горничная.

Адриенна скрипнула зубами. Понимала, что надежды на помощь развеиваются, словно дым.

– Как плохо...

– Что случилось, дана?

– Отцу и мне приказали ехать ко двору, – разъяснила девочка. – А я не знаю, что для этого нужно, чего не нужно... и отец не в курсе... ну что это такое?!

Рози только ахнула.

– Ко двору! В Эвرونу!

– Рози...

– Дана, да вы не переживайте. Сейчас портниху вызовем... когда надо ехать-то?

– Завтра.

– Ох!

Теперь сложностью положения прониклась и служанка.

– Дана, это плохое дело получается. Чтобы так срочно... уж простите, батюшка ваш ни в чем не...

– Думай, о чем говоришь! – от души рявкнула Риен.

Розалия захлопнула рот с отчетливым звуком.

– Простите, дана.

– Я прощу, а вот доносчики и палачи...

Рози побледнела еще больше.

– А коли так, дана... понимаете, вам собираться особенно и не надо.

– Почему?

– Потому как ехать вам срочно, любое промедление вызовет неудовольствие короля. Что сейчас носят в столице, мы не знаем.

Пошить новое не успеем, разве что старое чуточку переделать и подогнать? Из платьев матушки вашей... Но то уж старая мода!

Адриенна махнула рукой.

— Старая, новая... не важно. Хотя бы пара платьев у меня быть должна.

— А как же...

— Поеду я в мужском костюме. Переоденусь на подъездах к столице.

Розалия засомневалась, но потом махнула рукой. Чего уж там... здесь все варианты хуже. До Эвроны, если так подумать, дня четыре верхом. Адриенна вполне выдержит, хоть и устанет. Случалось ей и по несколько дней с отцом ездить. И без кареты.

Ночевки?

Тоже можно на постоянных дворах, надо только свое постельное белье взять, там могут какие платяные звери водиться. Карету взять надо обязательно, если дана устанет, хоть будет где отдохнуть.

То есть карета, кони, постельное белье, туалетные принадлежности, одежда...

Да, одежда...

— Я в кладовую, дана. Куда одежду вашей матушки сложили...

Адриенна кивнула и опустила на маленькую банкетку.

Вот кто бы объяснил, зачем они королю понадобились? Дела поместья да и дела отца Адриенна знала досконально. Ни в чем таком противозаконном дан Марк не замешан!

И земли-то у них баран начхал! Разве что плодородная, ухоженная... так ведь не по земледелию же совет королю понадобился! А по чему?!

Адриенна смотрела в окно на поля... и вроде бы что-то проявлялось в памяти... что-то старое, слышанное очень давно...

Нет.

Куда там!

Примчалась Роза с платьями, закрутилась возле девочки... И до ночи та не знала покоя.

Дан Марк пришел вечером.

Сел рядом с дочерью, погладил ее по руке.

– Как ты, маленькая моя?

– Плохо, папа, – честно отозвалась Адриенна. – И сборы эти, и выезжать завтра рано утром, вместе с гонцом, чтобы он видел и убедился, и неизвестность... зачем мы королю понадобились?! Таких, как мы, – сотни! Тысячи!

Дан Марк растрепал дочери смоляные волосы.

– Таких, дочка, да других.

– Мы чем-то отличаемся?

Дан Марк опустил глаза.

– Не я, детка. Ты. Прости меня, пожалуйста...

– Папа? – испугалась Адриенна.

– Когда мне твоя мать рассказала, я думал – сказки. – Дан Марк выглядел невероятно уставшим. Безумно старым и измученным. Даже серым словно бы... – А потом оказалось по ее слову.

– Папа?

– Это три поколения назад было. – Дан смотрел на огонь камина. – Сибеллин был отдельным королевством, ты учила историю, ты должна помнить.

– Помню. И что?

– Потом на нас напали. То есть благородно присоединили к Эрвлайну. И с тех пор объединили название королевства. Эрвлин.

– Я помню... и что с того? Так бывает. Люди воюют. – Адриенна пожала плечами.

– Эрвлайн – белое и алое. Сибеллин – черное и серебряное. СибЛевран – черное и синее.

Адриенна вопросительно смотрела на отца.

– Это что-то значит?

– Ты помнишь легенду, которую я тебе рассказывал? О лесной деве?

– В черных перьях? И что? Такие по всему королевству рассказывают, не жалко.

– Рассказывают. И врут. – Дан Марк потер лоб и положил на колени Адриенны ларчик. – А вот это – правда. Читай.

В ларчике было всего три вещи.

Лист пергамента. Белый платок с пятнами крови... сейчас побуревшей, поржавевшей... очень старой, это видно.

И кольцо. Тоже старое. Черный камень, который обнимают серебряные крылья. Красиво...

Адриенна потянулась было к нему, но потом решила начать с письма.

«Дана Аламеда!

Я вынужден сообщить вам о смерти его величества Лоренцо. Я был с ним до конца на поле боя, я принял последний его вздох и его завещание – отвезти вам это кольцо.

И его благословение.

Умоляю простить за то, что не могу сделать большего. Я вынужден бежать из Сибеллина, равно как и мои друзья. Те, кто уцелел.

Я буду молиться за вас».

Витиеватая подпись, которую Адриенна даже и разбирать не пыталась.

– Кто такая дана Аламеда?

– Твоя прабабка, дочка.

– Не поняла? Отец?

– Твоя прабабка. Дана Аламеда, которая была бастардом короля Сибеллина. Которая получила поместье и имя СибЛевран. О которой мало кто знал, потому она и прожила достаточно, и смогла родить твоего деда. У деда появилась твоя мать, а потом – ты.

Адриенна потеряла лоб. В синих глазах проявлялось понимание.

– Я – потомок короля Сибеллина?

– Незаконный. Дальний. Но, боюсь, других и не осталось.

– Почему ее не убили? Когда узнали?

– Потому что прошло уже двадцать лет. Когда ее нашли, она уже была старой. А еще потому, что... ты помнишь, что случилось с романами, которые пролили твою кровь?

Адриенна поежилась.

– Помню.

– Тогда я и убедился. Проливший королевскую кровь да будет проклят. И это не сказки, дочка, не выдумки...

– Хм?

– Обольщаться не стоит. Ты не стала бессмертной. Убийца умрет, а вот заказчик... не знаю. Да и подстроить многое можно...

Адриенна кивнула.

– Я поняла, папа. А что надо от нас королю?

– Подозреваю, что именно твою кровь.

– Выпить и омолодиться? – вспомнила девочка страшные сказки.

– Или родить ему внука. Твоя бабка была стара, когда ее нашли, твой дед... сама понимаешь, он не годился. Мать... так получилось, что у короля уже был наследник, там не сходилось по возрасту. Сейчас у СибЛевран есть ты. А у короля – сын.

– Принц? – прошептала Адриенна.

– Да.

– Я могу стать королевой?

– Можешь, – грустно сказал дан Марк.

И замолчал.

Только вот Адриенне сейчас слова и не требовались. Ее не разум вел, а древняя сила.

Девочка медленно свернула письмо и положила обратно. Коснулась окровавленного платка. А потом решительно взяла кольцо и надела на средний палец правой руки. Как ни удивительно, оно оказалось впору. Хотя... дан Марк был уверен, оно бы оказалось впору кому угодно из рода СибЛевран.

На миг его дочь закрыла глаза и снова открыла.

Только вот сейчас...

Синева ее глаз раньше была яркой и чистой. А сейчас... сейчас дану казалось, что в зрачках его дочери раскручивается черный вихрь. И не синева это вовсе, а темная глубокая вода. И водоворот. И кракен, который ждет на дне, плотоядно выставив когтистые щупальца...

Адриенна коснулась лба и губ. И на белой коже девочки осталось неприятное ржавое пятно.

Кровь.

Она испачкалась старой кровью от платка.

Только вот ни слова сказать, ни кровь стереть сил не было. Дана словно к креслу придавило чем-то тяжелым, страшным...

– Кровь позвала – и кровь откликнется. Кровь запоем – и кровь отзовется. Да будет за кровь заплачено кровью. Я принимаю свой долг и свою кровь! Именем Сибеллина, да будет так!

И на секунду за стенами замка поднялся шум. Словно захлопали, поднимая своих хозяев в воздух, сотни и тысячи черных крыльев...

Стоит ли обвинять дана, что он на секунду закрыл глаза?

А когда открыл их...

А ничего не изменилось.

Лежат в ларчике кольцо и платок.

Сидит рядом дочка, смотрит синими глазами, встревоженно.

– Папочка, с тобой все в порядке? Все хорошо? Ты так побелел... мне страшно стало...

И свиток лежит, и за окнами обычная ночь... и пламя не мечется по стенам... показалось?

Ох, как дан Марк хотел в это поверить! Всей душой, всем сердцем... и только страх, поселившийся глубоко внутри, шептал: нет. Не привиделось.

И не мечтай даже, дружище...

Это – было. На самом деле было.

И у Адриенны, и, может, у твоей жены, и у ее отца, и... да кто их знает? Люди они хоть – или уже что-то другое?

Не понять...

Дан Марк решительно захлопнул ларчик.

– Адриенна, я отнесу это на место.

– Место?

– Да...

– Я с тобой, отец. Я должна знать, где оно.

И дан Марк не нашел в себе сил возражать. И проводил дочь, и показал хитро устроенный тайник в подземелье, и научил открывать...

А потом пошел и в хлам напился у себя в кабинете. Так, что утром смог бы не выехать, а только выкатиться. Как бревно.

Но гонец и так никуда не уехал утром.

От шока Адриенне стало плохо, и всю ночь вокруг нее носились служанки. Девочка уронила первую кровь, и было это очень болезненно. До жара.

До бреда.

Так что выехать у гонца получилось только спустя сутки. Но тут – обстоятельства. Ничего не поделаешь, не везти же к королю больного ребенка? Так и уморить девчонку недолго, а она живой нужна. Целой и невредимой...

Единственная, кто был доволен задержкой, – портниха. Она успела переделать целых четыре платья, да еще и гонца расспросила. Получилось не идеально, но хоть как-то...

Не придется их девочке краснеть при дворе. Самой плохо одетой она не будет, хоть фасоны и отличаются чуточку, но ткани роскошные, и шитье, и украшения...

Да и держать себя дана Адриенна умеет.

Справится...

Сиблевраны выехали только на следующее утро. В одной карете. Дан Марк все еще страдал от головной боли, а Адриенна вообще не могла сесть в седло. Но повеление короля было исполнено.

Сиблевраны ехали в Эвруну.

Мия

Скучно...

Мия со скуки бы померла в доме дядюшки, если бы не открывшиеся способности. Если бы не мамины рассказы о прабабушке.

Мама говорила неохотно, но тем интереснее было узнавать новые и новые подробности.

Мия все яснее понимала, насколько это... Восхитительно!

Ты можешь быть кем угодно, где угодно, тебя никто не заподозрит, о тебе никто не подумает...

Любое лицо, любое тело...

Со слов матери, прабабушка была фрейлиной ее величества. И служила ей, исполняя деликатные поручения.

Прийти, уйти, подслушать, поговорить... да мало ли что можно сделать, обладая таким умением? Так что Мия тренировалась.

Пока у нее получалось мало и плохо.

Менять цвет волос, менять черты лица, менять тело... вот с телом получалось хуже всего, но тут, мать сказала, есть ограничения.

Размеры не меняются. Вырастить третью ногу или там шестой глаз не получится.

Сохранить облик надолго?

Прабабка могла сохранять его сутками. Мия? Как получится, но сам факт, что она проявила силу в день своего созревания, говорит о многом. Прабабка говорила, что самые сильные проявляются сразу, еще в младенчестве. В детстве...

Потом по силе идут те, кто проявляется в день взросления. А у некоторых и до старости может ничего не показаться.

Так, собой они управлять могут, но и только. Морщины, пигментные пятна, седина... ничего этого у Мии никогда не будет. Над собой она будет властна, она всегда будет выглядеть молодо...

Фьора даже немного завидовала дочери. Она делала маски, пользовалась притираниями, а Мии это не грозит. С другой стороны...

Слишком опасное умение.

Церковники захотят просто сжечь девушку, а остальные — использовать. И кто его знает еще, что именно хуже? На костре хотя бы сразу отмучаешься...

Мия мрачно смотрела в зеркало.

Вот так...

Медленно, очень медленно волосы меняли цвет. Сначала со светлого на рыжий, потом на черный, потом, прядями, обратно. И еще раз. И еще...

Пока действие не становилось привычным.

Но надолго девочки не хватало. Минут десять-пятнадцать, а потом поесть и поспать. Сил тратилось очень много.

Да, есть и спать...

* * *

Это для Мии нашлось дело.

Для ее младших сестер и искать не пришлось: пока что Джулии и Серене нужны были только Мария, куклы и сказки.

А Энцо?

Чем может заниматься в городе благородный дан? Заметим, это не деревня, риск попасть в дурную компания возрастает многократно, да

и просто вляпаться куда-нибудь... Дан или не дан, а плетью шкуру спустить могут. Потом разберутся, да толку – чуть.

Джакомо думал над этим не слишком долго. А потом решил побеседовать с Мией.

Нет, не с Фьорой, он уже понял, что эданна Фьора, во-первых, эданна до мозга костей, а во-вторых, главой семьи здесь и сейчас является Мия. Ей только возраста не хватает, а авторитет у нее есть. И младшие ее слушаются.

Мия дяде не обрадовалась.

Она как раз закончила превращаться обратно и сейчас лежала, отдыхала. Выглядела усталой и болезненной, вплоть до темных кругов под глазами.

Джакомо уверился, что племянница тяжело вырастет... такое бывает, но дело не терпело отлагательств.

– Мия, что ты думаешь об Энцо?

Мия посмотрела удивленными глазами. А что она думает о брате?

Он есть. Этого достаточно.

– То есть?

– Чем Лоренцо Феретти должен заниматься в городе? В моем доме.

Мия задумалась всерьез.

А правда – чем?

Торговать? Он вроде как дан. Сидеть целыми днями сложа руки? У Энцо не тот характер. Тогда что?!

– Учителя?

– Твой брат не готов учиться целыми днями.

А еще – кто будет оплачивать учителей? За чей счет пляски, так сказать?

Мия это тоже отлично понимала, потому что устало поглядела на дядю.

– Дядя, у вас ведь есть какое-то предложение? Правильно?

– Есть, – согласился Джакомо. – Но это сильно зависит от твоего согласия.

– Что вы хотите, чтобы мы сделали?

– Ты – поговорила с братом. А Энцо я пока устрою в лавку. Мальчиком на побегушках.

Мия даже головой замотала.

– ДАНА?!

– И что? Данам работать не позволено? Но я начинал примерно так же, Мия. И не жалею.

Мия прикусила язычок. Действительно, кто тут у кого в гостях? То-то и оно...

– Дядя... а Энцо согласится?

– Ты с ним поговоришь, чтобы он согласился.

Мия задумчиво кивнула.

Джакомо закатил глаза и принялся объяснять уже на пальцах:

– Мия, вы росли, считай, в деревне. Вы не знаете жизни, вас легко обмануть, подставить, вы даже ничего и не поймете. Разве нет?

– Да.

– В лавке людей хорошо видно. Это школа жизни. Это люди, это и покупатели, и приказчики, и улица... опять же, мальчишка поймет, как тяжело даются деньги, сам несколько сольди заработает, научится смирять дурной... да-да, именно что дурной гонор, которым так гордился мой покойный братец, не тем будь помянут. И делом полезным займется, и, опять же, время, и лишняя энергия – не сомневайся, первые дни он будет так урабатываться, что не до шалостей...

Мия покраснела.

Ну... не до шалостей. Есть такое... не стоило Энцо лезть на кухню и тащить оттуда сладости. Пусть даже для больной сестры, но все же... результат печален. Перевернутая кастрюля с тестом, побитый поварешкой дан, истерика у кухарки...

Дури много, дела мало. Вот и результат.

Или как говорил падре, в незанятую голову тотчас пролезет дьявол.

– Я поговорю с ним. Прямо сейчас?

– Да, Мия. Я пришлю к тебе брата.

Джакомо позволил себе довольно улыбнуться, только выйдя из комнаты. Умненькая девочка. И понимает, и кто главный, и у кого в руках кошелек... это хорошо. С умными всегда легче. И выгоднее.

– ЛАВКА?! Благородному дану не подобает...

Шлеп!

Подушка влетела прямо в лицо благородного дана.

– Цыц, малявка! – зашипела кошкой Мия. – Ты о другом подумай!

Дядя нас поить-кормить обязан?

– Ну... Феретти же...

– Я бумаги видела! Доходов от поместья – шиш да маленько! Хватит только, чтоб с голоду не умереть, и то некрупной кошке. Отец что можно – выжал, что нельзя – выдавил... несколько лет с земли ничего брать нельзя!

– Но крестьяне должны...

– А ты – не должен? Ты сейчас в доме у дяди, которому не зазорно было посыльным в лавке начинать. Ты его в этом упрекнешь?

Энцо надулся.

Правоту сестры он понимал. Но... дану же не подобает!!!

Отец постоянно так говорил!

Мия прикрыла глаза. А потом снова открыла их и заговорила.

О том, что родители живут бедно, и если Энцо не хочет так жить, надо что-то менять. Он тоже видел, как мать выпрашивала у отца деньги, видел, как отец сводил концы с концами, видел, как по десять раз перешивали платья для его сестер... мерз в непротопленном доме...

Для себя он такой жизни не хочет? Вот и чудесно, Мия тоже такого не желает. Значит, нужны деньги. Деньги есть у купцов, они их зарабатывают. Вот и узнавай, мальчик, как именно они это делают.

Дану не подобает?

Не подобает. Но кушать дану хочется. А разоренные земли дохода не дадут.

Эти доводы Энцо принял. К тому же никто не узнает, что он дан, а значит, и гордость не пострадает.

– А Феретти?

– Про управление поместьем дядя тоже обещал объяснить. И свозить тебя туда, только летом. И, кстати, мало что-то вырастить, надо это что-то еще и отвезти-привезти, выгодно продать, вложить полученную прибыль... опять купцы?

Энцо только вздохнул.

– Ну да...

– Тебе еще сестер замуж выдавать, за ними приданое какое-никакое нужно. У тебя тоже дети будут... кстати, за нищего дана могут даже купеческую дочку не отдать, кому оно надо, чтобы дитяtko всю жизнь нужду терпело?

Последний довод оказался решающим. И Энцо махнул рукой.

– Я согласен.

– Тогда иди и скажи об этом дяде.

Брат вышел.

Мия откинулась на подушки и прикрыла глаза.

Она смутно подозревала, что отец бы их не одобрил. Но поскольку неодобрение было вполне взаимным... ей нравились новые платья, чистый и уютный дом, вкусная еда, тепло...

Для этого надо учиться зарабатывать деньги?

Она и сама будет, и брата заставит! И только попробуйте хрюкнуть хоть слово!

* * *

Джакомо был только доволен. А ведь хорошо получается... и одного племянника к делу приставили, и остальных определим. Дайте только время.

Купцы – они всем торговать могут, в том числе и людьми. И отношениями...

Не нравится?

А вот это уже ваши проблемы, а не купцов.

– Дядюшка, а почему Мию нельзя взять с собой? Дома мы все вместе ходили. И в лавке она побывать сможет!

Привык мальчик к Мии... они везде вместе ходили, вместе играли, все делали...

– К сожалению, Мия уже взрослая. И в лавку ее никак нельзя. Если тебя можно переодеть, то с ней так не получится, – разъяснил Джакомо.

– В мальчишку? Еще как получится!

– Нельзя. Здесь не ваша деревня, кто-то услышит, сплетни пойдут... ты пойми, Энцо, девушке надо выйти замуж. Удачно выйти замуж. А слухи лишат ее даже шанса.

– Мия пока замуж не хочет.

– Но это пока. Лучше ты ей все рассказывай, чтобы она знала. А взять ее в лавку нельзя.

– Жалко.

Джакомо пожал плечами.

Своих детей у него не было, но с племянником он возился в удовольствие. Новое ощущение, когда ты учишь, а кто-то на тебя большими глазами смотрит и спрашивает. И ведь хороший парень, неглупый...

– Энцо, а отец вам много времени уделял?

– Нет. Папа или с мамой был, или на охоте, или с друзьями...

Повезло малышне. Не успел Пьетро их своей дурью испортить. А с другой стороны, и понятно. Лет до пяти мальчика воспитывали кормилица и нянька, потом он плавно перешел под опеку старшей сестры, потому что денег в семье не было, а Мия – девочка ответственная и умненькая... а Пьетро?

Он, конечно, займется сыном! Но потом...

Сейчас вот к друзьям, а потом к сыну...

Сейчас вот к жене, к куртизанке, к любовнице, а потом к сыну...

Потом. Энцо все откладывался и откладывался на потом, а оно взяло и не наступило. Так что мальчик получился неглупый, любознательный и с характером. И главное теперь было направить его в нужное русло. Это Джакомо и делал. Медленно, но старательно.

Фьора подружилась с Катариной.

Кати сначала искрами плевалась, что есть, то есть, но потом поняла, что Фьора, в общем-то, безобидна и глупа, и махнула рукой.

Бывает...

Даже если что-то такое Фьора и говорила, она ж не со злобы, не по подлости, она просто такая уродилась. Глуповатая и импульсивная. А это можно и простить.

Да и Катарине было полезно общество невестки.

На Фьору обращали внимание, в дом тянулись гости, а Кати отлично знала, с кем и о чем говорить. Или кому и что говорить...

Все можно обернуть на пользу и себе и семье, так Кати учили. Информация – товар. Связи – товар. Люди... тоже товар, что уж там! А кому и торговать, как не купцам?

Энцо предстояло научиться тому же самому. А еще...

Джакомо улыбнулся мальчику.

– Хочешь, я найму для тебя учителя? Студенты у нас подрабатывают, дают частные уроки по всем предметам, и недорого. Изучишь математику, языки, географию и историю...

Энцо просиял. А потом задумался.

– А Мия?

Джакомо пожал плечами. Но...

– Ты – старший мужчина в семье. Если при тебе твоя сестра будет находиться в учебной комнате, это ничего, это не страшно. Особенно если под плотной вуалью.

Энцо просиял.

– Мие понравится!

– Но учти, если я пойму, что происходит нечто... неподобающее... ты меня сильно расстроишь, Энцо.

Мальчик кивнул.

– Я понимаю. Уверен, Мия ничего такого себе не позволит.

– Очень на это надеюсь.

Джакомо подумал, что в меру образованная девушка будет цениться даже больше. Умение поддержать беседу, знание языков, ведение счетов, игра на музыкальных инструментах...

Посмотрим, но студенту все равно, сколько детей обучать. Пусть попробуют.

Адриенна

– Смотри, детка, это Эврона.

Адриенна смотрела на город с высокого холма. Дорог, ведущих в столицу, было несколько, и эта считалась самой короткой, но и самой неудобной тоже. Через холмы, через перелесок, рядом ни деревни, ни родника – ничего. Для кареты – быстро проехать, и ладно. А вот для купцов с их животными, с их обозами – неудобно.

Сейчас дорога привела их на возвышенность, с которой открывался вид на Эвруну. Город лежал перед ними, как будто драгоценным камнем на ладони, в окружении зеленых холмов и синих рек.

– Красиво...

– Эврона состоит из трех колец. Нижний город – мастеровых и ремесленников. Верхний город – благородных и богатых. Внутренний город – сердце Эвроны. Видишь? Вон там...

Девочка проследила за взмахом отцовской руки.

Даже отсюда дворец был огромным и величественным. Дома Адриенна ничего подобного не видела. И странное чувство отзывалось в ней...

– Папа, что это?

– Это дворец его величества Филиппо Третьего, когда он живет в Эвроне, – разъяснил отец. – В народе его прозвали Вороньим замком.

– Почему?

– Потому что в главной башне дворца всегда живут вороны. Всегда, детка. И вывести их нельзя, разве что разрушить саму башню. Посмотри, с холма открывается отличный вид на город и сам дворец... тебе это пригодится.

Адриенна прищурилась.

Солнце стояло в зените, но город это разглядывать не мешало. Она вообще могла подолгу смотреть на солнце, не испытывая никаких неудобств. Вот и сейчас...

Три кольца обороны.

Продуманная система стока воды во время дождя. Высокие стены, хорошие укрепления... этот город не брали штурмом.

– Говорят, что Эвроню нельзя завоевать.

– Ворота города открыло предательство...

– Не говори так в столице, Риен. Ты поняла?

– Да, папа.

Разглядывать городские кварталы Риен было не так интересно, как дворец.

Несколько больших площадок, окруженных зданиями. Не столько дворец, сколько целый крохотный городок. Три большие площадки, река, которая подходит ко дворцу с одной из сторон, большой зеленый парк, который также примыкает к реке...

И – ударом: все здания яркие, броские, украшены флагами, а вот это...

– Что это за серая башня? С черной крышей? Папа?

– Сейчас это тюрьма, Риен. Там держат личных королевских заключенных, и говорят, что из нее выходят только на плаху.

Девочка поежилась.

– Брр... а что это было раньше? Если – сейчас?

– Воронья башня Сибеллинов. Именно там живут знаменитые вороны.

Адриенна молча и сосредоточенно смотрела на башню. Если правда то, что рассказал отец... если она действительно – той крови? Что она должна сделать?

Как поступить?

Ответ не находился. И все же было нечто привлекательное и соразмерное в Вороньей башне. Среди разряженных дворцовых зданий, среди парков и садов, среди хаоса и разноцветья она смотрелась, как... как...

«Как клинок, который вонзили в именинный пирог», – вдруг подумалось Адриенне. Здесь все такое разноцветное, яркое, праздничное и радостное. И посреди всего, в самом центре – башня. Строгая, сдержанная... она не забыла своих хозяев. Она помнит. Она ждет...

– Почему король ее не снес?

– Не сумел? Не захотел?

Адриенна качнула головой.

– Не верю.

Дан Марк пожал плечами.

– Мог просто побояться, Риен. Просто – испугаться.

– Но проклятие он уже получил?

– А что может получить вдогонку?

Адриенна тоже пожала плечами.

– А есть еще какие-то рассказы про эту башню?

– Их забыли, Риен. Их приказали забыть.

Адриенна кивнула. И подумала, что ей нравится эта башня. Единственная несломленная. Единственная, что осталась верной своей присяге и своей крови.

Последний оплот Сибеллинов.

– Король ее ненавидит?

– Да. Но об этом тоже не стоит говорить при дворе.

Адриенна кивнула, и дан Марк погладил дочку по волосам.

– Едем. Мы не можем надолго задерживаться, нас ждут.

– Едем... – эхом отозвалась дочь.

Но не могла отвести глаз от башни, пока карета не свернула за поворот и столица не скрылась из виду. Не могла...

* * *

Если бы все шло обычным путем, дан Марк сейчас снял бы комнату в гостинице, а еще лучше – дом. Там они с дочерью привели бы себя в порядок, выпались, переоделись и явились во дворец. Но – нельзя.

В свитке написано – срочно.

На воротах их отметили, а потому... сразу же, как только они въехали в столицу, он обязан ехать во дворец. В ту же минуту, считай.

Если король спросит, если он узнает, что дан Марк задержался в пути – пощады ждать не стоит. Голубиной кротостью Филиппо Третий не страдал. А среди людей носил прозвище Змеиный Глаз.

Не любил народ своего правителя. И тихо считал, что на кого взгляд короля упадет, тому добра не жди. Как гадюка ужалила...

Так что Марк решил поторопиться, подумаешь – внешность. Кое-как себя можно и в карете привести в порядок. Ему что?

Рубашка, дублет, длинные брюки, которые обтягивают ногу, сапоги. Сверху – гаун^[5]. То есть роскошная накидка примерно до колена длиной, собранная на спине в складки, с широким воротником и разрезанными рукавами. Обычно гаун внутри отделывали мехом, чтобы показать свое богатство, но сейчас, по летней поре, Марк мог позволить себе облегченный вариант. А чтобы показать богатство, гаун щедро был украшен золотой вышивкой.

А вот Адриенне было намного сложнее, но об этом отец не подумал.

Каково надевать одежду на грязное и пропотевшее тело? Пришлось остановиться на пару секунд у колодца, намочить полотенце и хоть им основную грязь стереть. И кое-как одеваться.

Сначала – тонкая сорочка.

Нижнее платье из узорной тяжелой ткани светло-розового оттенка. Потом верхнее платье – кремовое, из гладкой ткани. Лиф со шнуровкой, чтобы показать и подчеркнуть тонкую талию. Рукава. Воротник.

И все это надо надеть-завязать правильно и аккуратно.

А еще есть волосы. И обруч.

Вот что делать с толстенной косой длиной чуть не до колена? Адриенна плюнула на все и приказала распустить и расчесать волосы. Она девушка и невинна! Пусть падают вниз, заодно и платье закроют... чего уж там!

Мятое после сундука! И не слишком модного фасона. Даже то, что она видела на улицах, сильно отличалось от ее костюма. То ли престолярды, то ли они в провинции от моды отстали...

* * *

Дальше все слилось в одну красочную мешанину перед глазами девочки. Вроде как на карусели в ярмарочный день.

Летишь, и вокруг тебя все летит, и цвета сливаются воедино, и люди... только там, на карусели, хорошо и весело.

А здесь...

Здесь ей плохо. Тошно ей здесь, душно, неприятно.

Почему? Да кто ж его знает... плохо! Словно окружили ее со всех сторон и давят, давят...

Вот карета останавливается перед дворцовыми воротами... или правильнее сказать – перед въездом на территорию?

Вот отец отдает раззолоченному стражнику с бело-алой перевязью свиток. Тот пробегает содержимое глазами, кланяется и уходит.

Кланяется без особого почтения, а уходит быстро. Все правильно.

Кто такие Сиблевраны? Да глухая провинция, чего с ними церемониться? А вот к королю надо идти быстро, тот на расправу скор.

Они ждут.

Адриенна разглядывает людей. И люди ей... нет, не то чтобы не нравятся. Скорее она остается к ним безразлична. Они дорого и модно одеты, они едут верхом или приходят пешком, они выходят из дворца, и Риен видит, что даже слуги одеты намного лучше, чем тот же падре Санто, к примеру. В одежды из дорогих тканей, да и обувь у них намного дороже, чем, к примеру, у отца.

Это сейчас дан Марк надел самое лучшее. А дома...

Сиблевраны достаточно богаты, но их золото – это поля, луга, скот, сыроварни и маслобойни, коптильни и арендаторы... к чему тут роскошь?

Ни к чему.

И только потом Риен поняла, что именно ей не нравится в людях. Их выражения лиц.

С одной стороны, все, кто имеет доступ во дворец, выглядят значительно. Они – при короле! Они собой гордятся.

С другой стороны... о да! С другой стороны, на их лицах лежит печать... пожалуй, даже не страха, а неопределенности. Они не знают, чего им ждать. Они не уверены в завтрашнем дне. Они рядом с источником, но льются из него не только милости, но и беды. Как в старых сказках – живая вода, мертвая вода, одна льется один день, вторая – другой. А главное – не перепутать...

Иначе – смерть.

Вот и здесь точно так же. Зачерпываешь из королевских ладоней и не знаешь, то ли яд, то ли вино. Адриенне здесь уже не нравилось.

Гвардеец вернулся быстрым шагом. Поклонился – и уселся рядом с кучером, показывать дорогу. Дан Марк качнул головой.

Безусловно, это честь. Только вот к чему она приведет?

* * *

Им пришлось выйти из кареты на одной из аллей. И следовать за гвардейцем, который спокойно шел мимо разнаряженных придворных. Мимо групп людей, которые провожали провинциалов недоуменными, а часто и насмешливыми взглядами.

Адриенна видела их. Взгляды словно обжигали... ей здесь не рады? Нет, не так. Она здесь – непонятно что. Отношение к ней будет зависеть от королевского, а что скажет его величество?

Девочка резко расправила плечи и вздернула повыше голову.

Что бы ни случилось... даже если она сейчас идет на плаху...

В двенадцать лет плохо верится в смерть. А вот достоинство сохранить хочется. И девочка нацепила на лицо снисходительную улыбочку.

Когда-то ее предок шел этими аллеями, этими коридорами...

Когда-то ее предки правили здесь. И не так уж давно это было. Народная память коротка, а память крови?

И показалось на миг Адриенне, что за спиной у нее два громадных черных крыла. Только на миг. Но походка стала легче, а улыбка – жестче.

Это – ее дом, ее земля, ее кровь и род. Она – СибЛевран. А что до незаконности происхождения... даже если ее прабабка была зачата вне брака, так что же? Она все равно остается внебрачной дочерью короля.

Коридоры тоже оставили девушку равнодушной.

Много золота.

Алые тона, белые... портреты людей с удивительно неприятными лицами. Доспехи и щиты. Знамена и эмблемы.

Высокая дверь, перед которой им приказали ждать. Кто бы сомневался – позолоченная.

Золото навязчиво било в глаза, злило, раздражало. Адриенна подняла глаза вверх. И на потолке вдруг заметила то, что примирило ее с остальным убранством.

Видно же...

Здесь все переделывали под себя, стараясь убрать даже напоминание о прежних хозяевах. Ломали, перекрашивали, уничтожали даже малейший их след. Но... где уж свинье рыло к небу задрать?^[6]

На потолке, там, где роспись с изображениями неба и каких-то языческих то ли богов, то ли богинь переходила ближе к стене, в лепнине отчетливо виднелись очертания крыльев. Легкие, стремительные, красивые...

Адриенна видела их так отчетливо, словно взлетела под потолок. А короли, наверное, не видели. Да и к чему им? Тем, кто пришел на эту несчастную землю с мечом и огнем?

Дверь скрипнула.

– Вы можете войти. – Гвардеец смотрел с любопытством.

Дан Марк взял дочь за руку и сделал шаг вперед. В кабинет его величества Филиппо Третьего. Змеиноного Глаза.

Какой он – Филиппо Третий?

Адриенна смотрела спокойно, даже с любопытством.

Симпатичный? Да, пожалуй, о нем можно сказать и так. Темные гладкие волосы зачесаны назад. Небольшая корона венчает чело, отчетливо показывая небольшие залысины.

Высокий лоб, тонкий, чуточку длинноватый нос, красиво очерченные губы, твердый подбородок. Король гладко выбрит. Скулы резкие, четкие.

Глаза темные. Темно-карие, такие, что кажутся черными.

Вполне приятная внешность. Портят ее разве что слишком редкие брови. Адриенна старалась не смотреть слишком пристально, но... кажется ей – или король подрисовывает их карандашом?

Забавно...

А смеяться нельзя. И пристально вглядываться – тоже.

Кому-то, наверное, король нравится. А ей? Девочка пока не могла определиться.

– Ваше величество. – Дан Марк опустился на одно колено и склонил голову. Адриенна склонилась в низком поклоне.

Несколько долгих секунд король молчал. Потом по красивым губам пробежала улыбка.

– Дан СибЛевран. Я рад видеть тебя и твою очаровательную дочь при дворе.

– Ваше величество, – пробормотал Марк, все еще глядя в пол. Вставать-то ему разрешения не давали. – Это огромная честь для нас.

– Поднимись. И представь мне свою дочь как подобает.

Марк послушался, взял дочь за руку и подвел ближе к королю.

– Ваше величество, моя дочь. Дана Адриенна СибЛевран.

– Подними голову, дитя.

Адриенна оказалась очень близко к королю. Пара локтей, не больше...

Что ж, если просят...

Она подняла голову и спокойно поглядела в глаза королю. Почему-то исчезло волнение, исчезла нервозность, даже раздражение – и то прошло. Глаза девочки были спокойными и холодными, словно два горных озера. А что на дне?

Лучше и не заглядывать...

Его величество тоже смотрел. Пристально, изучающе.

Что ж. Девочка невероятно хороша собой. И вырастет красавицей. Роскошные волосы, точеное личико, глаза вообще невероятные, словно два кусочка неба.

Или... нет. Небо – теплое. А глаза девочки холодные и спокойные. Словно это не он здесь король. Словно она властна в его жизни и смерти.

Филиппо испытал приступ мгновенного раздражения. И тут же...

– Очаровательная дана. Когда-нибудь вы станете украшением двора, прекраснейшая.

Молчание.

– Вы не согласны со мной, дана?

– Кто осмелится спорить с могущественным королем, ваше величество?

Глупой Адриенна не была. Ни на секундочку. И, конечно, боялась. Но – не сильно.

Королю что-то от них нужно. Это она поняла совершенно отчетливо, и страх внезапно исчез. Словно и не было его.

Здесь и сейчас им не причинят зла. Потом – возможно, а вот сейчас – нет. Потом, когда король получит, что хотел, потом...

– Есть внешность, есть характер... не хотите узнать, зачем я призвал вас ко двору, дана Адриенна?

– Разве дела королей – для ничтожного женского ума? – парировала Риен.

Филиппо поднял бровь. Действительно подкрашенную.

– Если вы так говорите, значит, достаточно умны, чтобы меня понять. Я хочу, чтобы вы погостили во дворце некоторое время, дана Риен. Потом я объявлю вам свою волю. А пока – будьте моей гостьей. Вы и ваш отец, разумеется.

Адриенна вздохнула. И... не удержалась:

– Ваше величество, пребывание при дворе дорого, а СибЛевраны небогаты. Наши богатства – наша земля и наши люди. Чем дольше мы будем при дворе, тем труднее будет потом привести дела в порядок.

– В вашем поместье нет управляющего?

– Ваше величество, кто вверит свое добро в чужие руки, рискует остаться без него.

– Но я ведь вверяю королевство в руки своих министров? И казну в руки казначея.

— О вашем величестве по всему королевству идет добрая слава как о рачительном и трудолюбивом хозяине, — парировала Риен. — Я бы не осмелилась сказать вам и слова, будь это иначе. Кроме того... — На губах девочки заиграла улыбка, преображая точеное личико дорогой куклы, и король едва не задохнулся от восхищения. — Ваше величество, у вас всегда есть возможность отрубить слишком вороватые руки. У нас, увы, — нет. В жизни и смерти подданных властны лишь вы.

— Дана Адриенна, вы льстите, словно опытный придворный.

— Если лестью мне удастся добиться, чтобы нас отпустили домой? О, ваше величество, поверьте, я восхищаюсь вашим мудрым правлением.

Филиппо откинул назад голову и расхохотался.

Потрясающая девочка.

И в какую невероятную женщину она вырастет! Сложно даже представить!

Адриенна смотрела на смеющегося короля и понимала, что вывод сделан. Филиппо Третий решительно ей не нравился. Внутренним чутьем, которым она выбирала лошадей, которым она пользовалась при общении с людьми, она знала, что и как сказать, она знала, как улыбнуться, но она и чуяла опасность.

Бывает так — идешь по лесу и хочешь присесть. Видишь, лежит дерево. Красивое, чистенькое, ты опускаешься на него — и проваливаешься в трухлятину. В гниль, труху, насекомых, во все, что скрывается под якобы крепкой корой. Оно прекрасно на вид, но изнутри... ничего там хорошего нет.

Гниль и пыль. Грязь и мразь.

На Филиппо Третьего так же не стоило опираться. Даже прикасаться не стоило. И удрать подальше. Но пока... пока у нее не было выбора. И Адриенна чувствовала себя, словно верхом на норовистой лошади. Она еще в седле, она знает, где припустить, где потянуть, но сколько она продержится, прежде чем ее сметет под копыта?

Филиппо отсмеялся и качнул головой.

— Дана Адриенна... могу я обращаться к вам по имени?

— Ваше величество, ваша воля — закон.

– Как приятно, когда твои подданные об этом не забывают. Так вот, Адриенна, я прошу вас побыть моей гостьей. Я прикажу отвести вам и вашему отцу покои в северном крыле. – И, видя, что Риен ничего на это не говорит, пояснил: – Это крыло дворца, в котором живут самые мои близкие приближенные.

– Ваше величество, это огромная честь...

Дан Марк даже задохнулся от радости. Их не казнят. У короля нет претензий.

А что до северного крыла... на что тратятся деньги в столице? На съеме дома – они будут жить в дворце. На игру – он к ней равнодушен. На одежду... м-да. Это придется сделать.

На выезд? Что ж, придется приобрести пару лошадей.

Но как оказалось, король еще не закончил.

– Адриенна, я понимаю, что вы впервые при дворе. И у вас не было времени собраться. Я пришлю к вам портниху, пусть она сошьет вам несколько новых платьев. Казна это выдержит.

Адриенна вздрогнула.

Казна – выдержит. А вот с чего такие милости?

– Ваше величество, это очень щедрый подарок... я благодарна вам за него. Не хотелось бы оскорблять ваш взгляд своим деревенским обличем.

– Вы очаровательны в любом обличе, Адриенна. И я надеюсь, сегодня вы будете на пиру... хотя нет! Завтра! Я понимаю, что сегодня вы устали и вам надо отдохнуть с дороги. А вот завтра утром, на малом приеме, я жду вас и вашего отца. Вы будете официально представлены ко двору. К сожалению, у меня нет супруги, будь она, я сделал бы вас фрейлиной.

– Ваше величество, вы еще молоды и можете не раз жениться. – Адриенна смотрела с потрясающей невинностью. – Я сочла бы за честь служить вашей супруге.

– Увы, милая Адриенна. Я уже не так молод.

Адриенна качнула головой.

– Ваше величество, в народе говорят совсем иное.

– И что же говорит обо мне мой народ?

– Что вы умный и рачительный правитель. Что вы правите своим королевством железной рукой. Что ваше правление смело можно

называть Золотым веком. Что вы великий воин и придворные дамы без ума от вас...

Льстите, льстите и не стесняйтесь! Смело говорите человеку все самое хорошее о нем, любимом. Поверит безоговорочно! Даже если в жизни о таком не задумывался.

Филиппо поверил. И расплылся в улыбке.

– Ах, Адриенна. Влюбился бы я в вас безоговорочно, будь я лет на тридцать младше.

– Простите, ваше величество. Верю, тридцать лет назад вы были очаровательным младенцем, но я предпочитаю мужчин постарше, – похлопала ресничками девушка.

И даже внутренне содрогнулась. Неужели... так надо?

Оказалось – да.

Филиппо рассмеялся еще веселее, взял ее руку и поднес к губам.

– Вы прекрасны, дана. Что ж, я надеюсь еще не раз побеседовать с вами. А сейчас – вас проводят в отведенные покои.

Когда СибЛевраны ушли, его величество откинулся на спинку кресла, побарабанил кончиками пальцев по гладко выбритому подбородку. Настроение было преотличным, но размышлять ему это никогда не мешало. Трезвый ум в любой ситуации – вот девиз его величества. Даже вино он пил весьма и весьма умеренно.

Очаровательная девчушка.

Красивая, умненькая, конечно, короля она побаивается, но стоило оттаять – и королевское обаяние взяло свое. Девочка начала кокетничать.

Что ж, тридцать лет назад он действительно влюбился бы без памяти. Да и сейчас... не будь у него сына и наследника... но Филиппо Четвертому... будущему Четвертому сейчас семнадцать лет. И он неглуп и обаятелен. Не считая его странной и нелепой привязанности...

Ладно!

Какой мальчик не влюблялся в опытную шлюху? Главное, чтобы девка знала свое место.

Вот Адриенна свое знает. Это сразу видно. Отец не жалел денег на ее образование, воспитывал как мальчика, это король знал. Но девушка есть девушка, природа свое возьмет.

Что ж.

Пусть она какое-то время побудет при дворе. Филиппо приглядится, определится со своими планами, а дальше будет видно. В выигрыше, конечно, будет он. Но и дане СибЛевран жаловаться будет не на что, это уж точно.

Король еще раз улыбнулся и отправился прогуляться по саду. Настроение хорошее, погода теплая... почему бы нет?

То, что Адриенне он дико не понравился, король так и не понял. У него дара СибЛевранов не было.

* * *

В отведенных им покоях дан Марк почти упал в кресло.

– Налей мне вина, Риен.

Адриенна послушно плеснула вино в кубок, протянула отцу, уселась у его ног.

Дан Марк осушил кубок одним глотком.

– Я тебя выпорю, наглая девчонка!

– Отец, ведь все обошлось?

– Просто повезло. Это – КОРОЛЬ! А ты! Ты...

Продолжать дан Марк не смог. Задохнулся то ли от возмущения, то ли от облегчения. Обошлось же... а уж что он передумал, наблюдая за своей дочерью...

Адриенна вздохнула.

Она хотела объяснить отцу, что так надо было, а король ей вовсе даже и не понравился, от гадкий и злой, и плесенью от него тянет, но – не успела. В дверь постучали.

Слуги принесли горячую воду для ванны.

Адриенну проводили в отведенные ей комнаты, в которых ее встретила молодая темноволосая девушка.

– Здравствуйте, дана СибЛевран. Мое имя Джованна, я назначена вашей горничной на время пребывания при дворе.

– Хм?

– Разумеется, дана, если я чем-то не подхожу вам, стоит только сказать об этом, и меня заменят.

Адриенна задумчиво оглядела горничную.

Молодая, лет на пять старше, чем сама Риен, темноволосая, с приятным лицом, на котором видны следы оспы... Не красавица, но и лошади шарахаться не станут.

– Пока оставайтесь, ньора Джованна. Или – ньорита?

– Просто Джованна, дана. К вашим услугам.

– Так ньора или ньорита?

– Я пока не замужем, дана.

Адриенна кивнула.

– Джованна, я первый раз при дворе и ничего не знаю. Кто здесь важен, кто здесь не важен... Если ты мне немножко расскажешь, как и что здесь принято, помощь не останется без награды.

В руке девушки сверкнул серебряный дарий.

Лорин – это слишком. Верховая лошадь, и не самая плохая, стоит от семи до сорока лоринов. Сорок – это если лошадь просто восхитительная. На восемь лоринов можно год прожить, не особенно нуждаясь и спокойно покупая хлеб, мясо, масло и вино. Так что... Кому-то другому Адриенна и сольди пожалела бы.

Джованна улыбнулась при виде монетки. Та блеснула и исчезла за корсажем быстрее, чем Адриенна глазом бы моргнула.

– Дана, вы не переживайте. При дворе, конечно, не все хорошо и гладко, но и страшного тут ничего нет. Главное, королю угодить, ну так вы ж уже от него?

– Отцу дали аудиенцию, – кивнула Адриенна, не настроенная откровенничать сама. – Но знаешь, как бывает – жалует царь, а не жалует псарь?

– Ну псари-то при дворе есть, – хихикнула Джованна. – Но таких, чтобы могли жаловать или жаловаться, точно нет. Единственный, к чьему мнению его величество прислушивается, так это его высочество. Но он сейчас в отъезде, должен скоро вернуться. А уж какой умница! А красавец!

За разговором Джованна успела расшнуровать на Адриенне платье, стянуть с девушки все, включая нижнюю рубашку, и помочь ей забраться в горячую ванну. Адриенна вытянулась – и аж застонала от удовольствия.

– О-о-о-о-о-ох!

– Давайте, дана, я вам голову помою... какие у вас волосы! Чисто шелк!

– А пыли сколько?

Джованна опять хихикнула.

– Так вы ж и ехали, наверное, не один день?

Адриенна вспомнила поездку и поежилась. Первые дни все было просто УЖАСНО! Девушки поймут, каково это в некоторые дни, да в карете... даже меховая полость не спасала. Плохо было так, что до сих пор помнилось.

– Ничего, дана, ничего! – Джованна почувствовала, что Риен всю трясет, и принялась намыливать ей волосы. Потом осторожно смыла, помогла девушке выкупаться, потом достала из ее вещей ночную рубашку.

– Вот так. И лечь бы вам поспать.

– А портные? – зевнула Адриенна.

– Так портных можно и в рубашке принять, ничего страшного. Сейчас я схожу посмотрю, что да как, а вы пока покушали бы?

Джованна как-то мигом крутанулась и поставила перед Адриенной большой поднос. Сняла крышки с блюд.

Риен потеряла руки.

Тушеное мясо было вкусным и практически таяло во рту. Артишоки выше всяких похвал, а фрукты спелые и сладкие.

В завершение трапезы Адриенна съела несколько апельсинов и вымыла руки в небольшой чаше с водой. А тут и Джованна прибежала:

– Сейчас, дана, минуточку. Вот дана Анжела Росси, она сейчас мерки снимет, а уж фасоны и ткани по последней моде, верно, дана?

– Король приказал. – Портниха улыбалась, но так, что становилось ясно – с королем здесь не спорят. И его неудовольствие вызвать не рискнут. Наверное...

Снять мерки с девичьей фигурки было недолго. А вот ткани и цвета...

Хотя Адриенна и тут не стала размышлять.

– Голубой шелк, вот этот. И вот эта парча. И вот это, розовое, и, пожалуй, вот этот...

Единственное, от чего не смогла отказаться Адриенна... Потрясающий черный бархат. Роскошный, мягкий... прижала к щеке.

– Я хочу платье из этой ткани. Верхнее.

– А нижнее?

– Белое, – решила Адриенна. – Или даже лучше... вот, серебрястое.

– И вышивку серебряным, – полыхнули глаза портнихи.

Адриенна кивнула.

Будет она это платье носить, не будет... а расстаться с этой тканью было выше ее сил. А потом девочка упала в кровать и даже пошевелиться не смогла, так ее все это вымотало. И дорога, и разговор...

Не сон – черный провал в нереальность.

Лоренцо

Лавка – это как? Этоходишь ты в дверь, колокольчики звякают, приказчики кланяются, товар предлагают.

Это – лицо.

А есть еще и изнанка.

С ее складом, на котором все разложено в строго определенном порядке, и надо этот порядок знать. И отнести-принести, и сложить как было, чтобы потом найти легко.

С ценами, которые тоже хорошо бы знать.

С самой тканью... Лавка торговала тканями, но не только. Кружева, ленты, ткани – отдельно. Нитки, иголки, всякая мелочь – отдельно. Есть и другие лавки, с экзотическими товарами, есть даже ювелирный магазин... Лаццо были не из бедных.

Но чтобы оставаться богатым, требовалось работать. Потому – трудились все.

Энцо перестал дуться, когда узнал, что все дети Паскуале Лаццо, да и он сам во времена оны через это проходили. И бегали мальчиками на побегушках.

И опять же – город тоже надо знать. И никуда не влипнуть...

А уличные мальчишки могут и стайкой налететь, и товар отнять попробовать...

Энцо пришлось узнать очень многое о жизни. С ее изнанки.

С той самой, о которой ничего не знал его отец.

Энцо помогал рассыльному, Энцо бегал на склад, Энцо смотрел, как организована торговля, как приказчики кланяются посетителям,

как расхваливают товар...

Энцо учился. Ему было интересно.

Столько нового, яркого, любопытного... тем более что попусту он не болтал, а приказчики получили внушение. Если мальчишка чего спросит – не подзатыльник дать, а объяснить. И объясняли.

Ругались иногда, шипели, но рассказывали и показывали.

Даже Фредо Лаццо одобрительно кивал в ответ на вопросы мальчика.

– Пожалуй что, он больше не на отца похож, а на дядю...

А объяснялось все просто.

Энцо действительно был неглуп.

От новых знаний голова пухла, но Энцо не собирался сдаваться или жаловаться. Что ж он – глупее купца? Разберется как-нибудь! Постепенно, со сложностями, но и справится, и научится, и все сделает.

Энцо учился. И единственное, чего ему не хватало, – это сестры.

Впрочем, дядя обещал, что обязательно наймет им учителя. Лавка – безусловно, хорошо. Вот Энцо бегаёт, считай, деньги экономит, а значит, на эти деньги и наймем. Пусть научит истории, географии, чистописанию, арифметике... да чему надо – тому и научит.

С одной стороны – школа жизни, с другой – теоретические знания, а как все это вместе сложится, так и хорошо в целом получится.

Энцо нравилась эта новая интересная жизнь.

И шkodить он перестал, все верно. Прилечь бы! И уснуть тут же, какие уж там шкoды! Но много времени на сон дядюшка Джакомо не отводил. Успеют потом отоспаться! В старости...

* * *

– Знакомьтесь. Њор Луиджи Галло. А это ваш ученик, дан Лоренцо Феретти.

Джакомо кивнул племяннику, который тоже склонил голову.

– Рад знакомству, ъор Галло. Вы будете учить меня?

– Все верно, дан Феретти. Я рад буду преподавать вам уроки чистописания, математики, истории и географии.

– Когда мы начинаем?

Джакомо довольно улыбнулся.

Мальчику нравится учиться, ему и студент понравится. Джакомо специально выбрал такого, чтобы и знания были, и девочкам он не приглянулся. Потому как девочки тоже будут учиться.

Будут сидеть в этой же комнате, разве что за ширмой, будут слушать. Спрашивать их студент не станет, вообще не увидит, а дальше все от них самих зависит. Захотят учиться – будут учиться. Нет?

Шанс вам давали, кто ж виноват, что вы его не использовали.

Но Мия была настроена серьезно.

А потому...

Знал Джакомо, как девочки могут влюбиться в своих учителей, – сталкивались, слышали... Поэтому и выбрал Луиджи Галло.

Невысокого, сутулого, худенького, в забавной придумке на носу – очках. Очки явно недорогие, подогнаны плохо, нос натирают, отчего он постоянно краснеет, да и чихает часто...

Нет, в таких не влюбляются. Волосы жидкие, сальные, глаза словно у испуганной собаки...

А и ничего!

Главное, дело свое знает, о мироустройстве рассказать сможет, а больше от мальчишки и не требуется.

И Джакомо с чувством выполненного долга вышел из классной комнаты.

Мия

Мия сидела за ширмой. Джулия и Серена трещали, словно сороки, а вот она слушала внимательно. И младших унимала.

С тех пор как она узнала о своем даре, она стала серьезно задумываться о будущем.

Замуж?

Конечно, хотелось бы. Но мать говорила, что это очень серьезно. Вот у Мии все проявилось в день взросления. А может проявиться, когда ей станет больно. Или плохо. Или...

Вроде как после смерти все тоже вернется на круги своя. Или нет?

Прабабка была скупа в таких подробностях и почти ничего не рассказывала. Думала, кровь выродилась.

А оно вот – полыхнуло. И проснулось...

А как быть-то дальше? Допустим, Мия заболеет и будет лежать в бреду? Или при родах – тоже, говорят, и больно, и плохо, и горячка бывает... чем это может закончиться?

Тем, что на костер поволокут и саму Мию, и ее детей? А ведь может быть и такое. А если и ее дети ЭТО унаследуют?

Ой, мамочки...

Брак по расчету становился нереальным. Разве что за старика, которому детей рожать не потребуется, но кто бы хотел такой судьбы – в двенадцать-то лет?

В монастырь?

Мама обрадовала: Мия вполне может и к причастию сходить, и хоть святой водой омыться от ушей до пяток – не подействует. И Мия уже попробовала.

И ничего не случилось.

Колокола не зазвонили, когда она в храм вошла, падре не шарахнулся, причастие девочка приняла.

Но если кто-то узнает... ее проверять не станут, сожгут как ведьму.

А какие еще варианты?

Пожалуй, есть один, о котором и подумать страшно. Но... придется.

Есть женщины, которым такое умение как раз и пригодилось бы. Куртизанки. Они хорошо образованны, они умеют поддержать беседу, они играют на музыкальных инструментах, они покровительствуют ученым и поэтам, художникам и скульпторам, они даже при дворе бывают...

Но для этого нужно образование.

И Фьора подала идею Катарине, та – Джакомо...

Мия была полна решимости учиться. И младших она заставит... она сильно дернула за уши сначала десятилетнюю Джулию, а потом и девятилетнюю Серену.

– Молчите и слушайте!

Девочки надулись, но замолчали.

То-то же!

Учиться и снова учиться. И насчет музыкантов мама обещала подумать... может, от этого жизнь их будет зависеть. Мии – и девочек.

И напрасно Джакомо волновался за племянниц. Младшим было не до того, а Мия и на короля не посмотрела бы, настолько ее придавило знание о своем даре.

Учиться и еще раз учиться. А у кого?

Да хоть бы и у пугала огородного, хоть и у красавца неопишемого – все равно! Не важно!

Учиться!

Адриенна

Джованна оказалась настоящим сокровищем. Так что Адриенна легко рассталась еще с несколькими серебряными монетами.

Пока девушка спала, Джованна успела привести обувщика, который снял мерку с ножки Адриенны и удалился. А еще служанка подробно рассказывала о распорядке жизни при дворе.

Филиппо Третий действительно был королем-трудооголиком. Пусть и завоевали его предки королевство, но чтобы слить два в одно, а потом еще и управлять, времени и сил требовалось много.

А потому...

Распорядок короля подчинялся строгим правилам.

Утро. Король вставал с третьими петухами. Забавно, но несколько петухов жили при королевском дворце, нравились они его величеству. Правда, долго почему-то не жили.

Год, много – два, и пропадали. Или просто умирали почему-то...

Тем не менее король вставал с третьими петухами. Не любя пышного этикета, Филиппо Третий и не требовал присутствия придворных до завтрака. Короля одевали, и он выходил сразу в трапезную.

Там он быстро завтракал и удалялся работать.

После двух-трех часов работы его величество чувствовал определенную усталость и мог приказать прогуляться или поиграть в мяч, размяться как-либо еще...

Охота?

Филиппо Третий не был любителем охоты. Вот его сын, тоже Филиппо, охоту обожал. Причем... кхм, как на женщин, так и на зверя. А король охотой не увлекался.

В храм мог сходить. Поиграть с кем-нибудь в шахматы, приказать партию в карты... Камбок королю нравился^[7]. Сам он не играл, но поглядеть любил, так придворные даже несколько команд собрали, чтобы его величеству доставить удовольствие.

В кегли его величество поигрывал. И меткостью отличался изрядной. Это до обеда.

Потом обед. Во время обеда его величество уделял время придворным, вел разговоры, после обеда удалялся на двухчасовой отдых.

После отдыха работал до вечера.

Вечером развлечения переходили в иную фазу.

Регулярно при дворе устраивался театр. Приглашались труппы, которые давали представления. Правда, исключительно моралите, мистерии или кукольные представления. Фарсы его величество резко не одобрял.

Адриенна, которая одобряла и фарсы, насмотревшись их на ярмарке, и миракли^[8], пожала плечами.

Ей нравилось все, а вот поучительные представления она терпеть не могла, считала их тратой своего времени.

Карты, танцы, кости, различные фривольности вроде «летучего» танца не одобряла, как и король. Впрочем, такое Адриенна знала. Этим и простонародье грешило... в летучем танце надо было подбрасывать партнершу высоко, так, чтобы юбка задиралась, ловить, скользить руками и глазами по прелестным (или не очень) ножкам, оценивая женские стати... При дворе даму могли и аккуратно «уронить», и даже упасть сверху.

Всякое бывало.

При дворе не было общественных прядилен-чесален, не было общественных бань, хотя купальни король устраивать приказал, но это в теплое время года. Сейчас, кстати, лето, а потому купальни открыты. Женщины очень любят их посещать... да, в одних рубашках, конечно.

Мужчины тоже... Купальни для женщин и мужчин разные, но отделены они друг от друга чисто символически. Перегородками.

Это на реке!

Где и проплыть мимо можно, и заглянуть через перегородку можно, одно слово – разврат!

«Вы, дана, туда лучше не ходите», – советовала Джованна. Мол, король хоть все это и завел, но такие развлечения весьма не одобряет и считает, что целомудренным девушкам там делать нечего.

Балы?

Устраиваются, конечно. Но его величество и их не слишком одобряет. Все же такая вещь... и денег требует, и подготовки тщательной, и, опять же, на балах вечно случаются какие-то инциденты. За всеми не уследишь, вот с месяц назад эданна Беатриса уединилась за портьерой с даном Риккардо, а портьера возьми да и упади. И оказались они у всех на виду, да в таком фривольном виде... Правда, есть подозрения, что это не случайность, что портьеру оборвал предыдущий любовник эданны, которому она дала отставку...

Адриенна слушала, размышляла и наконец подвела итог:

– Никакой разницы. Что двор, что деревня, а смысл один и тот же.

Правда, Джованна этого не слышала. Она как раз выкладывала на кровать все детали одежды. Портниха расстаралась, и девушке надо было выходить к завтраку.

* * *

Королевский завтрак – это целое мероприятие. И обычно завтракает его величество, завтракают несколько человек, которых он соизволит любезно пригласить за свой стол. А остальные придворные стоят и ждут, пока на них обратят внимание.

Даже подать кувшин на таких мероприятиях уже почетно.

Получить стул – тоже.

Поговорить с королем – тем более.

А вот кормить всех дармоедов – еще не хватало! Поварня и бюджет попросту не выдержат! Пусть сами со своим пропитанием разбираются!

Разбирались по-разному.

Если человек служит при дворе, конечно, он получает определенное жалованье и еду ему доставляют с дворцовой поварни. Если нет – и таких «нет» при дворе много, – то питайся в городе. Если

король тебя за стол пригласит, понятно, не обнесут блюдами, если на балу – тоже можно покушать. А в обычные дни или за деньги, или в трактирах каких, или где живешь, там и столуйся.

А еще даже на королевский завтрак допускают не всех.

Обычно его величество идет по галерее, вдоль которой выстраиваются придворные, и приглашает с собой кого пожелает. Если пожелает.

Но Адриенне там быть точно надо.

А еще Джованна – сокровище, а не служанка! – раздобыла для девочки на поварне хлеба, сыра и мяса. И сунула Риен.

– Вы пока перекусите, дана. Мало ли что, пригласят, не пригласят, а брюхо петь не должно, позор же какой!

Адриенна кивнула – и с удовольствием сжевала все добытое.

Вкусно!

И принялась одеваться.

Тонкая рубашка из шелка. Раньше у Адриенны такой и рядом не было. Панталоны, чулки, все как положено, подвязывается к поясу. Закрепляются подвязки...

– Джованна?

– Портниха изготовила. Сказала – приказ его величества.

Подвязки были украшены розетками с небольшими камушками. Похоже... рубины?

Адриенна в них настолько не разбиралась. Нижнее платье – котта^[9].

Тонкий белый шелк красиво облегает девичье тело, волнами разбегается золотая вышивка. Верхний гаун с высокой талией, темно-синий цвет оттеняет глаза Адриенны. Закругленная горловина, шнуровка сзади, чтобы подчеркнуть грудь. Пышные рукава разрезаны, чтобы показать ткань рубашки.

Теперь волосы.

Джованна заплела девушке несколько кос, закрутила их в узел, одну косу уложила вокруг головы, все это украсила цветами и заколола шпильками.

– Благодарю! – Адриенна смотрела на себя с восхищением.

Да, ей двенадцать лет. Но она красива уже сейчас и станет еще красивее в будущем. Прическа открывает высокий лоб, подчеркивает скулы и глаза... все правильно. Красиво.

– Вас, дана, собирать – одно удовольствие, – сделала ей комплимент Джованна. Малышка ей понравилась.

Не злая, не вредная, не капризная, явно умненькая – чего еще надо? За иной даной с ног собьешься, как бы угодить, а то еще возьмут моду по щекам хлестать... Джованне пару раз доставалось.

Понятно, слуги таких не любили и находили возможность отомстить, но это уже другое. Видно, что Адриенне и в голову не придет избить служанку щеткой, как делала та же эданна Франческа... И благодарит она привычно. И улыбается по-доброму.

Джованна... что уж там! Служанка при дворе – это не просто так, это еще глаза и уши! И эти глаза-уши-рот были настроены доброжелательно по отношению к молоденькой дане. Какие б там планы у его величества ни были, а девочка хорошая!

– Ньорита Джованна, а что мой отец?

Что отец – Джованна отлично знала.

– Он будет через пять-семь минут, дана, кто-то же должен сопровождать вас.

– Да?

Джованна серьезно кивнула.

– Дана, вы запомните. Вы молоды, вам только двенадцать лет. И вам везде надо ходить или с отцом, или хотя бы с личной служанкой, то есть со мной. Я вас буду ждать в комнате. Но сюда вас тоже должны проводить. Иначе неприлично.

– Что может быть неприличного в том, чтобы дойти до комнаты?

– Вы при дворе, дана. И вам только двенадцать лет, вы не знаете, на какие подлости идут мужчины.

Адриенна пожала плечами.

– Я в деревне росла, мне не надо рассказывать, откуда дети берутся.

– Дана, вряд ли вам понравится выйти замуж за старика лет сорока или пятидесяти?

Адриенна поежилась.

– Им еще нужны женщины?

– Для статуса, – хмыкнула Джованна. – А иногда и не только для статуса. Заташат вас в покои к кому-нибудь, даже если ничего и не сделают, век не отмоешься.

Адриенна подняла брови.

– Ты как служанка можешь меня отбить у престарелого сластолюбца?

– Я – нет, дана, – хмыкнула в ответ Джованна. – Предполагается, что я служу его величеству. И тот, кто поднимет руку на меня, фактически поднимает ее на короля.

Адриенна поняла и кивнула. Лучше не связываться, так спокойнее.

А тут и в дверь постучали.

– Папа! – Адриенна повисла на шее у отца.

– Дочка! Ну-ка... какая ты красавица стала! Просто потрясающая! Адриенна кокетливо повернулась вокруг своей оси.

– Да, папа. Тебе нравится?

– Совсем взрослая. И так похожа на мать...

Дан Марк невольно сглотнул.

Да, вот ведь... Адриенна от него взяла только черный цвет волос, у Рианны они были золотисто-каштановые. А все остальное – от любимой.

И фигурка, и черты лица, и глаза – потрясающие, невероятные, пронзительные сапфиры рода СибЛевран.

– Тебе бы сапфировый гарнитур. И диадему.

Адриенна пожала плечами.

На такие роскошества у СибЛевранов не было денег. А значит, и мечтать не стоит. Хорошо хоть, в последний момент шкатулку со всякими мелочами успела в сундук кинуть верная Роза, а то бы и шпильки взять неоткуда. Косу-то Риен всегда сама заплетала и завязывала чем придется. Иногда и обрывком какой веревки. Благо волосы тяжелые, густые, такие не распадутся.

– Папа, а ты знаешь, куда идти?

– Знаю, – вздохнул дан Марк. – Знаю...

И предложил дочери руку.

Адриенна коснулась кончиками пальцев его рукава и медленно поплыла по коридору.

Джованна проводила СибЛевранов нечитаемым взглядом. Так... это надолго, пока будут ждать короля, пока то да се... а она пока сбегает и отчитается перед мажордомом. Что за девушка, как она себя ведет, о чем говорит...

Доносчица?

Нет. Просто работа такая...

* * *

Галерея была большой и светлой. Стрельчатые арки, высокие окна, свежий ветер... Адриенна почувствовала себя легко-легко. Казалось – вот сейчас распахнутся крылья, и она взлетит. Высоко и безоглядно.

И тут тоже по углам прятались тени вороньих крыльев.

– Это тоже старое здание?

– Да, Риен. Тише...

Адриенна послушно замолчала. Не время для любопытства. Нет, не время... галерея была заполнена придворными – и у девушки заребало в глазах, не хуже чем на ярмарке.

Роскошь просто лезла из всех щелей! Сочилась, падала крупными каплями... слов не было – описать все это! Просто наряд скомороха!

Все блестит, все пестрит, все в драгоценностях и камнях, шелках и бархате... даны и эданны в ярких платьях, мужчины тоже не отстают, вроде как и при оружии, но в то же время...

Это – оружие?

Адриенна считала, что вот таким кинжальчиком размером с крупную иголку хорошо только дырки прокалывать. Небольшие. В чем-то вроде сыра – он не сопротивляется.

Рукоять украшена так, что вставь в волосы – за гребень сойдет. За драгоценную побрякушку. Но дан носит этот кинжальчик даже с гордостью.

Зачем?

Вот у ее отца клинок хороший, она знает. Таким что колбасу нарезать, что врага покровсать на ломтики – легко! Только вот отец его не взял.

– Папа, ты без оружия?

– Риен, рядом с королем не принято быть вооруженным. Если кому-то оставляют оружие – это милость и высокая честь.

Адриенна посмотрела на мужчин другими глазами.

Ага, вот тот... и тот... и еще несколько человек... так это не оружие, а символ милости монарха? Тогда все понятно, вопрос

снимается. Символу не положено колбаску резать, он для другого нужен.

Послышался высокий и чистый звук трубы.

– Король идет...

Дан Марк поспешно отвел дочь в дальний угол. Ближе становиться не рискнул, а вот тут... в полусумраке... может, их и не заметят?

Ну может ведь и так быть?

Пустые надежды...

Его величество Филиппо Третий шествовал по коридору. Нарочито простая темная одежда выделяла его на фоне подданных. Никаких украшений. Только корона – и перстень с печатью.

И клинок у пояса.

Адриенна подумала, что для себя Филиппо оставил тяжелый боевой меч. Короткий, удобный, но – боевой. Не разукрашенный, не в роскошных ножнах, зато наверняка не раз пробовавший крови.

Интересно, умеет ли король с ним обращаться? Или это ради последнего шанса?

Если убийца налетит?

Может быть и такое.

Его величество словно специально искал глазами СибЛевранов. Нашел – и улыбнулся.

– Дан Марк, дана Адриенна, следуйте за мной.

Пришлось кланяться и следовать. А куда деваться? Слово короля – приказ для подданного.

* * *

Красивая трапезная легко вместила и большой стол, за которым расположились восемь человек, и еще два десятка придворных вдоль стен. И кто бы сомневался:

– Садитесь рядом со мной, Адриенна. Я хочу, чтобы вы скрасили мой завтрак беседой.

– Воля вашего величества – закон, – сверкнула глазами девочка.

И подумала, что сплетни пойдут... и пусть!

Она не делает ничего предосудительного! И ее отец тоже здесь, и тоже за столом, правда, не рядом с Риен, а на другом конце стола, но все-таки.

— Адриенна, на правах хозяина я хочу представить вам сотрапезников, — любезно улыбался король. — Дан Анджело Санторо — мой духовник. Личный.

Дан Анджело сразу не понравился девочке.

Вот бывает же такое... хоть и назвали человека в честь ангела, но не уточнили — какого именно? Может, там Люцифер отметился?

До чего ж неприятная личность! Лицо красивое, этого не отнять, но какое-то желчное, что ли? Словно у него под носом, простите, тухлятиной намазали или чем похуже, и он постоянно это нюхает и нюхает, и так уж ему, бедному, противно...

На Адриенну он смотрел точно так же. Словно на кучку лошадиного навоза.

Девушка стесняться не стала и улыбнулась ему милейшим образом. А что? Она еще в детстве поняла: людям, которые тебе приятны, надо улыбаться. А неприятным так и вдвое больше. Пусть побесятся.

— Дан Бенвенуто Брунелли, мой казначей.

Добродушных казначеев не бывает. В принципе. А то бы Адриенна и поверила. Вот никогда не скажешь, что этот милейший, весь такой уютный и кругленький человек — казначей! На пекаря похож, и даже пахнет от него приятно — корицей, свежим хлебом...

Но казначей же! И, приглядываясь, постепенно многое о нем понимаешь. Хоть его глаза и похожи на изюминки, хоть улыбка у него и мягкая, и добрая, и волосы смешно зачесаны набок, чтобы скрыть лысину, а все равно... это не булочка. Это пушечное ядро, которое кто-то хлебушком облепил. И характер у него соответствующий.

— Дан Микеле Баттиста. Министр.

— Как приятно видеть столь очаровательную юную дану.

Адриенна вежливо улыбнулась.

Дан Микеле ей понравился. Нельзя сказать, что он красавец, нет. Лет пятидесяти, седой, худощавый, улыбчивый... черты лица неправильные, нос искривлен, во рту половины зубов нет, но в то же время...

Он — не злой. Вот как хотите, а он не злой.

– Дан Андреас Альметто. Канцлер.

А вот тут уже не понравилась Адриенна. Канцлер – среднего роста, плотный мужчина лет сорока – смотрел вопросительно. Словно оценивал – а почему это ты, девочка, сюда допущена? С чего такая честь? И на ее отца смотрел так же вопросительно.

Ничего не говорил, понимал, что король вопросов не одобрит, но смотрел.

– Дан Бонифаций Виталис. Придворный медик.

Придворный медик был уже в преклонных годах. Но смотрел тепло, улыбался добродушно... Адриенне он в целом понравился. И его ясные серые глаза, и морщины, которые складывались в хорошую теплую улыбку... это в юности у нас то лицо, которое даровал Господь. А в старости – то, которое мы сами себе заработали. Хмурился ты или улыбался, злился или радовался – сразу будет видно. Как нос, так и нрав не спрячешь. И если человек в старости похож на доброго волшебника, явно в юности он не был гадом.

Адриенна улыбнулась ему в ответ.

– А это дан СибЛевран. И его дочь Адриенна. Они мои гости.

Сказано было ясно и увесисто. Даны поняли намек и радушно заулыбались.

Да-да, никаких вопросов! Для знатнейших людей королевства, которые более иных приближены к королю, это такая честь! Сами СибЛевраны... они – кто? Неизвестно?

Ну и не важно! Если король сказал – значит, честь! И точка!

Глупой Адриенна не была. Двенадцать лет – официальный возраст согласия на брак, тут поневоле поумнеешь. И если его величество соизволил их пригласить и усадить за стол со своими ближайшими сподвижниками... кто-то в этом сомневается?

В министры, духовники, казначеи, канцлеры и так далее не берут людей, которым не могут доверять.

А СибЛевраны сидят с ними за одним столом.

Зачем?

Если бы речь шла о казни или о тюремном заключении, в этом представлении не было бы смысла. Значит, что-то другое. Только вот что можно от них получить?

Адриенна преисполнялась мрачных подозрений. Но на вопросы отвечала вежливо, улыбалась вполне мило, и к концу трапезы все

собеседники были уверены, что дан Марк – обычный провинциал, а его дочурка – очаровательное существо. В меру безмозглое, как и все юные даны, в меру полезное, главное, чтобы умный мужчина ее направлял и объяснял, что надо делать.

Потом его величество решил, что трапеза закончена, и удалился работать. А Адриенне уйти не удалось. Ее атаковал дан Санторо:

– Дана СибЛевран, надеюсь, вы уделите мне немного своего времени?

– С позволения моего отца, дан Санторо.

– Можете обращаться ко мне «ваше высокопреосвященство», – приосанился дан.

– Да, ваше высокопреосвященство.

– Дан СибЛевран? Вы не возражаете?

– Верю, что с вами моя дочь будет в безопасности, равно как с родным отцом.

Дан Санторо поморщился. Но кивнул и предложил Адриенне руку. Сегодня кардинал был одет в светское платье, разве что темных тонов. Красная шелковая рубашка выбивалась из разрезов на рукавах скромного темного дублета, зато гаун, наброшенный сверху, был отделан мехом какой-то зверушки... соболя? Да, похоже. И застежка из рубина размером с ноготь большого пальца тоже стоит дорого – такое сочетание скромности и роскоши.

Забавно.

Адриенна улыбнулась кардиналу. В меру доверчиво, в меру наивно.

– Ваше высокопреосвященство?..

– Давно ли вы были на исповеди, дана СибЛевран?

– Перед отъездом я исповедалась падре Санто, – улыбнулась Адриенна.

– Не хотите ли прийти ко мне на исповедь, дана?

– За время поездки я не успела нагрешить. – Девочка продолжала улыбаться. Хотя «держатъ лицо» становилось сложно. Слишком уж пристально смотрел на нее кардинал.

– Об этом должно судить не вам.

– А кому же?

– Богу! – значительно воздел узловатый палец вверх кардинал.

– Конечно, Ему видны все наши деяния, и он оценивает помыслы наши, – тут же согласилась девочка.

– Тогда завтра я жду вас на службу и на исповедь, дана СибЛевран, – кивнул кардинал.

Адриенна развела руками.

– Поймите правильно, ваше высокопреосвященство, Бог властен над моей душой, но на земле его наместник – монарх. И если у его величества будет иное решение...

Кардинал скривился.

Видимо, связываться с королем ему не хотелось. Или он догадывался, что скажет его величество.

– Тогда я имею право принять вашу исповедь здесь и сейчас, дана^[10].

Адриенна огляделась.

Дворец кардинал знал намного лучше Адриенны. И сейчас они стояли в каком-то пустынном коридоре. Несколько шагов – и вот балкон.

Интересно...

Или их кто-то подслушивает, или это инициатива кардинала. Отказываться нельзя в любом случае. Так-то Адриенна с удовольствием треснула бы его по ноге и удалилась, обложив в три ряда. Но если нельзя...

Нельзя, к сожалению.

Адриенна опустила глаза и опустилась на колени. Поцеловала пастырское кольцо с рубином и вплавленным в него золотым распятием, подсунутое ей под нос.

– Я, Адриенна СибЛевран, открываю свою душу перед Господом, ибо согрешила я делами и помыслами, и грехи мои неисчислимы перед Богом.

Формула была затвержена давно. Падре Санто хоть кардиналом и не был, но поди отвяжись!

Кардинал кивнул.

– Слушаю тебя, чадо, и помни, что рядом с тобой сейчас не я, но Он.

Адриенна вздохнула.

– Простите меня, ваше высокопреосвященство, ибо я согрешила помыслами...

А дальше кардиналу оставалось только скрипеть зубами. Потому что Адриенна тоже не была железной и похулиганить ей хотелось. А потому...

Сам напросился.

Девушка просто описала пять дней пути в карете со всеми подробностями и честно созналась, что роптала и была неподобающе дерзка в мыслях, а вместо молитв употребляла нехорошие слова...

А какие б и кто слова употребил, в такие-то дни и в карете?

Потом Адриенна плавно перешла ко двору, сама удивляясь себе, как сумела запомнить и половину! И описала кучу платьев, которым тоже неподобающе позавидовала. А потом и дворцовой роскоши...

Кардинал молча слушал.

Сначала. Потом начал поскрипывать зубами, а потом едва сам не перекрестился, когда Риен закончила привычной формулой:

– Раскаиваюсь в содеянном. И да простит мне Господь грехи мои...

– Он милосерден, чадо, – едва ли не с облегчением выдохнул кардинал. И уже чуточку спокойнее продолжил: – Налагаю на тебя епитимью. Прочитай малый круг молитв четыре раза, и да будут отпущены грехи твои.

Адриенна еще раз поцеловала кольцо и поднялась с колен.

Кардинал предложил ей руку и отвел обратно, к придворным.

Вручил девушку ее отцу и поспешил откланяться.

– Что ему было нужно?

– Убедиться, что я дура, – пожала плечами Адриенна.

– И как?

– Успешно, папа.

Дан Марк улыбнулся. В уме своей дочери он даже не сомневался. А другие пусть не сомневаются в его отсутствии.

Мия

Лютня.

Как много в этом слове... и музыки, и страсти, и песен – всего, о чем только можно подумать.

Раньше Мию не учили игре на лютне. Отец считал этот инструмент невыносимо простонародным.

Спинет – другое дело. Только вот спинет в поместье был невыносимо расстроенным и так искажал звуки, что Мия была уверена в своей ненависти к музыке. А сейчас...

Плавные обводы грушевидной формы, четыре струны...[\[11\]](#)

Ньора Катарина отлично играла и вечером любила перебирать струны лютни.

Фьора помалкивала. Она тоже считала, что это простонародный инструмент, но к чему спорить? А Мия неожиданно даже для себя заинтересовалась. И попросила ньору Катарину научить ее...

Ньора думала недолго, и уже через два дня в дом пришел ньор Джильберти. Старенький, с тяжелой тростью, седоволосый, но прекрасный учитель музыки.

Он и принялся ставить девочке руку, удивляясь гибкости пальцев и разработанности кисти. А заодно и радуясь, что все это не пропадет даром.

Пусть для себя! Но ведь играть-то Мия будет?

И Мия играла.

В свое удовольствие, иногда сидя одна... она обнаружила, что музыка помогает ей успокоиться, собраться, ни о чем не думать. Наполняет ее светом и теплом. Дает отдых измученной девичьей душе.

А что еще надо?

Ничего.

С метаморфозами она пока остановилась на одном и том же. И старательно меняла лицо, добиваясь идеального сходства то с Энцо, то с мамой, то с ньорой Катариной... последнее было сложнее всего. Оказалось, очень легко сделать себя красивой. А вот уродиной...

Неприятно.

Но Мия училась. У нее уже неплохо получалось, стоило только закрыть глаза, сосредоточиться – и оп-ля! Вот он тебе – дракон вместо принцессы!

Но стоит отвлечься, задуматься – и черты лица плывут, смазываются, а ведь если она куда-то пойдет, она не сможет каждую секунду думать о своей внешности. Мама рассказывала, прабабка могла удерживать любую личину и любое время.

Мии было куда тренироваться и расти.

Духовенство?

Костры?

Хуже, если она не будет уметь этим управлять. Тогда точно попадется. А если научиться... Мия серьезно задумывалась о том, что надо бы уметь защитить себя. Но кто ж научит благородную дану владеть оружием?

Тут любой учитель упадет от ужаса... единственное, что пришло в голову Мии, и то после маминого рассказа, – это яд. Опять же, его надо достать, его надо правильно дать жертве, надо не попасться...

Как все это сложно!

Нет, Мия пока не знала, что делать и со своими способностями, и со своей жизнью, а лютня отвлекала и помогала успокоиться.

Комната, солнце, зеркало, звуки музыки... здесь и сейчас ей ничего другого не нужно было для счастья.

Глава 4

Адриенна

Три дня при дворе.

Адриенна смотрела на все широко раскрытыми глазами. Оказывается, когда король благосклонен к тебе и твоей семье, двор – это очень приятное место. Тебе улыбаются, с тобой стремятся завязать знакомство...

Именно поэтому ненавидящий взгляд и обжег Риен, словно опущенная на спину плеть. Отрезвил, заставил прийти в себя, а то голова уже плыла от розового дурмана.

На Адриенну презрительно смотрела незнакомая ей дана. Эданна?

Да, похоже, в таком возрасте уже или замужем, или вдовы. Эданна была раза в два старше Риен, ей было лет двадцать пять – двадцать шесть. И красивая.

Можно сказать – противоположность Адриенны.

Высокая, статная, с роскошной грудью, которая едва не выпрыгивает из низкого круглого выреза платья, с шикарными золотыми локонами, которые явно высветляет на солнце, а может, и краской пользуется, с золотистой смуглой кожей... красивое на самом деле сочетание. Золотые локоны, смуглая кожа и громадные черные глаза.

Вот она так смотрела на Адриенну, словно сожрала бы ее с костями и туфельками.

На секунду Риен даже растерялась. А потом взяла себя в руки и улыбнулась эданне самым очаровательным образом. Пусть ее!

Эданна вздернула нос и отвернулась. Адриенна изобразила растерянность и потихоньку ускользнула от всех, оказавшись рядом с Джованной.

– Кто эта эданна? В шелках цвета морской волны?

Служанка, разумеется, знала все новости. Пригляделась – и ахнула.

– Эданна Франческа! Ох-х-х, значит, вернулся его высочество!

Адриенна почувствовала какую-то тайну. И, оглядевшись по сторонам, утащила Джованну в лабиринт.

– Ну-ка, рассказывай!

Джованна ломаться не стала. За эти три дня она поняла, что Адриенна неглупа. Молчалива, не скажет больше самого необходимого, а иногда и того не скажет. Что девушка не злая, не подлая, к слугам относится уважительно – это видно. Благородные могут в таком не разбираться, а слуги быстро людей определять учатся. От этого их жизнь зависит.

И еще Джованна понимала, что такое не спрячешь. Не она расскажет, так кто-то другой. А она лишится и тех крошек дружбы, которую испытывала к ней юная дана.

– Эданна Франческа Вилецци, вот это кто, дана. О ней говорят многое... и не всегда хорошее.

– А что о ней говорят слуги? – не стала ходить вокруг да около Адриенна. – За что она меня ненавидит?

Джованна наклонилась к самому уху девушки.

– Она – любовница его высочества.

– И что?

– Король ее не любит... а вас привечает...

Адриенна аж задохнулась от жуткой мысли, которая промелькнула в голове. Но кое-как взяла себя в руки.

– Расскажи мне о Франческе Вилецци, Джованна. Прошу тебя.

Джованна ломаться не стала. Эти вещи Адриенна могла узнать от любого человека при дворе. Еще б и приукрасили втрое.

Юная Франческа Вилецци была одной из шести дочерей семейства Вилецци. И поскольку семейство находилось в крайне дальнем родстве с ее величеством, именно королевой, не королем, дана Ческа в возрасте десяти лет была принята при дворе и стала фрейлиной.

Ее величество была добра и милостива, а потому в возрасте тринадцати лет дану Ческу выдали замуж. И это был хороший брак.

Адриенна подняла брови. Ей так совершенно не казалось. Коли на то пошло, раньше пятнадцати вообще замуж выдавать не следует, так она считала. Мама вышла замуж за отца, будучи шестнадцати лет от роду, а ушла девятнадцати лет...

И частенько женщины умирали родами именно потому, что плод был слишком крупный или тело еще не созрело, и молока не бывало по этой же причине... Роза насмотрелась. Она же Адриенне это и объясняла, задолго до взросления.

А Роза это рассказывала мама Адриенны.

Так и так, мол, тебе, Роза, повезло. А кому другому и не повезет... умрет женщина в родах. Потому и сама не торопилась.

В этом месте Роза начинала всхлипывать, и разговор заканчивался.

А в тринадцать лет – хороший брак?

Оказалось, да. Мужу дана Чески было около шестидесяти лет, он был уже стар, и жена ему нужна была скорее для статуса. Деньги у него были, дети были, новых он заводить не хотел...

Адриенна подумала, что все равно это неправильно. Но кто бы ее спрашивал?

Через десять лет дана Ческа осталась вдовой. Получила небольшое состояние, домик в столице и приехала ко двору. И тут-то...

Королевы в живых уже не было. Но принц...

Тут Джованна принялась оглядываться. И даже оговорила, что если Адриенна кому-то расскажет, то ее, Джованну, высекут. Девочка пообещала молчать, и Джованна продолжила.

Как оказалось, разница между принцем и даной Ческой – как раз эти десять лет. Но с супругом дана Ческа при дворе тоже бывала. И король их навещал.

И принц влюбился.

Было во что, строго-то говоря. Внешность там и сейчас дай бог, а уж десять лет назад, говорят, она вообще сияла, что солнце и луна. Сколько ей сейчас?

Двадцать восемь лет.

Адриенна задумчиво кивнула. То есть принцу – почти восемнадцать. А при дворе дана Ческа уже восемь лет.

И уже шесть лет является не просто любовницей принца – его бессменной фавориткой. Его любовью, искренней и глубокой. Примерно в двенадцать лет мальчик ощутил себя мужчиной, тогда же король поговорил с даной Ческой и объяснил, что если принцу охота...

Дана ломаться не стала. Только вот его величество думал, что принц позабавится, да и пройдет все как не бывало. А получилось так,

что его высочество Филиппо влюбился по уши. И не отдерешь...

Его величество, правда, и не гневался. Для него ж как?

Лучше одна, но чистая, чем сорок не пойми каких. Мало ли что принц подцепит? И конец династии. А за даной Ческой проследить несложно...

Справедливости ради за ней весь двор следит. И принцу она не изменяет. Флиртует, очаровывает, околдовывает, но более – ни шага. Пококетничать – пожалуйста. Поцеловать? Уже нет. Простите, но это только для принца. Это всех устраивает. А вот сама дана Ческа...

Она отлично устроила свою семью. Она пристроила своего отца, своего брата, она выдала замуж своих сестер, а из казны не черпает только потому, что его величество строг и жесток. И по рукам дает всем желающим. Чины и звания недорого, а вот деньги – простите.

А что она на Адриенну взъелась? Это уж простите, дана, мне неизвестно...

Тут-то Джованна и поняла, что зря решила крутить. Адриенна сдвинула брови.

– Не верю.

– Дана?

– Слуги наверняка что-то да говорят. И так?

– Дана, да зачем...

– Джованна.

Сказано было так, что служанка только вздохнула.

– Хорошо, дана. Ходят слухи, что его величество вас приглядел в метрессы. Либо себе, либо сыну. Но в обоих случаях дана Ческа оказывается в неприятной ситуации.

Риен медленно опустила ресницы.

Ходят. Слухи.

– И больше ничего?

– Нет, дана. На вас пока... поглядывают. А уж что да как будет...

Риен кивнула.

– Спасибо, Джованна. Я буду молчать, это и в моих интересах.

Очередной серебряный поменял хозяйку. Джованна довольно улыбнулась. И – не удержалась:

– Дана Адриенна, если вы при дворе останетесь, может, и про меня не забудете?

Адриенна вздохнула.

– Джованна, ты уверена? Прибыли с меня может и не быть, а вот неприятностей ты мешок наживешь. Глядя на эданну Франческу, я в том и не сомневаюсь.

Джованна подумала.

– Может, оно и так. Но вы подумайте, дана.

– Обещаю, – честно сказала Риен. Подумать. Не сделать, а именно что подумать. А дальше... видно будет. Но метрессой она становиться не хотела.

Представила Филиппо Третьего, аж передернулась вся, словно уж в рукав заполз и по телу, по телу своей чешуей. Или гадюка, того хуже...

Гадость какая!

Как бы вот так объяснить эданне Ческе, что ей, Адриенне, королевские милости подобного рода даром не нужны? Она их и с доплатой не возьмет! Если насильно не всунут, конечно...

Но – вот беда!

Судя по взгляду эданной, она в жизни не поверит Адриенне. А любую попытку переговоров воспримет как слабость. И начнет давить.

Так что разговоры отменяются. С такими, как эданна Франческа, можно разговаривать только с позиции силы. Как с гадюкой – чего б не поговорить, стоя каблуком у нее на голове? И то добавить лучше.

Двор...

Блестящий и прекрасный.

Чтоб вам тут всем опаршиветь!

* * *

С принцем Адриенна познакомилась тем же вечером.

Она привычно уже составляла компанию его величеству, поддерживая светскую беседу о музыке, когда в зал вошел юноша, похожий на Филиппо Третьего словно две капли воды.

Те же черты лица, те же залысины, та же фигура, та же походка...

Издали – перепутаешь. А вот вблизи...

Глаза у Филиппо-младшего оказались не отцовскими. Наверное, в мать пошел. Но бледно-голубые лупешки чуть навывкате производили весьма неприятное впечатление.

Адриенна чуть-чуть сощурилась, разглядывая принца.

Хм, а это вызов. Однозначно.

Цвета короля – алый и белый. Так вот, принц был во всем белом, но перевязь – алая, украшения с рубинами, пояс, сапоги, перчатки, отделка – алые.

А его дама была в алом. Только украшения – бриллианты. И пояс на платье – белая лента.

И как же ей это шло!

И низкий вырез, и рукава, через прорезы которых выбивалась белая пена кружев, и длинная юбка, и башмачки на высоком каблуке – тоже белые...

Принц явно показывал всем свои пристрастия и отступать не собирался. Его величество чуть-чуть напрягся, Адриенна это почти кожей ощутила. А потом вдруг расслабился. Улыбнулся даже.

– Милая Адриенна, вы не находите, что блондинкам не стоит носить алое?

– Мой возраст не позволяет судить, ваше величество.

– Блондинка в голубом – небесное создание. Блондинка в алом – земная девка, – припечатал король.

Эданна Франческа побледнела. Только вот ненавидящий взгляд опять метнула в Адриенну. И где справедливость?

Где логика?

Риен ее понимать решительно отказывалась. Ты бросила вызов королю, пусть и молчаливый. Почему ты считаешь, что он тебе спустит?

Сверкнул глазами и принц. Вступится за свою даму? Промолчит?

Однако...

– При ближайшем рассмотрении те, кого считают небесными созданиями, часто оказываются хуже продажных девок.

Его величество продолжал улыбаться.

– Всякое бывает. А пока... эданна Франческа, я приказываю вам удалиться и переодеться. Ваш вид непристойен.

Блондинка склонилась в низком поклоне, но сделала только хуже, потому что в низком круглом вырезе показалась почти вся грудь, которую его величество демонстративно обзрел и неодобрительно покачал головой.

– Здесь двор, а не бордель, эданна.

Эданна вылетела из зала быстрее ветра. Его высочество дернулся было, но куда там.

– Я надеюсь, сын, что ты впредь будешь строже относиться к своим... развлечениям.

Я отлично понимаю, кто тут бунтовал. А ты помни, кто здесь хозяин.

Слова так явственно повисли в воздухе, что Адриенна почти услышала их вживую. Но на этом его величество останавливаться не собирался.

– Пригласи пока на танец дану Адриенну. Если уж твоя эданна не знает, как должно себя вести.

Его высочество сдвинул брови, но поклонился по всем правилам.

– Прошу вас, дана Адриенна.

Девушка стиснула зубы – и кончиками пальцев коснулась предложенной руки. И музыканты заиграли чинный гавот.

Отдать должное, рука у принца была хорошая. Сухая, теплая...

А вот улыбка – плохая. И начинать разговор Адриенна не стала. Молчала, улыбалась, танцевала, показывая, что воля короля – закон.

Принц тоже молчал какое-то время, а потом...

– Вы любовница отца, дана?

– Нет, ваше высочество.

– Но хотите ею стать?

– Ваше высочество, кто смеет противиться королю?

Бледно-голубые глаза сверкнули. С одной стороны – да, а с другой... Злость с объективностью не дружат.

– И вас это устроит?

– Ваше высочество, женщина – собственность семьи. Нас не спрашивают, когда продают, – грустно отозвалась Адриенна, понимая, что только так можно смягчить принца.

Видимо, тот вспомнил про эданну Франческу и ее тяжелую судьбу, потому что на миг смягчился.

– Что ж, дана, я вас понял.

Гавот закончился. Его высочество вернул Адриенну к отцу и повернулся к дверям, в которые как раз входила эданна Франческа. В этот раз она была во всем голубом. Чуть более светлое нижнее платье, чуть более темное верхнее...

Какая уж там Адриенна! Его высочество и слона бы не заметил!

Любовь...

Мия

Она сидела у окна и перебирала струны лютни, когда в дверь постучали.

Мия бросила взгляд в зеркало, убедилась, что ни острых ушей, ни когтей, ни красных глаз у нее нет, и отозвалась:

– Войдите!

– Мия! – Энцо улыбался во весь рот. – Мий, пойдем вниз! Я тебя почти и не вижу в последнее время!

– И что случилось, что ты решил навестить сестру? – ехидно поинтересовалась девушка.

Ладно, она ревновала. Когда они жили в Феретти, Энцо от нее не отходил. А сейчас Джакомо приставил его к делу. Туда сбегай, здесь сходи, да и вообще, сильно мальчишку от себя не отпускал. Мия оказалась забыта и да, слегка ревновала. Или не слегка.

А вот сегодня Энцо приболел, продуло его где-то, и Джакомо разрешил оставить мальчика дома. Ни к чему ходить, если у тебя жар. Полежишь, отдохнешь.

Честно лежал Энцо аж два часа. Или два с половиной.

А потом все сладости были съедены, игры надоели, и мальчик пришел к старшей сестре.

– Ми-ия...

Она смягчилась и похлопала по соседнему пуфику.

– Иди сюда. Лучше у меня посидим, отсюда улицу видно...

– И чего там интересного?

– Энцо, мне все интересно, – мягко разъяснила Мия. – Это ты ходишь где захочешь, а я – благородная дана. Меня даже не улицу выпустить нельзя.

Лоренцо опустил глаза.

– Мия... пойми...

– Я все понимаю, Энцо. Но мне иногда бывает и грустно, и обидно.

Мальчик тоже отлично знал свою сестру. И давать ей загрустить было никак нельзя – у Мии это затягивалось надолго. Будет потом

ходить обиженная на весь мир...

А вот если ее сейчас отвлечь, потом можно с ней сыграть во что-нибудь, хоть и в тот же триктрак... Мия в него очень даже неплохо играла.

— Это у тебя лютня?

— Да.

— А сыграть что-нибудь можешь? Тебе ж раньше не нравилось...

— На спинете мне действительно играть не нравится. — Мия легко отвлеклась от темы. — А вот лютня — это другое. Мне нравится, она легкая, она всегда со мной...

— Сыграешь?

Девушка перебрала струны.

— Пожалуй...

Мелодия была незатейливой, но приятной. Обычная песенка рыбака...

Море ласкает теплые камни, море смеется, пенные гребни, море мурлычет, словно котенок, море прекрасно будет вовеки... Дай мне улова, дай мне надежду, дай мне покоя в твоих ладонях...

Мия лениво перебирала струны. И искренне удивилась, когда...

Энцо вдруг прикрыл глаза и соскользнул с пуфика на пол.

— Энцо?!

Лютня полетела в сторону.

Умер?!

Спит. Просто спит...

Мия перетащила брата на кровать и задумалась. Потом позвала маму и тетку, которые, по счастью, были дома. А что?

Они сидели, она играла, брат заснул...

Казалось бы, обычная история. Ньора Катарина распорядилась перенести Энцо в его комнату и уложить в кровать. Ей все было понятно. Мальчишка болен, а дети много спят, когда болеют. Она знает, подруги рассказывали.

А вот для Фьоры, которая видела, что Энцо не так уж и болен, все было сложнее.

— Мия, ты ничего не делала?

— Нет.

— Специально его не убаюкивала?

– Нет, мама. Энцо вообще не сильно болеет, я же вижу. Кричал, наверное, на холодном ветру, вот и...

– Хм... Мия, ты можешь кое-что попробовать сделать?

– Что именно, мама?

Фьора была человеком очень своеобразным. Но там, где дело касалось выгоды, мыслить умела.

Мия попробовала поиграть на ночь Серене и Джулии. В результате уснули все. Сестрички. Их нянька. Сама Фьора.

И все, в том числе и Энцо, проспали до утра.

Энцо проснулся здоровым. У остальных ничего и так не болело, поэтому как там с лечением – определить не удалось. Но усыпить Мия могла кого угодно.

Жаль, что этот ее талант действовал только в одну сторону.

Усыпить – пожалуйста.

Разбудить – не получается. Разве что холодной водой на голову, тогда да, тогда любой сон... вот именно, как водой смывает. Но усыпить...

Засыпали все, кто слышал лютню девушки. А насчет здоровья получилось проверить уже на следующий день.

* * *

Ньора Катарина болела крайне редко. Болезни ее тоже боялись. Но были и у нее слабые места.

Когда северный ветер резко менялся на южный, а ненастье на солнце, а такое бывало в Эвроне, у ньоры начинала зверски болеть голова.

До слез. До тошноты, до светобоязни...

Поспать бы, да ведь и не уснешь, когда всю трясет...

В такие моменты ньору, по ее же просьбе, оставляли в одиночестве и давали всласть поболеть. Фьора посмотрела на это и отправилась к Мии.

Девочка сопротивлялась недолго.

– Мам, а вдруг не получится?

– Мия, усыпить ребенка несложно. И служанки просто хотели спать. А вот сможешь ли ты усыпить человека, которому

действительно плохо? Катарина ведь даже снотворное выпить не может, ее тошнит так, что даже вода внутри не держится^[12].

– Я попробую.

Мия поудобнее перехватила лютню и отправилась в тетнины покои. Фьора улыбнулась, глядя на девочку со спины. Вот ведь...

Лютню Мия несла так, словно собиралась стукнуть ею Катарину... будем надеяться – до этого не дойдет.

Дана Феретти решительно постучалась в комнаты тетки и вошла, не дожидаясь разрешения. Да и какое там разрешение? Ответом ей был слабый стон...

Катарина обнаружилась в спальне, сидящая на кровати, утопающая в подушках, укутанная в меха, – и откровенно несчастная.

– Что надо?

Хорошие манеры у нее стерло начисто. Больно же! Понимать надо!

Мия решительно уселась на край кровати.

– Тетушка Катарина, вам плохо. Вам поспать надо.

Катарина обожгла девочку злым взглядом. Вот как! Она-то и не догадывалась!

– Я вам сейчас сыграю – и вы заснете. Обещаю...

– Мия... уйди, – почти простонала Катарина. Ее опять начало тошнить, горький комок желчи подкатил к самому горлу. Она бы за ухо малявку вывела, но даже на это сил не было. Ни на что не было...

Мия устроилась поудобнее и тронула струны лютни. В этот раз она даже не напевала. Так, мурлыкала что-то себе под нос... такое, непонятное. И с радостью видела, как расслабляется лицо ньоры Катарины, как разглаживаются складки, появившиеся от боли, как становятся спокойнее ее глаза...

Не прошло и получаса, как ньора крепко уснула, уткнувшись в подушки.

Мия вышла из комнат тетки и отчиталась матери. Фьора кивнула и отправила служанку сидеть рядом с Катариной. Ну и приглядывать – мало ли что?

Но ничего страшного не случилось.

Ньора Катарина проспала до утра, а утром встала довольная и здоровая. Расцеловала Мию и подарила девочке золотую цепочку.

Мия обрадовалась. Но с небес на землю ее снова опустила Фьора:

– Не думаю, что ты сможешь так лечить что-то серьезное. То, что прошло бы и само, дай только выспаться человеку...

– А если попробовать?

– Если будет возможность. – Фьора погрозила пальцем. – Никому про это не рассказывай. Пообещай!

Мия вздохнула.

Рассказать, конечно, хотелось, но... кому? Энцо? Они сейчас почти не разговаривают. Мама и так знает. Сестренки еще маленькие. Дядя и тетя не рассматривались даже по умолчанию – они пока еще чужие.

– Обещаю, мамочка.

Фьора погладила дочь по пушистым светлым косам.

– Поверь, Мия, свои умения лучше держать в секрете. Никому не рассказывай. Ни мужу, ни детям, пусть думают, что это случайность, совпадение...

– Хорошо, мамочка. Я тебе обещаю.

– У женщины должны быть свои крохотные секреты. Я тоже не все твоему папе рассказывала.

Мия кивнула.

Если секреты... если должны... в такой формулировке это звучало намного приятнее. Она помолчит. И потренируется.

Тем более ей очень нравится лютня.

Адриенна

Адриенне снился сон.

Уже четвертую ночь подряд ей виделось одно и то же, но именно сейчас сон стал настолько острым, что хоть вместо ножа используй. Ей виделась старая башня.

Та самая, черная, которую не стали сносить.

Та, которая помнила Сибеллинов.

Адриенна шла к ней. Шла по мокрой траве, шла по холодной земле, по ухоженным тропинкам дворцового парка. Шла, и никто ее не останавливал.

У нее были крылья.

Большие, черные, сложенные за спиной, и Адриенна не расправляла их. Только куталась в тепло черных перьев, словно в плащ. И ни о чем не думала.

Она шла туда, куда ее звали.

Шаг, второй, отогнуть ветку кустарника – и вот перед ней стена старой башни. И девушка опускается перед ней на колени.

Земля холодная?

Не важно, здесь и сейчас ничего не важно. Только голос, который зовет ее.

Голос, который шепчет... и Адриенна делает то, что ей бы и в голову не пришло, в здравом-то уме...

Она шарит руками по камням, слепо разыскивая – что?!

Она не знает... она просто чувствует... и вот наконец один из камней поддается под ее пальцами. И открывается дверь.

Она небольшая, это почти лаз. Откуда-то Адриенна знает, что пройти можно несколькими дорогами, просто остальные сейчас недоступны. А вот этот...

Будь девочка чуточку толще, она бы уже не пролезла. Но она ввинчивается в лаз, словно змея. И камень медленно встает на свое место.

Адриенна почти ползет вниз. Туда, к корням...

Она чувствует странное тепло, оно ведет, оно зовет, оно поет в ушах гулом крови, и девочка не может ни о чем думать. Она идет туда, где в небольшом круглом зале стоит черный камень.

Алтарь?

Нет. На алтаре вроде как можно лежать, на нем можно приносить жертвы, а этот камень вовсе не таков. Он вроде наконечника копья.

Острого, с четкими гранями, черный камень полупрозрачен...

Обсидиан?

Адриенна не знает ответа. Но знает, что именно ей нужно сделать.

Она медленно ведет ладонями по граням кристалла. Тонкие пальцы режутся в кровь. Алые капли стекают по граням, но до земли не долетает ни единая капелька крови. Камень жадно пьет ее...

И девочке кажется, что с каждой каплей крылья за ее спиной становятся все сильнее, все реальнее...

Но скоро ее охватывает слабость. И нечто заставляет убрать ладони.

Слишком много крови тоже отдавать не годится. Ослабеешь, погибнешь... Но ты еще придешь сюда, дитя. Ты еще придешь, чтобы получить дар Ворона. Дар Сибеллинов...

Адриенна так и не открывает глаза. Она медленно идет к лазу. Так же медленно выходит на поверхность, почти ползет обратно...

Видит ли ее кто-то?

Не видит?

Сила, которая ее ведет, об этом не задумывается. Ей и так неплохо. Она получила свое, а носитель...

Если он недостойн – это его или ее проблемы.

Адриенна медленно входит в свою комнату и падает на кровать. И самое интересное, что Джованна не просыпается. Она спит, как спала и раньше, она ничего не слышит, она не видит грязных следов на полу, она не кричит от ужаса...

Она спит.

Адриенна тоже спит.

И тоже не видит, как раны на руках... нет, полностью они не затягиваются, такое ни одна сила не устроит. Но порезы уже не кровоточат. И выглядят так, словно им дня два-три.

Адриенна спит.

И видит во сне черные вороны крылья. И слышит шум ветра у себя в ушах.

Ветер зовет, ветер поет, ветер несет девочку над землей, и она плачет от счастья. Она нередко летает во сне, но так реально – еще никогда.

Кто же она сама?

Ворон? Ворона?

Об этом она не задумывается. Просто у нее есть крылья. И перья. И ей хорошо...

Самое забавное, что никто из посторонних ее отсутствия не замечает. Грязные следы убирает молчаливая дворцовая прислуга, своя на каждом этаже, а они приучены не интересоваться, куда ходят благородные.

А остальное...

Джованну с утра ждал большой сюрприз.

– Дана Адриенна! Дана!!!

Джованна что есть сил трясла свою госпожу. Девочка честно пыталась открыть глаза, но получалось плохо.

Пределы сил человеческих не бесконечны. Усталость, кровопотеря, да и большой расход сил ночью... Адриенна едва ресницы разлепила.

– Да...

– Ох, дана!

Джованна только за голову схватиться и смогла. А что еще ей оставалось?

Девушка вся грязная, словно ее ночью черти в луже купали, волосы сбиты в один грязный комок, кровать аж черная... на ногах ссадины, на руках порезы, хотя и подживающие, но вчера-то их не было! И за несколько часов такого не будет!

За несколько дней разве что!

– Дана, что с вами случилось?

Ответа она ждала любого. И не сильно удивилась, когда Адриенна с трудом качнула головой.

– Не помню... не знаю...

– Так!

Здесь и сейчас Джованна выбирала. И выбрала не по личной преданности, а по рассудку. Какая уж тут преданность? Просто если кому рассказать, что случилось с даной, вопрос будет в первую очередь к ней. А ты-то что делала, дорогуша?

Где ТЫ была в это время?

Тебя следить приставили, тебя в покоях девушки поселили, а она куда-то ночью уходит? А что ты пила? Что ела?

Но в том-то и дело, что Джованна все брала для себя на дворцовой поварне. И подсыпать, подлить, как-то одурманить ее Адриенна не могла. Значит...

Значит – проспала.

И кому первый кнут достанется? Что с даной сделают? К лекарю и повитухе погонят, это уж точно, потом в церковь, а коли выяснят, что девственница да креста не боится – вот тут служанке и влетит. Она первая не уследила.

Из дворца погонят, плетей всыплют...

В делах великих малый виноват, это уж завсегда так. А потому Джованна решила пока ничего и никому не говорить и как следует потрянула Адриенну.

– Дана, вы видите, что с вами?

Адриенна опустила глаза.

– О господи!

– А перекреститесь?

Адриенна послушно сотворила знамение.

– Молитву прочитайте?

– Ни к чему, – проворчала Джованна. Что у девушки любовных приключений не было, она тоже видела. Такое не спрячешь. – Сейчас вы под одеялом полежите, а я слуг позову, пусть ванну наберут. Его величество желает видеть вас на завтраке...

– А время?

Адриенна почти застонала. Да что уж там... одна мысль, что придется встать и идти... Она причиняла почти физическую боль.

– Часа два у нас еще есть. Не больше.

– Мало...

Джованна только головой покачала. И, лично стерев простыней грязные следы с пола, засунула ее под кровать. А потом накрыла дану одеялом.

Не видно?

О-ох... вечно эти благородные себе проблем на хвост отыщут. А кому расхлебывать?

Вестимо, слугам...

* * *

После горячей ванны, после мытья головы и тщательного расчесывания волос... нет, человеком Адриенна себя все равно не почувствовала. И Джованна лично влила в нее бокал горячего вина с пряностями. Чего ей только стоило договориться на поварне, чтобы никому и ничего не рассказали!

Адриенна почувствовала себя хоть чуточку, но лучше. Правда, голова закружилась, но мутить перестало, противные мушки перед

глазами не летали... почти. Если голову резко не поворачивать, на ногах держаться получалось...

Дан Марк только ахнул, глядя на следы на руках дочери.

– Но... как?!

Адриенна покачала головой.

– Я не знаю, папа. Я. Не. Знаю...

И столько безнадежности было в ее голосе...

Спасибо Джованне, которая достала Адриенне чье-то нижнее платье – девочке оно было откровенно велико, но подол служанка на скорую руку подшила. Зато рукава спускались, полностью закрывая кисти. Если не размахивать руками, то и порезов не заметят. Так Джованна и ввела новую моду.

– Я потом с тобой поговорю, – процедил дан Марк служанке.

Адриенна качнула головой.

– Нет, папа. Джованна не виновата, никто не виноват... я даже не помню ничего.

– Но ты... тебя не...

Подобрать слова дан Марк не мог, но Адриенна и так все поняла.

– Нет. Все в порядке. Только порезы.

– И грязь, – кивнула Джованна.

– Ты куда-то выходила ночью?

– Не помню. Я даже не представляю – как?! Чтобы меня никто не заметил...

– Никто. Дворец уж гудел бы, – поддакнула Джованна.

– Будем надеяться на лучшее, – вздохнул дан Марк.

А Адриенна вспомнила ощущение теплых перьев, в которые она заворачивалась. И уют...

Почему-то ей казалось, что никто ее не заметил. Но на чем основана эта уверенность? Она бы не смогла ответить...

Просто ее никто не видел.

Не могли видеть. Не должны были.

Что-то с ней произошло, очень важное, очень серьезное этой ночью. И она себя чувствовала по-другому. Не физически, не только это. И слабость никуда не делась, и головокружение, и самочувствие было откровенно плохим. Но что-то такое появилось внутри...

Адриенна не знала что.

Она еще разберется – потом. Она все поймет – потом. Но сейчас...

Сейчас она должна присутствовать на завтраке у его величества. Отказы и опоздания не принимаются. Избавить от этой чести могут смерть или болезнь.

Адриенна расправила плечи, еще раз одернула рукава котты, чтобы те скрыли даже кончики пальцев – ногти тоже пострадали в результате ночного приключения, и пришлось срезать их под корень.

Поправила темно-синее верхнее платье – и вышла из комнаты.

Джованна проводила госпожу вздохом облегчения – и принялась вытаскивать из-под кровати грязное белье. Сейчас она постарается по одному предмету незаметно подсунуть их в стирку. А себе утащит что почище...

Чужое, конечно.

Но если кто-то узнает о ночном происшествии... ой, не надо!

Но это точно не амурные дела. Дана босиком шла, у нее и ноги сбиты, и руки... а что тогда?

Не понять. И лучше в это не лезть.

* * *

Все те же за столом, не считая его высочества. А вот даны Чески нет.

Ни рядом, ни вообще в пределах видимости. Его величество распорядился?

Да, может быть и такое.

Адриенна вежливо поддерживала разговор, мило улыбалась казначею, отвечала на вопросы королевского духовника. Да, она молилась. Да, она с радостью придет на службу, хоть завтра.

Единственный, кто не участвовал в беседе, – это его высочество. Филиппо-младший так ожесточенно кромсал мясо, что то разлеталось на отдельные волоконца. Что ж, Адриенна и не делала попыток заговорить. Видно же – мужчина из-за чего-то переживает.

Мужчина?

Сколько ему, лет семнадцать... всего на пять лет старше, чем она. И не первый сын у своего отца, это Адриенна знала. Уже просветили при дворе. Так-то ей в деревне все это было безразлично, а вот при дворе знать надо.

Ее величество Альметта родила супругу шестерых детей. Четыре сына, две дочери... Выжил только один ребенок. Так и уверуешь в проклятие.

У Филиппо Второго, кстати, тоже лишь один ребенок выжил. Жалко детей, конечно. Но они сейчас у престола Всевышнего, а их родители...

Почему-то Адриенна чувствовала, что все... справедливо. Не хорошо, не плохо, а именно справедливо и правильно. Эта династия надела корону ценой подлости, и теперь потомки расплачивались за предков. Молитвы тут не помогут, увы.

Господь слышит всех, но кто сказал, что он станет помогать подонкам и негодяям?

Впрочем, эти мысли Адриенна сразу задавила и продолжила мило улыбаться. Руки болели нещадно, даже ложку держать было больно. Хорошо хоть Джованна принесла ей с кухни несколько вареных яиц и кусок хлеба с маслом, так что девушка могла изображать вежливый интерес к еде. Да и сильно не опьянела от горячего вина...

Наконец трапеза окончилась. Его величество бросил на стол салфетку и поднялся.

– Дан СибЛевран, я жду вас в моем кабинете вместе с вашей дочерью через полчаса.

И вышел.

Дан Марк встал из-за стола, помог встать Адриенне.

– Ох, дочка...

Адриенна поежилась. Похоже, наступал момент, ради которого их вызвали. И что-то подсказывало девушке – ей это не понравится. Что бы король ни предложил, ей не понравится ничего.

Для этого и какого-то сверхъестественного чутья не нужно, здравого смысла вполне хватит.

* * *

В кабинете его величества обнаружили собственно сам король, принц, ну и СибЛевраны.

– Проходите, дан Марк. Адриенна, милая, вы сегодня бледны, но все равно очаровательны.

Его величество улыбался. А Адриенне виделась свернувшаяся клубком гадюка. Так и хотелось завизжать, убежать...

Лишь бы не видеть и не слышать. Лишь бы ее не трогали. Но – не получится.

Принц, напротив, не улыбался, и в его водянистых глазах читалась откровенная ненависть. Адриенна подумала, что так хотя бы честнее.

Намного честнее.

И все равно... что она ему сделала? Она такая же заложница, она даже протестовать не сможет, что бы ни решил король. Принц хоть возразит, а ее даже слушать не станут.

Женщина – собственность семьи, и никак иначе. Ее судьбу решает ее отец.

И почему она сейчас об этом подумала?

Адриенна зябко поежилась, но король уже переключился на ее отца.

– Дан Марк. Вы по рождению не СибЛевран.

– Все верно, ваше величество.

– Мой отец разрешил вам принять это имя, дабы не угас род.

Поклон. Дан Марк и сам это отлично знал.

– Подумайте о том, что род надо продолжать, дан. Одного ребенка решительно недостаточно.

– Ваше величество, я любил свою жену. И буду радоваться внукам.

– Будете, дан. Но они будут носить иное имя.

Дан Марк упал на колени.

– Ваше величество! Умоляю!!! Не отнимайте у меня дочь!!!

Филиппо Третий скривил губы.

– Встаньте, дан. Никто вашу дочь не отнимает. Напротив, я хочу заключить помолвку между моим сыном и вашей дочерью.

Дан Марк пошатнулся. Упал бы, но вовремя оперся ладонью на пол.

– В-ваше... в-величество...

Филиппо поднял ладонь перед собой.

– Не надо слов, дан Марк. Я принял решение, и оно неизменно.

Адриенна резко выдохнула. Филиппо Третий посмотрел на нее.

– Не благодарите, Адриенна. Вы милая и добрая девушка, я надеюсь, вы принесете счастье моему сыну.

Если бы не усталость. Если бы не вино...

В жизни с языка Адриенны не сорвались бы эти слова. Но...

– Так это не вранье – о проклятии?

Если бы она короля плеткой поперек спины огрела, и тогда Филиппо Третий так не взвился бы. Поднялся из-за стола, в два шага пересек кабинет и подошел к Адриенне.

– Кто посмел?!

Девочка встретила его взгляд спокойно. Не отступая.

– Об этом и на площадях поют, ваше величество.

Филиппо понял, что перегнул палку, и отступил назад. Действительно... что ты сделаешь с народной памятью? Где-то и прополоть удастся, а где-то истина и пробивается. Она такой упрямый сорняк, ее ничем не придушишь. Никакими казнями и законами.

– Это – неправда.

– Да, ваше величество, – тоном той самой примерной девочки отозвалась Адриенна.

– Замечательный ответ, – ухмыльнулся Филиппо Третий. – Итак, дана, через два дня будет заключена помолвка между вами и моим сыном. А когда вам исполнится четырнадцать лет, вы поженитесь.

– Нет, ваше величество.

Филиппо Третий поднял брови.

– Адриенна?

Еще не угроза. Но определенные нотки бури в его голосе уже прозвенели.

– Ваше величество, ваша воля – закон. Но я не хочу умирать. – Адриенна и сама не ожидала от себя таких слов. Но плеснулись за спиной черные крылья, и девочку словно плащ окутал, даря тепло, спокойствие и уверенность. А если так – держаться!

Филиппо Третий невольно заинтересовался.

– Умирать, дана Адриенна?

– Моя мать умерла, рожая меня. Это потому, что в нашей семье женщины созревают поздно. Мама вышла замуж в шестнадцать, и первый ребенок у нее был почти сразу – она его сохранить не смогла. Через два года она выносила меня, но умерла при родах. Кормилица передала ее рассказ, ваше величество, – тихо отозвалась Адриенна. – Женщины рода СибЛевран почему-то созревают позже других. То, что

у меня начались крѳви, еще ничего не значит. Раньше семнадцати лет я просто не созрею. Не смогу выносить ребенка, умру в родах...

– Дан Марк?

Отец кивнул головой, подтверждая эти слова:

– Я любил Рианну, ваше величество. Любил до безумия, равно как и она меня. Мы не хотели ждать, мы были глупы и молоды... сейчас я бы все отдал, лишь бы вернуться назад и исправить эту ошибку. Я бы к жене и пальцем не притронулся до ее восемнадцати лет... для верности.

И столько искренности было в его словах...

Адриенна тоже не врала. Ей об этом рассказывала Роза. Действительно, одно дело – начало взросления, другое – собственно готовность тела производить на свет потомство.

Все объяснения Роза просто не поняла. Но что запомнила, то и рассказала.

Крики, уговоры, слезы не подействовали бы на Филиппо Третьего. А вот этот спокойный пересказ – сработал.

– Что ж. Тогда заключим пока помолвку. И через пять лет, дана Адриенна, вы станете королевой Эрвлины. Ее величество Адриенна.

– Принцессой, ваше величество? – вежливо уточнила Адриенна.

– Да, принцессой, Адриенна. – Филиппо опять улыбался.

Он получил свое, он добился, чего хотел... что еще требуется?

– Позволено ли мне будет эти пять лет прожить с отцом? – Адриенна смотрела спокойно.

– Позволено. Более того, помолвка будет держаться в тайне, Адриенна.

Филиппо Третий покосился на сына. Какой же бой ему пришлось выдержать! Любит, видите ли, сопливый идиот свою Ческу! Да и любви себе на здоровье, жениться-то на ней зачем? А уж в королевы она и вовсе не годится. Даже не будь проклятия, не будь Адриенны – все равно не подойдет. И не девушка уже, и возраст неподходящий, детей родить не сможет, и характер... дай такой Ческе волю – все размотает. На балы, на пиры, на своих родственников. Адриенна-то поумнее будет. Судя по отзывам слуг, придворных – девочка предпочитает молчать, со всеми равно вежлива, уважительна, своего мнения... или не имеет, или не высказывает. И родственников – только отец. При

других раскладах женить бы сопляка на какой принцессе, но... проклятие.

А если отвлечься от проклятия, то и тогда Адриенна подходит.

Семья благородная, девушка здорова, детей подарит, воспитание подходящее – и чего еще желать?

Адриенна низко поклонилась.

– Я благодарю ваше величество за оказанную милость.

Филиппо окончательно расслабился.

Ну понятно. Мало ли чего девчонка наслушалась. Странно было бы, если б не спросила. А тут – любопытно же! Евино семя, этим все сказано! Евино племя...

Что на уме, то и на языке... почти.

– Полагаю, мы пока побеседуем с вашим отцом, Адриенна. А вы с моим сыном можете пока прогуляться по саду.

Возразить никто не осмелился. Особенно его высочество, который хоть и скривился, но руку Адриенне протянул.

– Идемте, дана?

Девушка коснулась рукава из белой парчи кончиками пальцев.

– Ваше высочество...

А что мысленно она пожелала парню провалиться в самую глубокую выгребную яму – это не считается. Ведь не провалится же! К сожалению...

* * *

В сад можно было выйти напрямую из покоев короля. Минуя приемную, не попадаясь на глаза придворным... правда, и сада того было – четыре дерева, три розовых куста, но хоть так. Личный уголок его величества, в котором он отдыхал от работы.

Или работал летом, когда хотелось...

Качели, к которым принц и подвел Адриенну.

– Не хотите покачаться, дана?

Адриенна качнула головой.

– Нет, ваше высочество.

– Жаль... вы могли бы упасть, к примеру.

– И сломать себе шею? – приняла вызов Адриенна.

Его высочество горестно вздохнул.

– Я бы не посмел сказать такое дане.

Если он рассчитывал смутить этим Адриенну или заставить девчонку расплакаться, разозлиться – зря. Черные крылья никуда не делись. Они по-прежнему окутывали свою маленькую хозяйку.

– Вы так робки и нерешительны, ваше высочество? Жаль, очень жаль.

– Мне тоже жаль, дана.

Адриенна кивнула. Коснулась кончиками пальцев цепи качелей.

– Если бы не я... вы рассчитывали жениться на эданне Франческе?

И тут же охнула.

Пальцы принца впились в тонкое запястье, сжались до синяков...

– Не смей даже имя ее произносить.

Адриенна не сопротивлялась. Она могла вывернуться из захвата – но зачем? Это враг, показывать ему свое умение попросту не стоит.

– Вашему отцу я скажу, что вы стиснули мне руку в порыве страсти.

Сработало мгновенно. Принц даже на шаг отступил, но глаза так же горели злостью.

– Не смей о ней даже говорить!

– Жаль. Я бы от души пожелала вам счастья, – вздохнула Адриенна.

Его высочество скрипнул зубами.

– Ты...

– Я тоже не хочу выходить за вас замуж, ваше высочество, – отчеканила Адриенна. – Только у вас есть право голоса, а у меня нет.

– И не будет.

Девушка не шелохнулась. Стояла и смотрела. И в глазах ее было откровенное презрение.

Ты не можешь отстоять свое мнение. Ты не можешь защитить свою любовь. И ты срываешься на незащитной девчонке.

Как это достойно!

Его высочество только зубами скрипнул.

– Дрянь!

Адриенна присела в низком реверансе.

– Молись, стерва, чтобы ты умерла до брака!

Ответом принцу была нежная улыбка.

Какая разница? Любить ее этот сопляк все равно не будет. И войну он начал первым. А если так...

Чего стесняться? Бей наотмашь!

Его высочество задохнулся от гнева, развернулся и вылетел из садика, оставив Адриенну одну. Девочка вздохнула. И на миг, только на миг позволила себе сгорбиться.

За что? Вот просто – за что?!

В чем она таком виновата? Даже будь этот мальчишка не принцем, а обычным человеком, она-то при чем? Ее не спрашивали, ее поставили перед фактом, от нее ничего не зависит. За отсрочку и то спасибо маме...

Ну и пропади он пропадом!

Избалованный сопляк, со своими фанабериями, любовницами, сомнением...

Адриенна махнула рукой и уселась на качели. Оттолкнулась ногой.

И – вверх!

Туда, где только синее небо! И черные крылья. И ветер. Свежий ветер, такой искренний, пьянящий, настоящий...

Небо, ветер и свобода. Та самая, которая есть у птиц. Та самая, которой нет у людей.

На качелях ее и нашел через полчаса отец. Король не пришел, видимо, принц пролетел через кабинет, а может, и сказал что-то такое... другого выхода отсюда ведь не имеется...

Вот никто Адриенну и не тревожил.

Девушка улыбнулась и спрыгнула с качелей.

– Папа?

– Пойдем, Адриенна.

– Пойдем.

У них еще будет время и возможность поговорить. Наверное. Но точно не здесь и не сейчас.

А принц – все равно щенок избалованный. Не повезло его отцу. И еще больше не повезло Адриенне. Поумнеет он за эти пять лет – или не поумнеет?

Адриенна поставила бы на второе. Эданну Франческу она тоже видела. Такие поумнеть попросту не дадут. Подобным бабам нужны не

мужчины, а ишаки. А тягловому средству умным быть не положено... м-да.

Не отравила бы...

Хотя об этом лучше поговорить не с отцом, а с Джованной. Она точно будет в курсе всех дворцовых сплетен.

А еще...

Хорошо, что его величество собирается держать помолвку в тайне. Но когда в нее будут посвящены минимум пять человек... нет, это не тайна.

И об этом надо поговорить уже с отцом.

Черти б побрали всю династию Эрвлинов!

* * *

Проводив дочь до ее покоев, дан Марк посмотрел с сомнением. С одной стороны, надо бы поговорить. С другой... наверняка подслушают.

Сомнения разрешила сама Адриенна.

– Папа, мне надо полежать и подумать. Хорошо?

– Да, конечно, – согласился любящий отец. И быстро направился к себе.

Такие новости надо было запить чем покрепче.

Адриенна же упала в кресло и посмотрела на Джованну.

– Слуги уже в курсе?

– Чего именно, дана?

И полная невинность во взгляде. Понятно, половина дворца в курсе, но все молчат. Это его величество может говорить о секретах, а так-то...

Адриенна достала из кошелечка для мелочи золотой лорин.

– Возьми, Джованна. Я, наверное, скоро уеду, но ты умная, добрая и хорошая девушка. Пусть у тебя все сложится хорошо.

Джованна опустилась на колени рядом с ее креслом. Взяла лорин, потом подумала пару минут и погладила Адриенну по руке.

– Дай вам Бог, дана, и здоровья крепкого, и мужа хорошего, и детишек побольше...

– Это тебе дай Бог, Джованна, – вздохнула Риен. – А мне... помолись за меня. Что мне еще остается? И я помолюсь...

Джованна кивнула, глядя, как дана опускается на колени перед распятием. Правда, не просто так, на специальную вышитую подушечку. И складывает руки.

Что-то шепчет.

Конечно, Джованна была в курсе планов его величества. Скандал с его высочеством вышел такой – стекла дрожали. А потом и вылетели, когда принц в них кувшином запустил... ему что? Его приневолить посмели...

Но почему Адриенна?

Хотя одна мысль у Джованны была. Дворцовые слуги действительно много знают. И то, чего им бы вовсе знать не полагалось.

– Дана Адриенна, а вам не хочется прогуляться? Воздухом подышать? – подала она мысль, когда девушка закончила молиться и сделала перерыв, чтобы попить воды.

– Хочется, наверное, – кивнула Адриенна.

А что?

Она дала понять всем, кто подслушивал, что она думает, молится, в растерянности... чуть не сорвалась на служанку, но вовремя одумалась. А теперь – да, можно и прогуляться. Это правильно.

* * *

Обычно Адриенна спрашивала, куда она идет, а Джованна рассказывала. Предостерегала иногда, чтобы девушка, к примеру, на скотный двор или на псарню не забрела, но в этот раз было чуточку иначе.

Джованна выбирала направление. И Адриенна послушно шла за ней.

Куда? Судя по всему, куда-то в старую часть дворца. По направлению к старой башне.

Коридоры, повороты... выбраться отсюда Адриенна не смогла бы и под страхом смерти! Разве что в окно выпрыгнуть – и по саду?

А вот Джованна шла вполне уверенно. Тоже понятно, она здесь не один день ходит, может, и не один год. Поворот, еще один...

– Старая картинная галерея. Там портреты, которые не надо бы видеть, – подсказала служанка, окончательно выбирая сторону. Она еще об этом не знала, но уже определилась. И Адриенна все поняла.

– Я смогу открыть дверь?

– Не знаю, дана. Засов есть, он вроде как не тяжелый. Помочь вам?

Адриенна качнула головой. И сама вытащила металлический ржавый брусок из петель.

– Он не особенно грязный.

– Так дворец же, дана. И здесь убирают, и внутри убирают... обычно сюда посылают тех, кто наказан.

– Почему? Из-за грязи?

– Да какая там грязь. Нет, просто неуютно тут...

А вот Адриенне как раз было уютно и спокойно. Она толкнула нещадно заскрипевшую дверь и вошла внутрь.

– Сейчас, дана. Я только свечу зажгу...

Но Адриенне свеча не требовалась.

Ей хватало падающего откуда-то сверху рассеянного света. Падающего, выхватывающего из темноты лица... сколько же их! И какие лица...

Мужские и женские, молодые и старые, иногда детские личики – и все на один вид. Светловолосые и темноволосые, высокие и низкие, но все...

Все правители, все мужчины, кто носил на голове корону, все были с одинаковыми сапфирово-синими глазами. Яркими, пронзительными... Быстро забилося сердце.

– Сибеллины, – шепнула Адриенна.

Ее предки.

Под портретом были даты, и Адриенна легко нашла последнего правителя. Вот он, совсем молодой мужчина, улыбается, а глаза грустные... знает о своей судьбе? Горюет о разлуке с любимой?

Он ведь не смог жениться, не смог признать ребенка... почему? Наверное, она никогда этого не узнает.

Непонятно. Вот его отец, его мать... ну хорошие же люди, даже по портретам видно. Он – статный и синеглазый, она рядом – тоненькая,

словно веточка, каштановые кудри по плечам...

А сын – весь в отца. Нет, не похоже, что тут дело в родителях, может, тут как с эданной Ческой? Король должен жениться на невинной девушке?

Адриенна положила себе расспросить об этом дома падре Санто. И шагнула дальше.

Туда, где на портрете была изображена единственная синеглазая женщина.

Единственная...

Черные волосы, синие глаза, точеное лицо... знакомое. Откуда она ее знает?

– Вы – одно лицо, дана, – тихо подсказала Джованна.

И с этим было сложно спорить. Тот же тонкий нос, тот же высокий лоб, те же острые скулы, словно лицо сужается к подбородку, да и сам подбородок – острый, упрямый... лицо женщины на портрете было именно таким.

– Свобода. Ветер. Хаос...

– Вы такая лет через десять будете, дана.

«Если доживу, – повисло в воздухе. – Если. Доживу».

Но вслух Адриенна ничего говорить не стала. Вместо этого она коснулась руки нарисованной женщины.

– Интересно, какая ты была. Не кто, историю я знаю. А вот – какая?

– По всему видать – властная дама, – пробормотала Джованна, но тихо-тихо, чтобы не отвлекать девушку. Да и не получилось бы ее отвлечь.

Синие глаза смотрели в синие глаза.

И не было здесь и сейчас Адриенны. Было только синее-синее небо. Кто сказал, что у них глаза цвета сапфира?

У них глаза цвета неба...

Того самого, чистого и неистового, которое видят только птицы. Только те, кто без опаски смотрит на солнце. Только там. В самой его вышине.

И черты лица у женщины тоже птичьи.

И руки...

И даже платье – серебро нижнего платья и тяжелая черная ткань верхнего...

– Как ее звали?

– Моргана. Ее звали Моргана.

Адриенна молча кивнула.

– Я бы назвала свою дочь Морганой...

Но кто позволит?

И все же, все же... казалось девушке, что на платье Морганы узор из вороньих перьев, что она сейчас шевельнется, встряхнется – и сорвется с портрета черная птица, с криком вылетит в окно.

Потом стали видны и другие детали.

Черные косы, уложенные в тяжелый узел на затылке, убранные от лица – правильно. Такое лицо нельзя закрывать.

Яростная королева, гневная, неистовая, готовая на все для своих близких.

Тяжелые браслеты на руках – кованое серебро или?.. Ударишь таким, и добавки не понадобится. И на пояс из металлических колец так и просится клинок. И что блеснуло в черных ее волосах – рукоять кинжала?

И кольцо на пальце.

То самое?

Адриенна кивнула своим мыслям. Да, это было то самое кольцо, которое показал ей отец. И девушка знала: вернувшись домой, она его наденет. И не снимет. Это – ее наследство!

Она его... приняла?

Но когда?

И все же, все же... дома у нее еще не было ощущения, что она имеет право на кольцо. Дома – не было. А сейчас она чувствовала, что наденет кольцо – и оно станет ее родным.

И никак иначе.

– Есть еще один ее портрет.

Адриенна с трудом отвела глаза, и посмотрела туда, куда показывала Джованна.

И снова ахнула.

Та же женщина?

Или не та?

Ее лицо, ее глаза, ее улыбка и платье, ее кольцо... все – ее. Но какая же она здесь... другая! Здесь она была изображена рядом с супругом. И дети, которых они обнимают, мальчик и девочка.

Но почему так?!

Что тебе было в этом короле? Что ты в нем нашла, что увидела? Моргана, ответь!

Рядом с женщиной не стоял статный красавец. Ее не обнимал за плечи светловолосый гигант. Рядом с ней стоял...

– Горбун?

Адриенна произнесла это вслух, но Джованна услышала.

– Говорят, первый из Сибеллинов был горбат. Но душа у него была добрая и настоящая. И дети не унаследовали его уродства.

– Разве он урод? – искренне удивилась Адриенна.

Вот что хотите с ней делайте... первый король из династии не был красавцем, но и уродом он не был. Светлые волосы... седые? Что же ты увидел, что поседел так рано? И глаза самые обычные, карие, с прозеленью. Только вот обычным его не назовешь. Он просто... просто художнику удалось совершить чудо. Он передал не золото и драгоценности, не роскошь нарядов и зала. Он увидел то, что было между этими двумя.

Как робко, невероятно нежно сжимают мужские пальцы руку женщины. Какая у первого Сибеллина теплая и добрая улыбка. Как сияет лицо Морганы, когда она смотрит на мужа и детей. Каким светом лучатся ее глаза...

– Говорят, она была ведьмой...

– Ведьмы не умеют любить.

Джованна замолчала. И то верно. Какой главный признак ведьмы? Нет, не водой ее проверяют, не огнем, не причастием. Ежели ведьма хитрая и подлая, она от всего защиту найдет.

Первый признак ведьмы – она не может любить никого, кроме себя. А остальное так уже, побочно. Не важно...

Здесь и черное платье королевы казалось уже не доспехами – уютной мягкой ночью. И улыбка у нее была спокойная и добрая. И вроде бы ничего не изменилось... нет?

Кольцо, то самое воронье кольцо, оказалось надето на руку ее сына.

Его передала по наследству королева. И Адриенна заберет его.

Девушка не знала, сколько она стояла перед портретом. Пока не догорела свеча... пока не тронула ее за плечо Джованна, намекая, что

пора бы и честь знать. И только тогда Адриенна смогла оторваться от синих глаз.

Только тогда она смогла уйти из старой картинной галереи.

* * *

– Почему его величество не приказал это уничтожить?

Джованна пожала плечами.

Адриенна подумала пару минут и сама нашла ответ на свой вопрос. Может, и хотел. А может... Проклятие – такая штука сложная. Нарваться тоже можно... мог и побояться. Да и дама, которая изображена на полотне...

Вот приснись такая – без преувеличений испугаешься. С визгом. А уж если и правда перед ней виноват – сразу штаны меняй. Интересно, тот завоеватель как – справился? Или все же не удержался? Поводы для гнева у даны... эданны были. Если бы по-честному сражался, а то... подло, ударив в спину... Тьфу! Гадость!

Задумавшись, Адриенна даже и не заметила идущую навстречу эданну. Зато ее отлично заметила Джованна, но было поздно. Пришлось проглотить ругательство и поклониться.

– А? – Адриенна, которая шла за служанкой, остановилась и огляделась.

Здесь и сейчас не было дамы с портрета. Был сад. И была эданна Вилецци, которая стояла напротив и смотрела на Адриенну, как на вошь. Или на что-то такое... очень мерзкое.

– Ты...

Адриенна промолчала.

Вот честно – не хотелось ей ругаться. Просто не хотелось. Из-за чего? Из-за кого? Принца? Да заberi его со всеми потрохами, я еще и приплачу! Но ведь не скажешь так!

Или – скажешь?

– У вас ко мне какое-то дело, эданна Вилецци?

Лицо женщины перекосилось. Да, вот так... замуж ее, конечно, выдали. И с мужем она прожила, и кое-что от него унаследовала. Но не имя. Не титул.

Это все отошло к его детям от более ранних браков, таков закон. Если ты ничего не дала роду, то и род не дает тебе своего имени. Поэтому она эданна, но не Лантоно, а Вилецци.

– Ты думаешь, звезду с неба достала? Маленькая дрянь!

А вот это уже была откровенная наглость. Джованна едва не ахнула. С другой стороны... да, оскорблять дану опасно, но что она сейчас сможет сделать?

Стерпеть, расплакаться...

Ан нет?

– Звезда сама на меня упала. – Может, в другое время Адриенна и проглотила бы обиду. Но не здесь и не сейчас. Слишком памятливы ей были глаза даны с портрета. Слишком сильно свистел в ее ушах горный ветер. – И вы немного не правы. Не маленькая дрянь. Молодая.

Эданна Ческа аж отшатнулась. Удар пришелся в самую уязвимую точку.

Да, она красива. Она великолепно выглядит. Но – сколько ей осталось поражать своей красотой? Год? Два? Десять?

А что потом?

Она уже тратит состояние на мази и притирания, она часами пролеживает в ваннах с молоком и медом, она пьет омолаживающие снадобья...

А девчонка просто молода. В два раза... да что там! Она могла быть дочерью эданной...

– Думаешь, молодость поможет тебе выиграть?

– Выиграть? Вряд ли. Но пережить вас я надеюсь. На сколько лет вы старше меня, эданна? На пятнадцать? Двадцать?

– А это не важно. Важно, что выгляжу я, как видишь... – Руки с красивой формы ногтями, с позолоченными ногтевыми пластинами прошлишь по платью. Снова белому, но с алой отделкой. Натянули, подчеркивая идеальную форму груди, бедер, тонкую талию. Увы. Зависть Адриенне была неведома.

– Вижу, – подтвердила она. – Пустоцвет всегда красив.

И снова – наотмашь.

Эданна не хотела рожать от мужа. О нет! А вот с принцем она никогда не предохранялась. Врала, что пьет настои, даже пила напоказ воду с соком. И все равно – ни сына, ни дочери... детей не получалось! Никак! Ни после снадобий, ни в нужные дни...

– Некоторые цветы расцветают позднее. Зато и аромат у них – единственный. Необходимый.

– Может, я еще и рожу. А ты – маленькая дрянь. Нет, не молодая! Маленькая...

– Кому именно родите? – хлестала Адриенна словами. Она бы не стала так, но эданна сама напросилась.

– Его высочеству. Или, со временем, его величеству.

Адриенна насмешливо улыбнулась.

– Приятного вам обнюхивания.

– И возвращаться он всегда будет ко мне. И из твоей постели тоже, – потеряла терпение эданна. – Ты его не получишь!

Адриенна пожала плечами.

– Наслаждайтесь жизнью, эданна. Пока у вас еще есть время...

– У нас. У меня и моего любимого.

Адриенна качнула головой.

– Вашего любящего. Вы его не любите, вы любите только себя. А вот он вас любит. И мне жаль вас обоих.

– Гадина!

– Ошибаетесь. Я не змея, я птица, – легко рассмеялась девушка. – Джованна, хватит пол изучать! Идем! Вы что-то еще хотите мне сказать, эданна?

– Ненавижу!

– Значит, и домогаться не станете, – неприятно рассмеялась девушка.

И прошла мимо, оставив эданну в размышлении: кто?! Кто проговорился?! Ведь и было-то с женщинами, считай, пару раз... ну, может, чуть больше... иногда случалось. Но кто посмел?!

КТО?!

* * *

– Итак, что ты скажешь?

Джованна смотрела в пол.

Страшновато, конечно, было. Но если король приказал... вы же не думаете, что старинные портреты валяются где попало во дворце?

И к ним так легко пройти? Да чтобы тебя еще и не увидели при этом, и не доложили! Смешно даже!

– В-ваше величество...

Филиппо Третий только вздохнул.

Приятно, когда тебя боятся, но иногда это доставляет столько хлопот...

– Джо...ванна, – с трудом припомнил он имя служанки. – Не бойся. Я просто хочу знать. Что именно она говорила, что делала?

Джованна кое-как собралась.

– Ничего не говорила, ваше величество. Мне кажется, она и не знала про них.

– Вот даже как?

– Смотрела так, ваше величество, словно впервые увидела. И имен не знала. И сказала, что дочь бы назвала Морганой.

– Этого еще не хватало.

– Она их раньше не видела, ваше величество. Хоть голову мне рубите! – Джованна поняла, что ничего страшного не происходит и расхрабрилась. – Я на нее смотрела, она их точно раньше не видела.

– Но знала?

– Ваше величество, знать – безусловно знала.

Ну да. Голос народа не заткнешь... разве что голову отрубить. Вместе с голосом.

– Что-то знала, что-то слышала, но видеть не видела. Что ж, это не так и плохо, – подвел итог Филиппо Третий. – А в остальном? Ничего не замечала? Никаких странностей?

Джованна поежилась.

– Нет, ваше величество. Обычная дана, умненькая, добрая, не капризная. А чтобы странности... вроде как нет. Платья любит, украшения. Сладости.

– Это все они. А еще что?

– Ну... не любит птиц в клетке. Пару раз сказала, что птицы должны летать.

– Тоже случается. – Филиппо Третий не списывал каждый шаг и чих девушки на мистику, еще не хватало!

– Цветы не любит, ваше величество.

– И это бывает. А так?

– В остальном, ваше величество, обычная девушка. Разве что бывает дерзкой на язык. – Джованна рискнула и поняла, что правильно сделала. – Когда мы сегодня возвращались, к нам подошла эданна Франческа Вилецци. И была несколько резка с юной даной.

– Насколько резка?

Джованна послушно пересказала разговор двух женщин. Ей что? Она молчала, но была рядом и все преотлично слышала. Адриенна и не сомневалась, что о разговоре будет доложено, она и не просила держать его в тайне.

Его величество от души посмеялся.

– А девочке палец в рот не клади. Откусит...

Джованна молчала.

– Хорошо. Я тобой доволен. Возьми.

Кошелек с десятью золотыми лоринами перекочевал за корсаж служанки – и та низко поклонилась, на миг явив взгляду короля аппетитные округлости.

– Ваше величество, я так благодарна, ТАК благодарна...

Филиппо задумался, не познакомиться ли с округлостями поближе, но потом решил, что не стоит. Ему эта служанка еще нужна, а простонародье не умеет правильно принимать королевские милости. Или испугается, или обнаглеет, и то и другое одинаково плохо.

– Если дана Адриенна о чем-то попросит, я должен это знать.

– Да, ваше величество.

Филиппо отпустил служанку и задумался.

Что ж, неплохо получается. Если сын не будет дураком, девочка ему отлично подойдет. И детей родит, и проклятие с династии снимет. Она, похоже, о Сибеллинах ничего не знает.

И не надо!

Он знает, а остальным не обязательно. Разве что сыну по голове настучать необходимо. Распустил свою девку до последней крайности. Еще и сам за ней следует. Вот чего он принялся рычать на сопливую девчонку?! Сказано ему – на время, сказано, надо потерпеть! Вот и перетопчется по государственной необходимости!

Так нет же!

Страдающий герой! Штаны горой! Смотреть тошно и противно! Можно подумать, это не он должен на красивой девушке жениться, а

его должны... того самого! Потерпит чуточку, ничего с ним не случится.

Да, определенно, надо провести воспитательную работу.

И его величество решил утром побеседовать с сыном. На тему правильного обращения с благородными данами.

* * *

Его высочество Филиппо в этот момент с благородными данами и общался. Лежал на эданне Ческе, уткнувшись лицом в пышные полушария, и чувствовал себя совершенно счастливым. Потому как уже, вот-вот... ну... О да!!!

А что там эданна чувствовала?

Да кто ж ее знает, стонала она вполне натурально. Так, что принц и не сомневался, что он самый-самый. Потом любовники лежали и разговаривали.

– Я должен жениться на маленькой дряни, любимая. Но это ничего не изменит.

– Ах, любовь моя. Это изменит все! – Эданна Ческа подала любовнику вино, не забыв продемонстрировать свое тело. – Я должна буду уехать...

– Никогда! – Принц чуть не подавился вином. И быстренько подгрел эданну к себе. Пока та не удрала прямо из кровати.

– Твой отец прикажет, и я повинюсь...

– Ну за пять лет еще много воды утечет, – отмахнулся принц. – А там и я королем стану. А ты – ты будешь моей королевой. Звездой моего двора и моего сердца.

– Ночной звездой...

– Хотя бы – пока. Пока эта дрянь не родит мне несколько детей. А потом я попросту отошлю ее прочь от двора. Куда-нибудь в монастырь.

– Жаль, что нельзя это сделать сразу.

– Хм... да, пять лет она могла бы и в монастыре прожить. Я думал над этим, – соврал принц, который как раз и НЕ думал ни о чем, кроме соблазнительной ложбинки недалеко от его лица. – Отец не согласен. Он считает, что девчонку вполне можно доверить ее отцу, разве что слежку приставить.

– А если она удерет?

– Меня это вполне устроит, – отмахнулся Филиппо.

– Наверное... тут главное, чтобы она потом молчала. А то такой позор... наша принцесса и удирает из страны... она же после помолвки станет принцессой...

– Отец сказал, что при дворе ее держать нельзя, – поделился Филиппо. – По обычаю от помолвки до свадьбы невеста должна жить в своем родном доме. А монастыри его тоже чем-то не устраивают. Говорит, ей там не место.

– Но почему?

– Что-то там такое... отец знает, но мне об этом не говорит.

– Ох, – немного картинным жестом взялась за лицо эданна. – А вдруг она какая-нибудь... ведьма или еще что?

– Нет, к сожалению, – отмахнулся принц. – Кардинал с ней чуть не каждый день разговаривает, и на исповедь она ходит, и на службе была, и причастие приняла. Не ведьма.

– Может, только пока?

Принц пожал плечами.

Золотистого цвета полушария качнулись слишком близко от его лица, и принц не выдержал. Снова подмял любовницу под себя.

Черт с ней, с невестой! Потом разберемся!

Но если бы он смог заглянуть в головку эданной Чески, он был бы изрядно удивлен.

Эданна тоже собиралась разобраться с его невестой. Но куда как быстрее и радикальнее.

Глава 5

Мия

Причастие.

К причастию Мия все же ходила. С матерью, с ньорой Катариной, все как полагается.

Вуаль на голове, шаль на плечах, но разве это может скрыть расцветающую девичью красоту? Разве может тряпка приглушить сияние глаз?

Ладно, может. Но тогда надо подбирать такую тряпку, которая скрывает, а не ту, которая подчеркивает. А ньора Катарина, как дочь купца, предпочитала демонстрировать товар лицом. Мия уже взрослая, надо замуж отдавать...

Что думала на этот счет Мия, ньору не интересовало. Думает – вот и ладно. Пусть себе радуется, что о ней кто-то готов позаботиться!

Вот и сейчас они медленно шли к храму. Можно бы и в паланкине поехать, но что тут идти? Одна улица, причем чистая и с приличными домами.

Вот и гуляли женщины. Медленно, не торопясь...

– ПОМОГИТЕ!!!

Крик был таким диким, что шарахнулись все три.

И собачий рык. Грозный, страшный... А с ними, как назло, никого...

Сползла по стене в глубоком обмороке эданна Фьора. Завизжала, подхватила юбки и помчалась по улице ньора Катарина. А Мия застыла на месте.

Потому что из-за угла вылетел пес.

Из бойцовских собак, сразу видно. Есть в городе собачьи бои, на них таких зверюг и выставляют. Мощных, страшных, широкогрудых, с такой пастью, что акула от зависти сдохнет. Только вот чтобы собака дралась на таких боях, ее учить надо. И воспитывать. И...

И – обозлить.

Или что-то дать? Да кто ж его знает... важно то, что псина вырвалась. Машина для убийства, в которую воля хозяина превратила шестьдесят килограммов литых мышц, мчалась по улице, и остановить ее было нереально.

Уж точно не трем женщинам.

И ньора Катарина... если только куда влезет! А так – догонит и порвет в клочья.

А сейчас Мия...

Это приговор...

Но почему-то девушка и не подумала бежать. Вместо этого она сделала шаг вперед, второй, оскалилась...

Пес дернулся. Заскулил. И медленно-медленно попятился назад, не сводя глаз со страшного зверя, на которого налетел. С хрупкой девушки в розовом платье.

Мия сделала еще один шаг.

Хвост пса спрятался между ног.

Животное попятилось еще активнее, до угла, а потом развернулось – и помчалось по улице обратно, с той же скоростью. Ну к хозяину он вряд ли вернется, но и о нападении больше речь не идет, это уж точно. Мия выдохнула и осела на землю. Ее тоже ноги не держали.

Зато застонала эданна Фьора.

– Боже... собака... Мия?!

– Я тут, мама, – откликнулась девочка.

– А собака?

– Убежала.

– Ты цела?

– Да.

Вдали визжала ньора Катарина, бежали, гремя оружием, стражники, но догнать страшного пса так и не смогли.

* * *

Вечером эданна Фьора зашла в комнату дочери. Присела на кровать.

– Рассказывай. Что было и как...

Мия скрывать и не стала.

Честно рассказала, как шарахнулась от нее собака, как побежала... о своем состоянии...

Фьора слушала внимательно. И подвела итог:

– Моя прабабка даже на конюшню не заходила. Кони нервничали.

– То есть? – напряглась Мия.

– Она говорила, что в молодости это не так сильно проявлялось. А вот к старости – да. Там все стало очень серьезно.

– Что – серьезно? Мама?

Фьора помолчала. Покусала губы. И – решилась.

– Мия, детка. Ты ведь не человек, ты – метаморф... животные это чувствуют. Сейчас тебя испугался пес. Потом будут бояться даже самые приученные к человеку. Они будут чувствовать в тебе опасность.

Мия выругалась сквозь зубы. Да, такие слова она тоже знала. На конюшне подслушала.

Эданна Фьора не сделала ей замечания. Молча качнула головой.

– Это не несет тебе таких уж бед. Ты не крестьянка, тебе не надо обихаживать скотину. Ты можешь ездить в паланкине – люди твоих отличий не заметят. И кстати, еще кошки.

– Кошки?

– Эти твари всегда будут равнодушны. Вот и все.

– Равнодушны?

Ньора Катарина кошек не любила. Вот их и не было в доме. А в поместье... но тогда она еще не была... тогда наоборот – она еще БЫЛА человеком!

Действительно, кошки были равнодушны к Мии.

– Кошки тебя бояться не будут. Ну а все остальные... к сожалению.

Мия уже успела обдумать этот вопрос – и махнула рукой. Верховую езду она и так не особенно любила.

– Мама, сегодня это оказалось только на пользу. Порвала бы нас эта тварь.

Фьора задумчиво кивнула.

– Меня – наверняка. И тебя тоже... до смерти бы загрызла...

– Так что все хорошо.

Фьора кивнула еще раз. У нее такой уверенности как раз и не было.

Прабабка упоминала еще кое о чем. Да, страх животных – показатель силы метаморфа. Только вот у прабабки это сказалось лишь к старости. А еще...

Когда силы много – кто управлять-то будет? Хвост собакой или собака хвостом? Мия будет над ней властна или наоборот? Сила будет управлять девочкой?

Чуть не восемьдесят лет, из которых семьдесят прабабка использовала эту силу, развивала, работала...

И – Мия. Которая только недавно созрела. Что же это будет к ее двадцатилетию? Хотя бы?

Страшно даже подумать!

А когда эданне Фьоре было страшно, она поступала вполне определенным образом. А именно – не думала о страшном. И точка.

Пусть все будет как будет. Все в руках Божьих!

Адриенна

– Дана!!!

– Ты мне хочешь возразить?

Адриенна не повышала голоса, она даже улыбалась, но Джованну мороз продрал. Словно ветром по спине пробежало... ледяным. Северным.

– Я-то что... как его величество...

– Его величество все отлично знает. И не удивится, – усмехнулась Адриенна. – Волосы мне уложи, как на том портрете... где она одна. Поняла?

– Как прикажете, дана.

Адриенна медленно уселась перед полированным металлическим зеркалом.

Вы этого хотели?

Ну так вы это получите...

* * *

По обычаю, дана должна пройти дорогу до часовни одна. Вот у дверей ее ждет отец, но это уже внутри. А до того...

Одна.

Символизируя, что она выходит замуж добровольно.

Принимает кольцо добровольно.

Кстати – не одна дана и в обморок падала, и сбежать пыталась... оно, конечно, добровольно, но для кого? Для самой даны или для ее родителей?

Его величество, правда, позаботился о будущей невестке. Ее и Джованна сопровождала, да и караулы были расставлены... сбежать Адриенна не собиралась.

Некуда.

И – нельзя.

Она медленно шла по дворцу и вспоминала. Этой ночью она видела сон.

Она сидела в саду. Небольшая скамейка, ветки деревьев в цвету...

А она сидела. И молчала, пока к ней шла женщина. Медленно шла, не стряхивая лепестков с черных волос, с черного платья, не отрывая темного взгляда...

Не темного. Синего. Как и у самой Адриенны. Просто сейчас глаза женщины были совсем темными. Словно ей... больно?

Зрачки расширены так, что радужки почти не видно.

Адриенна подалась вперед, коснулась ее руки. И едва не вскрикнула. Ощущение было такое, словно ее ножом ударили.

– Эданна Моргана?

– Ее величество Моргана. Или просто – бабушка.

Улыбка у женщины была неожиданно доброй, и Адриенна успокоилась. Ей не причинят зла. С ней не сделают ничего плохого. А остальное...

Мало ли что бабушка сказать хочет? Надо сначала послушать!

– Я рада, что ты пришла. Сама я не могла дозваться потомков, – призналась женщина, садясь рядом на скамейку.

– Вы же умерли, – справедливо заметила Адриенна.

– Смерть – это не конец пути для людей нашей крови, – нахмурилась женщина. – Впрочем, тебе это рано знать. Я скажу другое. Ты ненавидишь Эрвлинов. Ты не хочешь ни помолвки, ни свадьбы.

– Да.

– Если ты не согласишься, ты вскоре умрешь.

Адриенна аж дернулась.

– Меня убьют?

– Если успеют, – грустно улыбнулась прабабка. – Могут и убить, Эрвлины не терпят сопротивления. И бить в спины умеют. Умели еще тогда, когда были Эрвлайнами... Нет. Хуже другое. В тебе начала пробуждаться наша родовая сила. Ты надела мое кольцо. Ты пролила на алтарь свою кровь.

– Я не помню...

Моргана повела рукой. И Адриенна вдруг вспомнила.

Подземелье.

Черный камень.

Порезы на руках, которые внезапно остро и сильно заныли.

– Вы... это вы?!

– Я.

– Зачем? – почти стоном вырвалось у Адриенны.

Моргана развела руками.

– Это не от меня зависело. Ты моя плоть и кровь, ты почувствовала призыв... как могла тебе помешать бесплотная тень?

Адриенна поняла, что это как раз логично. И злиться перестала.

– Чем мне это грозит? Как это будет выглядеть?

– Плохо, – не стала скрывать прабабка. – Поищи историю нашего рода, ты сможешь разобраться. Начнутся приступы, тебя могут объявить ведьмой.

– Ой...

– Ничего приятного в этом не было и в мое время. Но наша сила такова, что приступы будут. Ты уже понимаешь людей, ты будешь понимать зверей и птиц, ты будешь приносить зло или благо земле, когда пожелаешь.

– Я?

– Да, внучка. СибЛевран – райское местечко. И только благодаря тебе. Когда ты счастлива и здорова, все цветет и благоухает. Стоит тебе заболеть или приуныть... ты помнишь, какая буря была в день твоего отъезда?

Адриенна помнила.

– Поэтому ты должна быть осторожна. Церковники такое видят.

– Но если это у королевы...

– Некоторые короли исцеляют болезни наложением рук. И это не колдовство, но святость.

Адриенна поняла, о чем ей пытаются сказать. Многое зависит от статуса, да. Можно сжечь крестьянку, но вряд ли это получится проделать с королевой.

– Я должна снять твоё проклятие?

Моргана покачала головой.

– Ты не сможешь этого сделать. Единственный выход, и тут король не ошибся, это получить наследника твоей крови. Тогда проклятие перестанет действовать.

– Понятно.

– Ты не узнаешь об этом из книг, внучка. – Моргана выглядела безумно усталой. – Проклятие не накладывают просто так. Оно всегда, понимаешь, всегда действует в две стороны.

– Это как?

– Им плохо. Но плохо и мне.

– А когда они вымрут, станет лучше?

Моргана пожала плечами.

– Я не рассчитала силы, внучка. У Сиблевранов тоже мало детей, и вы тоже умираете. Понимаешь? У весла два конца...

И ударило по обеим семьям.

– Мало мне скачков силы, так будет ещё и проклятье? – «порадовалась» Адриенна.

– Прости меня. Я была в гневе.

Адриенна только рукой махнула. Было б на что злиться... она бы за отца половину столицы с земли снесла, а вторую в землю закопала. Так что Моргану могла понять.

– Мне надо выбирать. Если я убегу, я могу просто умереть. А если останусь, выйду замуж, рожу ребенка...

– Принеси сына ко мне, в подземелье. Я сниму проклятие.

– Как? – уточнила Адриенна. Да, подозрительно, а что? Может, там жертвоприношение нужно?

Моргана качнула головой.

– Любое проклятие снимается любовью. Любовью и прощением. Но увидеть тебя во плоти я могу только там, у алтаря. И своего правнука тоже...

Любовь и прощение звучали достаточно безобидно.
Адриенна потеряла виски. Во сне может болеть голова?
Нет. А значит, это и не сон. Вот ведь...

– Принц меня ненавидит.

– Для некоторых людей ты никогда не будешь хорошей.

– Значит, я стану для них плохой, – вздохнула Адриенна. – Как мне справляться с приступами?

– Постарайся еще раз прийти к моему алтарю. Я буду тебя ждать.

– Как мне это сделать? Я не помню дорогу.

– Приходи в дворцовый храм. Ночью. Одна.

Девушка кивнула.

Силуэт прабабушки Морганы медленно поднялся со скамейки – и вдруг в небо взлетела большая черная птица.

Но... но КАК?!

– Кар-р-р-р-р! – донеслось с синего неба.

Адриенна посмотрела вверх.

– Это тоже часть нашей силы?

Но аудиенция была закончена. И Адриенна понимала – здесь и сейчас она большего не узнает. А вот потом...

А что ее держит?

Помолвка – еще не свадьба, а это... даже если это сон, наваянный картинками, он какой-то слишком реальный. Может быть, стоит послушаться?

Так что бежать дана не собиралась.

Умирать ей не хотелось, хоронить своих детей – тоже. И если уж прабабка немного не рассчитала, надо исправлять ее ошибку.

Хорошо же.

Но – на свой лад.

* * *

– Ой...

А больше дан Марк ничего и сказать не смог. Потому что дверь часовни открылась.

И на пороге...

Да, на пороге...

Адриенна отлично запомнила тот портрет.

Черное верхнее платье у нее было. Белое с серебристым узором нижнее – тоже. Оставалось только уложить волосы, как на портрете. А вот с браслетами было сложно. Но Джованна придумала и нашла где-то серебряные ленты, которые и вплела в волосы девушке. И рукава ими подхватила.

Поперхнулся не только дан Марк.

– Ох... – высказался его величество, которому показалось, что ожил портрет.

Принц дернулся, но, поскольку портрета не видел, на ногах устоял. И даже посмотрел с любопытством.

Недолго. Пару минут.

То ли благословение от прабабушки так сработало, то ли что еще... ему вдруг показалось, что вместе с Адриенной в часовню вползла тьма.

Голодная, живая, хищная, и вот она стелется по полу, ползет за девушкой живым плащом, разливается у ее ног, и сейчас... вот уже сейчас доползет до его башмаков.

Хотя справедливости ради ничего такого не было. Просто сквозняк задул несколько свеч, а остальные светили Адриенне в лицо, ну и получилась такая большая тень. Конечно, ползучая, а какие они еще бывают?

Но принц все равно шарахнулся, дернулся и чуть не обвалил подсвечник.

И только потом понял, что глупо как-то бояться мелкой, считай, сопливой девчонки.

Но поздно. Непоправимо поздно. Адриенна уже подошла вплотную и посмотрела так, что страхи вернулись с новой силой. Это был взгляд не робкой и покорной жены, нет.

И не человека, который пытается найти общий язык, как тогда, в саду. Наверное, так вороны и смотрят на червяка.

Вот склонить тебя сейчас или сначала вон того, соседнего? Или ты вкуснее?

Быть вкуснее его высочество не желал, но кто ж его спрашивал? Проклятие преотлично работало.

Пауза затягивалась. Адриенна ждала. Наконец кардиналу все это надоело, и он негромко кашлянул, намекая, что хорошо бы и того...

обряд?

Опомнился и Филиппо Третий. И наступил сыну на ногу. Его высочество неподобающе хрюкнул и подал руку Адриенне.

– Прошу вас, дана.

– Возлюбленные чада Божии, – хорошо поставленным голосом начал церемонию кардинал. – Сегодня мы собрались здесь...

Помолвка – еще не свадьба. Но все же клятвы даются перед Его алтарем. И нарушаются крайне редко. Это стряпчего обмануть можно.

А Его – не стоит.

Мия

– Дорогая племянница, все просто замечательно!

Мия решительно так не считала. Вот что может быть замечательного в предложении руки и сердца?

Все?

Так чтоб оно к вам посваталось!

Счастье имело вид высохшего стручка лет семидесяти. С венчиком седых кудрей вокруг лысины и, на взгляд Мии, откровенно страшного.

Ничего не забыла?

Ах да! У него внуки уже старше, чем Мия!

Девушка всего лишь один раз сходила с матерью к причастию, но этого хватило. Яркая и эффектная, Фьора привлекала в том числе и мужское внимание. А когда появилась с дочерью...

Стоит ли удивляться, что ньор Аугусто Кинио заинтересовался девушкой. А там и поговорил с ньором Джакомо.

Дядя? Дядя подумал и решил, что брак будет неплохой. Между прочим, у ньора Аугусто восемь кораблей.

Восемь!

Кораблей!

Если обговорить вдовью долю для молодой жены... так почему бы и нет? Потерпит три-четыре года, ничего с ней не случится. Ну пять-шесть... у нее еще брат есть. И сестры. Тоже расходы.

А вообще, предложение очень выгодное. И для Лаццо, и для Кинио... дела объединить.

Вот и шла Мия за теткой.

Фьора эту идею решительно не одобрила, но опекуном ее детей считался дан Джакомо, так что право голоса у нее было только совещательное.

А вот право совета...

Вот и скамейка. И сидит этот стручок, и козлом от него, простите, воняет на всю округу. Смотреть тошно. Катарина остановилась в двух шагах от скамейки и доброжелательно улыбнулась. Жаль, ньор Аугусто со скамейки не упал.

Мия изобразила пай-девочку.

Руки сложены на животе, голова опущена, взгляд в землю.

– Ньор Аугусто, я не могу оставить вас наедине с моей племянницей, – пропела ньора Катарина. – Но я могу посидеть в беседке... недолго.

И подглядывать. Кто бы сомневался?

Ньор Аугусто не был в претензии. Он козлячьим тенором поблагодарил ньору за любезность и дружелюбно улыбнулся Мии.

Половины зубов у него тоже не было.

– Дана Мия, вы просто очаровательны.

– Благодарю вас, ньор Аугусто, – кивнула Мия.

Она внимательно следила за теткой. Вот-вот... та уже отошла на достаточное расстояние. Но свободно говорить пока еще нельзя. Жаль... ждем...

– Дана Мия, я умоляю вас, присядьте рядом. Дядя вам рассказал о моем предложении?

– Да, ньор Аугусто. – Мия впервые поглядела мужчине в глаза и улыбнулась. – Рассказал.

И присела рядом на скамейку.

Ньор Аугусто оживился. Кажется, девочка умненькая? Что ж, это хорошо... ему как раз нравились вот такие, чтобы свеженькие, хорошенькие... только вот в борделе они очень дорого стоят. А тут...

И вся его будет.

И он у нее будет первым... ньор Аугусто даже облизнулся.

– Я тебе буду хорошим мужем, если ты будешь послушной.

А если нет, он получит еще больше удовольствия, наказывая непослушную супругу.

Мужчина положил дане руку на коленку.

Мия посмотрела ему прямо в глаза.

– Вы же меня не боитесь, правда, ньор?

И улыбнулась.

За секунду лицо девушки изменилось.

Оно словно почернело, провалился куда-то внутрь нос, растянулся в хищной улыбке громадный лягушачий рот, блеснули острые иглы зубов, поползли по щекам язвы...

– Я голо-одная... – шепотом протянул жуткий монстр. И на руке его блеснули длинные черные когти.

Вот где ньор Аугусто сидел, там и упал.

Мия завизжала, не забыв набросить на лицо вуаль. Обратные изменения она начала практически сразу, как только ньор начал валиться со скамейки, но тетка бежит слишком быстро. Это плохо...

А вот теперь хорошо.

Эту морду они с мамой четыре дня отрабатывали.

Требовалось нечто такое, что легко поменять, легко вызвать... что тут страшного?

Отрастить-убрать ногти? Секунда.

Цвет кожи? Да тоже, в общем-то, быстро. Нос, конечно, никуда особо не проваливался, Мия просто его уменьшила, а на черном фоне и получилось незаметно. Рот растянуть несложно.

Самым трудным были клыки. Но какое впечатление они произвели... черт!

Опять язык наколола!

Их изменять было сложнее всего, поэтому Мия начала, еще пока шла вслед за теткой. И сейчас спешно трансформировала их обратно.

Тетка визжала, прибежали слуги, примчался ньор Джакомо, послали за лекарем...

Увы.

Спасти сластолюбивого ньора Аугусто возможным не представлялось. К большой радости его наследников, которым совершенно не нужна была новая молодая мачеха, да еще и капиталами с ней делиться, – лекарь определил разрыв сердца.

Ньор помучился пару часов и скончался. Увы – без причастия и исповеди. Не приходя в себя.

Мия его не пожалела. Может, если бы он был более приятным человеком или от него так не воняло козлом, не блестели так похотью

глаза...

Козел и есть. И точка!

Фьора объявила, что у нее жуткая мигрень, и сразу же удалилась к себе. Лгать она не умела и опасалась чем-нибудь выдать свою радость.

Мия рыдала.

Она перенесла тяжелое нервное потрясение. Бедный ньор Кинио, он просто взял ее за руку, она улыбнулась, и вот...

Какое горе!

Какой кошмар!!!

Общий вердикт был: престарелого сластену хватил удар. Переоценил он свои силы... ну хорошо хоть не на молодой супруге в брачную ночь, а то и такое бывало. Ситуация самая что ни на есть обыденная.

А учитывая, что ньор и в бордели ходил, и возбуждающими не пренебрегал, а сердечко-то они подсаживают, лекари знают...

Диагноз был единогласным.

Мию никто и рядом не заподозрил. А она... она ощутила вкус силы. И радость от того, что проблема решается так просто. Нет человека – и нет проблемы.

И она может спокойно жить дальше.

Может, дядя и еще кого-то подберет... ну так что же? У Мии хватит и сил, и фантазии. Так их! Чтобы не повадились!

И Мия принялась тренировать свои способности с удвоенным усердием. И никакие страшные сны ей не снились. И неупокоенная душа ньора Аугусто по ночам не приходила. И исповедаться Мие не хотелось. И в грехе убийства покаяться.

При чем тут она?

Он сам преотлично умер... Совесть? Наверное, она тоже испугалась и убежала. Нет, Мию ничего не мучило. Ну разве что дядя, который явно подыскивал нового жениха. Но дядю убивать точно не стоило.

Адриенна

В королевском кабинете снова сидели двое людей.

Его величество лично и Адриенна. В своем черно-серебряном платье.

– И что это за демарш, дана?

Не то чтобы Филиппо Третий сильно гневался. Скорее понимал. Как король он был и неплохим знатоком людских душ... поставить себя на место девочки? Тут и ума не надо.

Жених ее не любит, еще и гадостей наговорил... хоть сын и утверждает, что девчонка во всем виновата, но сколько там кому лет?

И кто где воспитывался?

Вы мне что – хотите сказать, что двенадцатилетняя девчонка из деревни смогла вывести из равновесия семнадцатилетнего мужчину, воспитанного при дворе?

Тогда точно – пусть женится!

Но Филиппо был лучшего мнения о сыне. Скорее тот что-то наговорил невесте, потом еще его девка напала... Адриенна хоть и отбилась, но самому железному терпению всегда есть предел. А она еще девочка, вот и срывается. Вопрос о проклятии, потом там с портретами, вот с его сыном, с Ческой, ну и теперь...

Вызов?

Вряд ли.

Скорее девочке просто хотелось всем досадить... вы во мне это видите? Ну и получите!

Опять же, цвета Эрвлинов алые и белые, а вот Сибеллинов – черный и серебро.

Адриенна сделала виноватое лицо и опустила глаза вниз.

– Простите, ваше величество. Я просто...

– Разозлились?

– Я знаю, я не имею права, – отозвалась Адриенна, не поднимая глаз от пола.

– Положим, моему сыну тоже не стоило вас оскорблять. Мог бы и убрать свою девку от двора, – лицемерно вздохнул король.

Адриенна порадовалась, что не подняла головы. Потому как мысль была проста.

А ты – не мог? Вот ты, твое величество, не мог приказать, чтобы эту шлюху убрали? Но тебе это было нужно, ты меня проверял и проверяешь... Ублюдок! Потомок предателя!

Вслух она это, понятно, не сказала. Ни к чему. Сказала другое:

– Ваше величество, прошу вас о милости... не откажите?

– А именно? – насторожился король.

– Позвольте ночь провести в храме, за молитвой? Душа не на месте... а в дворцовом храме спокойно, уютно...

И потайной ход оттуда есть. Как именно Адриенна им воспользуется, она не знала. Но прабабке верила.

Его величество окончательно расслабился.

– Дана Адриенна, вы понимаете, что ваше поведение было недопустимо...

Адриенна кивнула.

И еще раз. А что? Его величеству приятно, а ей все равно. Пусть говорит – ветер носит...

Филиппо и не усердствовал особенно. Разрешил девушке помолиться в храме, тем более что она просила отправить с ней Джованну, и взмахнул рукой, отпуская ее.

– Не надевайте больше ничего подобного. Вас могут неправильно понять.

Или слишком правильно. Но об этом лучше помолчать.

* * *

Дан Марк нашел в саду беседку и устроился там.

Тихо, спокойно, тоскливо...

Перенервничал он за эти несколько дней. И кто бы на его месте остался спокойным?

Дан Марк знал, на ком именно женился. Просто любил он свою супругу без меры и без памяти. Любил так, что кричать хотелось...

Рианна была и солнцем, и светом, и счастьем, и три года, которые у них были, он вспоминал со слезами. Дочь?

Рианна ее любила. Этого достаточно.

Рианна и его любила. И она была совсем иной. Не такой, как Адриенна, нет. Более мягкой, доверчивой, ласковой... вот Адриенна растет совершенно не такой. Рианне и в голову не пришло бы так разговаривать, она не стала бы дергать тигра за усы, она бы плакала, но подчинялась.

А Адриенна?

Дан Марк не желал признаваться даже самому себе, но иногда он просто побаивался Адриенну. Вроде бы дочка, но как посмотрит... как скажет...

И сразу понимаешь, чьи предки тут страной правили.

Ох, Рианна, была бы ты жива... а я, наверное, что-то не так делаю. Неправильно...

Голова жутко болела, и дан Марк сжал виски руками. Не помогло.

А потом поверх его ладоней легли прохладные тонкие пальцы. Помассировали горящий огнем лоб, потом перешли на темя, на затылок... и дан Марк откинулся назад. Пусть хоть кто... лишь бы сейчас ему стало легче!

Потом пальцы исчезли, и он нашел в себе силы повернуться.

– Эданна?..

Рядом с ним стояла... нельзя было назвать эту эданну невероятной красавицей. Но симпатичной – вполне.

– Простите, дан, что я нарушила ваше уединение. Но я хотела отдохнуть, а здесь вы... я не смогла остаться равнодушной к вашим страданиям.

– Это вы меня простите, эданна...

– Сусанна Манчини. Эданна Сусанна Манчини, дан.

– Дан Марк СибЛевран.

– Я вас знаю, – улыбнулась эданна. – Милость короля заметна.

Рядом с Рианной или Адриенной она показалась бы дурнушкой. Но у нее были пышная грудь, темно-карие глаза и забавный вздернутый носик. И она улыбалась.

И дан Марк расслабился.

Почему бы не побеседовать немного с красивой женщиной?

Да и история у нее оказалась схожей с историей дана Марка. Только еще хуже.

Так тоже бывает...

Эданна Сусанна вышла замуж совсем юной, в двенадцать лет. Забеременела, но муж был намного старше юной эданнны. И в один ужасный момент, при исполнении супружеских обязанностей... ох, это было ужасно!

А еще ужаснее было то, что случилось потом.

Семья покойного отказалась признавать юную вдову, мол, она невеста от кого ребенка прижила, и вообще – дрянь, и шлюха, а может,

и убийца... разразился скандал. По счастью, тогда еще была жива ее величество королева, в ноги которой и кинулась юная Сусанна, умоляя о милости.

Милость оказалась... наполовину.

Денег и наследства эданне не досталось, и пришлось возвращаться в семью. Но приданое ей вернули. И фамилия у нее осталась, и сын ее официально признан семьей покойного супруга, то есть его старшими детьми.

Хотя бы так.

Бедный Леонардо не знал отца и никогда его не узнает. Но у мальчика хотя бы шанс есть, что когда-нибудь Манчини его пригласят или посчитают своим...

Дан Марк сочувственно кивал и гладил полную белую ручку. Да, жизнь очень часто бывает несправедлива. Особенно к красивым женщинам.

И к мужчинам тоже... он вот вдовец, сам воспитывает дочь...

Эданна сочувственно кивала, не забывая демонстрировать свои прелести в наилучшем виде, и думала, что рыбка клюнула на крючок. Ческа будет довольна. И, соответственно, оплатит ее услуги.

Скажем откровенно, определенная доля правды в обвинениях родни Манчини была. И юная эданна, рано созревшая, частенько предпочитала объятия конюхов объятиям супруга.

Что он умер при исполнении супружеского долга? Да, и такое бывает. Если не считать того, что старый Манчини начал что-то подозревать. И что оставалось делать молодой жене?

Только плеснуть ему в вино побольше афродизиака. А что сердечко не выдержало...

И что? Никто и не заподозрил! Ческа? Нет, она тоже не заподозрила, она тех мушек и достала для подруги. У нее дело обстояло ничуть не лучше, разве что она с мужем дольше прожила. Просто Сусанна и Ческа очень сильно различались.

Сусанна откровенно себе признавалась, что мимо красивого мужчины пройти спокойно не может. Взгляд, второй – и панталоны уже мокрые.

А Ческа – она как ледяная. С принцем еще как-то крутит, а на остальных мужчин даже и не смотрит. И с мужем жила, как в куске льда... как так можно?

Нет, не понять...

Но дружить это эданам не мешало. И друг друга поддерживать, и помогать... вот и сейчас, попросила Ческа – Сусанна займется.

И может быть...

А почему бы ей не стать эданной СибЛевран?

Она еще молода, ей всего двадцать семь, и детей она родить может... она за последние годы несколько раз плод стравливала, в этот раз просто не станет зелье пить, вот и все. Надо бы с Ческой поговорить, вдруг она что посоветует?

Да и сложно, конечно...

Ческа помогает, любовники подарки делают, но жить на что-то надо. А жить-то эданне Сусанне особенно и не на что. Сколько тех любовников? Рано или поздно все закончатся, уже сейчас приходится не перебирать даже богатыми, но купцами, ньюрами...

А молодые любовники, которые так нравятся эданне, требуют расходов.

А есть еще и сын.

Леонардо нужно жениться, но кто за него пойдет замуж? Продавать титул за деньги? Но тогда эданну Сусанну перестанут принимать при дворе. Это будет падение.

А молодые даны... им нужны земли, деньги... ах, все так корыстны! Эданны рассматривали совместно несколько вариантов, думали, кто больше подойдет Леонардо, но...

Нужна девица достаточно глупая, с хорошим приданым, без особо влиятельных родственников... но на таких спрос. И Сусанне туда лезть просто не стоит. И Ческе тоже.

Его величество хоть и терпит эданну Вилецци до поры до времени, но предупреждает регулярно. Мол, не заигрывайся. А то окорочу на голову.

Ческа хоть и скрипит зубами, но выбора у нее нет. Филиппо Третий – это не его сынок. Тот глуповат, податлив, а главное, влюблен по уши. Быстрее бы он оказался на троне вместо отца!

Но – куда там!

Такие по сто лет живут, еще и всем остальным жизнь отравляют...

Определенно, надо посоветоваться с Ческой. Посмотрим, что она скажет, что сделает... И эданна Сусанна обворожительно улыбнулась

дану Марку, который и не подозревал об этих замечательных расчетах. Еще и предложила:

– Давайте я вам еще массаж сделаю? Моему несчастному супругу всегда так помогало...

– Я не хотел бы вас скомпрометировать, эданна...

– Дан Марк, вы воистину благородный человек. Но двор – это такое место, где виновен ты или нет, на тебя все равно выльют ведро грязи.

Вот с этим дан был полностью согласен. Как же хорошо у него дома, в СибЛевране, и как же тоскливо и тошно тут... где каждый друг другу враг и змей!

Эданна слушала, поддакивала, расспрашивала про СибЛевран...

Определенно, сегодня она поговорит с Ческой. Речь сначала шла только о любовнице. Но если есть возможность? Если получится подцепить на крючок этого провинциала?

И Ческа будет довольна! Уж в СибЛевране Сусанна точно до девчонки доберется, та и вякнуть не посмеет! Будь она там хоть каких кровей!

В дугу скрутим, и не таких ломали!

И эданна с удвоенным усердием принялась за обработку дана Марка. Пригодится. При любом варианте – пригодится.

* * *

Адриенна посмотрела на Джованну.

– Я не прошу тебя молиться вместе со мной. Но мне это необходимо... в моей душе нет мира.

И это было действительно так.

Адриенна не знала, ни что ей делать, ни как... сложно жить, когда тебе всего двенадцать лет. И с отцом посоветоваться нельзя, не получается почему-то. Вроде бы и рада поговорить, но словно останавливает что-то...

Или кто-то?

Адриенна не знала. Но после того сна, с прабабкой, чувствовала себя спокойнее. Может, и сейчас ей помогут?

Кардинал Санторо лично впустил ее в часовню. Лично благословил, пронаблюдал, как девушка опускается на колени перед алтарем, и вышел.

Снаружи тяжело лязгнул засов.

До утра она отсюда никуда не выйдет. И не стоит ругаться на кардинала, Адриенна сама попросила.

Адриенна молилась.

Стояла на коленях, смотрела на равнодушное лицо Христа... понятно, что вырезано оно лучшими мастерами, что вложено во все это немало труда и таланта... и вот Мадонна...

А жизни нет.

В том старом портрете жизнь была. Как-то Моргане удалось найти такого художника, который передал это... и движение, и ветер, и крылья за спиной. А здесь все было богато, роскошно, отделано золотом и драгоценными камнями – и безжизненно. Скучно и неинтересно.

За спиной зевала Джованна, и Адриенна махнула рукой:

– Джованна, ты приляг вон там, в углу... вот, возьми мой плащ еще... укройся.

– Дана, вы что!

– А что такого? Вот, смотри, скамейка там широкая, ты хоть поспишь. Это я ищу мир в своей душе, а тебе-то чего страдать? За мной смотреть? Куда я из запертой часовни денусь?

Джованна себя долго уговаривать не заставила. Через десять минут со скамьи донеслось негромкое посапывание. Но Адриенна для верности еще около часа простояла на коленях. Потом, когда поняла, что устает, встала, потянулась...

Свечи горели, отблески плясали по стенам причудливыми тенями, девушка размышляла.

Если ей сказали приходить в часовню...

Здесь должен быть или ход, или что-то... но где? Остается только ждать. Если уж за несколько поколений его не нашли, Адриенне его и искать бессмысленно.

Часы на главной башне отзвонили полночь.

Пропели петухи.

Адриенна смотрела на алтарь. И... уснула она, что ли?

Или нет?

Но метнулись по стенам черные тени, влетела в окно птица, закричала тревожно и горестно, забилась на полу у алтаря... девушка шагнула вперед, наклонилась, под ногой поддалась плитка – и в тот же миг птица ткнула клювом в глаз святого на резьбе.

– Ох!

Алтарь медленно откатывался в сторону. Тихо-тихо. Словно его кто-то смазал.

Адриенна невольно оглянулась. Джованна так и спала, ничего не слышала. Вот и ладненько, вот и хорошо... механизм!^[13]

Под алтарем виднелась лестница, уходящая вниз.

Птица почти осмысленно посмотрела на Адриенну, повернула этак голову, блеснула хитрым черным глазом – пойдешь? Испугаешься?

Но та уже ступила на верхнюю ступеньку. Словно ноги в черноту окунулись... нет, так дело не пойдет. А вот и подходящий подсвечник.

С ним было намного удобнее.

Адриенна спустилась и услышала, как наверху встал на место алтарь. Только вот паники не было. Вообще.

Ну встал он на место. И что? Откроем с этой стороны, не может так быть, чтобы создатели такого чуда не предусмотрели выхода! Страх у девочки и рядом не было. В двенадцать лет вообще мало чего боишься. Разве что поскользнуться. Но вроде ступеньки не влажные. Так... самую чуточку. Все же река близко.

Адриенна спускалась все ниже и ниже. Потом впереди замаячило светлое пятно, и девушка пошла увереннее.

Ахнула...

Да, она помнила это место.

Округлая пещера, черный камень с острыми гранями... Девушка сделала шаг вперед, протянула к нему руку. Пальцы ощутили холод. Потом острая грань резанула по ладони, и горячая кровь потекла по черному камню. Только вот до земли ни одна капелька не долетела.

– Спасибо, внучка.

Рядом с камнем медленно формировался полупрозрачный силуэт.

– Моргана, – попробовала на вкус имя бабушки Адриенна. – Морга-на...

– Или Моргауза, или Морриган. Меня называли по-разному. Это было давно.

Адриенна решила не тратить времени на второстепенное, пока не знает главного.

– Ты моя прапрапра... бабка. Из Сибеллинов. И я тоже... но я незаконная.

– Значение имеет не глупый человеческий ритуал, а кровь. Твоя прабабка надела кольцо, она приняла свое наследство.

– Это не принесло ей счастья.

– Нет. Я виновата. – Плечи Морганы поникли. – Моя природа такова... ты видишь меня. Среди моих предков была... Впрочем, сейчас это не важно. Но я связала себя с родом Сибеллинов, я связала себя с этой землей. Когда мы любим... мы так можем. А потом я просто не смогла уйти. Осталась привязанной к этому месту, как дух-хранитель.

– Это плохо?

Моргана качнула головой.

– Это счастье. Смотреть, как растут и живут твои дети, оберегать, помогать... мой муж ушел, я осталась. Может, я когда-нибудь и уйду вслед за ним, но сейчас – нет!

– А если разрушить алтарь? И убить меня? – Адриенна просто любопытствовала. Моргана поняла это и фыркнула.

– Не поможет. Мне будет сложнее являться, но и только. Я и так не призрак. Я не привязана к одному месту, я делаю, что пожелаю.

– И это не единственный алтарь? – угадала Адриенна. – А я просто самый близкий потомок?

Ответом ей была одобрительная улыбка.

– Умненькая девочка.

Девочка кивнула. Она не возражала. Хочет бабушка? Ну и отлично, пусть живет себе! Радоваться надо! Защита, помощь...

Церковь?

Это в городах много чего осуждается. А в деревне до сих пор есть те, кто в воду поглядеть может, в деревне до сих пор хлеб-молоко оставляют за порогом, в деревне до сих пор живы некоторые обряды, и на перекресток трех дорог девушки ходят в новолуние, и травяной сбор под подушку кладут...

Много чего бывает.

– Что я могу сделать для тебя? Что я должна сделать?

Моргана развела руками.

– Я должна попросить прощения. Когда убили моего правнука, я была в гневе. Я явилась Эрвлайну и прокляла его. Прокляла страшным проклятием, которое пало на весь его род. Но не рассчитала немного. Я мертва, источником проклятия явилась кровь твоего прадеда... прапрапрадеда. А ты потомок его крови. И твоя кровь тоже стала залогом проклятия. Понимаешь? Умирали Эрвлайны, но и СибЛевраны умирали тоже. Им было плохо, но и вам тоже.

– Они вымирают, но и мы?

– Именно. И разорвать этот круг действительно можно лишь одним способом. Прощением. Но простить их я не могу, а вот сердиться на своих правнуков...

Моргана развела руками.

Адриенна сморщила нос.

– Замечательно. И мне предстоит рожать от этого гада...

– Прости. Но я действительно не подумала. Я была в таком гневе...

– Помолвка заключена, – вздохнула Адриенна. – Через пять лет мне предстоит выйти замуж, все верно. Я рожу от него. Но что будет потом?

Моргана подошла к девушке вплотную.

– Я могу подсказать, посоветовать. Но многое делать придется именно тебе, Адриенна. Пойми, я действительно только тень. А вот ты связана с этой землей. Твоя любовь – ее плодородие. Все не случайно. Твоя мать передала тебе благословение, которое получила с кольцом. Потом ты надела его... Потом пришла сюда, ко мне.

– Есть что-то такое, что может мне помочь? – резко спросила Адриенна.

– Такого талисмана не существует. Чтобы, как в сказке, решить все проблемы одним взмахом волшебной палочки. К сожалению...

Адриенне тоже было жалко.

– А что я могу получить?

– Я уже сказала. Ты будешь счастлива, и эта земля будет благополучна. Ты приняла на себя это бремя. А еще как моя наследница ты сможешь понимать зверей и птиц.

– И разговаривать с ними?

– Они будут тебя понимать, ты будешь понимать их – вот и разговор.

Адриенна вздохнула.

– Нет, это не сказка.

– Я бы рада была тебе помочь, внучка.

Моргана смотрела грустно. Не была она сейчас похожа ни на счастливую женщину, ни на воительницу, и Адриенне вдруг стало ее жалко. Моргана осталась присматривать за потомками, но каково это – когда твоего внука... пусть правнука, но какая разница? Каково это, когда его убивают ударом в спину? Подлым, жестоким...

Когда ты от горя себя не помнишь и проклинаешь. А потом понимаешь, что откат все равно пошел на твоих детей? Когда ничего не можешь сделать? А помощь все не идет и не идет...

И Адриенне захотелось плакать.

Она сделала еще шаг вперед, но вместо того, чтобы обнимать призрака, положила и вторую руку на алтарь, нещадно разрезая ладони.

– Я правильно понимаю, тебе это дает силу? Может, что-то еще?

Моргана качнула головой.

– Нет. Для меня не нужно резать голубей или козлят, я не демон.

– Но что-то наверняка можно сделать?

– Носи мое кольцо.

– Мне запретят.

– Его не заметят на твоей руке. Обещаю. Оцарапай руку, пусть твоя кровь попадет на камень – и носи. Оно не станет невидимым, но чтобы его увидеть, надо будет... надо быть чуть больше, чем человеком.

– Хорошо, я сделаю, – согласилась Адриенна.

– А еще... день летнего солнцестояния.

– И?

– Если сможешь в этот день разжечь для меня огонь, я буду рада.

– Просто огонь?

– Это может быть в любом месте. Костер – и все. Но сложить и зажечь его ты должна своими руками. Кремень, огниво... не от чужого угля. И три капли крови. Твоей крови.

– И все?

– Это необязательно. Ты можешь делать или не делать. Если сделаешь, я стану чуточку сильнее, да и твои силы увеличатся. Если нет... тоже не страшно.

Адриенна вздохнула.

Понимать язык зверей и птиц хотелось. А остальное... скорее оно пугало. Слишком велика ответственность.

– Я сделаю что смогу.

– Очень часто этого достаточно.

Призрак подлетел вплотную, и Адриенна почувствовала на своем лбу ледяные губы.

– Моя девочка...

– Бабушка...

– Я буду беречь тебя всеми своими силами. – Моргана смотрела девочке прямо в глаза. – А теперь иди. Скоро рассвет, и твоя спутница проснется.

– А мои раны...

Моргана улыбнулась. А потом взяла руки Адриенны, отвела их от камня и коснулась ледяными призрачными губами сначала одной ладони, а потом и второй.

– Так лучше?

На ладонях девушки багровели шрамы.

– Я...

– Здесь я еще кое-что могу. Иди, внучка. Иди...

Адриенна последний раз взглянула ей в глаза и медленно пошла вверх. Увы, обратный путь дался тяжелее. Вторая кровопотеря, усталость...

Проснувшись утром Джованна нашла свою госпожу неподвижно лежащей перед алтарем в беспамятстве. Закричала, забила в дверь...

Адриенна вся горела.

Девочку свалила сильнейшая простуда.

Его величество встревожился. Конечно, ни о каком отъезде и речи не шло. К Адриенне пригласили лекарей, вокруг нее суежились служанки, но девушке ничего не помогало.

Она лежала в кровати и бредила. Филиппо Третий приказал записывать, что она говорит, но ничего интересного там не было. Дом, лошади, деревья, любимые розы под окном... почему-то белые, хотя и что в этом такого? И розы, и лошади, и птицы...

Адриенна хотела домой и видела зеленые холмы и леса Сиблеврана. Ей просто хотелось домой. И ничего крамольного в ее словах не было.

– Отвратительная погода!

Ньора Катарина смотрела в окно.

Над Эвроной третий день бушевала стихия. То разражалась молниями, то сменялась резким ветром, то плакала тоскливым моросным дождиком. Никто, даже Филиппо Третий, не связывал это с Адриенной.

Непогода?

Такое бывает. И проходит...

А уж простым людям и тем более было все равно. Но вот у ньоры Катарины начался кашель. А эданна Фьора сильно простудилась.

Дан Джакомо, к сожалению, был в отъезде вместе с Лоренцо. И что тут остается делать?

Только послать за лекарем. А учитывая, что ньор Марио Рефелли был нарасхват... лучшим вариантом было отправить за ним Мию. В паланкине, конечно, с носильщиками. Чтобы они вместе и вернулись.

Если послать служанку... конечно, ньор придет, но когда? И служанка опять же... может и забежать куда-нибудь, а потом скажет, что долго ждала лекаря... нет, так не пойдет.

Мия выслушала тетку, кивнула, взяла кошелек с монетами и принялась переодеваться. Домашнее платье не годилось для улицы, тем более в такую погоду. Нужна и более теплая нижняя рубашка, и верхнее платье из толстой шерсти, и плащ, подбитый мехом, а еще муфта и теплые сапожки.

Мия откровенно мерзла в Эвроне. Город, стоящий на реке... это красиво, это хорошо, но влажность же! Влажность!

К ней надо привыкнуть или с этим надо родиться, а Мии она решительно не нравилась. Днем для нее было слишком жарко, ночью холодно, утром и вечером – сыро. Нет, Эврона не для даны Феретти. Вот и утеплялась она как могла.

Пока она собиралась, были готовы и паланкин, и носильщики...

И на улицах уже стемнело.

Указом его величества людей обязали зажигать фонари над воротами после наступления темноты. Но... как всегда – указ указом, а жизнь диктует свои правила.

Фонари зажигать – хорошо. А масло как укупишь? Оно дорогое...

Факел зажечь? Так ведь тоже опасно. Да и фонарь... уличные мальчишки сейчас из рогатки выстрелят, да и загорится у тебя что-нибудь во дворе. Очень даже запросто.

Так-то стража должна это дело контролировать, но ходят стражники только по центральным улицам. В некоторые переулки и они сунуться боятся, и правильно боятся. Нет у грабителей никакого почтения к страже, ткнут ножом, да и улетит душа на небеса.

Может, потом негодяя и поймают. А может, и нет, тебя это уже не вернет. А своя шкура для стражников ценна, важна...

Одним словом – указ есть, а фонарей считай что и нет. Штуки три-четыре на квартал, и то они скорее подчеркивают темноту, чем ее рассеивают. В такую-то ночь!

Но Мия отступать не привыкла.

Носильщики легко подхватили паланкин с девочкой и понесли ее по темным улицам.

Один поворот, второй... вроде как уже и недолго осталось?

– А ну стоять! Поставили на землю бережно – и стоять, не то дырок понаверчу...

Голос был грубым. И, кажется, не один. Грабители? Наверняка...

Носильщики послушались.

Мия поняла, что паланкин ставят на землю, – и испугалась...

Что делать-то?

Если сейчас ее... если она попадет в руки к негодяям, кто будет платить за нее выкуп? Некому. Или в бордель продадут, или по кругу пропустят, а потом убьют...

Приговор?

Наверняка.

А если так, нечего и стесняться! Все равно ведь приговор... ну так хоть кого она с собой заберет. И Мия стремительно принялась меняться. Не сильно, нет...

Когти – острые и длинные.

Клыки – тоже острые и длинные.

А еще красные глаза и черная кожа. Чтобы уж наверняка... если ее увидят, ее не должны опознать. У нее еще семья есть, и мать, и брат, и сестры... нет, она не может их подставлять.

Ну, еще немножко...

Когда отдернулась занавеска, Мия была уже готова. И улыбнулась прямо в лицо разбойника:

– Вы кто?

Под капюшоном плаща ее лица пока еще видно не было.

– Нет, детка, это ты кто? – заржал мужик, втискиваясь в паланкин. Он ничего не боялся. Он здоровый, он сильный, он любую девку в два счета скрутит. И у него еще трое человек. А носильщики... это ни о чем! Пугнули их – и сразу те руки задрали...

– Я – твоя смерть!

А поскольку этот бугай вряд ли имеет проблемы с сердцем, как несчастный ньюр Аугусто, Мия откинула капюшон. И в ту долю секунды, которую ей дал ошеломленный разбойник, кинулась вперед.

Если бы у нее в руках было оружие, может, ее бы и отбросили. Но оружия не было.

А когда когти, острые и длинные, пропахали уязвимое горло, было уже поздно. Кровь хлынула потоком, заливая паланкин, пачкая Мию, разве что лицо осталось чистым... девочке это было только на руку...

– Я голодна-а-а-а-а... – провыло чудовище. – Хочу кро-о-о-о-ови...

К такому зрелищу, как труп вожака, который выпадает из паланкина с разорванным горлом... ладно, почти труп. Если разорвать горло, то умирает человек не сразу. Несколько секунд у него есть, и это очень неприятные секунды. И видеть это со стороны тоже...

Один из носильщиков молча упал в обморок.

Трое заорали – и кинулись наутек. А так как паника и истерика заразны, то грабители тоже завизжали и побежали.

Стрелять?

Драться?

Чудовище уже убило их главаря. И их убьет. И сожрет, наверное... вон как белые клыки блестят. И все оно в крови...

Поле боя осталось за Мией.

* * *

– Тьфу, холера...

Мия выругалась, тут же перекрестилась, чтобы не накликать, и задумалась.

Эврону она не знала. Вообще. Дойти до дома лекаря? А куда идти?

Ньюра Катарина вроде как сказала, через четыре улицы, дом с синими воротами... Ночью по таким приметам искать можно и долго, и весело. Во все дома стучаться?

Чтобы собак спустили?

Или еще нарваться на грабителей? Только второй раз ей может так и не повезти...

Размышляя об этом, Мия трансформировала обратно и кожу, и когти, и клыки... глаза погасли сразу же, стоило людям закричать и побежать.

Что ей делать?

Дождь щедро заливал девушку, смывая кровь. Холодная вода, свежая кровушка... смывается она вполне прилично. Да и лило на славу. Мигом промок плащ, захлюпали сапоги... и пришел в себя тот из носильщиков, который оказался слабее всех.

– Дана?

Мия выдохнула.

Все, проблема решена. Есть один живой проводник, больше и не надо.

– Вставай, бездельник!

– Дана... а где чудовище?

– Какое? – закатила глаза Мия.

– Ну... чудовище... – Носильщик сел в той же луже, в которой и лежал, огляделся, увидел труп разбойника и собрался опять упасть в обморок.

Мия от души пнула труса ногой.

– А ну прекрати!

– Дана...

– Что – дана?! Соберись, тряпка!

– Ч-чудовище?..

– Не было никакого чудовища! – рывкнула Мия. – Идиот ты, что ли?!

– А... а...

– Кинжал это! Кин-жал! Только спрятанный! – рыкнула Мия. – Мне подол задрать и тебе его показать, что ли?!

Носильщик заметно успокоился.

Кинжал – это понятно, это не жуткий монстр. Но...

– А как же... вот то...

– И что ты видел, болван?! Как оно выглядело – то самое?! Чего вы все заорали и побежали?! – Мия решила, что лучшая защита – это нападение.

– Н-ну... темное такое...

– А как я должна выглядеть в темноте, да еще кровью залитая?!

– К-красноглазое...

– Может, свет от фонаря так отразился? Или отблеск какой? – задумалась Мия.

Учитывая, что носильщики с собой два фонаря несли, это тоже было возможно. Не особенно сильные те фонари, но мостовую под ногами разглядеть можно...

Так что могло получиться.

– А клыки и когти?

Мия повертела перед носом мужчины своими руками.

– Где когти-то, болезный?!

«Болезный» внимательно осмотрел руки даны, не нашел когтей и решил, что ему показалось. Еще и Мия добила:

– Ты на ярмарке театр теней видел? Нет? Не доводилось?

Видел, конечно.

Кто ж его не видел?

На кусок полотна направляли фонарь, перед фонарем изображали фигурки или пальцы складывали так, что получались люди, звери или еще что... Тут тебе и дракона изобразят, и рыцаря... Может, и тут так... показалось?

Могло...

– А теперь давай решим – ты знаешь, где живет лекарь?

– Знаю, дана, – оправился от пережитого страха мужик. Даже из лужи встал. Это и хорошо, Мия уже начала замерзать.

– Вот и отлично. Проводи меня к нему.

– Но, дана, а... – Носильщик красноречиво указал на паланкин.

Мия закатила глаза.

– Мне его тащить?

– Н-нет...

– Ты его утащишь?

– Н-нет...

– Тогда что ты предлагаешь?

– Украдут ведь...

– Плевать, – резко выразилась Мия. – Я здесь не останусь стеречь эту рухлядь. Один раз нам повезло, негодяи сбежали, стоило прикончить главаря, но второй раз может так и не повезти. Идем отсюда.

Носильщик осознал, что он вообще-то не воин и не то что дану, себя защитить не сможет. А потому послушно поклонился.

– Дана, если что, вы уж скажите дану Джакомо...

– Скажу. Что ты мог сделать-то в одиночку? Уже хорошо, что не сбежал, меня на улице одну не бросил...

Потому что валялся в луже. В обмороке. А то б и на лошади не догнали. Но этого Мия говорить не стала. Если не дурак – сам все поймет. А дураком носильщик не был. И убересть свою спину от плеток хотел. Так что...

Она промолчит про обморок, он про чудовище – мало ли что и кому показалось. И все будут довольны... кроме дана Джакомо. Паланкин все же удовольствие недешевое. Но что вы предлагаете? Стучать во все двери? Или стеречь до утра эту рухлядь?

Мия на такое не соглашалась. Хватит ей и прогулки под дождем.

* * *

Когда она дошла до дома лекаря, то напоминала не благородную дану, а мокрую крысу. Такую несчастную и насквозь промокшую. До нижнего белья.

Повезло еще – лекарь был дома.

Собирался уходить, но не успел. И Мия едва на шею ему не бросилась:

– Ньор Рефелли, умоляю, помогите!

Что оставалось делать несчастному? Да только помочь...

Служанка засуетилась вокруг даны, которая вручила ей потихоньку монетку. И сразу же плату за визит лекарю.

Мию потащили переодеваться, растираться и пить горячее вино с пряностями, слуга отправился на кухню, а ньор Рефелли вздохнул – и приказал двоим охранникам собираться. Не дурак же он – по ночам в одиночестве ходить?

Но и навестить людей надо. Если дана пришла, и заплатила, и едва не погибла... если после этого он не явится, с него живьем шкуру спустят. Такое даже с ньорами бы не прошло, а уж с благородными данами и вовсе лучше не связываться.

Говорите, дом Феретти?

Знает он этот дом. Сейчас навестит их, скажет, что с данной все в порядке, но на ночь она останется в доме лекаря. Прогулки под дождем даром не проходят...

* * *

Забегая чуточку вперед – Мия даже не чихнула. Зато с сильнейшей простудой слег здоровый носильщик: видимо, не прошло для него даром лежание в луже да на холодных камнях мостовой, а потом и прогулка под дождем.

Носилки, конечно, украли, и дан Джакомо серьезно разгневался.

Трое сбежавших носильщиков вернулись, чтобы получить от него порку – и штраф. По карману оно доходчивее, чем по заднице. Пока не отработают стоимость паланкина, будут получать только две трети жалованья. На содержание семьи этого хватит, но без роскоши.

Выгонять?

А дальше-то что? Новых нанимать? Так и те за хозяйское добро жизни не положат. Поэтому надо взять что можно от сложившейся ситуации.

Авось в следующий раз подумают, прежде чем девчонку одну бросать... ладно, убежали вы! Но потом-то можно было вернуться, стражу привести?! Нет? Обгадились, вояки паршивые?

Не вояки, конечно, но ведь мужики? Вот и могли бы... Привели бы стражу, не получили бы порку. А так все поделом.

Сами носильщики, кстати говоря, в претензии не были. Это было очень по-божески. Могли не только выпороть, но и в суд подать, и на улицу без жалованья выкинуть. А ведь у всех семьи, дети...

Тот носильщик, который не бросил Мию, даже штрафа не получил. Отделался хозяйской затрепиной и пинком. Ладно уж...

На племянницу дан Джакомо начал поглядывать с явным уважением.

Другая бы плакала, кричала... проще говоря – сдохла бы в муках. А Мия решила подороже продать свою жизнь. Благо кинжал ей Фьора дала... от прабабки остался. Небольшой, острый...

Почему ран на горле несколько?

Конечно, дан Джакомо мог бы задать этот вопрос, если бы осмотрел труп грабителя. Но кому он сдался, тот труп?

Еще до рассвета его благополучно ограбили и спихнули в сточную канаву. А оттуда мусорщики выловили его и увезли из города.

Стража? Вот сдался страже тот дохляк?! Убили и убили, понятно же, свои прирезали... Лишнюю работу стражники себе искать не собирались, еще не хватало. Дрянью меньше – воздух чище.

Так что версия Мии вполне прошла для дяди и тети. А вот мать не поверила. И решила поговорить с дочкой, когда та вернулась домой.

Выбрала время, когда никого не было дома, вывела Мию в садик, чтобы уж точно никто не подслушал...

– Чем ты его убила, дочка?

– Когтями, – призналась Мия. – Я подумала, если кошки могут, то почему мне нельзя?

– Ты можешь их опять сделать?

Мия кивнула.

– Легко.

Когти словно сами собой отросли на пальцах. Длинные, острые, сверкающие перламутровым блеском. Эданна Фьора дотронулась до кончика когтя.

Острый, как шило. Таким и правда можно горло перервать.

Мия любила кошек. И когти их скопировала очень точно. Благо ей и самой доставалось от пушистых мурлык... кошки не всегда любят, чтобы их тискали, гладили и таскали, ухватив поперек пуза. И могут донести до хозяина свое недовольство.

– Ты умница, детка.

– Я знаю, мам. Мне просто ничего другого в голову не пришло, я испугалась, ну и решила... хотя бы попробую. И лицо изменила, чтобы меня никто не узнал.

– Носильщик и не узнал.

– Он в обморок хлопнулся. – Мия даже хихикнула. – Так забавно! Эданна Фьора потерла лоб.

Что-то она такое вспоминала, что-то... попробовала зайти с другой стороны.

– Мия, ты не хочешь сходить на исповедь?

– Нет. А зачем? – даже удивилась дочь.

– Все же ты убила человека...

– Он бы меня тоже убил. И вообще, это не человек, это гнида.

– Не выражайся так, это не подобает дане, – машинально сделала замечание эданна. И неожиданно вспомнила. – Ох-х-х-х...

Мия даже испугалась, видя, как меняется лицо матери.

– Мама? Что?!

– Мия... ты не пробовала его крови?

– Нет, – пожала плечами дочь. – Я могла бы, я даже клыки отрастила. Но зачем?

Эданна Фьора перевела дух.

– Слава Богу!

– Мама? – удивилась Мия.

– Я забыла. Это было так давно, что я просто обо всем забыла. Но твоя прабабка мне рассказывала об этой особенности. Она тоже могла менять руки... и когти у нее были, и клыки...

– И что?

– Она рассказывала... ты знаешь о вампирах? Оборотнях?

– Мама, ну что ты? Ты же говорила...

– И рассказы слуг ты тоже слушала. – Эданна Фьора вздохнула. – Она говорила, что нельзя пить человеческую кровь. Метаморфам – нельзя.

Мия даже головой потрясла от неожиданности.

– А зачем ее пить?

И тут же остановилась, пораженная страшной догадкой. Она-то изобразила из себя чудовище, вампира, как его в сказках описывают... могла бы и клыками в горло впиться! Если бы рукой не дотянулась, то точно попробовала бы.

И...

– И что тогда будет? Ну... если?

– Прабабка предостерегла, но точно я не знаю. Или ты закрепись в той форме, в которой была...

– Брр, – оценила перспективу Мия.

– Или приобретешь жажду крови. Вот как волк-людоед.

Эта перспектива была не лучше. Мию даже слегка затрясло, когда она поняла, что мимо пролетело.

– Ох, мама...

Эданна Фьора обняла свою дочку, прижала покрепче, погладила по светлым волосам.

– Ничего... это уже прошло. И ты теперь знаешь, чего надо бояться...

– Знаю, – мрачно согласилась Мия. – Надеюсь, больше я в такую ситуацию не попаду.

Эданна Фьора тоже искренне на это надеялась. Но и волновалась за дочь – тоже. С каждым днем та становилась все больше похожа на прабабку. Не внешне, нет. Фьора пошла в отца, северянина, а вот прабабка в истинной форме была невысокой, черноволосой, кареглазой пышкой. Внешне Мия была совсем иной. И намного красивее.

А вот внутренне...

Те же холод, равнодушие, безразличие, безжалостность... плата за пробудившуюся кровь?

Может быть, и это. А может, просто такой характер?

Но Энцо Мия точно любит. И девочек. И ее саму...

А вот Джакомо и Катарина ей близкими не являются. Фьора отчетливо понимала: умри сейчас хоть дядя Мии, хоть тетка, дочь и бровью не поведет.

Да что там!

Хоть половина столицы помирай!

Мии это будет безразлично.

Словно кусок льда внутри красивой оболочки. А есть ли в нем живая душа? Фьора не знала. И поймала себя на мысли, что немного... побаивается свою дочь?

Да, и такое тоже есть.

Ох, Мия... что-то тебя ждет в будущем?

Глава 6

Адриенна

Иногда и такое случается.

Открываешь глаза – и понимаешь, что день не удастся.

Видишь человека – и знаешь, что он зло несет.

Вот сегодня у Адриенны так и вышло. Неладно было с самого утра.

Джованна молоко на кровать вылила, потом сама Адриенна румяна на пол смахнула... вроде бы и не стоило с ними возиться, и не к лицу оно девушке, да король прислал. Посмотрел на нее да и покачал головой:

– Жуть жуткая. Краше только в гроб кладут.

Сил у Адриенны было так мало, что она и огрызнуться не сумела. Провалилась почти десять дней и по сию пору не оправилась. Мутило, голова кружилась... и она даже знала отчего.

Все силы, все, что могла, она прабабке отдала. И не жалела.

А вот спроси ее кто, зачем она так поступает? Не хочет ли чего-то для себя? Замуж выйти выгодно, пристроиться получше...

Может, этим даны и отличаются от ньоров?

Для любой ньориты все было б просто. Надо замуж выйти, надо детей нарожать, надо сладко есть и мягко спать. А коли уж в благородное сословие пролезть удастся, так еще и погулять можно... энто ж бла-ародныя! У них вся жизнь как праздник.

А Адриенна откуда-то знала другое.

Понятно, бывает и в хорошем роду грязь, и среди цветов сорняк растет. Но ей было важно другое. Чтобы ее страна жила.

Чтобы ее род жил.

Но – не опозоренным. Не в грязи вывалянным. Есть такое слово – честь. И ответственность есть. Не просто так ее предки некогда на троне сидели. Они на себя приняли долг перед этой землей, и земля одарила их своей любовью.

Адриенна осталась последней из рода. Разве могла она предать его?

Кто-то ответит – еще как! Вот дурость-то несусветная хранить верность мертвому роду! Надо примкнуть к победителю! И все у тебя будет! И кроватка, и золото...

А она так не могла.

Это ее род.

Это синие глаза предков, которые глядят сквозь века.

Это женщина, которая осталась беречь свой род и свою кровь, осталась, хотя давно могла уйти в вечность. И не могла Адриенна поступить иначе. Не могла отдать меньше.

Только так.

Кровь за кровь, жизнь за жизнь...

А честь – она у каждого рода своя, в ином так и вовсе не найдешь. Что – сила? И сила вернется, и кровь прибудет, и новый день наступит. А пятно на совести останется навсегда. Его только новыми впечатлениями закрыть можно, и то не смоешь, не сотрешь. Никогда.

Но день с утра определенно не задался.

Непогода, которая бушевала все это время, постепенно улеглась. Дождик еще моросил, но бури уже не было, и порывы ветра с ног не валили. Так, пасмурная хмарь за окном...

По настроению и погода.

Адриенна только головой покачала, когда Джованна принялась ее подкрашивать.

– Думаешь, стоит?

– Вы, дана, вообще как смерть бледная. – Джованна уже поняла, что может себе позволить достаточно многое, и даже слегка ворчала на девушку. – Уж прислушайтесь к доброму совету, коли вы такая к людям выйдете, от вас и лошади шарахнутся.

– Добрая ты душа, – фыркнула Адриенна.

Она не злилась. Чего уж тут? Бывает...

Правда, то, что получилось в результате, выглядело так, что девушки переглянулись – и смыли всю косметику. И без нее-то немочь бледная и жуткая, а с косметикой и вовсе кошмар кошмарный.

Черное платье Адриенна не надела. Очень хотелось, но нельзя. Пришлось надеть светло-розовое, в нем девушка хоть и походила на

призрак, но теплый цвет чуточку освежал похудевшее лицо, да и в волосы можно цветы вплести...

– Вот так. Только губки чуточку подкрасим, чтобы их на лице видно было. И хорошо будет.

Адриенна возражать не стала.

Губы у нее действительно тонкие и бледные. Никакого соблазнительного ротика-бутона, как это сейчас в моде, самый обычный рот. Правильной формы, с хорошими зубками, но бледность никуда не денешь.

Кстати, у женщины на портрете губы тоже и бледные, и достаточно тонкие. Поэтому Адриенна не возражала против краски. Пусть будет.

Джованна украсила волосы бутонами роз и кивнула:

– Вот, так хорошо. Можно и выйти.

Адриенна и вышла.

Отец ее проводить не пришел, поэтому с ней пошла Джованна. Надо же сопровождать дану до приемной?

Надо.

Его величество вышел в привычное время, увидел Адриенну и ласково ей улыбнулся.

– Вы уже здесь, дана? Я смотрю, вам лучше...

– Благодарю вас, ваше величество. Я оправилась от болезни, – кивнула Адриенна.

– Что ж, тогда я приглашаю вас за свой стол. Идемте, дана.

Филиппо Третий протянул ей руку, и Адриенна снова поклонилась.

– Ваше величество, вы слишком добры ко мне.

Филиппо Третий тоже так иногда думал. А с другой стороны... почему нет? Даже если бы он специально искал невесту для сына... ладно! Что касается приданого или влияния, можно бы и повыгоднее найти. Но в остальном-то?

Молодая, послушная, из хорошей семьи, детей родить должна – чего еще требовать? А что взбрыкивает иногда, так ведь породистая кобылка, а не тягловая кляча. Понимать надо!

И сыну он постарается это объяснить.

Кстати... о детях и родителях.

– Адриенна, где ваш отец?

Растерянность девушки была видна невооруженным взглядом.

– Я прикажу разобраться, – нахмурился его величество.

Дан Марк показался ему неглупым и ответственным человеком. И вдруг такое отношение к дочери? С чего бы? И есть еще одна вещь...

– По обычаю, дана, я должен вам подарок.

– Ваше величество?

– Я забыл об этом, – чуть заговорщически улыбнулся Филиппо Третий. – Но на помолвку жених дарит невесте подарок.

А поскольку сын бунтует и от него не дождешься...

– Но я заболела, и вы временно это отложили, ваше величество? – улыбнулась Адриенна.

Не забыл. Нет, короли не забывают. А вот отложить могут, иногда и надолго.

– Сейчас вы выздоровели, Адриенна. Что вы хотите получить в подарок?

– Ваше величество, умоляю дать мне подумать, – растерялась Адриенна. – Я не знаю...

И удостоилась улыбки.

Женщина. Всего лишь женщина. Глуповатая и взбалмошная, какими их и создал Бог.

– Подумайте, Адриенна. Подумайте...

* * *

Завтрак прошел как обычно. Адриенна даже посмеялась над собой. Приглашение на завтрак к его величеству, приглашение, которого иные ждут годами да так и не получают, для нее обыденность.

А вот потом...

Когда его величество удалился работать, а придворные разбрелись кто куда...

Адриенна отправилась в сад. Джованна очень уговаривала, объясняя, что румянец сам по себе на щечках не заиграет, надо воздухом дышать, можно вот рядом с розарием, садовники с ним знают, дана, сколько бьются?

К розам Адриенна была равнодушна, но вроде как розарий разбит в этом дворце со времен Сибеллинов. Может, и стоит сходить?

А что пасмурно, так и не страшно. Плащ накинуть всегда можно.

Но розарий Адриенне понравился.

Место выбрано удачно, открывался вид на реку, розы тоже симпатичные, скамеечка удобная...

А что ей не все розы нравятся, так цветы не виноваты. Адриенна предпочитала белые розы, в крайнем случае – кремовые. А тут было разноцветье алого, багрового, пурпурного...

Не в ее вкусе, но тона и сочетания подобраны хорошо, красиво подобраны.

Адриенна сидела, смотрела...

– Дочка? Ты здесь?

Дан Марк стоял рядом. И на его руке висла какая-то эданна.

Вот уж кто Адриенне сразу не понравился. Вся такая... чувственная. Адриенна с трудом подобрала слово, но так оно и было. Эданна просто источала страсть, она жила ею, дышала, каждое слово – как обещание, каждое движение – призыв.

Налитое тело, полные яркие губы...

Полная противоположность Адриенне.

Девочка не завидовала, но женщина ей сразу не понравилась. И то, как по-хозяйски она вцепилась в руку ее отца, – тоже. Как оглаживала локоть своими цепкими лапками, как хлопала ресницами, как улыбалась, глядя на девочку.

Вот!

Именно улыбка разозлила Адриенну.

Улыбка победительницы!

– Я здесь, отец, – ровным тоном отозвалась она. – Позволено ли мне будет узнать имя вашей спутницы?

Дан Марк даже слегка смутился. И было отчего. Познакомить дочь и любовницу... сложно. Весьма сложно. А еще...

– Дочка, это эданна Сусанна Манчини.

– Приятно познакомиться. – Адриенна даже не шевельнулась. Формально она была в своем праве. Она невеста его высочества, а эданна... а кто она такая? Это еще разобраться надо.

С другой стороны, о помолвке не объявлено во всеуслышание, а по возрасту Адриенна младше эданны. И должна бы приветствовать ее

первой. Оскорбление?

Дан Марк правду знал, а вот эданна решила, что может и оскорбиться.

– Я тоже рада знакомству. Милый, твоя дочь совсем на тебя не похожа. Такая... наверное, вся в мать пошла...

Подтекст прослеживался четко: «Твоя ли это дочь, если она на тебя не похожа?»

Адриенна нахмурилась. Джованна тоже не выглядела радостной... знала она эту эданну. Ой знала. И не с лучшей стороны.

– Эданна, я бы попросила вас дать нам с отцом поговорить наедине. В каждой семье есть свои секреты.

Эданне это не понравилось.

Полные белые пальчики сильнее сжались на рукаве. Как бы не оторвала.

– Дорогой, ты обещал мне побеседовать с дочкой.

Адриенна подняла брови.

– Полагаю, мы сейчас и побеседуем. Без посторонних?

– Милая, – дан Марк кое-как отцепил эданну от рукава, – я сейчас же скажу все дочке, но она в чем-то права. Не могла бы ты пока подождать нас... на скамейке? А мы с Адриенной прогуляемся по розарию.

– Одна? – скривила губы эданна.

– Полагаю, вам нет нужды заботиться о тщательном соблюдении приличий. – Адриенна ее видела в первый раз, но вряд ли порядочные женщины станут так грудь оголять. Сейчас ведь выпадет. Это для тех, кто привык товар лицом предлагать... – Но если вы так страдаете... Джованна, останься с эданной?

– Слушаюсь, дана СибЛевран, – официальным тоном отозвалась Джованна.

Дан Марк предложил дочери руку.

– Идем, дорогая?

Адриенна сначала тщательно разгладила складки на рукаве отца, а уж потом положила пальцы на его кисть.

– Да, папа.

Дан Марк медленно повел дочь по дорожкам розария.

– Адриенна, ты уже взрослая.

– Да, отец.

– И скоро сама выйдешь замуж.

– Через пять лет.

– И я обещал твоей матери, что не женюсь, пока ты не повзрослеешь...

Адриенна уже поняла, к чему идет разговор. Но кто сказал, что она будет облегчать его отцу? Или радоваться этой новости?

– Я еще не повзрослела.

– Ты можешь стать матерью, и заключена твоя помолвка. Через пять лет ты навсегда оставишь СибЛевран. Я же еще молод...

Адриенна качнула головой.

– Я знаю, отец.

– И... я хочу сделать Сусанне предложение.

– Судя по ее словам, ты его уже сделал.

– Обсуждать мои решения – не твое дело, девочка! – разозлился дан Марк.

– А приводить чужую женщину в дом моей матери? Моих предков?

Удар был нанесен мастерски. Но – увы. Дан Марк и сам пришел на готовенькое.

– Предков с какой именно стороны?

– СибЛевранов, – отозвалась Адриенна.

– Ты уедешь. Я должен вековать век один? Раньше я думал, что выдам тебя замуж, буду счастлив с тобой и твоей семьей. Сейчас я остаюсь один...

Адриенна вздохнула.

Спорить с этим было сложно. Если бы его величество не решил ее судьбу своей волей, все сложилось бы иначе. Места прекраснее СибЛеврана она не знала. И покидать его не хотела.

Но выбора у нее нет.

С другой стороны...

– Отец, а никого другого ты выбрать не мог?

– Чем тебе не нравится Сусанна? – удивился дан Марк. – Она подходящего возраста. Я не юноша и не стану портить жизнь девочке, которая будет ровесницей моей дочери. А Сусанна – женщина опытная. Сын у нее есть, значит, еще детей она родить мне сможет. При дворе она давно и будет для тебя хорошей наставницей. Так что все складывается хорошо...

Для эданны Сусанны? О, это безусловно. Но вслух Адриенна ничего не сказала. А может, еще и не успела, потому что они свернули за угол...

– Ох!

Адриенна стояла перед кустом роз.

Да таким...

Куст явно был старым. И выкорчевать его... это надо половину розария разворотить.

А еще он был... жутковатым.

Длиннейшие острые шипы, темные листья, глянцевые, яркие. И всего несколько бутонов на кусте.

Темные. Судя по цвету лепестков, которые видны... черные?

Черная роза?

Кажется, Адриенна произнесла это вслух. Или нет?

Но руку она вперед протянула. Отвела ветку, кольнула пальцы шипами... на землю упали капли крови... на землю?

Под корни растения. Под самые его корни... и вроде как сразу там пропали.

– Адриенна!

Но голос отца доносился словно бы из страшного далека. А здесь, перед ее глазами происходило чудо.

Расцветала роза.

Один из бутонов медленно разворачивался. Распускал лепестки, словно потягивался, выходя из своего тесного кокона...

Роза была черной.

Адриенна протянула руку, словно замороженная. Она никогда бы не осмелилась ее срезать или сорвать, никогда! Но роза сама отделилась от куста, сама упала в ее ладонь.

Сама.

И пальцы девушки сжались.

– Кар-р-р-р-р!

Кажется, на землю упало еще несколько капель крови. Но какое это имело значение?

Черные волосы, розовые розы... и среди них одна черная роза. Незаметная в черных волосах?

О нет! Кому надо – заметят.

Дан Марк не был трусом. Но и невероятным храбрецом он не был, обычный человек.

И дочь его иногда пугала до крайности.

Рианна – нет. Рианну он любил так, что любые странности бы простил. А вот дочери иногда боялся.

Когда она спросила о проклятии...

Когда она пришла на помолвку в черном...

И вот сейчас, когда она шла по розарию... дан Марк покорно следовал за Адриенной, а та шла, словно ее чья-то чужая воля вела. Она смотрела осмысленно, разговаривала, даже улыбалась, но все же... дан Марк шкуркой чувствовал, что происходит нечто неладное.

И тропинка под ногами только что была ухоженной, песчаной, а потом вдруг – р-р-раз! – и песок из белого стал черным. Разве так бывает?

Бывает, увы...

И привычные, приличные, обыденные розы расступаются в стороны, а перед его глазами вырастает куст... жуткий!

Откровенно кошмарный и чудовищный!

Если б вокруг были не розы, а стены, дан Марк точно бы шарахнулся, может, и стену бы проломил. Но с розарием такие номера не проходят.

Где дернешься, там и застрянешь. И еще как выбираться будешь, шипы-то у всех кустов острые, цепкие...

А куст тянул к ним лапы с цепкими когтями, словно звал... и Адриенна пошла вперед. Прямо в сплетение наводящих ужас шипов.

И те...

Дан Марк не поверил бы никому! Но видел ведь! Видел своими глазами!

Видел, как без всякого ветра шевельнулись усаженные шипами ветви, пропуская девочку поближе к кусту, видел, как Адриенна нежно гладит их ладонью... накаливается, конечно, но это такие мелочи... на этих шипах умереть можно! А у нее разве что пара царапин...

И как распускается на кусте черная роза.

Полностью, абсолютно черная...

А потом ложится в руки девушки, словно так и надо. И Адриенна прикалывает ее к волосам.

Казалось бы, черное на черном? Но, попав в волосы дочери, цветок на миг вспыхивает насыщенным кровавым цветом. И снова становится черным...

И у дана по коже мороз пробегает.

Черная. Роза^[14].

К добру или к худу? И для кого именно?

И выпустят ли их отсюда? Дан Марк только и смог, что позвать дочь по имени:

– Адриенна!

* * *

Адриенна словно от сна очнулась.

– Папа?

Отец выглядел откровенно испуганным.

– Ты... ты в порядке?

– Да. А что не так? – искренне удивилась она.

Дан Марк показал на куст. Адриенна посмотрела и только что плечами пожала.

Моргана!

Наверняка это твои шуточки! Вот с места не сойти! Эти розы вполне в твоём духе!

– Красивые розы.

А что еще оставалось делать Адриенне? Только утверждать, что все так и было задумано.

Дан Марк затряс головой.

– Риен, для меня это слишком.

Адриенна смотрела на отца. И... и ей было страшно. Она не испугалась призраков, не испугалась роз, она не испугалась короля. Это все – чужое. А вот ощущение, когда твоя жизнь не просто дает трещину – когда от тебя отворачивается кто-то важный, родной и близкий... вот это – страшно. По-настоящему.

– Папа...

Я же все равно твоя дочь! Твоя, понимаешь?!

Пусть вся эта жуть творится вокруг, но я остаюсь твоей девочкой, твоей Риен! Ты когда-то смотрел на мои первые шаги, ты сажал меня на коня, ты сам, сам учил меня читать, ты смеялся, когда я переодевалась в мальчика, ты возил меня на ярмарки...

И ты меня боишься?!

Я ведь все равно твоя дочь, мне легче умереть, чем причинить тебе вред...

Да ЗА ЧТО?!

Ты же любил меня. И гордился. И... в прошедшем времени, папа?! Сейчас ты так уже не скажешь, да? Не сможешь соврать, глядя мне в глаза?

Любил...

– Риен...

И сделать бы дану Марку шаг вперед, и протянуть руки, и сказать, что Адриенна всегда останется его любимой дочкой... не смог.

И побежала, расширяясь, трещина, словно пропасть разверзлась у СибЛевранов под ногами, и посыпались в нее тяжелые камни, безжалостно давя надежды, мечты, планы... становясь им могилой...

Адриенна всхлипнула – и кинулась бежать. Напрямик. Не разбирая дороги.

И дан Марк еще раз поежился, глядя, как розовые кусты пропускают его дочь.

Оцарапать? Вцепиться?

Благоговейно прикоснуться к подолу ее одежды. В мир пришла не просто еще одна из СибЛевран. В мир явилась наследница Морганы.

А вот дана Марка кусты не пропускали. И мужчине пришлось немало поплутать по розарию, прежде чем он нашел выход наружу. А куда делась Адриенна?

Этого он не знал, но был уверен, что дочь не пропадет.

* * *

– Милый! – Эданна Сусанна встретила дана Марка очаровательной улыбкой. – А где твоя доченька?

– Она еще посмотрит розы, – привычно соврал дан Марк. Уже привычно. – Ты, – взгляд на Джованну, – останься пока тут, подожди

свою хозяйку.

– Слушаюсь, дан.

– Пойдем, Сусанна, я провожу тебя.

– Да, милый. Проводи меня... пожалуйста.

Эданна вздохнула так, что ее грудь чуть из платья не выпала, и глаза дана Марка намертво приковались к ней.

Да... надо проводить эданну. И... задержаться? Пальцы сами зашевелились, словно смыкаясь на мягких теплых округлостях.

– Конечно, радость моя...

Джованна проводила двоих уходящих темным нечитаемым взглядом. Так уж получилось, она выбрала. И Адриенну ей было жалко.

Пойти поискать ее в розарии? Вот точно она знала, о чем разговаривали отец и дочь. Чего тут рассуждать? Когда вот эта кукла противная... ох, многое слуги могут понарасказать о своих хозяевах. Лучше иногда и не слышать некоторых вещей...

Джованна сделала шаг к розарию, второй... и вскоре кусты сомкнулись за ней. Служанка и не замечала, что идет не по тем дорожкам, которые проложил садовник.

Кусты сами расступались, сами смыкались за ней, ее признали как служанку Хозяйки и трогать не будут. Даже помогут, случись такая необходимость.

Адриенну она нашла сидящей на обрыве над рекой.

Дана уселась на траву, поджав ноги, смотрела на реку и, кажется, успела даже поплакать. Хорошо еще, румяна смыли, не то жуть была бы жуткая, когда оно все размазанное да по лицу...

– Дана, – тихо позвала Джованна.

Адриенна подняла на нее глаза.

– Джованна, что это за тварь?

Служанка не стала изображать непонимание. Отлично она поняла вопрос.

– Эданна Сусанна Манчини. Дрянь и шлюха. Простите, дана.

Адриенна взмахнула рукой. Ей правда требовалась, а не красивые слова.

– Еще что скажешь?

– Что тут говорить? Были б у мужика деньги и причиндалы. Молодых предпочитает, правда, в последнее время ей сложнее, она ж

стареет, а молодость ищет молодость.

– Так... а мой отец?

– Дана, а почему нет? Он еще не стар, а ей замуж надо. Здесь-то ее никто не возьмет, поди, полдвора попользовалось. Кому ж такое общественное добро надо?

Адриенна скривила губы.

– И мой отец... если я ему это расскажу?

Джованна пожала плечами.

– Не знаю, дана. Вы скажете одно, она другое, а признать – кто ж такое признает? Вслух-то?

Адриенна поняла, что хочет сказать служанка. Ну кто из придворных сознается прилюдно, что попользовался этой шлюхой? Понятно, все знают, но чем доказать?

Адриенна скажет правду, но Сусанна расплатится, и кому поверит отец? Раньше она бы сказала – ей. А сейчас?

Сейчас такой уверенности не было.

– Остается принять эту гадину как мачеху?

– Не знаю, дана... решать, конечно, вам, но такое в свой дом впускать – это плохо.

Адриенна только вздохнула.

– Тут все хуже. А если эту тварь с мужиком поймать?

– А вы сможете, дана? Она ведь не ляжет сейчас абы под кого...

Адриенна поняла, что попалась. Действительно, а что она может здесь и сейчас сделать? Да ничего... Но и терпеть ЭТО?

Или...

– Джованна, ты можешь проводить меня к его величеству?

Служанка поглядела на солнце.

– Дана Адриенна, так зачем вам спешить? Посидите, отдохните, потом сходим, переоденемся, а там и обед. И его величество сможет уделить вам внимание?

Адриенна подумала пару минут.

– Что ж. Ты права, Джованна.

Девочка сидела, смотрела на реку и ощущала безнадежность. Но кое-что она еще может сделать!

У нее отняли все?

О нет! Еще не все! Она еще может бороться!

Голубое платье шло Адриенне ничуть не меньше розового, которое предстояло долго стирать. Трава, знаете ли...

Если в шелковом платье да на зеленую траву, пятна все равно останутся. Хорошо еще, к себе вернуться удалось, ни на кого не наткнувшись. И то повезло.

Джованна принялась поправлять дане прическу – и ахнула.

– Черная роза!

Адриенна о ней только что вспомнила.

– Ох... да...

– Дана, откуда?

– Из розария. Там сорвала. А что?

– Ну... – Джованна опустила глаза, а потом решила, что поздно уж что-то скрывать. – Говорят, раньше, очень давно, здесь такие росли. А потом вымерли.

– Как оказалось – нет.

– Все равно их никто уже давно не видел. А запах какой!

Адриенна печально улыбнулась.

Запах...

Да, роза пахла так, что с успехом заменяла целый розарий. Что ж, пусть она остается.

– Ты все хорошо сделала, Джованна, не убирай ее.

Джованна и не собиралась.

– Вы бы, дана, ее на ночь в стакан поставили... может, черенок будет? Дома посадите?

Адриенна не стала спорить. Но было у нее подозрение, что нигде эта роза не приживется. Только здесь. И то не факт.

К обеду она выходила решительно, уверенным шагом. Улыбалась как ни в чем не бывало... даже губы зарозовели без всякой краски. Иногда ярости хватает.

Филиппо Третий это оценил.

– Адриенна? Вы собрались на битву?

Девушка поклонилась.

– Ваше величество. Вы сказали, что я могу выбрать себе подарок на помолвку? Я выбрала...

Филиппо поднял брови.

Интересно, весьма интересно. Что может у него попросить эта девочка? Да еще с таким настроением?

Учитывая, что за столом сидел и дан Марк... уши наострили многие. Помолвка была секретом, так что в курсе всего лишь половина двора.

– Итак, Адриенна?

– Ваше величество, я единственная наследница СибЛеврана. Но вы решили мою судьбу.

Филиппо кивнул. Мол, вы чем-то недовольны, дана?

Адриенна чуть заметно качнула головой. Она тоже поняла этот незаданный вопрос. Нет, ваше величество, сопротивления не будет. А вот ЧТО именно будет...

– Ваше величество, я прошу вас о милости.

– О какой, Адриенна?

– Я хочу, чтобы СибЛевран перешел под власть Короны. И человека, которому его следует отдать, одобрила лично я.

Филиппо Третий расслабился. Потом поймал взгляд девушки, направленный на отца, и напрягся. Та-ак... и что тут случилось? Явно ведь это неспроста. Адриенна наверняка понимает смысл своих слов и действий.

Она выходит замуж за его высочество.

Она приносит СибЛевран в приданое.

А что остается ее отцу? Фактически ее же милость. Милость наследника, которого она и выберет.

Дан Марк побледнел.

Он тоже все преотлично понял. И что происходит, и почему именно это происходит. И на дочь посмотрел весьма недружелюбно. Но не испугал. Нашел – кого и чем.

Впрочем, Филиппо тоже не испугался.

– Хорошо, Адриенна. Я назначу в СибЛевран управляющего, все же это в будущем собственность Короны. Надеюсь, вы не будете чинить ему препятствий, дан Марк?

– Д-да, ваше величество, – с легкой заминкой откликнулся дан.

Филиппо одарил его то ли улыбкой, то ли ухмылкой.

– А через несколько лет, Адриенна, вы сами решите судьбу СибЛеврана.

Адриенна медленно встала из-за стола. И низко поклонилась.

– Благодарю вас, ваше величество.

И только теперь король заметил в причёске девушки черную розу.

– Адриенна?

– Да, ваше величество?

– Где вы взяли этот цветок?

– Сорвала в розарии. – Девушка выглядела вполне невинно. Даже недоумевала по этому поводу. – Я не должна была этого делать, ваше величество? Умоляю простить меня...

А действительно, в чем проблема?

Есть розарий, есть цветок, она его сорвала. Что именно не так?

– Очень давно никто не видел этих роз. Они считаются погибшими... вы можете показать куст, на котором его сорвали?

Адриенна пожала плечами.

– Ваше величество, я слегка заблудилась. И вряд ли точно найду место... но я могу отдать розу вашим садовникам. Пусть посадят где захотят.

Филиппо Третий подумал, что это неплохая идея.

Да, раньше в розарии цвели черные розы.

Только здесь. Нигде в других местах они не приживались, хоть ты их святой водой поливай – вырождались в обычные, красные или вовсе погибали. После... после прихода к власти Эрвлинов розарий начал чахнуть и гибнуть, пришлось развести в нем обычные сорта роз.

Черные бесследно пропали.

И вот...

Оказывается, что оно не ушло, оно вполне живое... и появилось вместе с Адриенной Сиблевран. Сложить два и два Филиппо Третий вполне мог. И понимал, что если она действительно наследница...

Она – наследница.

Уже без всяких предположений.

А значит, проклятие будет снято. Опять же, и легитимность добавится, все же он женит сына на одной из Сибеллинов.

– Я рад, что вы здесь, Адриенна. И я выполню вашу просьбу о Сиблевране. Вы поняли меня, дан Марк?

Филиппо Третий перевел глаза на отца девушки. И взгляд у него был жестким. Предупреждающим.

Адриенна ему нужна.

А вот Марк – не нужен. Зачем он нужен? И есть он – хорошо, и не будет его – тоже неплохо. Как предупреждение.

Как удар кинжалом – в сердце.

И дана Марка попросту сорвало. Такое тоже бывает, с любимыми, даже самыми сильными личностями.

Может быть, если бы Адриенна все сделала не столь демонстративно...

Или как-то предупредила отца о своих намерениях...

Может, история развивалась бы иначе. И нашли бы дан Марк с дочерью общий язык, и смогли договориться рано или поздно. Но ей было всего двенадцать лет.

Какие уж тут невероятно разумные поступки в этом возрасте?

Дан Марк тоже обиделся и разозлился.

Вот!

Он воспитывал! Он не женился (сейчас он не помнил про обещание, которое дал жене, обиделся)! Он всю жизнь положил!

И – такая подлость! Да еще от кого! От родной дочери!

Стерпеть такое было просто нереально. А потому дан Марк поднялся с места.

– Ваше величество, умоляю вас о прощении.

– И что вы такого сделали? – Филиппо Третий подумал, что СибЛевраны забавные. Хоть ты и не отпускай их от двора.

– Я... я умоляю не гневаться. Но мы с эданной Сусанной любим друг друга. Я знаю, что эданна Манчини придворная дама и не ровня мне, простому дану, но я надеюсь, что она ответит согласием на мое предложение руки и сердца. И умоляю вас, ваше величество, не гневаться.

Дан Марк пересек зал и опустился на колени перед эданной Сусанной.

* * *

Реакция у всех была разная.

Адриенна аж задохнулась от возмущения.

Вот ты как?! Да, папа?! Нужна тебе эта... общественная уборная?! Ну так ты сам выбрал! Получи и не плачь!

Эданна Сусанна тоже была удивлена, но она с собой справилась намного быстрее. Разговора за столом она не слышала, поэтому про потерю поместья еще не знала. А так... что б и не выйти замуж второй раз? Она не молодеет, тихая пристань ей нужна.

Филиппо Третий хмыкнул.

Что ж, выбор, конечно, своеобразный, но кому-то же и шлюхи нравятся? Может, такой интересный вкус у мужчины... не ладится у него с нормальными? Пусть получает эту девку с его благословением, а то все равно ее куда-то деть надо! Не до старости ж она будет при дворе тереться?

Придворные делились на две категории. Одна довольная, приятно ж, когда человек дурак. Сразу себе таким умным на его фоне кажешься...

Вторая сочувствующая. Жалко мужчину. Пропадет не за сольди. Но с другой стороны, он сам ЭТО выбрал, сам замуж позвал... хотя есть категория женщин, на которых просто не стоит жениться.

У таких муж всегда будет небогат, рогат и виноват. И деньги размотают, и добра в дом не принесут... сам выбрал? Сам и мучайся!

Самые счастливые глаза в зале, пожалуй, стали бы у эданнны Чески. Но ее-то как раз и не было. Уехала с его высочеством на охоту. Ничего, еще расскажут...

– Что ж! – Филиппо Третий хлопнул в ладоши. – Я даю свое дозволение. И даже сам поведу невесту к алтарю. Завтра же.

Адриенна закусила губу.

Ей понадобились вся воля, все силы, чтобы не разрыдаться от гнева. Не от боли, не от горя, нет... девушку захлестывала черная волна гнева.

Но пока она еще держалась. Пока она еще могла себя контролировать.

И не знала, что куст черных роз в розарии шевельнулся, что от него побежали в разные стороны корни, что развернулись побеги, что на кусте возникло еще несколько бутонов.

Пока – свернутых.

Пока...

А девушку окутал аромат роз.

Цветок в ее волосах раскрылся полностью.

Может, СибЛевраны и хотели бы сказать друг другу много всего интересного. Может быть.

Но эданна Сусанна не собиралась выпускать добычу. Она светилась от счастья и щебетала, словно целое стадо птиц. Куриц, к примеру, злобно подумала Адриенна.

Ах, они не щебечут?

Ну и эта... тоже.

– Дорогой, я так счастлива! Я не ожидала... это так романтично! Ты самый лучший мужчина в мире! Ты так благороден и отважен...

Адриенна много чего сказала бы по этому поводу, но ее никто не собирался слушать. Эданна Сусанна и говорить-то ей не собиралась давать.

– Деточка! Я ТАК счастлива! Я постараюсь заменить тебе мать, я понимаю, что тебе не хватает женской руки...

– Умрете во время родов?

– Что?! – отшатнулась эданна.

– Моя мать умерла во время родов. И не советую марать ее память вашим грязным языком, – отрезала девушка. – Ваше величество, умоляю простить...

Филиппо Третий кивнул, отпуская дану. И подумал, что она явно умнее своего отца. Или просто – баба всегда другую бабу поймет? Хоть благородную, хоть какую...

Эданна Сусанна ненадолго замялась, а потом затрещала пуще прежнего. Дан Марк слушал как песню.

Его величество поморщился и махнул рукой.

– Эданна, отпускаю вас готовиться к свадьбе. Завтра утром, в восемь, жених должен ждать вас в часовне.

Эданне того и надо было. Она подхватила юбки и вышла вон.

Его величество посмотрел на дана Марка.

– Дан Марк, я дал слово вашей дочери.

– Да, ваше величество, – уныло отозвался дан.

– Я сделаю вам свадебный подарок. Пять лет вы будете получать доход с СибЛеврана, как и раньше. Потом все будет зависеть от милости Адриенны. Надеюсь, вы это понимаете.

– Да, ваше величество.

Дан Марк вздохнул чуточку легче.

Что ж, сейчас Адриенна, конечно, ревнует. И злится, и негодует... но разве можно не полюбить Сусанну? Разве ее вообще можно не любить?

Постепенно эданна найдет путь к сердцу девочки и завоюет ее доверие, а там, кто знает, и мать ей заменит...

Вполне возможно, если они подружатся, Адриенна оставит СибЛевран сводному братику или сестренке... она добрая девочка, и Сусанна милейшая женщина... разве они могут не понять друг друга?

Дан Марк витал в розовых облаках, и мысль о том, что женщины претотлично поняли друг друга, ему и в голову не приходила.

* * *

Остаток дня Адриенна провела в своих покоях.

Сидела, сопела...

Разве что соизволила поговорить с садовником. Тот узнал о черной розе и буквально ломился в покои, умоляя Джованну так, что половине дворца слышно было.

– Прошу!!! Дана должна меня принять!!! Это такое чудо!!! Такая радость!!!

Адриенна подумала, что хоть у кого-то радость, и махнула рукой, разрешая Джованне впустить назойливого гостя.

Та не стала спорить.

Матео Кальци, главный садовник его величества, ньюр, не дан, на черную розу посмотрел с таким благоговением... Адриенна ему простила навязчивость. Видно же, человек – фанатик своего дела.

– Дана... это ЧУДО!

Адриенна только рукой махнула.

– Это – роза. Из вашего же розария.

– Дана, я умоляю... хотите, встану на колени! Я же каждый куст... я своими руками... где?! Где она выросла?!

Адриенна искренне удивилась. Но разум ее и так не покидал, а потому...

Как можно не заметить ТАКОЙ куст?!

Или он... как алтарь? Тоже не каждому откроется? А она сейчас, своими руками, раскроет его тайну первому встречному... нет уж! О некоторых вещах лучше помолчать!

– Там кустик... небольшой такой... я плохо ориентируюсь в розарии, я ведь там в первый раз. Кажется, там были еще алые розы... или желтые?

Адриенна развела руками.

Поверил ей или не поверил садовник, осталось открытым. Но на цветок он посмотрел почти плотоядно.

– Дана, если его поставить в воду, если черенок примется... умоляю!

Адриенна вздохнула.

– Хорошо. На ночь я его поставлю в воду. И даже отдам вам.

Матео посмотрел так, что девушка только головой покачала.

– Сейчас – не отдам. И не просите. Вечером Джованна вам его принесет.

Влюбленный взгляд достался и Джованне, которая чуточку зарделась.

Адриенна приказала проводить гостя и махнула служанке рукой.

– Он тебе нравится?

– Ньор Кальци? Так ведь беда в том, дана, что ему никто не нужен, кроме роз.

Адриенна вздохнула.

– Ладно. Розу ты ему отнесешь, а дальше все от тебя зависит.

– Спасибо вам, дана! – с чувством сказала Джованна. – Спасибо!

– Не стоит благодарности.

Адриенна отколола розу от волос, поставила в принесенный служанкой стакан с водой.

А потом подумала...

Царапины еще не все зажили. И пока Джованна не видит...

В стакан отправилось несколько капель крови.

Пусть черная роза приживется. Пусть даст побеги.

Если ей нужна кровь Адриенны, так тому и быть.

Девушка сидела до темноты, смотрела на цветок и успокаивалась. Как-то не хотелось ни о чем думать. Розовый аромат окутывал, успокаивал, убаюкивал... она так и уснула.

И Джованна забрала стакан, чтобы отнести Матео.

Слово за слово, и ее пригласили участвовать в священном ритуале посадки цветка. И поблагодарили. И даже пригласили прогуляться по розарию.

Остальное было уже делом техники.

А Адриенна спала. И снился ей куст с черными розами, который обвивал ее своими ветками. И шипы на них были.

Только они не ранили. А если и ранили, то не больно. Совсем не больно...

Ей было хорошо и спокойно.

Черные розы... розы королевского гнева и боли... розы королевской крови.

* * *

Джованна разбудила девушку в шесть утра.

– Дана, вам надо еще одеться...

Адриенна скрипнула зубами, вспомнив, что сегодня, в восемь утра...

Она так и не поговорила вчера с отцом. Словно в оцепенение впала. Словно так и надо было. Да и не отпустила бы его эта гадина, кто б сомневался?

А и пусть!

Сам виноват, вот!

А она... не будет она радоваться! Не будет!

Нечему!!!

И Адриенна решительно кивнула Джованне на черное платье. А что? Если уж его сшили...

Волосы пришлось уложить и просто перевить серебряной лентой. Розы уже не было, и внутри разгорался горячий огонек гнева.

Почему так?!

Почему отец выбрал эту тварь?!

Нет, не так! Почему он даже не захотел выслушать Адриенну, почему сразу сделал свой выбор?! Он же мог, мог сказать, что не женится так, сразу, что подумает, что...

Еще там, в розарии.

Что она такого сделала? Почему отец отшатнулся от нее? Из-за этой гадины?! Просто потому что?!

Она ведь все та же, и отца она любит, а он... он...

Адриенна вышла из своих комнат. Джованна следовала за ней молчаливой тенью. Она видела, что дана расстроена, и не хотела добавлять ей горя и боли. Ей и так достаточно будет... чего уж там!

Адриенна уже привычно шла по дворцу. Кажется, ее все-таки кто-то увидел, в черном и серебряном. Но какая разница? Вот и часовня...

И его величество ждет.

— Дана Адриенна?

— Ваше величество.

Два взгляда скрестились, и Филиппо Третий передумал гневаться. Он был умен. Он понял — здесь и сейчас хотели оскорбить не его. Девочке просто больно.

Что ж, взрослеют люди по-разному, и так в том числе. Если ей так легче, пусть так и будет.

— Зайдите в часовню, дана. Ваш отец уже там.

Адриенна вздохнула и толкнула тяжелую дверь.

Скоро, уже вот-вот появится невеста. Может, у нее будет пара минут поговорить с отцом? Но...

Рядом с ее отцом стоял какой-то парень. Высокий, долговязый, нескладный, весь в черных пятнах, нарумяненный... Приблизившись, Адриенна поняла, что у бедняги просто угри по всему лицу. И, чтобы это скрыть, он их замазывает и лепит сверху мушки.

Но парень был ей неприятен.

Роскошная одежда, драгоценности, а взгляд темных глаз — наглый и липкий. Словно всю ее мухи исползали...

— Доброе утро, отец.

— Доброе утро, Адриенна.

Сухо. Спокойно. Без малейших чувств.

— Я пришла... полюбоваться.

Не пожелать счастья. Не порадоваться. Не...

Дан Марк понял, что его не одобряют, и разозлился.

— Знакомься. Это Леонардо Манчини. Сегодня Леонардо станет твоим сводным братом.

Адриенна сморщила нос.

Леонардо, которому мать пообещала денег, если он будет вести себя хорошо, учтиво поклонился.

– Я и не думал, что у меня будет столь очаровательная младшая сестренка. Хотя всегда мечтал...

– Я и не думала, что у меня будет столь взрослый брат. Сколько же лет вашей матери? – не удержалась от капли яда Адриенна. – Тридцать пять? Сорок?

– Мама родила меня рано, – не принял вызов Леонардо. – Она у меня еще молода и очаровательна. Я верю, дана, вы подружитесь. И сам надеюсь на нашу дружбу...

Последнее слово он произнес с определенным подтекстом. Но дан Марк его не заметил, он витал в розовых облаках.

– Надейтесь, – почти прошипела Адриенна.

Не ругаться же? Еще чего не хватало!

Кардинал покосился на стоящих у алтаря.

Дверь открылась.

Эданна Сусанна, конечно, хотела как лучше. И белое платье она надела не зря. Но выглядела она в нем...

Слишком темная кожа, несмотря на всю пудру и притирания, слишком объемные формы, слишком...

– Шлюха, – одними губами прошипела Адриенна.

Леонардо отлично прочитал это слово и разозлился. Ладно уж, правда есть правда. Но кто сказал, что она приятна?

Погоди ж ты у меня, маленькая дрянь!

Его величество подвел даму к алтарю.

Кардинал откашлялся...

– Возлюбленные чада Божии...

* * *

Эданна Сусанна выглядела победительницей. Да она и была ею – здесь и сейчас. И улыбалась Адриенне.

– Милая дочка... могу я тебя так называть?

– Не можете, – отрезала девушка.

Держаться ей было все сложнее и сложнее. Сусанна одарила ее сочувственным взглядом.

– Ничего-ничего, я все понимаю. Бедная девочка...

Адриенна ухмыльнулась.

– Я – не бедная. Приданое у меня вполне богатое. Отец вам еще не рассказал?

– О чем? – насторожилась эданна.

– Не стану лишать его удовольствия, – оскалилась Адриенна.

Эданна решила, что расспросит потом. А пока...

– Ваше величество, я так благодарна вам, так благодарна...

Грудь ее при этом едва не вылетала из корсажа. К чести Филиппо Третьего, он туда даже не взглянул. И прелестями эданной ни разу не пользовался. Ему не по вкусу были шлюхи, хоть и по призванию, а не за деньги.

– Полагаю, эданна, вам хочется уехать с супругом в его поместье. Отдохнуть...

Эданне не хотелось. Вот сейчас бы и блистать при дворе, утерев нос всем, всем, кто косился в ее сторону. Но Филиппо был неумолим:

– Вечером в вашу честь будет пир. А утром вы уедете в Сиблевран.

Адриенна поклонилась первой.

– Благодарю вас, ваше величество.

Впрочем, настроение ей подпортили.

– Выберите другой наряд для пира, дана. Иначе подумают, будто вы не рады за отца.

Адриенна послушно поклонилась. Что ж. Повиновение королю...

Один день. И она уедет отсюда...

Всего один день.

* * *

В покоях даны Джованна загрустила.

– Жаль, дана, что вы уезжаете.

– Джованна, мне придется вернуться через пять лет, – тихо ответила Адриенна.

– Пять лет. Это так много...

– Возможно, ты уже будешь замужем. Но если останешься при дворе, я буду рада тебя видеть. Вот, возьми на память...

Адриенна скинула черное платье – и протянула бархат Джованне.
Та только ахнула.

– Дана!

– И вот это.

В кошельке лежали все деньги, которые были с собой у Адриенны. Около пяти лоринов, как-то так...

Подарки были действительно хорошими. Ткани дорогие, а из черного бархата можно, к примеру, выкроить костюмчик ребенку... или так оставить, если девочка будет... это надо смотреть. Да и деньги тоже лишними не бывают. Джованна уже скопила себе хорошее приданое, но чем больше, тем лучше, ведь верно?

Ей хотелось свой домик в столице, может, даже доходный дом, пускать постояльцев, чтобы был верный кусок хлеба, хотелось мужа, детей хотелось... да, о Матео она подумывала. Что ж такого?

Конечно, он от двора никуда, ну так место и правда хорошее, при куске хлеба будет. А с домом она и сама управится.

– Спасибо вам, дана.

– Не хвали меня при дворе, – просто сказала Адриенна.

Джованна поняла.

Ни к чему показывать, что она хорошо отнеслась к дане. Нет, ни к чему... пусть все думают что хотят.

– Обещаю, дана.

Адриенна потрепала ее по руке.

– Давай подумаем, что мне надеть вечером?

– Алое и белое, – уверенно сказала Джованна. – Белое особенно. И с серебром... вот увидите! Вы эту корову за пояс заткнете!

Да толку-то с того?

Поздно уже. И затыкать, и побеждать... но даже так Адриенна не собиралась выглядеть огородным пугалом.

– Давай посмотрим. И распорядись, пусть мне принесут ванну и горячей воды.

Джованна кивнула и направилась к сундуку с нарядами. Она-то знала, что предложить дане.

К королю Адриенне еще зайти пришлось.

Стукнул в дверь лакей, сообщил, что его величество приказал...

Дана уже успела принять ванну, уже Джованна уложила ей волосы и приколола к ним розы. Даже нижнее платье было уже надето. Оставалось только верхнее накинуть... так что ждать себя дана не заставила. И поспешила по коридорам за лакеем.

Его величество ждал Адриенну в кабинете. Там же, в кабинете, находился и еще один мужчина.

– Знакомьтесь, дана. Это дан Рокко Вентурини. Я собираюсь назначить его управляющим в СибЛевран.

Адриенна поглядела на дана.

Что тут скажешь... он вообще дорогу-то вынесет? Этакий «божий одуванчик». Седой, уставший, весь полусгорбленный...

– Я рада знакомству, дан Вентурини.

– Надеюсь, дана, мы найдем общий язык и СибЛевран будет процветать, – приятно улыбнулся мужчина.

Девушка кивнула.

Она тоже этого хотела.

Она любила свой дом, любила каждый его камень, каждую песчинку – и не хотела отдавать свое гнездо отцовской шлюхе!

Только не этой сисястой твари! Еще не хватало!

– Я с удовольствием расскажу, за счет чего СибЛевран приносит доход, дан Вентурини. – Адриенна попробовала улыбнуться в ответ.

– И у вас будет время, когда вы поедете домой. Завтра, – распорядился его величество. – А сегодня, дана, я хотел бы видеть вас на пиру. Как раз и ваш жених вернулся с охоты...

Адриенна промолчала.

Вопрос, на кого он там охотился, оставался открытым. Она сильно предполагала, что на Франческу – и во всех позах. Но не все ли равно?

Здесь и сейчас ее это не интересовало.

– Ваша воля – закон, ваше величество.

И его величество улыбнулся.

Приятно, когда тебя понимают и слушаются.

– Идите, дана.

Адриенна вышла, и король посмотрел на дана Вентурини.

– Не подведите меня, дан.

– Ваше величество...

Дан Вентурини уезжал не просто так. Он сильно заболел, последнее время стал кашлять все сильнее, и лекари прописывали ему горный воздух. Подальше от взморья.

В то же время слугой он был замечательным. Свои дела... то есть королевские, вел на совесть, казначей на него нахвалиться не мог. Так почему бы и не совместить?

А что до семьи...

Дочерей дан Вентурини замуж выдал, сына ему Бог не дал, жена умерла... весь смысл жизни у мужчины был в работе. Вот его величество и проявил милость.

И в чем-то это действительно было милостью. Как и то, что дану Рокко он строго-настрога наказал опекать Адриенну и приглядывать за ней.

Не только управляющий, но и шпион.

И пятеро солдат, которые ему приданы. Платить им будет корона, охранять они будут и дана Вентурини, и Адриенну. Так, на всякий случай.

А дальше...

Это только кажется, что пять лет – большой срок. Пролетят, и не задумаешься. И не заметишь...

Филиппо Третий отпустил дана Рокко и приказал привести к нему сына. Впереди пир, надо как следует проработать сопляка. С песочком. Чтобы ничего не выкинул.

* * *

Конечно, серьезный пир готовится за несколько дней. Но и так не ударили в грязь лицом дворцовые повара. Блюда несли и несли, веселили гостей музыканты и жонглеры, танцовщицы и клоуны...

Адриенна сидела рядом с его величеством.

И – с его высочеством.

Принц вернулся с охоты, хотя и не желал этого. Но король отправил ему голубя. А ради того, чтобы избавиться от навязанной невесты... что ж, его высочество был согласен на все. Даже приехать.

Эданна Ческа примчалась вместе с ним и думала, что сделала это зря. Конечно, приятно, когда над девчонкой торжествуют, это радует,

это даже хорошо, но...

Ей уже не двенадцать лет.

И даже уже не двадцать.

Джованна действительно расстаралась ради своей даны. И Адриенна выглядела невероятно красивой. Серебристое нижнее платье струилось и ниспадало тяжелыми волнами. Когда сверху был черный бархат, это казалось грозным. А вот когда сверху надели белый шелк...

Никакого глубокого выреза, никакой перетяжки под грудью. Подчеркнута тонкая талия – серебряный пояс из колец спускается по платью. Вырез очень аккуратный и скромный. Простенький даже... единственное украшение – цепочка с крестиком, под самое горло.

Никаких украшений. Только белые розы.

Никаких сложных причесок – распущенные волосы чуточку подхвачены с боков, чтобы не путались, и в них тоже вплетены белые цветы.

Красиво. Скромно. Невинно...

Рядом с ней шлюхой казалась и эданна Сусанна в своем белом наряде, и эданна Франческа в бело-алом. Увы. Они проигрывали молодости и невинности по всем фронтам, отлично понимали это и злились.

А Адриенне даже и дела до этого не было. Ей было попросту больно.

Вот почему – так?!

Сложный вопрос, неприятный... почему?! Она ведь была хорошей девочкой, она молилась, она помогала людям, она старалась сделать все хорошо, и отца она любила... и почему-то оказалась заложницей в круге... даже не знаешь, как назвать-то! Что не людей – точно! Тварей!

Круге из гиен и скорпионов!

А его высочество с неудовольствием смотрел на девушку. Да уж... и на что тут смотреть?

Ни груди, ни попы... он как раз был в том возрасте, когда продемонстрированные прелести занимают больше любой невинности.

– Улыбнись. Сидишь, как статуя.

Адриенна зло посмотрела на соседа.

– Так?

Оскал получился вполне гадким. По настроению и улыбка...

Принц скорчил рожу.

– Фу.

Оскорбить его в ответ Адриенна не могла. Но и сидеть, смотреть на все это...

– Ваше величество, позвольте мне удалиться? Я слишком молода, и голова у меня разболелась...

Его величество неодобрительно поглядел на сына.

– Хорошо. Сейчас будет паванна, а потом вы можете уйти, Адриенна.

– Благодарю вас, ваше величество.

Филиппо Третий огляделся. По-хорошему, надо бы пригласить невесту. Но танцевать со шлюхой? Королю откровенно этого не хотелось. А потому...

– Сын, вам с Адриенной сегодня предстоит открывать бал.

Его высочество откровенно покривился. Но король сдвинул брови, и юноша поднялся из-за стола.

– Прошу вас, дана.

Повинуясь взмаху королевской руки, заиграли паванну. Адриенна танцевала не слишком хорошо. Какие уж уроки танцев в деревне? Но с паванной она должна была справиться. Там ничего особенно сложного нет, обычный скользящий шаг с переносом веса на шагающую ногу, проходы вперед-назад, обходы партнеров друг вокруг друга и поклоны. Спешить в этом танце некуда, так что Адриенна практически не сбивалась.

Может, и вообще не сбилась бы, если бы не его высочество.

Принц так и искал глазами эданну Франческу. Просто не отрывался... примерно на середине танца эданна встала и куда-то вышла. Парень аж задержался...

Девушку это раздражало. Но говорить она ничего не стала. Хотя и так понятно... ну кто ж у будущего короля любовницу увести решит? Какой самоубийца?

И сама эданна ему изменять не станет. Невыгодно.

Но – раздражает.

В дополнение ко всему остальному.

Наконец паванна закончилась. И Адриенна получила королевское дозволение удалиться.

Далеко ей уйти не удалось.

В коридоре она столкнулась с эданной Франческой. Взмах белой руки – и сопровождающий куда-то уходит. Подальше... к чему ему вмешиваться в свару прекрасных дам? Так и ему прилетит рикошетом!

– Какая встреча!

– Что вам угодно, эданна? – устало спросила Адриенна.

Они стояли друг напротив друга.

Светлые локоны – и черные, высокая и статная – напротив невысокой и хрупкой. Но впечатление было обманчиво. Именно здесь и сейчас эданна Франческа чувствовала что-то...

Неприятное?

Опасное для себя...

Она списывала это на молодость соперницы, на ее красоту, которой может легко увлечься венценосный любовник. А на самом деле...

Даже в белом. Даже в золотом. Да хоть во что ее одень – Адриенна оставалась сама собой. СибЛевран, принявшей наследство Сибеллинов.

И незримо плескались за ее спиной черные вороньи крылья.

Эданна это ощущала, но сформулировать не могла и потому решила укунить первой.

– Рассчитываешь, что все будет по-твоему?

– Да.

И снова женщины не поняли друг друга. У Адриенны все мысли были о Моргане и проклятии. У Чески – о любовнике. Эданну аж перекошило.

– Ты просто ничтожество! И с отцом твоим разобрались, и о тебе позаботимся! Уж поверь!

Адриенна дернулась.

– Ах ты...

И только потом сообразила. И сама уже сделала шаг вперед.

– Так это по твоей вине, тварь?! – Голос девушки понижался, словно в коридоре запела басовая струна. Она не должна была говорить таким голосом, не могла! Девичье горло просто на такое не способно.

Но...

Эданна Франческа с ужасом наблюдала, как движется к ней вроде бы невысокая фигурка в белом. Но... в белом ли?

И... что это за фигура?

Расплескалась по коридору чернота, порыв ветра взметнул волосы женщин, разметал бутоны цветов из прически Адриенны...

– Это. Подстроила. Ты.

И еще шаг.

Эданна Франческа не выдержала первой.

Таким ледяным ужасом веяло, таким кошмаром... кажется, сейчас с ней случится что-то плохое... она упадет, и захлебнется этой чернотой, и...

Женщина завизжала, подхватила юбки и помчалась по коридору.

Адриенна не стала ее преследовать. Она тоже не выдерживала всего этого... девочка проводила взглядом визжащую фигуру, развернулась – и бросилась в другую сторону.

В свои покои?

Надо бы. Но...

Там Джованна.

А Адриенне больно сейчас. Слишком больно, чтобы она могла здраво оценивать ситуацию. Здесь и сейчас она не желает никого видеть... НИКОГО!!!

Она сама не понимала, куда идет. И очнулась только на свежем воздухе.

Каким-то образом она оказалась в своих покоях. Джованны не было, не ожидала она, что дана так рано вернется, убежала любезничать с Матео, хорошо хоть оставила жаровню с углями, чтобы не так холодно было.

Адриенне и не было холодно. Ее трясло от гнева.

И в жаровне тлеют угли.

– Ненавижу!!!

В огонь полетели остатки цветов.

– НЕНАВИЖУ!

Черные пряди волос разлетаются на невидимом ветру.

– НЕНАВИЖУ!!!

И сила окончательно выходит из-под контроля.

– ДА БУДЬТЕ ВЫ ПРОКЛЯТЫ!!! ЧУМА НА ВАШИ ГОЛОВЫ!!!
НЕНАВИЖУ, ЗА ВСЕ НЕНАВИЖУ, ЗА ЧТО ВОТ ЭТО ВСЕ,

ПОЧЕМУ ТАК?!

Девочка уже кричала, подняв лицо к небу, видневшемуся в окне. Но не видела, как над дворцом раскручивается черная воронка ее ненависти. Да и не увидишь такое в темноте.

Как тучи движутся, словно их размешивают громадным половником, как открываются и тут же прячутся звезды, как набирает мощь ветер...

Как выходит из-под контроля ее сила, как открываются царапины на руках и капли крови летят в огонь... она не нарочно, просто случайно зацепилась рукой, пока бежала, но много ли надо свежей ране?

Дикий крик взвился вверх, ударился о потолок – и рассыпался. Адриенна упала на колени, словно из нее все силы выкачали.

Да так оно, в сущности, и было.

Сила закончилась. Выплеснулась – и девочка упала, обессиленная, даже до кровати дойти не смогла.

Да и ни к чему. Джованна, которая вернулась после полуночи, так и нашла Адриенну лежащей на полу. С опаленными волосами, с ожогом на руке...

Жаровня потухла. Но было непоправимо поздно.

Проклятие сработало. И то, что с утра села в карету и уехала из столицы, ничего не поменяло. Ее слова уже вступили в силу.

Кровь, огонь, проклятие – в Эвруну пришла чума.

Глава 7

Мия

– Город закрыт.

Дан Джакомо выглядел серьезно обеспокоенным. И было отчего.

В Эвруну пришла чума.

Казалось бы, всего пять дней назад все было в порядке. И проводился бал, и его величество проехал по городу, Мия даже видела его из окна и нашла достаточно симпатичным, хотя и очень старым. А сейчас...

Сейчас все сидели по домам.

Выходили только слуги. И только за продуктами.

Обычно чума вспыхивала сначала у бедняков или в порту, а потом уже шла в богатые кварталы. Но не в этот раз. Нет, не в этот.

Первый очаг заболевания обнаружился в королевском дворце. Заболел лично его величество.

Филиппо Третий стал первой жертвой бубонной чумы, или черной смерти. Так ее тоже называли...

После отъезда СибЛевранов его величество целых три дня чувствовал себя хорошо. А потом...

Потом его свалило. Температура, озноб, головная боль...

Сначала лекари даже особенно не встревожились. Но потом...

Тошнота, головокружение... все это не слишком-то хорошо. А когда стало красным лицо, покрылся белым налетом язык, начался бред... ох, как же хорошо были знакомы людям эти симптомы. Просто замечательно! А уж когда в паху его величества набух здоровенный бубон...

Вслед за королем слег почти весь двор. Не избежал заразы и его высочество, который хотел снова уехать на охоту, но...

Бесполезно.

Попросту – бесполезно.

А потом чума пошла гулять и по городу. Шел уже двенадцатый день...

Джакомо надеялся избежать заразы, в доме жгли благовония, он щедро пожертвовал на церковь, он старался никуда не выходить, но...

Но!

Вчера в ознобе свалилась ньора Катарина. А с утра пожаловалась Фьора. Сам Джакомо чувствовал слабость, но пока вроде не болел. Лучше всех выглядела Мия.

Она и пришла к дяде.

– Значит, мы никуда не уедем.

– Его величество распорядился.

Мия кивнула.

Да, меры логичные и правильные. Когда начинает бушевать зараза, надо закрыть ворота и удержать ее внутри. Но тем, кто в городе, от этого не легче.

– Дядя, у нас серьезные проблемы.

– Какие именно?

– Мама болеет. Тетя заболела. Я приказала Энцо и девочкам не выходить из своих комнат, а сама буду ухаживать за больными. Но есть и кое-что еще.

– Что именно?

Здесь и сейчас Джакомо воспринимал племянницу совсем иначе. Не дурочка? Пытается принести пользу?

Считай, взрослая. А об остальном потом подумаем, когда зараза уйдет.

– Я думаю, что наши слуги скоро сбегут.

Джакомо только вздохнул:

– Останется, может быть, Иларио, он предан мне. На остальных надежды мало.

– Дядя, вам придется разрешить мне ходить по городу. Может быть, даже вместе с Иларио.

– И помогать тебе с больными, – вздохнул Джакомо.

Он знал, знал обо всем.

И как выкидывали больных на улицы, и как боялись к ним подойти, и как убивали, сжигали...

Чего он только не знал! Но поступить так?

Джакомо все же был человеком, а не гадиной. И не собирался бросать жену, с которой прожил чуть не двадцать лет, не собирался

бросать Фьору, племянников... да и не смог бы! Все равно из города не уехать, а если так, то какой смысл запираяться у себя?

Пусть Бог рассудит, чего он достоин.

А помощь с больными...

Понятно же, легонькая Мия не сможет ворочать женщин. Ей невольно понадобится помощь.

Посидеть с ними, напоить, хотя бы частично обтереть, дать лекарство... но есть и более грязная часть работы сиделки.

– Спасибо, дядя.

Мия смотрела очень серьезно. Она тоже многое знала. И ждала чего угодно. Вплоть до того, что их выкинут на улицу... нет?

Нет. Вместо этого Джакомо достал ключи и положил перед собой на столешницу.

– Давай посмотрим, какие у нас есть запасы. Фредо и Паскуале сейчас не в Эвроне, я отправил к ним голубя, но помочь нам они все равно не смогут.

– Хотя бы сами не свалятся, – махнула рукой Мия.

Дядя стремительно становился для нее родным человеком.

– Вот-вот. Сейчас посмотрим, что у нас есть, а потом вы с Иларио сходите докупите что надо. Он знает, куда именно. Пока наш дом не опечатали, надо пополнить запасы, чтобы мы могли прожить несколько недель. У нас есть вино, масло... но что-то наверняка необходимо.

– Я... схожу?

Джакомо закатил глаза.

– Мия, племянница... ты же умная девушка. Я не знаю, кто из нас останется на ногах, кто ляжет...

Мия поняла. Сейчас не время соблюдать разные благоглупости. Выжить бы! Может статься, она останется одна, с детьми на руках. А может, и нет. Интересно, ее особенность дает устойчивость к болезни?

Мие оставалось только гадать. Может, дает, может, не дает... мама заболела, а вот она в порядке. И Энцо в порядке, и сестрички... или *пока* в порядке?

Какое ж страшное слово – пока. Особенно во время эпидемии.

Мия шла по улицам Эвроны.

Некогда веселый и яркий город словно вымер.

Хотя почему – словно?

Невдалеке промелькнула тележка. Она знала, на такие, крашенные в красный цвет, складывают трупы... девушка невольно поежилась.

– Далеко нам еще идти?

Иларио качнул головой.

– Нет. Рядом.

После проверки запасов обнаружилась нехватка белой муки. Да и сахара не мешало бы еще прикупить, и вяленого мяса...

То, с чем почти не надо возиться.

Испечь лепешки на скорую руку, ах да...

Молоко, яйца...

Эврону закрыли на сорок дней. И никакого молока, никаких яиц... хотя и ладно! И так обойдется!

Феретти жили небогато, Мия могла испечь и обычные лепешки, на воде. Справится. А по дороге зайдет к лекарю. Ньор Рефелли помог уже один раз, может, и еще поможет?

* * *

Мии повезло. Она и купить все смогла, и ньор Рефелли был дома. Выслушал девочку и покачал головой.

– Дана Мия, я не смогу вам помочь. Понимаете, я просто не могу... черная смерть – болезнь, о которой мы практически ничего не знаем. Мы знаем, что она приходит, но не знаем, как именно. И не знаем, почему одни умирают, а другие выздоравливают, не знаем толком, как ее лечить.

Мия даже головой помотала.

– Вы же лекарь.

– Я могу сказать вам, что делать, но поможет ли это? Не знаю...

– Так что именно делать? – Мия достала серебряную монету. – Не прошу прийти к нам, вы понимаете...

Рефелли кивнул.

Чего уж тут понимать? Придет он, не придет он, результат будет один и тот же. Человек или справится сам, или не справится. От него

ничего не зависит.

– Дана Мия, кто именно у вас заболел?

– Мать и тетка. Мы перенесли их в одну комнату и ухаживаем за ними.

– У них набухли чумные бубоны?

Мия задумалась, но ненадолго.

– У матери – да, у тетки – нет.

– Скорее всего, ваша тетка умрет через несколько дней.

– Почему?

– Если бубон появился, с отравленной кровью и слизью из него выходит вся зараза. Если его нет... ядовитая кровь циркулирует в организме.

– Так... А если выпустить ядовитую кровь?

– Ваша тетка умрет еще быстрее. Не переживет кровопотери. Поверьте, дана, это уже пробовали сделать.

Мия задумчиво кивнула.

– Понятно. А у мамы он набухает... в паху.

– Размер бубона?

Мия задумалась.

– Примерно как куриное яйцо. И очень болезненный. До него даже дотронуться нельзя, маме даже в бесспамятстве больно.

Лекарь с грустью поглядел на девушку, еще ребенка... жалко. Ему всех было жалко. И в то же время он не сомневался: в следующие несколько дней умрет не одна такая же.

Чума косит всех, не разбирая ни кто, ни кого...

– Вы кормите мать и тетку, дана?

– Да, нъор Рефелли. Но получается очень плохо.

– Заставляйте их есть, дана. Хоть как, но заставляйте. Подберите что-то более питательное, яйца, варенные в сливках, мед, вино, кормите почаще, каждые два-три часа, сейчас их телам нужны силы, чтобы бороться с болезнью. Хотя... часто и это не помогает.

– Но пусть у них будет на один шанс больше, – кивнула Мия. – Что еще?

– Чаще меняйте одежду. Маска вам будет мешать, но вы можете дышать через тряпку, которая смочена в настое можжевельника или полыни. Обрызгивайте отваром этих трав комнату, держите окна

закрытыми... больным нужно тепло. Горячие кирпичи к ногам, теплые одеяла...

– Так...

– Для вашей матери... сделайте припарку на бубон.

– Из чего?

– Мед, хлеб, горчичные зерна. Смешать и прикладывать.

– Это... помогает?

– Поможет прорваться бубону. Если он прорвется, ваша мать может выжить. Это ее единственный шанс.

– Поняла. А для тетки? Если в ней сейчас отравленная кровь... хоть что-то я сделать смогу?

– Можете попробовать клизму, все же немного, да поможет. Можете рвотное.

– Их и так обеих постоянно рвет.

– Тогда только клизму^[15].

Мия вздохнула, потерла лоб.

– Я попробую...

– Я могу прислать к вам сиделку... но я бы не рекомендовал.

– Да? Почему?

– Потому что сиделки сейчас... как бы это вежливее сказать, дана...

– Словами! – рыкнула Мия. – Что с ними не так!

– Те, у кого есть дом и семья, сейчас с ними. А уличные... вы понимаете, дана?

Дана понимала.

– Перебьемся, дана, – тихо шепнул ей Иларио. – Я, вы, дан – должны справиться.

– Попробуем. – И уже лекарь: – Ньор Рефелли, я пока не нуждаюсь в услугах сиделки, но если вы зайдете к нам дня через два... Вы сможете?

– Я постараюсь, дана. Берегите себя.

Мия только вздохнула.

Себя...

Вот о себе она почему-то и не думала. Брата бы уберечь, сестер... зачем они вообще приехали в эту проклятую Эвرون?! Как хорошо было в Феретти!

Дома никаких изменений не было.

Мия вздохнула, потом еще раз проверила запасы, все пересчитала и отдала ключи дяде. Тот неотлучно сидел с больными.

– Оставь у себя, Мия.

– Хорошо, дядя.

– Как ты себя чувствуешь?

– Не слишком хорошо. Но это не болезнь, просто усталость.

– Тогда иди и поспи. Мы с Иларио пока справимся, а ты отдохнешь. А еще лучше – поспите. И ты, и Иларио. Потом меня сменишь ты, потом Иларио, потом опять я. Будем чередовать уход, иначе свалимся от усталости. И... слуги решили уйти. Я не удерживал.

Мия кивнула.

– Все? Никто не остался?

– Ваша служанка. Мария. Она сейчас с детьми. У нее тоже нет признаков заболевания.

Мия кивнула повторно. Чувствовала она себя как фарфоровый болванчик с головой на ниточке. Или как марионетка.

Голова гудела... Болезнь?

Нет. Усталость. А даже если и болезнь... она не поддастся! У нее мама! И брат, и сестры, и... и вообще! Метаморфы не должны умирать от чумы, их и так мало осталось!

– Я думала о ней хуже. Потом надо извиниться.

Джакомо кивнул.

– Она, конечно, дура. Но хотя бы верная... Я сказал ей, чтобы пока она к больным не подходила... пусть сидят отдельно.

Мия с этим была полностью согласна.

– Пойду приготовлю что-нибудь покушать. Может, лепешки испеку или хлеб...

– Ты умеешь?

– Я училась в Феретти, у кухарки.

Если уж честно – пряталась Мия на кухне. От типично женских занятий вроде шитья и вышивания, которые ей решительно не нравились. Ну и постепенно готовить научилась.

И неплохо, кстати говоря.

Еще и на конюшне пряталась, но кони ей сейчас без надобности. Так что девушка подошла к больным, поцеловала мать в щеку – и отправилась на кухню решительным шагом.

Говорите, яйца, вино...

Сейчас мы гоголь-моголь состряпаем! Кажется, там еще было несколько яиц! И испечем что попроще, или сварим...

Она не заметила, какими взглядами за ее спиной обменялись двое мужчин. Но заговорили, только когда дверь закрылась.

– Кажись, эта в вас пошла, хозяин.

– Да, братец сейчас бы в храме валялся и скулил. Или признаки болезни у себя искал.

Джакомо был далеко не ангелом. И умирать ему не хотелось. Но что изменится от его стонов? Надо делать что должно, а там посмотрим!

* * *

Мия рассуждала примерно так же. Поэтому сейчас пекла небольшие, с ладошку, лепешки.

Лепешки, вяленое мясо... хотя нет! Мясо пусть пока остается, а вот курицу сварить надо. И бульончиком всех попоить. Опять же, не пропадет...

И мужчины мясо поедят.

Их кухарка частенько говорила, что мужчин надо хорошо кормить! Часто и вкусно! И, судя по тому, что муж у нее был доволен и счастлив... что-то есть правильное в ее словах.

Так что готовить, потом кормить больных, обтирать, переворачивать – и попробовать поспать самой. И к младшим еще наведаться... оставить поднос с едой под дверью. А говорить только через дверь. Хоть бы малышня не заболела!

Адриенна

Ужасное путешествие В столицу?

ИЗ столицы уезжать было еще ужаснее.

Адриенна смотреть не могла на отца и его... Женой она эту тварь даже в мыслях назвать не могла. Тошнить начинало.

Женой ее отца могла быть только ее мать. А вот ЭТО... Шлюховатое и дешевое...

Ох... лучше не думать, желудок словно спазмом сводило.

Не лучше был и сынок этой твари. Леонардо, на которого Адриенне тоже смотреть не хотелось, оказался типичной придворной порослью. Хамоватой, нагловатой и уверенной, что он для всех подарок судьбы. Как только мамаша умудрилась вырастить у него такое самомнение, учитывая, что при дворе к ним относились как к приживалам?

С другой стороны... если бы Адриенна задумалась, она поняла бы, что прихлебалы и подпевалы, увы, необходимы в любой компании. Вот и терпели того же Леонардо. Вот и упивался он собственной близостью к власть имеющим.

Конечно, ни в какой СибЛевран ему ехать не хотелось, но ситуацию мать объяснила четко.

Сейчас – НАДО поехать. При дворе ей будет сложнее, а вот в провинции они все осмотрят, подумают, как этот кусочек пристроить получше, опять же отдохнут, приоденутся, выездом обзаведутся, может, дом в столице прикупят...

Мужа надо употреблять постепенно, и так, чтобы он этого не понял.

Леонардо согласился. И даже пообещал уделять внимание сводной сестренке.

Сусанна была довольна. Ческа попросила ее при случае заняться наглой тварью, но так, чтобы самой не подставиться. Это Сусанна и сделает. Со временем, не сейчас...

Только дураки идут в атаку на врага. Умные люди – они ж как? Они из засады, из укрытия, а можно еще и ночью... Сусанна вот так и поступила. Легко перекуковала глупую девчонку и получила все. А та... пусть злится и орет.

Адриенна и злилась. До первой же остановки на обед.

Дан Рокко был в курсе всех придворных и сплетен, и скандалов, и происшествий. И о репутации эданны Сусанны он был наслышан. И его величество просил приглядеть за девочкой... ну, если так – надо приглядеть. А потому...

– Дана Адриенна, вы позволите вас называть так, на правах старшего?

– Позволю, дан Вентурини.

– Можно просто дан Рокко, – поправил ее мужчина. – Понимаю, вы, наверное, воспринимаете меня как навязанного вам... хм... достаточно неприятного человека.

Адриенна подняла брови.

– Вы – верный слуга его величества, не так ли, дан Рокко? – вежливо уточнила она.

В серых глазах мужчины заплясали огоньки. А девочка-то умна.

– Мы все – слуги его величества, – мягко поправил он. – И должны служить ему во благо и в меру своего разумения.

Теперь заинтересовалась уже Адриенна. А интересная оговорка...

– И кто же определяет эту меру?

– Только Он, – возвел глаза к небу дан Рокко.

Девушка улыбнулась.

– А Он – ответит?

– Если долго молиться, то безусловно. Скажите, дана, в СибЛевране есть часовня?

Адриенна хотела ответить, но тут ее взгляд упал на Леонардо, который с видом «ах, как мне все это надоело» вылезал из кареты. Ему надоело!

А ей?

Сидеть рядом с этим недоумком и видеть, как посторонняя тетка облизывает ее отца. Хоть постыдились бы! И так всю дорогу...

– Может, вам лучше поговорить об этом с моим отцом?

– Дана, ваш отец сейчас может говорить только на тему прелестей эданны Сусанны, – хмыкнул дан Рокко. – А мне это неинтересно, я при дворе наслушался.

Адриенна невольно фыркнула.

Что ж, ей протягивали руку дружбы и давали понять, что знают правду о ее... Да, увы. Мачехе.

Может, и не стоит сразу ее отталкивать? Умный, похоже, мужчина. Себе на уме, так и это понятно. Кто ж другому на шею с разбега кинется? Смешно даже...

– Если хотите, дан Рокко, я расскажу вам о СибЛевране. За обедом.

– Я буду вам очень благодарен, дана.

* * *

Обед прошел вполне прилично. Адриенна восстанавливала силы и ела за шестерых. Тело требовало.

Все же она сильно выложились. И чудом не простыла, пролежав всю ночь на холодном полу. Так что...

И мясо, и овощи, и кашу, и большой кусок хлеба... Фрукты?! О да! И с собой тоже, если можно!

Дан Рокко только посмеялся.

– Я сейчас распоряжусь собрать корзину, дана Адриенна. Думаю, до вечера нам хватит. Вам нужно сейчас кушать побольше, вы растете. Я-то знаю, у меня дочери.

– Спасибо, дан Рокко.

Рассказывая о СибЛевране, Адриенна чуточку расслабилась, успокоилась и на эданну Сусанну внимания вовсе не обращала. А это обидно.

Так что эданна тут же решила укусить.

– Столько кушать? Полагаю, Адриенна, через пару лет вы будете не ходить, а перекатываться.

– Такое вымя, как у вас, мне никогда не наест, – без всякой вежливости огрызнулась девочка.

Эданна Сусанна тут же вцепилась в супруга и захлопала ресницами, нагоняя слезы. Дан Марк сдвинул брови, но сказать ничего не успел. Вмешался дан Рокко:

– Эданна Сусанна, мне кажется, что ваш сын несколько увлекся вином.

Несколько увлекся?

Все сидящие за столом не особенно усердствовали, Адриенна вообще пила молоко, остальные разводили вино водой, но Леонардо, воспользовавшись тем, что мать не смотрит, решил поправить здоровье «после вчерашнего».

Поправил.

Да до такой степени, что сейчас ословевшим взглядом смотрел в никуда. И не падал со скамейки... нет, вот и упал.

– Марк! – умоляюще сложила руки эданна.

Дан Марк перевел взгляд на солдат, которые ехали с ними.

– Капитан, прошу вас погрузить дана Леонардо в карету дана Марка, – тут же воспользовался ситуацией дан Рокко.

– Но... – попробовала возмутиться эданна, – может быть, лучше Леонардо поспит у вас в карете?

– Это невозможно. Дана Адриенна обещала мне продолжить рассказ о СибЛевране. Молодой девушке ни к чему ехать в одной карете с пьяным мужчиной.

– А просто с мужчиной – можно? – прошипела эданна. – Леонардо ей хотя бы брат, а вы...

– А я – управляющий. Дана мне в правнучки годится, – отбрил дан Рокко. – Капитан, не стесняйтесь, грузите.

Капитан послушно потащил Леонардо по полу.

Адриенна не без злорадства заметила, что парень собрал на камзол половину соломы. Ну и не только... полы в придорожной таверне чистыми не бывают. Кто наплюет, кто наблюдает... пусть эданна это понюхает. И вообще, сама за своим сынком ухаживает! Еще не хватало – грузить эту пьянь и дрянь к ним в карету! Да лучше она сама с даном Рокко поедет, действительно, ему ведь надо многое узнать о СибЛевране. А кто расскажет лучше Адриенны?

Так и сложилось.

Адриенна на следующий день вполне уверенно уселась в карету к дану Рокко.

Дан Марк и эданна Сусанна ехали отдельно. А Леонардо старался ехать верхом, не мешая уединению своей матери. Пытался и устроиться в карете у дана Рокко, благо та была удобнее и просторнее, но куда там! Дан мгновенно и безжалостно выставил парня обратно.

Леонардо он тоже и видел при дворе, и знал ему цену...

Вот еще не хватало!

Он управляющий, он свое место знает, но тут еще подумать надо, кто из них важнее? Назначенный королем служащий – или приживал, у которого из своего только подштанники? И на те мамочка одним местом заработала.

Нет уж!

Лучше дан Рокко с Адриенной побеседует, сразу видно, что девочка умненькая, хозяйственная, все знает досконально и за свой

дом душой болеет. Дан Рокко уже и не только слушал, иногда и записывал... при правильном подходе СибЛевран золотом доиться будет. Дайте только время!

Не спеша и не торопясь, процессия ехала в СибЛевран. Даже и не подозревая, что в столице бушует чума.

Мия

Одного взгляда девушке хватило.

Она посмотрела и помчалась за даном Джакомо.

Долго звать не пришлось. Хотя и лег он недавно, но...

Катарина умирала. Это было видно сразу. Ввалились глаза, заострился нос, посерела кожа... печать смерти? Кто видел, тот легко поймет и опознает. А Мия уже видела пару раз такое. На улице.

Дом хоть и был опечатан, но... за пару сольди стражники легко выпускали и впускали людей. А что?

Все равно все болеют.

Вот из города выйти так легко не получилось бы. Но говорят, что за сто лоринов... хотя – это наверняка только говорят.

– Кати...

Дан Джакомо присел на кровать рядом с супругой, взял ее за руку.

Катарина...

Не любил. Но уважал, делил постель и дом, понимал ее... и вместе они сколько прожили. Кусочек жизни отрывался и падал, рушился в бездну.

Мия отвернулась, отошла к матери и принялась вытаскивать запачканную пеленку. Накормить больных едва удавалось, но в туалет они все же ходили. И грязное белье было...

Стирать?

Мия понимала, что ни одна прачка сейчас не согласится стирать белье из-под больного... если она здорова. А если больна, то и тем более, какая стирка? Поэтому приходилось самой. Корыто есть, сложить в него грязные тряпки и от души потоптаться по ним ногами. Только еще щелока добавить. Ноги от такого болели, кожу приходилось смазывать жиром, но какая разница? Хоть так... Все не грязные подстилки, не солома...

Красивых сцен ждать не приходилось. Может, кому-то и везет уйти в полном сознании, но не Катарине. Или – не везет?

Ньора Катарина просто перестала дышать.

Не приходя в сознание, не пытаясь что-то сказать, не прощаясь.

Была – и нет. И Мия думала, что так и неплохо. Тетка хотя бы не знала, что происходит.

А причастие, соборование, исповедь...

Сегодня Джакомо и Иларио вытащат труп на улицу. Там ньору Катарину отвезут ко всем умершим. Там и отпоют, и похоронят вместе со всеми. И никто не осудит.

Никто не скажет слова против.

Никто, даже ее родные. Все понимают, что такое эпидемия. И если зараза выйдет из города, если пойдет дальше... это страшно.

Никто не станет спорить.

Джакомо долго сидел рядом с супругой. Потом сам прикрыл ей глаза, сам набросил на лицо легкую белую ткань.

– Мия, у нас есть чистое полотно?

– Да, дядя.

Мия не стала говорить, что все равно это будет общая могила. И вообще ничего говорить не стала. Вместо этого она прошла в комнату ньоры Катарины, достала ее самое роскошное платье, достала несколько заранее приготовленных простыней...

Она справится.

И вечером помолится за всех и сразу.

За мать, чтобы та выздоровела.

За детей, чтобы младшие с Марией не заболели... пока вроде как они держатся.

И за ньору Катарину, упокой, Господи, ее душу.

* * *

Из окна Мия наблюдала, как дан Джакомо разговаривает с могильщиками. Вот на телегу, крашенную в алый цвет, положили завернутое во все белое тело.

А сколько там еще тел...

А сколько будет?

Дан Джакомо что-то сунул в руку могильщика. Тот кивнул, тоже что-то пообещал... мол, все будет в порядке. И уехал.

А Джакомо остался стоять рядом с воротами. Иларио стоял рядом с ним, молчал...

Потом дан Джакомо насторожился, словно что-то услышал, сделал шаг в направлении соседнего дома.

Иларио что-то сказал ему...

Джакомо отмахнулся – и решительно постучал в ворота. Второй раз, третий... Нет ответа.

Мия смотрела с интересом. Дядя подозвал Иларио, тот что-то сделал с замком, и мужчины вошли в дом. Вышли они буквально через десять минут. И на руках у Джакомо был небольшой сверток... ребенок?

Кажется, да...

Мия только охнула. И помчалась на кухню, мало ли что?

– Ты видела? – Джакомо, который вошел на кухню, застал племянницу у плиты.

– Видела. Что там, дядя?

– Наши соседи. Мы не дружили, но Кати их знала. Они умерли, ребенок пока еще жив...

– Болен? – деловито спросила Мия.

Судя по воплю, который издал голодный малыш, – нет, не болен. Но голоден.

– Я услышал... не знаю. Дурак я, Мия, наверное. Не смог бросить...

Девочка только рукой махнула.

Жиденькую кашку она сейчас сварит, на водичке. Чего уж там, дома, в Феретти, случалось и животных выкармливать. Тех же козлят... на кухне научилась.

– Мы ж не звери какие, дядя.

И Джакомо молча кивнул. Нет, не звери. Те иногда и порядочнее бывают, и не такими жестокими...

Малыш продолжал плакать, и Джакомо неловко покачал его... ее? Мальчик это вообще или девочка? А, какая разница...

Нести малыша к остальным детям они не решились. Все же его родные умерли...

Точнее – ее родные.

Это оказалась маленькая девочка, которую Джакомо, подумав, нарек Катариной. И пообещал после эпидемии сделать ей документы, удочерить и записать в церкви, все как положено.

Мия только одобрила, хотя младенец и орал, но – какая разница? С младенцем проще, чем со взрослым больным, за ним и стирать легче, и вертеть его можно как хочешь. Да и не такой уж там младенец, месяцев пять, а то и шесть девочке точно есть, можно уже и докармливать, а не только молоком.

Маленькая Катарина ела, спала и исправно пачкала пеленки. А Мия попросила дядю послать за ньором Рефелли.

Фьора по-прежнему была в горячке, бубон не прорвался, а значит, его надо вскрывать. Хотя бы так...

В противном случае у матери вообще шансов не будет.

Адриенна

СибЛевран!

Адриенна с восторгом смотрела на леса и холмы. На родное и уютное.

И рядом с ней улыбался понимающе дан Вентурини. За время поездки они с Адриенной сильно сдружились. А может быть, поняли друг друга.

Дан Рокко хотел дожить свои дни в покое и довольстве.

Адриенна хотела мира и процветания СибЛеврану.

Дана Марка они жалели совместно. То есть сначала его жалел дан Рокко, а потом пожалела и Адриенна. Жестокой и злой она не была никогда, отец есть отец, что ж тут поделаешь?

Ну дурака сваял! Так тоже понять надо! И пожалеть!

Провинциальный дан, при королевском дворе, ослепленный его пышностью и роскошью... да и что касается женщин... Может, у него связь с какой эданной была? Нет? К крестьянке ездил?

Так что ж вы, дана, хотите?

Конечно, он попался на крючок. Небось у эданной Сусанны приемчики давно отработаны, она и не таких ловила! И те ловились...

Ну, срывались.

Но в чем-то же и Адриенна виновата. Может, если б она постепенно, без порывов души, попробовала вбить клин между «влюбленными», она бы своего и добилась. А она сплеча, да при всем народе... дан Рокко там тоже был. Так что вы хотите, дана?

Мужчина ваш отец – или не мужчина?

Адриенне было неприятно это слышать, но правда не всегда бывает удобной. Увы. Дан Рокко хоть и говорил очень мягко, но суть дела это не меняло. В чем-то виновата и она. К сожалению.

– Ваш дом прекрасен, дана.

– Да, дан Рокко.

Адриенна видела уже и Розы во дворе замка... мелькнула тень.

Девушка скрипнула зубами.

Дан Леонардо, чтоб его сожрали крокодилы! По дороге дан Марк купил пасынку коня... хотел было, как привык, посоветоваться с Адриенной, но наткнулся на ледяной взгляд – и бочком отступил назад. Вот уж чего девушка делать не собиралась, так это выбирать хорошего коня для наглой твари.

И такой сойдет!

В конях дан Марк разбирался неплохо, наловчился за столько лет, но Адриенна нутром чувствовала, что конь нехорош. И не ошиблась. Конь был достаточно молод, но, видимо, попал к недоброму человеку. Челюсти животного были покалечены – не иначе ударами трензеля, зубы крошились, и у коня явно были проблемы с питанием.

Адриенна бы его не выбрала. Не факт еще, что конь сгодится даже на племя. Но помогать она не будет. Лучше потом, в СибЛевране, подумает, что можно сделать с несчастным животным. А пока она кратенько объяснила это дану Рокко.

Дан тоже осмотрел коня, подумал – и проникся к девушке расположением.

Сейчас Леонардо первым влетел в ворота СибЛеврана, едва не стоптав конем Розы. Едва кормилица успела в сторону отпрыгнуть.

Адриенна даже не стала ждать, пока карета остановится, выпрыгнула и кинулась кормилице на шею.

– Розы!!!

– Дана!!! Детка моя, какое счастье!!!

– Что случилось?!

Адриенна искренне удивилась эмоциям в голосе Розалии. Понятное дело, ее приезд – это счастье, считай, родной ребенок вернулся... почти родной, грудью выкормленный. Но к чему ТАКИЕ восторги? Они уж как-то очень преувеличены? Отсюда и вопрос.

– В Эвроне чума.

Адриенна молча, не говоря ни слова, ушла в глубокий обморок.

* * *

Очнулась дана в своих комнатах. В своей кровати.

Знакомый вид, запах, Роза рядом... и кто бы тут удержался? Адриенна уткнулась в пышную грудь кормилицы и разревелась в сорок три ручья.

Про Моргану она не рассказывала, не стоило пугать любимую... считай, тетю, но вот про все остальное... и про дана Марка, который женился, и про свою помолвку, и про принца, и про его любовницу... Получалось откровенно коряво и несвязно, но Роза не перебивала и не переспрашивала. Ей тоже все было понятно.

Девочке надо выплакаться и успокоиться.

Девочка такое пережила... тут любой сломается! А уж ее-то дана... она выдержала, но когда оказалась в безопасности, а пуще того, когда узнала, от ЧЕГО удрать успела...

Ведь задержись они еще на несколько дней, и достала бы чума ее девочку! Ее доченьку!

Вот где кошмар-то кошмарный!

Так что Роза просто гладила Адриенну по голове и радовалась. К ним прилетел голубь из столицы, вот и узнали, что чума в городе. Его величество распорядился отправить и опять же узнать, что с Адриенной. Как-никак невеста сына.

Просто ехали в столицу они пять дней.

Ехали из столицы – чуть не пятнадцать.

Дан Марк поздно вставал, рано ложился – с молодой-то женой, никуда не торопился и вообще – устроил себе «медовую поездку».

Ну и рассказать про СибЛевран хотел. Но не получалось. Сложно как-то такое сказать... дорогая, я тут в приживалах у родной дочери, а

через пять лет она вообще нас на помойку выкинуть может. Вот и тянул... рано или поздно сказать придется, но лучше ведь поздно?

Конечно, лучше...

Вот и приехали... аккурат к известиям.

Его величество выздоровел.

Его высочество выздоравливает... молимся за него всем миром.

Эданна Франческа? А это кто такая?

Объяснять, что это любовница принца, Адриенна не стала. Вместо этого она попросила Розы о горячей ванне. И когда кормилица удалилась, чтобы построить всех и позаботиться о своей девочке, подошла к окну.

Что же делать, что делать?..

Слова Морганы она отлично запомнила. Более того... Адриенна помнила и свой приступ гнева и отчаяния, и дикий крик, который рванулся в небеса, и огонь, и кровь...

Что делать-то?!

Так ведь все просто. Прокляла? Теперь снимай проклятие! А как?

Вопрос...

Адриенна подумала, что нигде об этом не читала. Вот нигде, понимаете?! О том, как проклясть, каждый знает. И о костре на перекрестке трех дорог в полночь, и о пучке белены, который надо в огонь бросить, и о том, как правильно руку резать, чтобы огнем, кровью, беленой...

А вот о том, как снять проклятие, – ничего!

И не рассказывается, и не показывается... не надо? Или... Моргана что-то такое упоминала... что?! Бабушка, ну!

На память Адриенна не жаловалась, а потому и слова легко вспомнились.

Проклятие снимается любовью. Любовью и прощением.

Прабабка немного не так выразилась, но смысл был именно такой. Именно любовью и прощением. И что теперь делать?

Хотя... все понятно!

Адриенна решительно вышла из комнаты.

У девушки было две задачи. Одна чуточку попроще. Адриенна решила забрать из кабинета отца материнские драгоценности.

Где они лежат, девушка знала. А эданне Сусанне не доверяла. Ни секундошки.

Это сейчас она после путешествия... как придет в себя, так и начнет.

Потом половины недосчитаешься...

Вот и кабинет.

Дана Марка нет.

Адриенна толкнула дверь и вошла.

Неприятно?

Ну да... как будто ты ворует. Но ведь это неправда! Это все украшения ее матери, бабки, прабабки... отец их не дарил! И отдавать все блудливой придворной девке?

Перебьется!

Адриенна взяла шкатулку, которая больше походила на тяжеленький кожаный сундучок, и отправилась к себе. Закрылась в комнате. Открыла шкатулку, проверила – все ли на месте.

Да, все тут.

Цепочки прабабушки, топазы и изумруды бабушки, мамины рубины... а это что?

Словно бы ворон, распахнувший крылья. Серебряная цепочка, чернь... красиво! Смотрится так... у птицы каждое перышко видно.

Адриенна долго не думала. Просто надела ворона себе на шею. Тот оказался приятно теплым... ей можно.

Она СибЛевран.

А если уж до конца честно – Сибеллин. И это ее символ. Пусть будет...

Девушка решительно закрыла сундучок, убрала его в самое тайное место – под кровать, потом получше перепрячет, – и снова вышла из комнаты.

Девушка помнила тайник, в котором дан Марк хранил ТО кольцо. И собиралась добрать до него именно сейчас.

Кто его знает?

Кто ее знает?

Женился же отец на этой мерзавке, а уж что ей в головушку придет, Адриенне и неведомо! Надо бы прибрать свое наследство. И,

кстати, последовать совету Морганы.

Ларчик стоял в тайнике спокойно. Дан Марк явно развлекался с молодой супругой... Адриенна забрала его, огляделась – и нырнула в стенную нишу. Для того, что она собиралась сделать, ее покои не подходили.

Где тут у нас заколка?

Острый шпенец пробил палец. Показалась капелька крови – Адриенна даже не вздрогнула. Она надела кольцо на палец и медленно размазала свою кровь по черному камню.

– Я принимаю свой долг. Кровью Сибеллинов, я принимаю...

Получится ли? Это она узнает не сразу. Только тогда, когда с кем-то столкнется, поймет, заметят на ее руке кольцо или нет. И кстати, она не спросила у прабабки: а если ее кто-то схватит за руку? Кольцо почувствуют?

А если почувствуют, но не увидят?

Как же все это сложно... Магия!

А теперь надежно припрятать ларец и отправиться к себе. Да и у себя его прятать нельзя. А куда? Отдать Розе?

Тоже не вариант. Отец не дурак, поймет.

А если...

Адриенна шкодно улыбнулась. Несколько дней он там точно простоят, а потом будет видно. И идти далеко не надо.

В замке есть часовня. Но падре Санто сейчас в отъезде, это ей сказала Роза. А значит – что?

А вот и то...

Добраться до часовни было делом пары минут. Адриенне никто и не встретился, она отлично знала, как и куда можно в родном доме пройти незамеченной.

И – в алтарь.

Туда нельзя входить женщинам?

Ну и пусть! Зато на нее никто и не подумает. А вообще, ей все равно. Вот здесь и сейчас ей важно сберечь то, что оставили предки, а не какие-то там обычаи соблюдать.

Главное, что все остальные так будут думать – ей нельзя в алтарь. Вот и не станут ничего там искать.

Но ларец Адриенна задвинула в самый дальний угол, за стол...

Потом задвинула туда же стул, мимоходом чихнула от пыли и подумала, что слуги сюда тоже, наверное, не заходят. Нельзя же! Если женщинам! А служка, который приезжает с падре Санто, явно уборку не любит.

Ничего, это на день-два, не больше, она уже примерно представляет, куда поместить ларец. Но это надо ночью, сейчас у нее не так много времени. За обычные украшения Адриенна так не тревожилась, а это... ее предки, ее память. Это важнее побрякушек.

Но...

Часовня.

Адриенна машинально перекрестилась на распятие. Вздохнула.

– Ты, наверное, был другим. И Мадонна тоже... а я вот плохая, злая. Не смогла я простить. А еще вернее – я не знала, что так получится. Вот честно... я даже на короля не слишком сержусь. Не сердилась. Он ведь тоже хотел снять проклятие. Принц меня взбесил, его девка... ох... она тоже. И отец, и его эта... А в чем обычные-то люди виноваты? Ведь по ним тоже ударило... Дрянь я. Просто дрянь. Господи, прости мою душу грешную... прости за эту подлость. Я действительно виновата... если бы я сдержалась... если бы я сейчас могла все это отменить, я бы и секунды не задумалась. Лишь бы никто больше не заболел...

Адриенна не могла сейчас себя видеть. Даже не чувствовала, что плачет, горько и безнадежно.

И никто ее не слышал. И сказать ей об этом никто не мог.

Но в ту минуту над Эвроной разразилась гроза.

Дикая, яростная... ветер буквально с ног сбивал, заливая город потоками воды, шквал неистовствовал малым не сутки.

А когда он закончился...

Люди умирали, все верно. Те, кто уже был болен, у кого не было сил бороться, кого уже пожирала ненасытная болезнь...

И те, кто заболел, не выздоровели по мановению волшебной палочки.

Но больше никто не заражался. Новых заболевших просто не было.

Проклятие действительно снималось прощением.

Ньор Рефелли не заставил себя ждать.

Прибыл, для начала осмотрел малышку, сказал, что та здорова, даже удивительно, и посоветовал укропную водичку для животика. Мало ли что?

Мия обещала сделать. И проводила ньора в спальню на первом этаже, где металась в горячке эданна Фьора.

Ньор осмотрел ее и покачал головой.

— Дана, вы понимаете...

— Да. Но так у нее хотя бы один шанс будет.

— Хорошо, дана. Кто есть еще в доме?

— Мой дядя. Его слуга.

— Не болеют?

— Бог миловал.

— Позовите их — и уходите.

Мия вскинулась, но сверкать глазами на лекаря было бесполезно.

— Я не позволю вам здесь присутствовать. Или вы слушаетесь — или я ухожу.

— Я...

— Вы меня не поняли?

Девушке оставалось только подчиниться. Лекарь проводил ее грустным взглядом.

Да, никого не красит болезнь. Даже если сама девушка не болеет, она все равно осунулась, похудела, подурнела, светлые волосы стянуты в тугие косы, платье из тех, что попроще, темное, невзрачное, на голове простой платок, так крестьянки носят, завязан так, чтобы косы вперед не лезли.

Но все равно, через пару лет из нее вырастет ослепительная красавица. И с характером, сразу видно.

Мужчины вошли в комнату через пару минут.

— Что надо делать? — коротко спросил дан Джакомо.

— Держать. Это адская боль, не все ее даже выдерживают.

— Может, ей рот завязать? Чтобы дана Мия не слышала? — Иларио посмотрел на лекаря даже как-то вопросительно. Слуге Мия тоже нравилась. Такое редко бывает, чтобы дана — и не боялась ручки запачкать. А эта и ничего...

— Ей бы что-то вроде палки, чтобы язык себе не откусила...

Отломить кусок от черенка метлы, обмотать его тряпкой – это недолго. И вскоре мужчины крепко держали эданну Фьору, которую еще и к кровати привязали.

И не зря.

Стоило лекарю начать раскаленным ножом вскрывать бубон, как эданна заметалась, попыталась заорать... точно бы язык себе откусила, а так только зубы крошились... не сильно. Ну и палку чуть не перегрызла.

Но крови из бубона вышло мало. И гноя тоже...

Ньор Рефелли покачал головой.

– Не знаю. Что смог, я сделал, остальное в воле Божьей.

Но и так всем было ясно, что прогноз крайне плохой.

Мия не плакала. Сил не осталось. Мама, ну как же так...

* * *

Ночью девочка молилась. Увы, с детства заученные слова не выговаривались. А если и получалось произнести хоть одну молитву до конца, то душу Мия в нее не вкладывала. Не получалось.

Было слишком больно, слишком тошно и страшно.

В колыбельке мирно сопела маленькая Катарина. Она, наевшись жидкой каши, ни о чем не думала. А вот Мия...

Что с ними будет дальше?

Как жить, если мама умрет?

Страшные это вопросы, не то что для двенадцатилетней девочки – для любого человека. Но...

Мысли текли неровно, сбиваясь то в одну сторону, то в другую, словно одеяло у эданны Фьоры. Мия не заболела.

Она метаморф.

А мама упоминала что-то о крови... а если... если?..

Мия решительно проколола палец заколкой. И мазнула эданну Фьору кровью по языку. Много крови она давать опасалась, а вот пару капель – спокойно. Поможет ли, нет...

Кто ж ее знает?

Авось и не повредит. Мать все равно умирает, тут уже куда хуже-то?

Впрочем, и никаких видимых улучшений не наступало. Так же чадила свечка, так же сопела малышка, так же металась в жару мать. Ничего нового...

Мия сидела рядом.

Часы отзвонили три склянки, когда эданна Фьора вдруг открыла глаза. Ясные, чистые, словно и не было болезни.

– Мия?

– Мама!!! – кинулась к ней дана. – Мамочка!!!

– Я умираю?

Есть пределы даже самой крепкой стали, даже самой нечеловеческой выдержке. Мия разрыдалась, уткнувшись в материнскую руку.

– Мама, мамочка, не надо...

Эданна Фьора прислушалась к себе. С усилием подняла руку, погладила дочь по волосам. Скорее даже, уронила ладонь ей на голову.

– Не надо, дочка. Ты сильнее меня, ты справишься.

Мия хлопнула носом. Миг слабости прошел, и она пыталась взять себя в руки. Нашла когда выть.

– Мама, я не больна. И с младшими все в порядке. Они сейчас заперты вместе с Марией, но не заболели. Дядя здоров, ньора Катарина умерла.

– Скоро я с ней повидаюсь. И с твоим отцом. – Эданна Фьора улыбалась.

– Мам, – заторопилась Мия. – А если тебе моей крови дать? Вдруг да получится? Я уже несколько капель дала...

– Нет, – ответ эданна был жестким. – Запомни, этого делать нельзя.

– Почему?

– Наша кровь может дать силы. Ненадолго. Но это не панацея. Только люди в это никогда не поверят. Запомни и никогда так не делай. Ты не поможешь, ты только продлишь агонию.

– Да, мама...

– Передай малышам, что я люблю их и благословляю.

– Да. – Мия хлопала носом, но держалась.

– Не надо плакать. Просто замени им – меня, Мия.

В кресле закричала крохотная Катарина.

– Кто это?

– Подобрали, – коротко объяснила Мия.

– Хорошо... пусть хоть кто-то спасется. Отец наш небесный, прими мою душу...

Эданна Фьора медленно прикрыла глаза, вздохнула...

И отошла.

Больно ей не было, страшно тоже. Все же у крови метаморфов есть и свои преимущества.

Мия разрыдалась, уже не сдерживаясь. Она могла быть сколь угодно сильной, умной, решительной, но раньше между ней и этим миром стояла ее мама. А сейчас... сейчас никого...

Пальцы сжались.

Сверкнувшие сталью когти легко прорвали простыню. И Мия окончательно потеряла над собой контроль.

На этом и горели метаморфы.

Сильное нервное потрясение, сильный удар, и...

Дан Джакомо, который тихо вошел в комнату, прислонился к дверному косяку. Ноги не держали.

У него на глазах волосы племянницы меняли цвет, от черного к белому и обратно, изменялись руки, то появлялись когти, то втягивались, то стремительно старели, то опять молодели...

Лица Мии он не видел, и это, пожалуй, к лучшему. Там тоже ничего хорошего не было. Стихийно меняющиеся черты – не самое приятное зрелище.

Кто знает, сколько бы это продолжалось, но заплакала маленькая Кати. И Мия развернулась.

И – увидела.

– Дядя?!

– Да, Мия. – Чего стоило дану Джакомо сохранить спокойный голос, знал только он сам. А так лучше и не думать. – Что с Фьорой?

– Умерла.

– Кати?

– Надо кормить.

– Я сейчас помогу тебе покормить малышку. И с мамой. А потом ты будешь должна мне кое-что объяснить.

– Хорошо, – угрюмо отозвалась Мия.

Она не знала, сколько видел дан, но подозревала, что все. И вряд ли тут удастся отговориться.

Почти три часа ушло на то, чтобы обмыть и переодеть эданну Фьюру. Чтобы покормить и укачать малышку Кати. И Мия сидела в кабинете дяди.

– Я слушаю, – первым начал разговор Джакомо.

– Я... не знаю, как начать, – честно созналась Мия.

– Лучше с начала. Если в нашем роду такого не было, – дан Джакомо уже кое-что обдумал и осознал, – значит, это от твоей матери?

– Да.

– И как это называется?

– Метаморф.

Мия и сама знала не слишком много, поэтому долго дан Джакомо ее не мучил. Попросил только пару раз сменить лицо, о чем-то задумался.

– Что вы теперь сделаете? – не выдержала Мия. – Вы меня теперь выдадите священникам?

Джакомо качнул головой.

– Что ж я, сам себе враг? Или ты не знаешь, что делают с родственниками ведьм?

– Ну вы-то сами меня выдадите.

– Каленое железо мне никогда не нравилось, – сообщил дан Джакомо. – А оно наверняка будет. Мне надо подумать, Мия. Мне. Надо. Подумать.

Может, Мия и сказала бы что-то. А может, и нет. Но скрипнула дверь.

На пороге стоял Иларио, тер глаза... покрасневшие. От недосыпания? Или...

– Простите, хозяин. Как-то мне нехорошо...

Дан Джакомо взвился с места. Подхватил, поддержал, не дал сползти на пол...

Но и ему, и Мии все было ясно. Слишком хорошо знакомы им были эти признаки.

Иларио Репетто оказался одной из последних жертв чумы. И скончался через два дня после начала болезни.

Глава 8

Адриенна

– Нет.

Первое сражение с эданной состоялось сразу же после приезда.

Покои у дана и эданнны смежные. По пять комнат у каждого.

Спальня – одна общая, по одной для каждого. Мало ли что? У эданнны голова болит или дан напился... У дана кабинет, у эданнны комната для вышивания, гостиная, она же приемная, и гардеробная.

Эданна Рианна умерла, да здравствует эданна Сусанна?

Так-то да.

Но СибЛевран принадлежит Адриенне. И пускать наглую тварь в покои матери?

В ту комнату, в которой родилась Адриенна?

В комнату, где испустила последний вздох ее мать?!

Вы в своем ли уме, даны?!

Озвучивать это все вслух Адриенна не стала. Но когда дан Марк принялся распоряжаться слугами и скомандовал отнести вещи эданнны Сусанны в комнату эданнны СибЛевран, высказалась громко и отчетливо:

– НЕТ!

Ненадолго, на пару секунд, все остолбенели. Потом дан Марк начал наливать дурной кровью.

– Ты мне еще будешь указывать, соплячка?!

– СибЛевран принадлежал моей матери, – напомнила Адриенна.

– Она умерла! А ты закрой рот и брысь отсюда!

Дан Марк даже ногой топнул.

Адриенна на миг пошатнулась.

Отец.

Человек, которого она до сих пор любит. И вообще... не принято так. Родителей надо почитать и слушаться...

Но отдать комнату матери этой твари, СибЛевран – ее отродью, стать приживалкой в своем доме... может, еще и с башни броситься,

чтобы ей удобнее было?!

Не дождетесь!

Адриенна расправила плечи. И словно черный вороний плащ расплескался за плечами. Уже не она стоит... не просто дана Адриенна – наследница Морганы.

– Все – вон отсюда. – Адриенна не стала отвечать на выпад отца. Вместо этого она повернулась к слугам. Те недолго думая свалили подальше от сложностей жизни.

Даны дерутся – ньюрам беда. Это понятно...

Дан Рокко резким жестом выставил из комнаты самых сомневающихся. Ибо нечего тут!

Он-то отлично понимал, что происходит, и даже наблюдал с интересом. Поможет? Вполне вероятно. Но начать Адриенна должна сама, и справиться – тоже сама. В противном случае ее просто сожрут. Двор – такое место ядовитое... таких, как эданна Сусанна, там хоть лопатой отгребь. И каждая, каждая коготки поточить захочет.

Или Адриенна справляется, или...

– Ты собираешься мне что-то запретить?

Дан Марк смотрел на дочь сверху вниз. А еще злился. О, если бы не дан Рокко!

Марк мог бы просто приказать, заставить, надавить грубой силой! Даже... да, даже дать дочери оплеуху. Хотя никогда и не бил ее раньше.

Но есть управляющий. Не абы кто, назначенный его величеством человек, и в такой ситуации не прикажешь выпороть обнаглевшую девчонку, не прикажешь посадить ее на хлеб и воду... да ничего не прикажешь.

Гвардейцы-то еще не уехали.

И обо всем будет доложено его величеству.

Угадайте сразу – кто ему ценнее? Дан Марк – или Адриенна? Он-то совсем не СибЛевран. И по закону даже поместьем он распоряжается до совершеннолетия дочери.

Рианна связала его по рукам и ногам.

Если бы он женился раньше, если бы у него родились еще дети... там можно было бы покрутиться. И с законами что-то придумать. А вот сейчас...

Нет, не получится.

Сейчас – только если Адриенна сама отступит. То есть – сила на силу.

Кто кого.

Эданна Сусанна предусмотрительно в драку не лезла. Сейчас отец и дочь сцепились сами, вот и отлично. И сыну она знак сделала. Умная женщина в таких случаях всегда отойдет в сторону, а потом просто подправит результат.

– Я не отдам покои матери этой женщине, – ровным тоном сказала Адриенна.

– Она моя жена.

– Ты можешь переехать к ней в гостевое крыло, – равнодушно согласилась Адриенна. – Или разделить с ней свои покои. Но комнаты моей матери будут закрыты сегодня же. И опечатаны.

Шкатулка с драгоценностями была уже пристроена в потайное место. Но сражение только начиналось.

– Ты не имеешь права мне что-то запрещать! Я – твой отец.

– Муж моей покойной матери, – подчеркнула Адриенна. – Закон на моей стороне.

– А плеть – на моей, – надавил дан Марк.

– Попробуешь меня избить? Тогда придется убивать, потому что я не прощу и не забуду. И через несколько лет СибЛевран покажется тебе раем.

А вот тут Адриенна была права. Придется действовать уговорами.

– Риен, она моя жена. Это поймут неправильно.

– Почему же? Все поймут очень правильно. Эданна Сусанна кто угодно, но не СибЛевран. Кстати, как и ты.

– Так-то ты мне платишь за любовь?

– Ты не так давно связался со своей девкой, отец, но уже привык, что за любовь надо платить?

Шлеп.

Пощечина обожгла щеку Адриенны.

Дан Марк и сам испугался того, что сделал. Шагнул вперед.

– Риен...

Адриенна и в другое время это не простила бы. А уж сейчас...

Плеснули за спиной черные крылья. И на миг дана Марка обдало таким холодом, таким диким ужасом, что он даже отшатнулся.

– Нет...

– С этой минуты, дан, я для вас – дана Адриенна. И советую забыть мое детское прозвище.

– Риен... я не хотел...

– Нет, дан Мак. Вы хотели. Хотели жениться на этой бабе, хотели отдать ей покои и украшения моей матери, хотели меня ударить. Кстати – не сомневайтесь, обо всем будет доложено его величеству. Дан Рокко?

И столько властности прозвучало в голосе девушки, что дан шагнул вперед. И отметил для себя некоторые изменения. Потом он все это обдумает.

Но – потом.

Обычно Адриенна говорила достаточно высоким и чистым голосом, и звенел он, словно колокольчик, а сейчас... сейчас появились в нем незнакомые горловые нотки. словно замурлыкала громадная хищная кошка.

Лениво так, потягиваясь, выпуская когти...

Собираясь запустить их в горло жертвы. И даже слегка облизываясь.

– Дана Адриенна?

– Я прошу вас отписать его величеству о случившемся. И особо подчеркнуть, что если на меня и впредь будут поднимать руку, то мое здоровье окажется под угрозой.

– Да что ты... – не выдержал дан Марк.

– Молчать! – плеснуло по комнате ледяным холодом. – Из уважения к памяти моей покойной матери, дан Марк, вы можете остаться в ваших покоях. Можете поселить вместе с собой свою супругу. Но комнаты эданны СибЛевран будут заперты сегодня же. И ключи будут только у меня. Это первое. Дан Рокко сегодня же напишет и отправит письмо. Это второе. И не советую покушаться на мои права. Я – СибЛевран. Я – хозяйка дома. Можете это накрепко запомнить. Это третье и последнее. Дан Рокко, впустите слуг!

Дана упрашивать не пришлось.

Слуги (наверняка ведь подслушивали, гады) входили в комнаты, косились на пятно от пощечины. Адриенна и не подумала его прятать. Вот еще не хватало! Пусть видят!

Пусть...

Она ни в чем не виновата. Здесь и сейчас подлость совершает ее отец, не она. Это ее променяли на шлюху, это память ее матери хотели вывалить в грязи...

Прощать такое?

Вот с этим – в храм! Господь, говорят, всех прощает, но Адриенне до него далеко.

Девушка отбросила посторонние мысли и принялась распоряжаться:

– Вещи эданны и дана – в комнаты дана. Розы, комнаты эданны СибЛевран запереть. Как они есть. Ключи принесешь мне. Рико, вещи дана Рокко в гостевые покои. Дан Рокко, надеюсь, вам будет там удобно.

– Благодарю, дана.

– Джани, проследи, чтобы гвардейцев устроили как полагается и накормили. Пару дней они побудут в СибЛевране, потом будет видно.

Повинуясь приказам, слуги разбегались кто куда.

Эданна Сусанна разумно не лезла, изображая смертельно уставшую женщину и вальяжно раскинувшись на кушетке. Да так, что дан Марк на нее постоянно косился.

– Дана Адриенна, падре Санто обещал приехать завтра утром.

– Замечательно. Я буду рада отстоять мессу... я так соскучилась по нашей часовне. Кстати, там убирали? Пока я была в отъезде? Или опять пыли по колено и паукам раздолье?

Дан Рокко хмыкнул и отправился в гостевые покои.

А ведь из девочки будет толк...

Но королю он все равно отпишет. Нечего тут руки распускать...

* * *

Вечером в дверь покоев дана Рокко постучали.

– Дан Марк? Что ж, прошу, – не слишком удивился дан Рокко.

– Не прогоните? – За время пути они старались найти общий язык. Нельзя сказать, что им это удалось, но иллюзий оба и не питали.

– Проходите. Вы хотите со мной о чем-то поговорить?

Дан Марк показал несколько бутылок вина, которые принес с собой.

– У меня в корзине сыр, хлеб...

Дан Рокко качнул головой.

– Если вы хотите именно поговорить – говорите. Я устал и хочу спать. А завтра на мессе...

Дан Марк намек понял. О дружбе тут речь и не шла. Общий язык найти бы!

– Дан Рокко, вы хотите ее поддержать?

– Дану Адриенну?

– Да.

– Да.

Дан Марк даже покраснел слегка. Потом понял, что над ним не издеваются, просто отвечают на поставленный вопрос.

– Дан Рокко, она маленькая и глупая девочка!

– Мне сегодня так не показалось, дан Марк.

– Эти ее капризы... она должна меня понять!

– А вы ее? Не должны?

– Я ее вырастил. Я ее любил...

– Любили, дан Марк? Надо полагать, теперь у вас иной объект для любви?

Дан Марк сдвинул брови.

– Я и сейчас люблю свою дочь. Но когда она начинает себя так вести... что мне остается делать? Я слишком баловал ее! Распустил!

– Ага. Дан Марк, поправьте меня, если я заблуждаюсь. Ваша дочь до двенадцати лет росла в убеждении, что она – главная женщина вашей жизни.

– Ее мать взяла с меня клятву...

– Так любил – или клятву?

– И то и другое... не важно!

– Напротив, очень важно, дан Марк. Но не будем тратить время, оно бесценно, особенно в моем возрасте. Я прислан его величеством приглядывать и за СибЛевраном, и за Адриенной. Я желаю... его величество желает, чтобы невеста его высочества до совершеннолетия сохранила рассудок и здоровье. Если для этого потребуется чуточку ущемить... нет, не ваши права, а ваше самомнение – не сомневайтесь. Я так и сделаю.

Дан Марк побагровел.

– Вы...

– Думаете, если я здесь, то можно делать что угодно? Ошибаетесь. Я обязан предоставлять его величеству ежемесячные отчеты. Можно и чаще, с голубями, но раз в месяц будет приезжать гонец, забирать подробный отчет, более того, инструкции таковы, что я лично должен буду отдавать письмо. Его величество предусмотрителен, у вас не получится ни подтасовать факты, ни запугать меня, ни причинить какой-либо вред. Да, и шантажировать меня – тоже. В случае моей смерти сюда приедут другие люди. Его величество сразу хотел отправить с даной десять гвардейцев, но мы убедили его, что это серьезный расход для СибЛеврана. Но малейшие его подозрения, малейшая неуверенность... вы понимаете, дан?

Дан Марк преотлично это понимал. И ему не нравилась сложившаяся ситуация. Только вот как ее изменить, он не знал.

– Дан Рокко...

– Дан Марк, здесь и сейчас вы меня не поймете. И не услышите, и понимать не пожелаете. Уж простите, я давно знаю эданну Сусанну. Нет-нет, я не стану говорить о ней ничего плохого. Вам предстоит самостоятельно разобраться и в жене, и в дочери. Единственный совет, который я вам могу дать, – не спешите. Если вы сейчас своротите горы, не разобравшись, то потом сильно пожалеете^[16].

Дан Марк поднял брови.

– Сидеть и помнить, что я у себя дома не хозяин?

– Нет. Ставить интересы поместья на первое место, что и будет должным образом и отражено, и оценено его величеством. Равно как и ваша беспристрастность.

Дан Марк только головой качнул.

– Я надеялся на другое, дан Рокко.

– Понимаю. Но еще раз повторяю, дан Марк, разговор этот должен состояться не сейчас, а через год. А пока... скажите мне, то, что рассказывала дана Адриенна, – правда?

– Я не знаю, что именно она рассказывала.

– Она занимается лошадьми? Выбирает их, покупает, определяет, кого и с кем скрещивать?

– Да.

– Благосостояние вашего замка держится на торговле скотом?

– Лошадьми в основном. Но да, у нас хорошие лошади, у нас козы... мы вычесываем их, торгуем вещами из пуха...

– Адриенна мне и об этом рассказала.

И о том, как все начиналось. И как ее мать восхитилась в свое время пуховыми козлятами, и как теперь этих коз небольшое стадо, и про многое другое...

Лошади более прихотливы, их не так много. А вот козы, птица, рыбные пруды...

Поля в СибЛевране не разглядишь, не та местность, но сделанное вызывало уважение. И как понял дан Рокко, сначала этим занималась эданна Рианна, а потом ее дочь, когда подросла. Дан Марк хорошо торговал, но и только.

Мало ведь продать-купить. Это важно, но надо еще, чтобы кто-то товар вырастил, вычесал, спрял... да много чего в данном случае надо.

Дан Марк скривился.

– Да, это верно.

– На дане Адриенне держится благосостояние поместья. На эданне Сусанне – ничего. Полагаю, она с радостью начнет разбираться в делах СибЛеврана, и тогда...

Дан Марк понял. И поскольку дураком он все же не был, решил более не настаивать.

– Хорошо, дан Рокко. Я принимаю вашу позицию.

– А я скажу так, дан Марк. Я думаю, через год многое изменится. И мы с вами еще поговорим.

– Я запомню эти слова, дан Рокко.

Распрощались мужчины не то чтобы дружески, но и не врагами. И дан Марк отправился в свои покои.

Ему многое предстояло объяснить супруге.

* * *

Оказывается, очень тяжело жить, когда рядом есть кто-то ненавистный. В обоих смыслах этого слова. И когда ты ненавидишь, и когда тебя ненавидят...

Адриенна себя чувствовала отвратительно. Всю жизнь она росла в атмосфере любви и одобрения. Отец ее любил... да, теперь уже навсегда в прошедшем времени.

Рози ее любила, да и любит.

Слуги к ней относились замечательно. А что сейчас? А сейчас – вот... сложности!

Дело в том, что Адриенна через пять лет отсюда уедет. Навсегда. И что тут будет, и как тут будет... раньше-то понятно, она хозяйка, выйдет замуж, сюда и мужа приведет... хозяйке угодать надо.

А кто станет хозяйкой теперь?

Эданна Сусанна, в отличие от девочки, весьма успешно начала позиционную войну. Здесь пара слов, там намек, тут улыбка... и вот уже Адриенну встречают настороженно. И вот уже улыбки сменяются подозрительными взглядами.

А как это – когда ты привыкла, что тебя любят?!

Больно.

Не столько от отношения, сколько от понимания, что это – БЫЛО. Оно ж не на пустом месте выросло, значит, внутри человека так и было. И по головке ее гладили не потому, что она Адриенна, а потому, что она – хозяйка СибЛеврана.

Рози оставалась единственной, кому можно было поплакаться. Она утешала Адриенну, успокаивала:

– Да вы не переживайте так, дана. Вы ж хозяйка...

– А слушаются – эту тварь!

– Не без того. Ну так для всех же ваш отец главный, а она его супруга.

– И что мне делать?

– Да ничего. Со временем все образуется, просто потерпите...

Легко сказать – потерпите...

А терпеть – легко?! Вы сами-то пробовали? Даже падре Санто – и тот повелся на открытые сиськи! Смотрел в вырез наглой бабе так, словно там бог весть какое сокровище, и к ручке прикасался ласково, и на Адриенну поглядел... да, неодобрительно!

Еще и попробовал завести речь о том, что нельзя быть эгоисткой. Нельзя только о себе думать, надо за отца порадоваться, ему такое счастье привалило наконец-то, а она, дочь неблагодарная...

Адриенна пару минут подумала.

Исповедаться? Нет?

Это же падре Санто! Он ее с детства знает, он ее крестил, он... а КАК она ему сможет все рассказать? О СибЛевранах, о Моргане, о черных розах, о помолвке... как?!

И что с ней после такого будет?!

Адриенна поднялась со скамьи, на которой сидела и ожидала.

– Простите, падре, мне не в чем исповедаться.

– Чадо! – ахнул падре. Раньше Адриенна улыбалась, рассказывала ему о своих детских грешках... ну кто ж из детей не шалил? Кто не нарушал правила? Это жизнь, без этого и ребенка-то не будет.

А вот сейчас...

Падре протянул руку, хотел что-то сказать... Его остановил ледяной блеск синих глаз.

– Падре, Он – беспристрастен.

Девочка вышла, держа голову, словно королева. И падре Санто вдруг стало стыдно. Дураком он не был, чего уж там. Много чего рассмотрелся, много навидался, в том числе и вот таких баб, как эта Сусанна. Что бы она ни плела, половину он распознал враньем.

А все же...

Не подумал он о девочке. Подумал он о дане Марке. Вот как ему-то? Подумал, понял, посочувствовал – и поставил его интересы вперед интересов Адриенны. Вот если девочка попробует найти общий язык с эданной... а по-простому, прогнется под ее интересы, поместье ей отдаст, денег даст... тогда эданна родит дану Марку сына, и окрестит его падре Санто, и приезжать сюда будет из года в год, словно ничего и не поменялось, даже когда Адриенна уедет навсегда...

А это – хорошо?! Падре стало стыдно. Но поздно.

Судя по ледяному синему взгляду, его уже не простят. Не смогут.

А что пару часов спустя Адриенна плакала в саду... а этого никто не видел. Значит, и не было ничего. И глаза почти не покраснели... Точно – не было!

* * *

– Сядь, дорогой мой.

Леонардо послушно сел в кресло. Поглядел на мать вопросительно.

– Что случилось? Я хотел по окрестностям проехаться...

– Пф-ф-ф-ф, окрестности. Можешь не спешить, тут, кроме идиотских гор и дурацких лесов, ничего и нет, – скривила губы эданна.

Действительно, ближайший город был в нескольких днях пути. Деревня – сутки. Вот как тут жить благородным людям?

Чем себя развлечь? Свиней, что ли, на скотном дворе, пересчитывать? Или с лошадьми, как эта нелепая девица, возиться?

На лошадях ездят. А копыта осматривать, гривы чесать и прочее... корма еще какие-то, сбруя... это – фи! Это совершенно недостойно!

Эданна Сусанна таким точно заниматься не собиралась, хотя на конюшню и заходила. Регулярно.

– Мам, ты сама за этого дурака замуж вышла, – напомнил сынок.

– Тебе еще раз объяснить, зачем я это сделала? – подняла все еще красивые брови эданна.

– Не надо. Я понимаю, – вздохнул Леонардо. – Но хотелось бы знать, как надолго мы тут застряли.

– А вот это зависит и от тебя.

– От меня?

Сусанна закатила глаза. Сына она любила... наверное. Но иногда мальчик бывал таким непонятливым! Просто ужасно!

– А от кого же? Этот провинциальный пентюх полностью от меня зависит и смотрит мне в рот. Конечно, я смогу его убедить и продать это поместье, и купить дом в столице, и прочее...

– Но?

– Есть еще и его доченька. И поместье принадлежит ей.

Леонардо сдвинул брови.

– Почему?

– Оно переходит в роду по материнской линии. Марк здесь просто приживал.

– Хм...

Сусанна поняла, что именно хотел сказать сынок, и разозлилась. Она-то тоже... приживал при приживале – отличная композиция. Можно сказать, паразит на паразите.

– Можешь не хрюкать. Через пять лет эта сопля выходит замуж.

– За его высочество.

– Если ничего не случится. – Эданна улыбнулась. – Пять лет.

Леонардо дураком не был.

– А что может случиться?

– Что угодно, сынок. В Эвроне свирепствует чума, сам понимаешь... если его величество не выживет, то его высочество и не расстроится.

– То есть?

Эданна Сусанна закатила глаза и принялась объяснять на пальцах.

Невеста наследника престола – это серьезно. Это более чем серьезно. Конечно, соблазнить девушку, оскорбив тем самым его высочество, – попросту смертный приговор. А если речь пойдет о замужестве... ладно. Смертный приговор для него, монастырь для нее. Это понимают все, дураков не найдется.

По счастью, данная невеста наследнику не нужна. И эданна Ческа обещала, если что-то случится, она прикроет прелюбодеев перед его высочеством. Так, что весь гнев падет на невесту. Понятно же, сучка не захочет, кобель не вскочит. Но это перед его высочеством.

А вот для его величества такой страховки нет. Если соблазнение случится и эданна Ческа хоть пискнет – пойдет третьей. Или на плаху, или в монастырь... не суть важно.

Но за пять лет многое может случиться. Может (все мы смертны) помереть его величество. Тогда королем будет Филиппо Четвертый, и он будет рад избавлению от навязанной невесты. И благодарен.

И не только он...

Но готовиться надо заранее. А потому Леонардо предстоит сыграть две вещи. Первая – ссора с эданной Сусанной. Подростки в таком возрасте бунтуют, негодуют... что они еще там делают? Не важно...

Вторая – любовь к Адриенне. Неужели провинциальная сопля не попадется на крючок? Да быть такого не может!

Собственно, первое нужно ради того, чтобы второе наверняка удалось. Ну и поиграть в любовь с наивной девочкой. Поцелуйчики, букетики, стишки... не доводя до главного. А если что...

Тогда – доводя.

– Мам, она ж не полная дура!

– Нет, конечно. Но все женщины в этом возрасте подвержены страстям. Поверь мне, милый, если ты правильно подойдешь к этому делу, девчонка и влюбится, и поместье тебе подарит, и будет умолять его принять. Хочешь?

Поместье Леонардо хотел.

Он Манчини, да, но... но то, что называется выродок. В семье его никогда не признают, денег не дадут, наследство он не получит, а жить как? Самому, что ли, подвиги совершать? А если убьют?

Ну знаете...

Такого парню решительно не хотелось. А тут... надо-то всего лишь обаять деревенскую простушку. И получить благодарность принца – очень вероятную, благодарность эданна Чески – обязательную, ну и поместье в перспективе. Это ж просто замечательно!

Не говоря о приятных сувенирчиках, которые эданна Ческа и так обещала присылать за крохотную помощь. А именно – отчеты о жизни даны Адриенны. Что та любит, чего не любит... такое ведь не скроешь, когда живешь в одном доме с человеком. Сама откровенничать не станет, так слуги помогут. Еще как помогут, и не сомневайтесь!

Определенно, надо попробовать.

Леонардо улыбнулся и кивнул.

Омрачало его жизнь только одно.

– Мам, я...

– Понимаю. Тебе в этом возрасте нужна женщина. Чистая, аккуратная, без претензий.

– Да.

– Я подумаю, с кем тебя свести.

– Тут в замке все старухи, кроме тебя, конечно. А в окрестностях я пока ничего и никого не знаю.

– Так возьми лошадь, покатайся, приглядишься. Конечно, просто так все это сделать не получится...

– Почему?

– Чтобы Адриенна не узнала. Но я полагаю, что договорюсь за пару лоринов. И девка ноги раздвинет, и ее родители счастливы будут.

– И никакого разнообразия.

– А на то есть визиты к соседям, в город, ярмарки...

Леонардо улыбнулся матери.

– Ты у меня уже все продумала?

Эданна Сусанна ответила сыну такой же улыбкой.

– Милый, ну я ведь живая женщина! И мне тоже... много чего нужно. Иди катайся.

Леонардо поцеловал матушке руку и вылетел за дверь. Вот ведь мамаша у него! Чудо! Такой бы полком командовать!

Эданна Сусанна проводила сына взглядом любящей матушки.

Что ж. Немного усилий, и судьба малыша будет устроена, равно как и ее старость. Отлично!

Мия

Эпидемия проходила.

Люди не верили, что уцелели, но в городе вот уже несколько дней не было новых больных. И потихоньку все приходили в себя от пережитого ужаса.

Выходили на улицы, начинали разговаривать, улыбаться... Они живы! Это уже повод для радости.

Вот у Мии поводов для радости не было.

Мама умерла.

Что будет с ней и остальными – неизвестно. Здесь и сейчас они полностью зависят от дядиной милости. А уж что он понимает под этим словом...

Кто-то и корки хлеба пожалеет, а кто-то и добьет. Тоже из жалости и милости, понятно. Так что ничего хорошего от жизни Мия не ждала.

А дядя, как назло, тянул.

Пока вернулись слуги, пока то да се...

Конечно, и брат, и сестры были в шоке. Мария плакала и утешала детей, Мия старалась не рыдать прилюдно. Больно, конечно.

Вдвойне больно оттого, что даже на могилку к матери прийти не получится. Не знают они, где именно похоронена эданна Фьора.

Не знают...

Всех умерших от чумы скидывали в один ров, потом его засыпали... хоть и заплатил Джакомо, но это за священника, за бережное обращение... да и тут гарантий никаких нет.

Оставалось только молиться за ее душу. И за ньору Катарину тоже.

Маленькая Кати, кстати говоря, отлично кушала, очень одобряла козьё молоко, которое начали приносить вернувшиеся в город

молочницы, спала и играла в игрушки. Пыталась улыбаться и начинала ползать. Здоровый и бодрый ребенок.

Мария с удовольствием возилась и с ней. Старшие-то уже от ее нежностей уворачивались, а вот малышке все нравилось. Она готова была и не слезать с ласковых ручек.

Джакомо, кстати, свое слово сдержал.

И как только это стало возможным, пошел оформлять документы. Так на свет появилась дана Катарина Феретти.

А на следующий день после удочерения дан Джакомо пригласил племянницу на беседу.

* * *

Ничего хорошего Мия не ждала. Но в кабинет пришла, чинно села напротив дяди, уставилась в пол.

– Мия, нам надо поговорить о твоей особенности, – шелковым голосом начал дядя.

– Слушаю.

– Можешь не изображать скромницу, я видел, какая ты на самом деле.

Мия только вздохнула.

Ладно, если уж видел... да и какая там скромность во время эпидемии? Выжить бы! В такие минуты настоящий характер и видно, а сейчас его прятать поздно.

Мия посмотрела дяде прямо в глаза.

– И?

– Хочешь узнать, какое я принял решение?

– Хочу.

– Ты девочка умная, понимаешь, что вы сильно зависите сейчас от меня.

– Сильно? – усмехнулась Мия. И получила в ответ такую же усмешку.

– Полностью зависите. Я рад, что ты это поняла. Если я захочу, ты сгинешь на костре, а твои братья и сестры в подвалах.

– Они обычные.

– Да? Жаль... почему так происходит?

– Не знаю, – вздохнула Мия. – Мама была скупа в подробностях, сказала – наследство от прабабки. Проявляется, как цвет волос или глаз, у кого-то сразу, у кого-то никогда.

– Ага...

Тогда, над телом эданны Фьоры, дан Джакомо особенно девочку не расспрашивал. Не до того было. Потом Иларио заболел, дела закружили. А вот сейчас ему стало интересно.

– От прабабки... Твоя мать – тоже?

– Нет. И она, и бабка, все были обыкновенные. Мать считала, что это вообще уснуло. А уж потом, когда меня увидела...

– И когда это произошло?

За эти дни Мия много раз обдумывала, что скажет, о чем умолчит. И легенду для себя продумала как следует. Фантазии у нее всегда хватало.

– Это в детстве проявляется. Но есть одна оговорка.

– Только одна?

– На самом деле – нет. Это может проявляться или в периоды потрясений... только очень серьезных, вот как над телом матери.

– Или?

– Стихийно. Но дело в том, что это как... на это много сил тратится. А если слишком много сделать, можно и в обморок упасть, и умереть, тут есть свои пределы.

– Так. Это понятно.

– У детей сил немного. Поэтому когти или там смена цвета волос – это вряд ли. Может, глаза немного поменяются, но кто приглядываться будет? Может, черты лица... но опять же – ребенок. Серьезно он себе ничего не изменит, а мелочь взрослые и так не заметят.

Дан Джакомо кивнул.

Это как раз было ему знакомо. У благородных ребенок плавно переходил от кормилицы к няньке, потом к учителям и воспитателям... приглядываться? А кому и зачем это нужно?

Своими детьми занимались единицы, в основном в провинции. Но это точно не о его брате.

– Фьора знала.

– Конечно. Она мне и объясняла, что происходит. Немного, правда.

– Ты это контролируешь?

– Частично, – вздохнула Мия, которая контролировала все, и отлично. И могла до десяти минут держать чужой облик без всяких усилий. Но зачем говорить об этом дяде? – Я еще слишком молода. Вот прабабка, говорят, могла многое. Но она и сильной была, и взрослой, а я... я пока не знаю.

– Придется узнать, – жестко произнес Джакомо.

– Что именно? – подобралась Мия.

– Ты не задумывалась... мать тебе не рассказывала, для чего твоя прабабка использовала этот талант?

– Не для добрых дел, – отрезала Мия.

Улыбка Джакомо ей не понравилась.

– Кому-то зло, кому-то добро... мне что главное? Чтобы семья процветала. Ты хочешь, чтобы я вкладывал деньги в Феретти? Чтобы у твоих сестер было приличное приданое? Чтобы они выгодно вышли замуж?

– Хм...

– Тебе я этого не обещаю. Но я правильно понимаю, что ты замуж и не хотела?

Мия кивнула.

– А смерть твоего неудавшегося жениха? Ты не причастна?

Мия посмотрела невинными глазами.

– Его удар хватил...

– С твоей помощью?

– Ну... – замялась девушка. Она понимала, что соврать тут не сможет, но постаралась отыграть для себя шанс. – Он испугался. Сильно.

На тонких девичьих пальцах блеснули острые когти.

– Ты ему это показала?

– Да. И глаза красные сделала. Тут сил много не надо, а страшно...

Джакомо, который это сейчас и наблюдал, кивнул.

– Страшно. Понимаю, почему бедняга помер. Ладно, оно и к лучшему. Итак. Деньги для Феретти, причем ты будешь лично ездить туда с Энцо и все проверять. Приданое для твоих сестер, которое мы начнем откладывать в банк. Деньги лично для тебя – то есть независимость... Хочешь?

– Я должна продать душу? И расписаться кровью?

Джакомо от души расхохотался.

– Нет, Мия. Ты просто должна будешь использовать твои способности. Так же, как и твоя прабабка. Что-то подглядеть, подслушать, принести мне... а дальше – посмотрим.

Мия медленно кивнула. На это она была согласна.

– Я сделаю.

– А чтобы у тебя это хорошо получалось, ты будешь учиться.

– Учиться? Чему?

– Использовать твои способности – это первое и самое главное. Правильно одеваться... мы тебе поменяем гардероб. Это второе. И еще кое-каким полезным вещам.

Мия задумчиво кивнула.

Что ж. Учиться она согласна. Да и ничего такого уж страшного дядя не предлагал.

Это можно было делать прабабке? Значит, и ей не зазорно! А моральная сторона вопроса Мию вообще не интересовала.

Угрызения совести?

Сомнения и колебания?

Ответственность перед другими людьми?

Даже не смешно! Нет у Мии никаких сдерживающих факторов. У нее есть Энцо, есть сестренки, есть даже маленькая Кати. И Мария, которой хорошо бы дать денег, чтобы на старости лет служанка ни в чем не нуждалась. Ее и так из дома не погонят, но когда у тебя есть капиталец на старость, оно куда как легче дышится.

А еще сам дядя...

После эпидемии Мия относилась к нему намного лучше. Ведь не бросил же! Не выгнал!

Ухаживал и за эданной Фьорой в том числе! Пока еще не до конца свой, но относиться к нему Мия стала намного лучше. И даже сейчас... ну что такого-то?

Думает он, как ее способности использовать? И пусть думает, он же собирается с ней делиться, а чтобы раздел прошел честно, она проследит.

Только еще одно...

– Лаццо.

– Что с ними не так?

– Я не хочу, чтобы кто-то, кроме вас, знал о моих... способностях. Джакомо даже рассмеялся.

– Я хотел сказать тебе то же самое, племянница. Знать должны ты и я. И этого уже много.

– Знает один – не знает никто. Знают двое – знает и свинья, – припомнила Мия поговорку. Джакомо кивнул.

– Вот именно. Нам свиней не надо, а потому – молчи. Даже со своими молчи... они точно обыкновенные?

– А вы сами за ними понаблюдайте, дядя. Увидите же...

Джакомо задумчиво кивнул.

И понаблюдает, и подумает. Но тут Мия ничем не рисковала. Младшие пока еще не повзрослели, у них это проявиться не должно. А вот сама Мия за ними последит.

Внимательно так, пристально...

Дяде она все равно до конца не доверяла. И помнила, с чего он начал разговор. Кнут у него есть. И... держать он ее будет крепко. Не только пряником.

А значит – что?

Надо серьезно подстраховаться. Это Мия преотлично понимала. И насчет денег все верно, и надо узнать, чем дядя занимается, чем он действительно зарабатывает, на чем зиждется его благосостояние...

Нет, простой торговлей столько не заработаешь. Дядя хоть и старается не выделяться, но сейчас, осмотрев весь дом, порывшись в шкафах и сундуках, оценив драгоценности ньоры Катарины, Мия понимала – есть у него свои скелеты в шкафу.

Какие?

Узнает. Всему свое время, она все разузнает.

А пока она может сделать только то, о чем попросила ее мама. Защитить младших. Не дать им ни во что влезть. А когда они повзрослеют, Мия и последит, и о метаморфах расскажет. Такое надо знать. Обязательно.

Мало ли что прорежется, у кого прорежется, если уж она... она получилась именно такой, то вдруг дети у Серены или Джулии тоже будут такие? Или у Энцо?

Младшим надо будет все знать.

Но – потом...

А если уж заглянуть в глубину души Мии...

Если не прикрываться фиговыми листочками рассуждений о защите родных и близких...

Ей это нравилось.

Мие хотелось приключений, хотелось чего-то нового, интересного, любопытного... ну что за жизнь ждала благородную дану? Совершенно неинтересная!

Муж, семья, дети, роды, хозяйство... и дальше что?

А что предложит дядя?

Наверняка это будет не особенно законно, опасно, даже страшно. Но – предвкушение приключений заставляло девушку даже поджимать пальцы на ногах.

И в животе поселился веселый холодок.

И...

Интересно же! Понимаете?

Интересно!

Это настоящая жизнь! Это не медленное умирание в четырех стенах! И Мия улыбнулась дяде.

– Я буду учиться, дядя. И помогать вам буду. Но младших не трогать. И знать они ни о чем не должны.

– Договорились.

– По рукам.

И маленькая ладошка утонула в руке Джакомо. Ради смеха Мия сделала красные глаза и прищурилась на дядю. Джакомо, к его чести, даже не дрогнул.

– А черные?

– Пожалуйста.

– Фиолетовые? Такие... пронзительные?

Мия легко меняла цвета глаз. Минуты три. А потом вздохнула.

– Тяжело.

Джакомо кивнул.

– Ладно. Разберемся. И тебе в комнату нужно зеркало. Большое.

Мия вспомнила про какие-то особенные зеркала, но решила не передавать дяде маминых слов. Вроде как эти зеркала и так редкие.

Обойдется!

Да и лишний козырь в рукаве не помешает!

Мию ждала новая и чертовски интересная жизнь.

Адриенна

Эданна Сусанна выглядела так... кажется, сейчас у нее клыки изо рта полезут. Адриенна даже отступила на шаг. Но куда там!

Догнали!

– Ах ты, гадина!

– Я?! – изумилась Адриенна.

– Ты! Ты сейчас же напишешь его величеству! Поняла?!

– Нет, – честно созналась девушка.

– И будешь умолять оставить эту землю Марку!!!

Эданна Сусанна едва огнем не дышала. Адриенна наконец-то сообразила, в чем тут дело, и зло, неприятно рассмеялась.

– Что, думала – бобра убила, а оказалось – крыса?! Обойдешься без моих земель, дрянь!

А вот опыта потасовок у Адриенны не было. Бабских, грязных. Поэтому она даже слегка удивилась, когда эданна крепко ухватила ее за косу.

– Я с тебя сейчас, сучка мелкая, шкуру спущу! Плетью!

Адриенна и не думала вырываться. Вместо этого она подняла брови.

– И что? Даже если ты меня сейчас с лестницы спихнешь, мои земли отойдут короне. Поняла, шлюха? Ничего ты не получишь, ни для себя, ни для сыночка! Мигом король всем завладеет, а ты будешь собой на дороге торговать!

Х-хэсь!

Оплеуха прозвучала звонко. На щеке Адриенны мигом вспух синяк. Девочка даже ахнула.

Ее в жизни никто и никогда не бил. Та пощечина не в счет, отец и сам не хотел. Он больше растерялся, чем дочь. А тут вдруг... такое?!

Впрочем, чтобы ударить, эданне Сусанне пришлось выпустить из рук черные пряди, и Адриенна тут же этим воспользовалась. Не для удара.

А вот не начинай драку на лестнице, помни, что спихнуть тебя проще, чем поколотить. Что Адриенна и сделала. Просто сильно толкнула эданну в грудь.

Та завизжала и покатилась вниз по ступенькам.

Девушка на долю секунды прижалась к стене.

Холодно. Холод проникает внутрь, холод охватывает тело, холодом сковывает душу. Холод...

И разворачиваются за спиной черные незримые крылья.

Эта. Тварь. Осмелилась. Поднять на Адриенну руку!

За такое она повинна смерти! Но здесь и сейчас Адриенна не может привести приговор в исполнение. Придется обойтись чем попроще.

Ложь? Это еще как посмотреть...

Адриенна легко сбегала вниз по ступенькам.

– Лекаря! Немедленно!!!

И вовремя. В зал неслись все обитатели СибЛеврана. И в первых рядах дан Марк, дан Рокко и Леонардо. Ох и будет же сейчас визга...

* * *

Из списка повреждений. У Адриенны – синяк на всю щеку и рассеченная губа. У эданн Сусанны – синяки и шишки. Легко отделалась. И не так высоко было, и лестница не слишком крутая, и эданна достаточно мясистая. Так что страдала она громко, но зря.

Неудачное она выбрала время для нападения.

Если бы несколькими днями позже, когда сопровождение уедет. Если бы...

Но дан Марк «обрадовал» супругу, та с трудом дождалась, пока любимый уснет, и вышла якобы водички попить. Или еще что...

Не важно.

А вот что она напала на Адриенну... но тут было слово против слова. К сожалению, свидетелей не оказалось.

– Что произошло?! – Дан Марк нежно баюкал супругу на коленях. Адриенна злорадно подумала, что через пару лет эданна на его коленях просто не поместится. Расползется, как квашня.

– Твоя супруга налетела на меня, хотела, чтобы я переписала СибЛевран на ее сына, а когда я отказалась, ударила. – Адриенна повернулась синяком к свету. – Я оттолкнула ее, но неудачно, эданна потеряла равновесие и свалилась с лестницы.

– Вранье!!! – завопила Сусанна.

Адриенна изобразила оскорбленную невинность. Положим, вранье. Но ведь не все же? Частично!

– Я вышла из комнаты, а твоя дочь на меня напала! Стала оскорблять! Столкнула с лестницы!!!

Стонала эданна вдохновенно. Но не для той аудитории.

– А потом сама себя личиком о стену приложила? – уточнил скептически капитан сопровождения, дан Фабио Басси.

Дан, правда, безземельный, всего и добра, что титул, а так чуть ли не сами земельку пахнут, но ведь дан!

– Может, и сама, откуда я знаю! – взвизгнула Сусанна. – Я себя плохо чувствую! Я могла что-то сломать...

– Тогда б ты и визжала потише, – проворчала Адриенна.

– Гадина! А если бы я была беременна! Ты мне за это ответишь!!!

– За несуществующего ребенка?

– Прошу всех помолчать. – Дан Вентурини не собирался выслушивать споры и склоки. – Дана Адриенна, вас не затруднит подойти к свету?

– Пожалуйста, дан.

Адриенна и подошла, и повернулась.

– Ага... вижу. Простите, дана...

Адриенну ловко усадили в кресло, и дан Рокко шагнул к эданне Сусанне.

– Вашу ручку позвольте. Правую, ага...

– Что...

Эданна слишком поздно сообразила, что происходит. А тем не менее...

Колечки-то на ее руке были. Те самые, которыми она содрала кожу на лице Адриенны. А любые раны на лице начинают кровоточить быстро и обильно.

Вот и запеклась кровь на полной ручке. Это при том, что эданна даже носа себе не разбила. Синяки были, а вот царапин не было. Не на руках...

– Два кольца, две ссадины. Дана Адриенна не врет, вы действительно ее ударили.

Эданна Сусанна обвела окружающих беспомощным взглядом. Поняла, что может рассчитывать лишь на двоих из присутствующих, и изобразила беспомощность.

– Я... я случайно!

Из присутствующих ей поверил только дан Марк. Но всем стало как-то сразу ясно – мира и спокойствия в доме не будет.

* * *

Поздно ночью из спальни Адриенны выскользнула тень.

Накинув плащ прямо на ночную рубашку, девушка отправилась перепрятывать ларец с маминым наследством.

Настоящим наследством.

Кстати – на ее кольцо никто и внимания не обратил. Права была Моргана...

Магия!

Риен, оглядываясь, дошла до часовни. Падре Санто пока не заметил, но надо поторопиться. Вот и ларец. Небольшой совсем, аккуратный. К чему громадная коробка для трех маленьких предметов? Письмо, платок, кольцо...

Адриенне ее и нести легко было.

А вот где хранить...

Девушка уже продумала этот вопрос. И даже украшения матери уже туда отнесла.

И вышла из замка, стараясь не попасться никому на глаза. Она шла в глубину сада, к старому колодцу. Зброшенному очень и очень давно – пересох, вот и оставили его в покое. А засыпать почему-то не стали. Так, крышкой сверху прикрыли, чтобы никто туда не провалился.

Адриенна сдвинула эту крышку, пыхтя от натуги. Тяжелая, зараза, деревянная...

В саду было темно, но видела она вполне хорошо. Грех не воспользоваться. Если бы она взяла свечку, ее могли бы заметить, а так вряд ли. Плащ темный, ночь темная...

Адриенна ловко перекинула ноги через край колодца. Развернулась – и спустилась чуточку пониже, цепляясь за каменную кладку. Ларец в это время стоял на бортике.

Вот и нужное место.

Кто пролезет везде и засунет свой нос в каждую дыру?

Конечно, дети. Адриенна играла и с Марко, и с Антонио, а мальчишки есть мальчишки. Когда они перестанут искать приключений на свою голову, мир перевернется. В колодец они тоже хотели слазить, но не успели. Только крышку сдвинули, и тут их поймали. Выпороли, конечно...

Адриенну не тронули, но выговор отец ей учинил.

Будем надеяться, он сейчас и думать забыл про тот случай. А она вот отлично помнила и старую кладку, и несколько выпавших кирпичей...

Ларчик встал в выемку. Девушка задвинула его подальше, потрогала соседние кирпичи.

Прочно стоят.

Что ж, это не навсегда. Когда она будет уезжать отсюда...

Адриенна едва справилась с неожиданно накотившей тоской и полезла из колодца. Снова задвинула крышку, довольно кивнула.

Теперь домой.

Да так, чтобы ее не увидели и не слышали. И – спать.

Мия

Лаццо.

Мия раньше не встречалась ни с Фредо Лаццо, ни с Паскуале. Но после эпидемии и тесть, и зять пожаловали в дом к Джакомо.

Мия как раз распоряжалась на кухне. Выглядывать она не стала, не ее дело, тем более и кухарка, услышав знакомый голос, расплылась в улыбке.

– Ньор Лаццо! Радость-то какая!

– Ньор Лаццо? Ах да... – припомнила Мия. – Старший или младший?

– Кажись, оба. Дана, давайте я грибы спроворю, мои грибочки в сливках ньоры очень уважают...

Иди, мол, девочка, не мешайся под ногами. Меню мы с тобой согласовали, а вот сейчас от тебя толку чуть. Кухарка и сама справится.

Мия это отлично понимала. И в гостиную тоже не полезла.

Дан Джакомо как раз был дома, так что он и встретил гостей, и сейчас мужчины о чем-то разговаривали...

Подслушивать девушке неуместно. То есть она бы и не против, но дверь гостиной была приоткрыта, так что незаметно присоединиться к беседе не получилось бы.

Мия махнула рукой, прошла мимо и отправилась в детскую.

Ненадолго.

Стукнула дверь, на пороге показалась служанка.

– Дана Мия, дан Джакомо просит вас спуститься к гостям.

– Минуту, – откликнулась Мия. – Только меня – или Энцо тоже?

– Только вас, дана.

– Хорошо, сейчас приду.

– Можно подумать, я маленький, – надулся Лоренцо.

Мия взъерошила брату волосы, поцеловала его в лоб.

– Энцо, неужели ты не понимаешь?

– Чего?

– Им не я нужна. Ну то есть не дана Феретти, а свидетельница последних дней ньоры Катарины. Они со мной теперь о ней захотят поговорить.

– А-а... – сообразил Энцо. И мигом перестал проситься. Это дело такое, тут он не помощник. И не стоит даже лезть в такие дела.

Мия подошла к зеркалу, поправила еще раз волосы, разгладила оборку на платье.

Идти не хотелось, но – надо. Есть вещи, которые человек сам себе должен, не то и человеком-то он быть перестанет.

А вот насколько она человек?

Сложный вопрос. Но даже метаморфу не обязательно быть свиньей.

Мия улыбнулась своим мыслям и спустилась вниз.

Лаццо ждали ее в гостиной. Фредо – массивный, шкафообразный мужчина с роскошной бородой, одетый в шикарный дублет из коричневого бархата, отделанный мехом норки гаун, – приподнялся ей навстречу. И даже чуточку поклонился.

– Дана Феретти.

Его сын, Паскуале, копия отца, только моложе, повторил движение за Фредо. Но промолчал. Мия в ответ склонила голову.

– Дядюшка. Ньоры...

Она могла бы и того не делать, она дана. Но здесь и сейчас она показывала уважение к старшим. Мужчины поняли правильно.

– Дана, прошу простить, если отвлек вас от дел, – начал Фредо. Голос у него был низким, звучным, черная борода закрывала всю нижнюю часть лица, губ в ней практически и видно не было. – Дан Джакомо рассказал мне, что вы до последнего ухаживали за моей несчастной дочерью...

Мия кивнула.

– Да, так и было.

– Не могли бы вы поведать мне о ее последних минутах? Прошу вас. Я не мог быть рядом с моей Кати...

На дана Джакомо Мия не смотрела. Может быть, его специально так усадили, чтобы проследить именно за девушкой? Что она будет делать, что говорить...

Но Мии нечего было скрывать, бояться или стыдиться. Здесь и сейчас – нечего.

– Ньор Лаццо, я действительно ухаживала за ними. За вашей дочерью и за своей матерью.

– Прошу вас, дана...

– Когда вспыхнула болезнь, практически все слуги разбежались. С нами остались двое. Служанка моей матери – Мария. И слуга дана Джакомо – Иларио.

– Всего лишь двое?

– Мне сложно осуждать слуг. У многих есть свои семьи, дети, – напомнила Мия прописную истину. Ньор Лаццо медленно кивнул.

– Так...

– Ньора Катарина и моя мать заболели почти одновременно. Мы с даном Джакомо приняли решение. Мы заперли детей в отдельных комнатах, вместе с Марией, чтобы хоть как-то защитить их от заразы, и я три раза в день приносила им еду. А сами мы остались. Ухаживать за больными, ну и вести хозяйство, как получалось. Не стану гордиться собой, я плохо готовлю да и стирать не умею. Но я старалась. Лекарь осмотрел больных... вы знаете, ньор, что при чуме набухает бубон?

– Да.

– У ньоры Катарины этого так и не произошло. Лекарь сказал, так тоже бывает. Посоветовал ставить ей клизмы, чтобы очистить тело от дурных соков, давать рвотное... я не давала, их и так рвало, обеих. К

сожалению, это не помогло. Ньора Катарина умерла первой. У моей матери бубон хотя и вздулся, но не прорвался. Дядя пригласил лекаря, тот проколол бубон, но это тоже не помогло. Моя мать... тоже умерла.

– Я вам очень сочувствую, дана.

Плох тот купец, который не определит проданного вранья. Вот и сейчас: Фредо преотлично видел, что девочка ему не лжет. Даже, скорее, преуменьшает свои действия. Это она так, в двух словах сказала, что готовила, стирала, что слуги разбежались. А на деле-то как?

– Иларио вам не помогал со стиркой?

Мия качнула головой.

– Я сама стирала. Дядя и Иларио выжимали простыни, развешивали их в садике, чтобы те быстрее высохли. Больные много потели да и ходили под себя. Приходилось часто обтирать их, менять пеленки...

– Вы сами это делали?

– Мы все делали, – просто ответила Мия. – Слуги-то разбежались. Мы дежурили по очереди, чтобы не свалиться. Я, дядя, Иларио... его ужасно жалко. Он заболел последним и умер буквально за пару дней. Сгорел словно свечка.

– Преданность так редка в нашем мире, дана...

– А Господь забирает лучших. Видимо, туда ушло столько дряни, что срочно нужен противовес, – вздохнула Мия.

Все она понимала, но откровенничать сверх меры не собиралась. Вот еще не хватало!

Ньор Лаццо понял это.

– Дана, вам не противно было ухаживать за моей дочерью?

Мия посмотрела на мужчину как на сумасшедшего. Причем буйного. Едва удержалась от простонародного жеста...

– Ньор, вы сейчас вот это серьезно говорите?

– Простите, дана. Дурак я старый.

Мия только что головой качнула.

– Вам и до старости, и до дурака – что мне до короны. Стыдно, ньор Лаццо.

Пристыдить купца было нереально. Но...

– А ваш брат не помогал?

– Поймите меня правильно, ньор. Энцо рвался помогать, – честно сказала Мия. – Но он – наследник Феретти. И у него есть две сестры, которым он нужен. Я могу себе позволить заболеть и даже умереть. Он – не может. Он мужчина. И... я благодарна вам за его обучение.

– Обучение – у купца?

– Разве знания бывают лишними, ньор? Пусть мой брат учится делать деньги, ему много потребуется. Поместье развалено, сестрам нужно приданое...

– Вы чудесная девушка, дана Мия.

Мия промолчала в ответ на комплимент.

Чудесная, еще там какая...

Да о чем вы, ньор? Она просто сделала так, как будет рациональнее всего. И... она метаморф. Она практически не рисковала заболеть. Это дядя герой, и Иларио...

А она – что?

Она поступила правильно, вот и все. Она бы и мать не бросила, и тетку... какая разница, за сколькими ухаживать?

Но объяснять это ньору она не станет. Ни к чему.

Да и не требовалось ему это объяснение.

– Дана... уж не побрезгуйте принять?

На колени Мии опустился футляр из гладкой черной кожи. Девушка раскрыла его.

– Боже!

Лежащим внутри гарнитуром и королева не побрезговала бы.

Жемчужное ожерелье, браслет, серьги и нити для волос. Все из некрупных розоватых жемчужин. Цена... лучше о ней даже не думать. Но...

– Ньор, я не могу это принять.

Ньор Лаццо опустился на колени перед девушкой. Взял ее руки в свои. Лица Мии и Фредо оказались практически на одном уровне. Глаза впервые встретились.

И Мия пожалела старого купца.

Он действительно любил дочь.

Вот такую, какая она была, страшненькую, склочную, с плохим характером, он горевал о ней, тосковал... и это не оплата была. Нет.

Это было скорее...

– Я ведь не благодарю вас деньгами, дана. То, что вы сделали, никаким золотом не отмерить. Это память... Кати хотела бы этого.

Мия кивнула.

Такое она могла и понять, и принять. Так – правильно. Но есть кое-что еще.

– В нашем доме есть Катарина, ньор Лаццо. Дядя не рассказал вам, что удочерил малышку и дал ей имя в честь супруги?

Судя по удивлению в глазах мужчины – нет.

– Дана?

– Когда мы хоронили ньору Катарину. У малышки умерли родные, останься она рядом с мертвой матерью, тоже умерла бы. Дан Джакомо забрал ее и сказал, что одну Катарину небо отняло, вторую послало.

Все было не так, конечно. И Мия приврала. Но – какая разница? Зато здесь и сейчас малышка Кати стала своей для Лаццо. А это важнее.

Фредо оглянулся на зятя.

– Джакомо?

Дан пожал плечами, разглядывая угол комнаты с крайне независимым видом. Наверное, увидел там что-то очень интересное.

– Кати всегда хотела детей.

– Я всегда мечтал о племяннице, – подал голос Паскуале.

– А я – о внучке, – согласился Фредо. И поднялся с колен. – Спасибо вам, дана.

– Сейчас малышка с Марией. Няне в радость повозиться с маленькой, – улыбнулась в ответ Мия. – Приказать принести?

– Если не спит, – нахмурился Джакомо.

– Я узнаю.

– Вот и будет у нас девочка, – улыбнулся Фредо. – А то сын мне одних парней наделал!

Маленькая Кати окончательно и бесповоротно стала Лаццо.

Мия быстро сбегала наверх, и вскоре спустилась вниз Мария, с малышкой на руках, наполнилась суетой и улыбками гостиняя...

Джакомо поймал племянницу за руку, когда та решила оставить семейство Лаццо.

– Спасибо, Мия.

Девушка только головой качнула. Мол, и так в расчете.

– Готовься. Я договорился, послезавтра поедем учиться.

– Хорошо, дядя.

Учиться? Не то чтобы Мии этого хотелось. Но, надо полагать, глупостей дядя не предложит? Не такой он человек...

– И еще раз повторю – я тебе благодарен. А жемчуг возьми. Так правильно будет.

– Хорошо, дядя.

– Себе не захочешь, так кому из сестер отдашь. Или жене брата подаришь. Женится ведь он рано или поздно.

– Да, дядя.

– Иди, детка. Спасибо тебе...

Джакомо проводил задумчивым взглядом тонкую девичью фигурку.

Задумано-то хорошо. А вот как выполняться будет? Умненькая девочка. Очень умная и очень расчетливая. Как бы не обернулась его идея да против него...

Но что уж теперь?

Только исполнять!

Глава 9

Мия

Учеба!

Как относиться к процессу, каждый решает для себя. Но Мии все невероятно нравилось. Учили-то ее не Закону Божьему. И падре Сильвано Библию не читал. И правописанием ее не мучили.

Вместо этого с утра дядя Джакомо попросил Мию одеться попроще, и они пошли пешком.

Без паланкина.

Без кареты.

Дана на улице – жуткое нарушение приличий. Но Мии все нравилось. Даже грязь, которая покрывала мостовые. Она впитывала шум города, запахи, улыбалась ветру с реки, смотрела на дома и людей...

Просиди несколько месяцев в одном и том же дворе! Так еще и деревья обнимать начнешь!

Сначала их маршрут пролегал по центральным улицам, но потом Джакомо свернул в один переулок, во второй... Двое мужиков сомнительного вида отделились от стены, качнулись дубинки...

Джакомо вскинул руку.

– Меня Комар ждет.

Дубинки опустились.

– Жужжишь? – уточнил один из мужиков.

Мия занервничала. Но...

– Я не из тех, что жужжит, я из тех, что жалит, – отрезал Джакомо, особым образом складывая пальцы. И прошел мимо мужиков, как мимо стенки. Мия последовала за ним. И не удержалась.

– А кто это? Или что?

Джакомо качнул головой.

– Я объясню дома, детка. А здесь и сейчас не задавай вопросов. Лучше один раз увидеть.

С этим Мия была согласна. И... здесь ей тоже было интересно.

И когда они прошли в арку, и когда постучались в дверь одного из множества домов, и когда вошли внутрь... дом, снаружи чуть ли не ветхий и рушащийся, тоже оказался непростым.

Первые две комнаты – грязь и нищета. А в третьей – королевская роскошь.

Дальше они не проходили, но Мии и того хватило.

Роскошные ковры, в которых нога по щиколотку тонет... и они, в обуви, заляпанной уличной грязью.

Портьеры из бархата... страшно подумать, сколько за локоть стоит... кресла из красного дерева, столик... и все это украшено изящной резьбой...

Слов не было.

Хозяин апартаментов тоже себя ждать не заставил. Джакомо преспокойно уселся в кресло, Мия осталась стоять. А через несколько секунд открылась дверь напротив той, через которую они вошли.

Мужчина, который появился в комнате, выглядел совершенно... непримечательно. Средних лет, совершенно средней внешности, лицо – словно черты ластиком стерли, глаза невразумительно-серые, волосы условно темные...

На улице встретишь – и мимо пройдешь. Просто не заметишь.

– Комар, – приветствовал его дан Джакомо. – Рад, что ты еще жив.

– Удав, рад тебя видеть. Хорошо, что ты жив, но твою супругу жалко. И Иларио.

– Мне тоже. Но я нашел ему замену.

– Вот как? Не ей? – ехидно поднял брови Комар.

Джакомо даже обиделся.

– Ты думаешь, я привел бы к тебе обычную девку? Свои постельные дела я и без тебя устрою. А это – Мия, моя племянница. Ее мать тоже умерла во время чумы.

– Сочувствую, – равнодушно ответил Комар. – И? Девочка хорошая, но, может, ее к Цветочнице? За такую на аукционе дорого дадут.

Мия вздрогнула.

В том, как Комар смотрел, как обсуждал ее будущее, было нечто жутковатое. Нечеловеческое. Или наоборот? Просто этому человеку было на нее наплевать.

Она товар. И только.

– Ее не надо к Цветочнице. У нее талант, – спокойно ответил Джакомо. – Мне надо, чтобы ее Рухлядь поучил. И Сундук.

– Ты серьезно?

– Вполне. А там посмотрим... Шило еще работает?

– Да. Но стоит он дорого, сам знаешь.

– Знаю. Поговорю и с ним.

– Оплата?

– С меня возьмешь.

– А если делом?

– Что надо? Шуршалки, звенелки или затычку?

Мия и половины слов не понимала. Это уж потом... Шуршалки – бумаги. Звенелки – украшения. Затычка – и кому-то предстоит навсегда покинуть этот мир. И заткнуться, конечно.

– Шуршалки. Хорошо, это не при девочке. Я сейчас позову Сундука. Рухлядь помер во время мора...

– Ох, жалко-то как.

– Самому жалко, неоценимый человек был. Но, может, Ширма его заменит. Посмотрим... Сейчас отправим твою девочку к Сундуку и поговорим.

– Мия, ты сейчас идешь куда скажут и делаешь что скажут. Вечером я приду за тобой.

И что могла сказать в этой ситуации благородная дана?

Только одно.

– Да, дядюшка Джакомо.

Мужчины переглянулись – и заржали.

* * *

Сундук оказался невысоким и плотным человечком лет сорока на вид. Карлик, похоже, или просто очень невысокий? Мие он приходился по плечо...

– Так, девочка. Иди сюда... Мия тебя зовут?

– Да.

– Пока побудешь Мией. Там посмотрим, какое имя к тебе прилипнет.

Мия промолчала.

– Ручки покажи. Вот так, теперь ладонями кверху... ну что? Пальцы дай сюда... – Несколько минут мужчина мял ее ладонь и пальцы, потом кивнул. – Отлично. Ручки в самый раз, пальчики гибкие, аккуратные... сойдет! Вот, смотри, как их разминать надо. Будешь так делать каждое утро и каждый вечер.

Мия послушно кивнула.

Пальцы ей мяли и выкручивали самым прихотливым образом. Так, что суставы хрустели и пальцы сводило судорогами. Но Мия терпела. И едкую мазь тоже.

– Намажешь на ночь, спать ляжешь в перчатках. Это для чувствительности пальцев.

– Хорошо.

– А теперь смотри. Это – отмычки.

Перед носом Мии появилась связка с железками странного вида. Изогнутыми, крючками, палочками, Мия даже головой помотала.

– И... и что?

– Видишь замок?

Замок Мия видела. Красивый, кованый, такой не откроешь.

Или?..

Сундук положил его на стол.

– Подергай, посмотри. Не лью воды?

Мия уже поняла, что изъясняются эти люди самым прихотливым образом. Подергала замок, повертела в руках.

– Н-нет...

– Закрыт?

– Да.

– Смотри.

Блеснула в пальцах искусника отмычка. И через пару секунд замок раскрылся. Щелкнув, отскочила дужка... Мия захлопала в ладоши.

– Я тоже так смогу?

– Если научишься. И если талант есть.

– Учиться буду, – серьезно пообещала Мия. Кто ж откажется? А талант... тут она точно не знала. Может, и есть. А если нет? Тогда вдвойне учиться!

– Что это за место? Дядя?

Джакомо, который шел рядом с Мией, усмехнулся.

– Грязный квартал.

– Я заметила, что там грязно.

– Не в этом смысле. Хотя и в этом тоже. Там живут воры, убийцы, шлюхи... все те люди, которых не желает признавать его величество.

Мия вздохнула.

Да, она знала, что такие люди есть. Ну... не всем же повезло родиться данами. И потом еще как и что будет? Вот дан Джакомо... он ведь тоже дан, а разговаривает здесь, как свой, и слова употребляет... она половины не поняла.

– Дядя, вы мне можете рассказать подробнее?

– Да, Мия. Местные обитатели создали нечто вроде братства. Помогают друг другу как могут... жрут, конечно, друг друга тоже частенько. Но все же... Комар, к которому мы шли, – один из местных... данов, наверное. У них город поделен на кварталы, в каждом квартале свой дан, и тот, кто желает промышлять на его территории, отчисляет дану десятину.

– А если нет?

– Убьют, – просто сказал Джакомо. – Столица – место выгодное, абы кому здесь промышлять не дадут.

– Ага.

– Опять же, его величеству выгодно, когда все это в одном котле варится, а не расплзается по всей столице. Тут с ними и договориться можно, и прижать, если нужно...

– Примерно мне понятно. Дядя, а как вас туда занесло вообще?

Джакомо только фыркнул.

– Мия, как ты думаешь, дану приятно быть на побегушках у купца?

– Ну... вряд ли.

– Вот я и принялся искать обходные пути. Комар, кстати, тогда тоже низко летал, это сейчас он поднялся, а тогда обычным карманником был, кошельки щипал.

– Понятно.

– Есть ситуации, с которыми им сложно справиться. А мне, соответственно, проще. Есть и наоборот. Иларио, кстати, был отсюда родом, мне без него сложно придется.

Мия задумчиво кивнула.

Что ж, ничего удивительного... если рассуждать дальше...

– Не вы один с ними сотрудничаете, правильно?

– Абсолютно верно.

– И чего они хотят за обучение?

Джакомо улыбнулся вполне одобрительно. Племяншка поймала самую суть. Бесплатно никто работать не будет, а если так...

– Не денег.

– А что именно?

– Поможешь мне в одном деле.

– Но я не умею, – растерялась Мия.

– Невелика премудрость. Научишься. И делать-то ничего особенно не придется. Сундук тебя учить начал?

– Да, дядя.

– Вот и замечательно. Думаю, дней десять тебе для начала хватит, а потом попробуешь поработать.

– Что именно нужно будет сделать?

Мия понимала, что это будет нечто противозаконное. Но... какая, собственно, разница? Свое положение она оценивала вполне четко. И... если что, метаморфы прекрасно умирают. Как и обычные люди. Дяде сейчас проще ее убить, чем... чем – что?

Смерть, помойка, где все равно придется заниматься тем же самым, или работа под дядиным руководством?

Последнее, определенно, было выгоднее.

– Выкрасть бумаги. Я скажу тебе, где они лежат.

– Но... как?

– Доверься мне, я все устрою. В дом ты попасть сможешь, остальное... разберемся.

– Да, дядя.

Что ж. Так тому и быть.

Адриенна

Леонардо вот уже минут десять наблюдал за девчонкой, которая расчесывала коню гриву. Скребницей она по его бокам уже прошла,

и довольный конь переступал с ноги на ногу, подставляя Адриенне то один бок, то другой.

Грива струилась шелковистыми прядями.

Да, конь был хорош.

Мощный, красивый, с широкой грудью, здоровущими копытами... племенной.

А вот сама девчонка – так, средне. Рост невысокий, от мальчишки только волосами и отличается. Коса знатная, но что в ней толку? Леонардо женщины нравились вроде его матери. Такие... обширные. Чтобы и сверху было что-то, и снизу, а эта... глянуть не на что.

Лицо вроде симпатичное, но какое-то странное, глаза красивые, но холодные... куда ни ткни – хорошо, что с ней спать не надо.

А с другой стороны, влюбить в себя такое сокровище – тоже вопрос. Ее ж за руку держать надо, целовать, интерес изображать...

Но ради поместья?

Ради королевских милостей?

Можно и пострадать...

И Леонардо уверенным шагом направился к Адриенне.

– Дана, вы позволите вам помочь?

Адриенна, которая что-то мурлыкала коню, обернулась. Улыбка пропала с ее личика.

– Нет.

– Дана, неужели я вам так противен?

– Именно.

Ответ был холодным и равнодушным, но Леонардо сдаваться не собирался. Вот еще не хватало. Перед ним и не такие ноги раздвигались, а эта сопля нос воротит? И она не устоит!

– Дана, я ведь не виноват, что моя мать вышла замуж за вашего отца. Мне это тоже не нравится.

– Я вижу.

– Мы прекрасно жили при дворе! А в результате я заперт в деревне! Здесь нет ни театров, ни комедий, здесь тихо и скучно для меня... поймите же! Вам было тяжело при дворе?

– Да.

Пока ответы были односложными, но Леонардо это не смущало. Адриенна могла отделаться от него только одним способом – не

разговаривать. Она так не поступила. Остальное – дело времени и техники.

– А мне тяжело и неуютно здесь, в деревне... Вот что вы делаете?

– Вы не видите?

– Я понимаю... и конь – благородное животное. Но дальше-то что? Вот так постоянно?

– А надо, чтобы как при дворе? Балы, вечера, прочая пакость?

– Чем же это пакость? Дана, вы хоть на одном маскараде были?

– Нет.

– Вы многое потеряли...

Вот что-что, а говорить Леонардо умел. Придворный же!

Для них хорошо подвешенный язык – не роскошь, а необходимость. Так что Леонардо пустился в описание бала-маскарада.

Он рассказывал, как бал начинался во дворце, как переодевались король с принцем, какие костюмы были у придворных, какие номера они представляли, рассказывал, как одна неосторожная эданна подпалила юбку. Ее потушили, конечно, но ведь какой позор!

Какие маски делались для балов, как веселье постепенно выплескивалось из дворца на улицы, как присоединялось простонародье, как катались по реке в лодках, как выбирают короля и королеву вечера...

Адриенна слушала.

С этой стороны она двор не знала. Красиво, конечно. Интересно, любопытно, жить там все равно не хочется, но посмотреть...

Да, жаль, что она этого не видела.

Конечно, и Леонардо немножко жаль. Привыкнув ко всему этому шуму и гаму, он оказался в изоляции. Обидно, наверное.

Еще и мать...

– Здесь много красивых мест. Можно ездить верхом. У нас хорошая библиотека, я много читаю. Занимаюсь хозяйством...

– Хозяйство мне вряд ли будет интересно, – сознался Леонардо. – Никогда и ничем не управлял.

– Вы многое потеряли.

– Может быть, дана, вы мне покажете? Ну... я все понимаю, но вы ведь хорошая хозяйка?

– Да.

– А хорошая хозяйка находит применение всему. Раз уж я оказался в вашем хозяйстве, надо мне тоже найти место? Вдруг я да пригожусь?

Адриенна фыркнула.

– Вот уж не знаю, дан.

– Леонардо. Прошу вас. Мы же родственники!

Адриенна сдвинула брови, и Леонардо тут же исправился:

– Ну... я понимаю, что это не совсем по вашей воле. Но что ж теперь поделать? Если родители все решили без нас?

Уже – нас.

И Адриенна уже не принимает это в штыки. Вот и отлично, ближе, девочка, ближе... скоро будем подсекать. И Леонардо мысленно потер руки.

Ему спешить некуда, он к своей цели пойдет маленькими шажками...

Эта зараза у него еще с рук есть будет. Дайте время!

* * *

В столице его величество проглядывал очередное письмо дана Вентурини.

Прочитал, покачал головой, то ли одобрительно, то ли осуждающе.

Ладно-ладно, он и не ожидал, что дана Адриенна и эданна Сусанна найдут общий язык. Но и такой глупости от эданны ждать...

Понятно, ты разочарована, что все деньги в руках у падчерицы. Но ведь можно же поступить иначе? Подольститься, подлезть...

Сусанна это отлично умеет.

Или...

Не получилось?

А почему?

Ответ напрашивался сам по себе, и не слишком приятный. Или эданна растеряла хватку и из нее поперла бабская дурь, или Адриенна умнее, чем думал его величество.

Второй вариант, как ни крути, приятнее.

Первый – вероятнее.

Ну какой там ум, в двенадцать-то лет? Скорее уж девчонка оцетинилась колючками. Но умная баба могла бы это сгладить.

Не захотела.

Видимо, сильно облизнулась, а обратно-то язык и не свернула. Хотелось – чего?

И свое поместье, и чтобы она там хозяйка, и денег... тоже мне, новости! Чего хотят придворные шлюхи? Да все на один и тот же лад заточены! Не особенно сложный, кстати говоря!

Дешевка – она и есть дешевка.

Марка Сусанна быстро и переломила, и под себя подмяла. А вот с дочерью его это не вышло, ну и решила баба, что сможет ее переломить. И началась война...

Суда по письмам...

Пара стычек была. Адриенна пострадала от отца, эданна от Адриенны, но и только. Чтобы уж так серьезно, побить все тарелки и растерзать друг друга – такого не случилось.

Дан Рокко отлично сглаживал большинство неровностей и шероховатостей.

Сообщал, что девочка – умница. Отец ее, конечно, сообщает, как и что кому продать. Но в остальном... Конюхи к ней идут за советом, скотники – к ней, рыбаки – тоже...

Чутье у малышки на всякое живое. Это хорошо. Это пригодится...

То есть понятно, при дворе из скотины только придворные. А эти размножаться будут при любом короле и любой погоде.

Но говорилось где-то о Сибеллинах, что они – плодородие и счастье земли. Видимо, для Адриенны это и так работало.

Кровь сказывается?

Кровь...

Да уж, кто бы мог подумать...

Его величество, в отличие от многих, был в курсе старой истории. Да и что там за история? Все как у людей...

Два королевства, граница то по горам, то по лесам...

Конечно, король Эрвлайна зарился на Сибеллин. Тот был... не то чтоб уж очень большим, но так расположен... присоединить его и порадоваться. Тут тебе и горы с залежами металлов, и выход к морю – очень удобно.

Только вот воевать напрямую с Сибеллином не получалось. Как заколдованное что-то...

Вот как хотите – дьявол ворожил, иначе и не скажешь.

Собрались на войну, так мор напал!

Опять собрались – град, засуха, неурожай. Тут не до войны, тут бы прокормиться.

Третий раз пошли, так саранча тучами налетела...

И вот так – каждый раз. Собирались-то короли Эрвлайна регулярно, а до войны довести не могли. Ну вот прадед и сообразил. Видимо, дело-то в чем?

В колдовстве?

Тогда это по церковным делам. Надо поискать, глядишь, удастся чего хорошего накопать. А интердикт ни одному королевству жизнь не улучшал^[17].

Начали искать, расспрашивать, архивы трясти...

Оказалось – интересная история. Вроде как первый из Сибеллинов женился то ли на лесной ведьме, то ли на лесной же, но фее. Тут накопать какую-то чертовщину при всем желании не удастся. Ну женился...

И что?

Дело-то уж когда было? Кости – и те истлели. Даже начни слухи распускать про ведьму, народ посмеется. Эка невидаль! Чья-то прабабка ведьмой была!

Да бабы – они через одну такие! А то и каждая, как муж пьяным из кабака придет...

Вот там-то ведьму и узрешь! А прабабка... Да тьфу на те дела! Сейчас-то король и в храм, как положено, и мессу, и все остальное...

Не пройдет.

Что было более интересно, так это наложенное на династию Сибеллинов благословение. Полного текста найти не удалось, но смысл такой, что благословенна будет твоя земля и прокляты твои враги. Тут-то и сложилось.

Сибеллин действительно был богатым и уютным. Если в Эрвлайне неурожайный год случался раз в три-четыре года, то в Сибеллине – раз в десять, а то и пятнадцать лет.

Десять-пятнадцать!

Как тут не позавидуешь? Как не порадуешься?

А вот так...

Был еще интересный вариант. Если жениться на принцессе из Сибеллинов, а потом... разные же случаи бывают. При отсутствии прямых наследников и ее высочество сгодится.

Вот прадед это и хотел осуществить.

Адриенна не знала всей истории, откуда бы в СибЛевране такие архивы? А дело было так.

Сами-то Сибеллины особенно плодовиты не были, один-два ребенка, и все. Кроме того, благословение передавалось только по прямой линии. Только мальчикам.

Только тем, кто наследовал трон.

Эрвлайны этим тоже поинтересовались.

А вдруг?

Нет, тут пролезть не удалось. Те, кто уходил из рода Сибеллинов, жили долго, жили счастливо, были здоровее и удачливее других, меньше болели, но и только. Каков выход?

Заклучить помолвку с ее высочеством.

И разобраться с его величеством.

Эрвлайны ждали своего часа – и дождались.

В династии Сибеллинов остались его величество Лоренцо и ее высочество Маргарита. Брат и сестра.

Маленькое препятствие – его величество Эдуардо Эрвлайн был счастливо женат, имел уже нескольких детей... ну так это действительно маленькое препятствие. Крохотное даже.

Жена – не стена. Она и упасть может, то есть умереть... бывает же! Горе, горе...

Итак, все было просто.

Его величество Эдуардо объявляет войну Сибеллину. И заранее ищет убийц.

До войны дело не дойдет, потому как его величество Лоренцо помрет. А овдовевший Эдуардо женится на Маргарите.

Разве плохо задумано?

Идеально!

Но кто ж знал, что все пойдет не так?! Кто ж мог предполагать, что про ведьму – не шулки?!

КТО?!

Все сложилось неправильно, потрясающе неправильно! Сначала – да!

Лоренцо погиб смертью храбрых. О наличии у него внебрачной дочери никто и не подозревал. Эдуардо потерял руки, но овдоветь не успел: пришла весть о смерти дамы Маргариты.

Узнав о гибели брата, дама бежала из дворца. И... то ли случайная стрела, то ли несчастная – кто же ее знает? Тело нашли, но толку с того тела?

Свадьбы не получилось. А вот проклятие хорошо так легло, душевно...

Вымершая семья Эдуардо в этот миг убедила. Хотя он и сделал из Эрвайна и Сибеллина Эрвин, но что толку? По-прежнему земли Эрвайна оставались голодными и холодными.

А вот Сибеллин...

Вот не даром столица была перенесена в Эврун. И климат отличный, и голода не бывает, и вообще... красота, а не жизнь! Малина!

Но дураком-то Эдуардо не был! Сначала шок, потом дела, а потом он и сообразил, что может быть... а вдруг?! Не все Сибеллины тогда поумирали?

И принялся искать.

Начал расспрашивать, узнавать... оказалось, что все верно. Есть побочный ребенок. В Сиблевране. И Эдуардо принялся наблюдать. Еще и выжившему сыну разъяснил ситуацию. А тот – своему...

Филиппо Третий, который тоже подержал на руках своих умерших детей и тоже проникся, понял, что другого выхода нет. То есть вообще никакого нет.

Тогда не получилось – может, хоть теперь получится?

Есть сын подходящего возраста, есть девчонка... поженить, дождаться внуков, посмотреть на них – а вдруг? Тяжко жить под властью проклятия.

И страшно тоже...

И ведь не помогает ничего.

А еще сын...

Вот ведь угораздило сопляка влюбиться в эту гадину! И не оторвешь никак! Отравить ее, что ли? Или пусть пока? Пока невеста подрастает.

Ладно.

Потерпим.

А уж потом... была эданна Ческа – и нет эданны Чески. И никто о ней не вспомнит.

Если появился шанс снять проклятие, грех его упускать. Просто грех...

* * *

Эданна Франческа, не подозревая о планах его величества на свой счет, в то время читала письмо подруги.

А что такого?

Эданна Сусанна не может ей написать?

И может, и пишет... более того, и письма передает с тем же королевским гонцом, что и дан Рокко Вентурини.

А что?

Неужели благородный дан откажет в ма-аленькой услуге благородной эданне?

Пока не отказывали.

Надо сказать, письма дана Рокко и эданны Сусанны резко различались. У дана был скорее сухой отчет. У эданны – эмоции, которые просто изливались лавой со странички.

Муж – тюфяк и рохля. Денег нет, в постели ноль...

Падчерица – стерва и гадина.

Денег все равно нет. Все уходит на хозяйство, на маленькие дамские капризы остаются даже не дарики, а сольди.

Леонардо окручивает простушку, но получается плохо и медленно. Вся она в козах и коровах, неинтересно даже...

Ничего, со временем все уложится. Если дана Ческа, конечно, не забудет о своей бедной и несчастной подруге, которая вынуждена прозябать в деревне, вдалеке от двора.

Дана Ческа скрипнула зубами, но парочку кошелечков отложила.

Ничего, Филиппо еще даст.

На свою любовницу он ничего не жалеет. Ни золота, ни драгоценностей... отец его, конечно, скуповат, но ведь не вечен же? Помрет рано или поздно?

И уж тогда эданна Ческа развернется...

Думаете, легко быть старшей дочерью в бедной семье?

Бедной настолько, что по приезде ко двору у нее было всего два платья. И те – мамины! Переделанные, кое-где заштопанные... и это рядом с богатыми сверстницами! А какими глазами они смотрели на Ческу! Как относились...

До сих пор на губах вкус унижения.

Она ничего не забыла, она отплатила с лихвой, но... но вот именно что не забыла. И отпустить не смогла. Зло таилось в самой глубине души, приходило иногда по ночам, приползало ядовитой змеей, шипело, расправляло кольца.

Зло, обида, горечь...

Насмешки других фрейлин.

Муж...

Каково это – в тринадцать лет выйти за старика? Не догадываетесь? Вот и хорошо, вам повезло. А Ческе – нет! И пришлось делить постель с ненавистным мужем, пришлось угождать ему, лицемерить – негодяй был скор на руку и чуть что брался за собачью плеть. Ческе хватило двух раз, потом она поняла, что защитить ее некому, и быстро поумнела.

Но два шрама у нее до сих пор остались.

Филиппо?

Она его и не замечала тогда особо. И не выделяла. Просто мужу хотелось, чтобы его супруга была самой любезной, самой красивой, самой очаровательной... кто-то собаками хвастается и соколами, а он вот – женой. Что ж.

Франческа старалась. Плетки ей не хотелось.

А вышло так, что его высочество влюбился. И не забыл свою первую любовь... ведь и был-то ребенок! Но поди ж ты...

Эданна Ческа помнила и свое негодование.

А кому понравится, когда из тебя шлюху делают? Но Филиппо Третий был безжалостен.

Или она соглашается и становится метрессой принца. Или... у короля найдутся свои методы воздействия на слишком упрямых дур. Особенно когда у дуры ни детей, ни денег... не хотите ли замуж да в какую-нибудь дыру? Где и медведи мимо не пробегают?

Возраст у вас подходящий, вот дан Лоарно, прекрасный человек, правда, уже шесть жен похоронил... нет?

Вот и я думаю, что нам такие меры ни к чему. Вы ведь уже согласны, эданна?

Эданна согласилась. Но запомнила.

В постели с принцем ей хорошо не было. Не было и плохо, по правде говоря. Никак не было.

Его высочество был нежным и ласковым любовником, страстным и горячим. Неопытным, но эданна со временем научила его, как именно ей приятнее. И хоть какие-то положительные эмоции получала.

Хотя нравилось ей совсем другое.

Один раз подруга ей предложила попробовать... только попробовать. Ведь две женщины могут помочь друг дружке, утешить, согреть – и ничуть не хуже мужчин. Этих грубых, потных, грязных...

Эданна согласилась просто из интереса. И не прогадала.

Подруга была нежной и ласковой, подруга пробудила в Ческе такие чувства, что... эданна испугалась. И резко оборвала отношения.

Нет уж!

Церковь против такого. Узнает кто... ладно, хоть и считается это баловством, но все одно не одобряется. Еще узнает принц... а он бы точно узнал.

Потому что Ческе *хотелось*.

Ее так потянуло к подруге, что даже страшно было. И эданна поняла, что следующий шаг – зависимость. Она захочет больше и больше, она потеряет свободу воли, она...

Полюбит?

Наверное, да.

А вот любить кого-то больше, чем себя, эданне вовсе не хотелось. В сердце Чески царила лишь она одна, всем остальным хватало места на задворках печени. Да-да, в печенках они у нее сидели. Все.

Эданна позволяла себе маленькие шалости со служанками, пару раз показала его высочеству интересное представление... жаль, что разгоряченный парень оборвал все на половине действия, но хоть какое-то удовольствие.

В целом жизнь налаживалась.

И тут – как гром с ясного неба!

Женитьба принца!

Франческа понимала, что рано или поздно, так или иначе... но почему – сейчас?! Почему не через десять лет? Или двадцать?

Зачем вообще понадобилось заключать эту помолвку?!

Зачем?!

Филиппо в кои-то веки покачал головой. Потом, конечно, раскололся, никуда не делся. Сказал, что было дано обещание. Чуть ли не прадедом, что вот будут подходящего возраста дети, так и поженятся. А на резонный вопрос – кому нужны те обещания, когда уж и кости истлели – только вздохнул. Мол, я бы и рад, дорогая, но отец настаивает...

Честь – такая штука.

Есть подписанное обязательство, надо жениться. Но ты не переживай.

Никого лучше тебя, дороже тебя... ты вообще самая-самая! И я тебя люблю!

А вот эданну это не убеждало. Эданне было страшно. Эданна смотрела в глаза Адриенны и видела там не просто соперницу. Она видела там едва ли не свою гибель.

Пять лет.

Для нее через пять лет – увядание. Для девчонки – расцвет. Она относится к тому типу, который долго раскрывает свой бутон, это Ческа понимала. Она вот уже в тринадцать была вполне оформившейся женщиной, даже родить могла бы. Адриенна – та нет. Это пока еще была не бабочка, только куколка.

Но – очаровательная.

И если ее не изуродуют болезнь или несчастный случай... Ческа проиграет рядом с ней по всем фронтам. Одна черная коса толщиной в руку чего стоит! А белоснежная кожа? Синие глазищи?

Словно сказка про падчерицу и злую мачеху...

Красота! И в будущем Адриенна будет еще прекраснее. Филиппо не устоит. Не сможет. Ческа и сама бы не устояла.

Хм...

А что, если...

Эданна Ческа задумалась.

Идея, которая пришла в ее голову, была весьма и весьма интересной. Осталось только подкинуть ее Сусанне. И денег для

осуществления тоже.

Почему бы и не стать фавориткой – и для короля, и для королевы? Опыта у соплюшки нет, а вот тело пробуждаться начинает. Эданна Франческа помнила, как баловались девочки в спальне фрейлин. Кровати-то были – одна на три-четыре человека, ну и... случалось.

Почему бы и с этой не попробовать?

И будет у Филиппо королева-шлюха. Но какая разница? Он ведь ее все равно не любит, просто пообещал жениться.

Надо попробовать.

И оживившаяся эданна Ческа принялась набрасывать план действий.

Плохо, что Сусанна не по этой части. Значит, надо что? Ага... подобрать ей подходящую служанку. Пусть едет в этот медвежий Сиблевран... ладно, вороний угол! И там, на свободе...

Надо, еще как надо. Кто у нас там с любовью к этому делу подходит? Ага... Роза Лупо. Ческа коснулась колокольчика и приказала позвать к себе Розу. А чего откладывать в долгий ящик?

Зима скоро... а служанке надо еще до места добраться, устроиться...

Итак, Роза, хочешь ли ты заработать себе на домик в деревне? И цвести там в свое удовольствие?

* * *

Вызов к эданне Роза восприняла... не без опасений.

С эданной Франческой так всегда. То ли одарит, то ли по щекам отхлещет. Второе даже чаще случалось.

Но вроде как Роза пока ее недовольствия не вызывала?

Так вот получилось... оказались у женщин схожие вкусы. И эданне было проще позвать Розу, когда под рукой никого не было, а побаловаться хотелось.

Роза это понимала и за собой следила. Старалась выщипывать волосы на теле, как благородные, натирала кожу маслами, дешевыми, конечно, но все равно, белье завела шелковое, чтобы ползучие твари не цеплялись...

Красота, да и только!

И внешность у нее хорошая!

Волосы рыжеватые, длинные, фигура такая... есть на что поглядеть и спереди, и сзади, личико круглое, губки бутончиком, а глаза большие, карие, даже чуточку навывкате. И лоб высокий, подбривать не приходится.

– Эданна. – Роза низко поклонилась. – Вы меня звали?

– Звала. – Эданна Ческа была в настроении. И улыбалась вполне приветливо. – Роза, скажи, тебе деньги нужны?

– Кому ж они не нужны, дана?

– Отлично. Сто лоринов.

Оп-па?

Хорошая сумма! Домик в столице, понятно, не купишь, но в деревне бедствовать не придется. А если еще кое-что добавить да скопить, то и в городе каком тоже хорошо жить будет.

Роза об этом давно мечтала.

Накопить денег, купить домик, заняться шитьем, к примеру.

Понятно, принимать у себя дам... может, даже постоянную подругу завести. Тут никто и дурного не подумает, живут девушки вместе, шьют – чего удивительного? А что уж там в кровати происходит между ними, кто разберет?

– Что я должна сделать, эданна?

– Поехать год поработать у моей подруги. Эданна Сусанна СибЛевран.

Роза прищурилась.

– Куда ехать, эданна?

– В этот самый СибЛевран и поедешь. Деревня деревней, захолустье глубокое, но это еще не все. Служанку можно и поближе найти, без твоих склонностей.

– Но вас же мои склонности интересуют, эданна? – позволила себе маленькую наглость Роза.

– Интересуют, – кивнула Ческа. – Я тебе дам задание. В СибЛевране есть девица. Дана Адриенна СибЛевран. Вот, ты должна ее соблазнить.

– Дану?

– Да. Она должна остаться девушкой, но полностью находиться под тобой, если ты понимаешь...

Роза понимала. Чего уж тут неясного?

Когда девушка молодая, неопытная, с пути ее сбить несложно. Бывало... чего уж там, бывало. И приятно даже, когда свеженькая, неопытная...

— Хорошо, эданна. Это я сделать смогу.

— Возможно, тебе придется там задержаться. Дана Адриенна через пять лет должна вернуться ко двору, вот за эти пять лет сделай из нее законченную шлюху. Сможешь?

Роза прищурилась.

— Тогда по сто лоринов *каждый* год.

Ческа аж задохнулась от такой наглости. Убила бы гадкую девку!

— Не слишком ли дороги твои услуги?

— Нет, эданна. Абы кто такое не сделает, да и вы кому попало не доверитесь.

С этим Ческа была полностью согласна. Но сто лоринов в год! Через пять лет небольшое поместье купить можно будет!

— Пятьдесят.

Роза качнула головой.

— Сто. Я тоже рискую... я правильно понимаю, что девчонка кому-то нужна будет?

Ческа скрипнула зубами.

Если бы его величество услышал этот разговор, прожила б эданна аккурат сутки, чтобы до плахи дойти. А то и поменьше. Королевский суд — штука скорая.

Попытки поторговаться ни к чему не привели. Так что Ческа вздохнула и согласилась.

— Ладно. Сто лоринов. Но чтобы уже в этом году... ты поняла...

Роза поняла. Лето заканчивалось, пока она доедет, пока там...

— Ко дню середины зимы я ее уже уложу, — кивнула она. — Когда ехать надо?

— Завтра же.

— Дня через два, эданна. Я кое-каких снадобий куплю, там-то не достать будет.

Притирания, возбуждающие средства, еще кое-что...

Эданна Ческа махнула рукой и выдала Розе кошелек с деньгами на расходы. И аванс тоже выдала. Пусть работает.

Глядишь, и польза будет.

Забавно!

Невероятно забавно!

Девочке нравилось происходящее! Вот как хотите, а оно было настолько интереснее, чем занятия благородной даны, что просто чудо!

Идет по коридору милая девочка. А всего десять минут назад это был мальчик...

Впрочем, начиналось все немного не так.

– Вот смотри, Мия. Есть благородная дана, которая примерно год назад познакомилась с неким обедневшим даном.

Мия кивнула. Бывает, и что такого? Феретти тоже небогаты.

– Все у них было замечательно, любовь, признания и... письма.

– Даны?

– Обоих. Но нас интересует именно дана. Следили за ней строго, но и писем хватило бы с лихвой. Сейчас она помолвлена и собирается выгодно выйти замуж.

– Хм?

– Сразу выбрось из головы всякие глупости. Хочет, не хочет... Хочет. Иначе не рассказала бы своим родным о письмах.

– То есть?

– Дан оказался бедным, но не гордым. И решил пошантажировать бедняжку.

– Фу, – скривилась Мия.

– Вот именно. Это поступок подлеца. Но письма есть, если они, написанные рукой даны, запечатанные ее кольцом, попадут в руки к жениху, а пуще того, к его родителям...

– Свадьбе не бывать.

– А вот скандалу – вполне, – кивнул Джакомо. – Письма надо изъять.

– А сам дан?

– Это уже не твои проблемы.

– Он тоже может начать... разговоры. Разве нет?

– Без доказательств? Его просто прирежут при общем согласии, чтобы не марал честь даны своим грязным языком.

– Ага...

Дан Джакомо кивнул.

Собственно, если бы негодя и прибили, никто б не огорчился, но Мия пока еще слишком молода. Еще рука дрогнет или угрызения совести начнутся... не надо!

Пока – кража.

В некоторых направлениях надо шагать исключительно медленно.

– Давай обсудим. Что и как ты должна делать...

Мия не возражала.

План был тщательно проработан, одежда подготовлена...

На кого не обращают внимания?

Да на слуг! На рассыльных, на мальчишек на побегушках... вот Мия и приняла вид такого мальчишки. Проникнуть в дом оказалось достаточно просто.

А вот потом...

Знаете, на кого всегда можно рассчитывать в плане охраны?

На собак.

Этих тварей дан кормил лично и никого к ним лишний раз не подпускал, и порвали бы они кого угодно. И все самое ценное – часть драгоценностей и бумаги – он хранил именно там.

В загородке у собак.

Кому надо? Лезьте! Косточки вынесем... наверное. Если что останется.

Но Мии-то собаки боялись! Девочка может спокойно войти к псам, спокойно забрать содержимое тайника, без шума выйти.

Может?

Вполне!

На всякий случай Джакомо еще раз проверил способности Мии на нескольких собаках. Шарахались все. Даже жутко злобный цепной пес, который привык рвать все, что движется, – даже он старался не подходить к девушке близко. А если подходила Мия, он бочком отходил подальше. Пятился, уворачивался...

Кусать?

Даже не дотрагиваться! Вдруг оно ядовитое?

Мии это не нравилось, но что поделать?

Верхом она ездить не сможет. Паланкин или карета, хотя бы возок. С другой стороны, и животные ей вреда не причинят. А это уже неплохо.

Можно бы отравить собак. Но... это дольше, сложнее, да и что со слугами делать, которые могут что-то понять? Их тоже травить? А шум поднимется? Охрана сбежится?

И всех собак сразу не отравишь, в единую секунду, это уже военная операция. Шум поднимется, пойдет огласка... Нет, не надо. Такое ни к чему.

А так...

Зашел парнишка в загородку, вышел парнишка. Можно, кстати, и собак выпустить. Вот тогда точно шум поднимется...

Так что в дом дана Сабато Дардано явился мальчишка-посыльный. Передал письмо от даны, получил монетку и сообщил, что дана просила дожидаться ответа.

Ну просила и просила, письмо отдали дану, а уж тот как прочитает, как отпишет... Жди, парень.

Парень и ждал.

А потом как-то незаметно перестал ждать. Но никто на это внимания не обратил... ясно же! Поди посиди! Может, парнишка на двор пошел!

Такое тоже бывает...

* * *

Мия действительно отправилась на задний двор. Подошла к загородке, протянула руку.

Собаки были здоровущие. Черные, широкогрудые, большелопатые и большеголовые. С рыжими подпалинами на мордах и короткими хвостами.

Челюсти вообще откровенно жуткие.

Такие и львов задавят!

Таких травить сразу и не придумаешь, чем именно, тут каждая псина в холке Мии по пояс, как бы еще и не повыше! Мия решила сразу прояснить вопрос и подошла поближе к загородке. Потом вплотную.

Что ж. Наследственность ее не подвела, собаки действительно шарахались от девушки. Она достала из кармана отмычки — и приступила к работе.

Да, вольер с собаками был заперт на большой висячий замок. И собаки до него вполне доставали. Пока откроешь – тебе три раза руку отгрызут.

Но не Мие.

Такую пакость ни одна приличная собака в рот не возьмет! Так что замок девушка вскрыла, хотя и не за минуту, как ее учитель. Все десять провозилась, даже контроль над своей внешностью потеряла. Но тут дан Джакомо помог.

Волосы были заплетены в тугую косу и спрятаны под рубашку, на лице небольшой, но грим, берет опять же надвинут так, что сразу не поймешь...

Одежда с толщинками тоже помогает поддерживать видимость мужской фигуры, плечи пошире, талия потолще...

Впрочем, собаки не торопились выбегать. Пришлось Мии войти в загородку.

Шаг, другой... вот и небольшой домик, в котором собаки прячутся в непогоду. Туда Мии и надо.

В углу домика стоял крепко сколоченный ящик. Из него Мия спокойно выгрузила в мешок несколько связок бумаг, наверное, и те письма.

Все, что было.

Добавила несколько шкатулок. Забрать стоило бы все, но как тащить? Тут килограмм десять, не меньше, а Мии тяжело...

Джакомо предусмотрел и это.

Пока собаки рассеялись по саду, сея панику в доме...

Пока слуги пытались удрать...

Пока... Дана дома не было, поэтому его и ждать пришлось, и опять же, когда командовать некому, бардак начинается быстрее и веселее.

Так вот, пока дан не пришел, из особняка вышел кухонный мальчишка, который тащил мешок с мусором. До него все равно никому дела не было. Мальчишка и мальчишка, невзрачный такой, темненький вроде... А где посыльный?

Небось испугался собак и сбежал... он-то как раз был светленький. И кудрявый...

А тележка мусорщика уже ждала неподалеку от того самого дома. И дан Джакомо лично не поленился переодеться в грязную и драную

одежду, испачкаться как следует и вывозить мусор.

Некоторый мусор и вывезти приятно!

Мия с облегчением сгрузила мешок в тележку, взялась за ее ручку рядом с дядей – и «отец с сыном» медленно потащили телегу по улице. По направлению к городской стене.

За эту стену мусор и сбрасывают^[18].

А что по дороге телега совершенно случайно свернула в сторону Грязного квартала...

Что из нее один мешок извлекли...

Что мусорщики вроде как были уже другие...

Да кто к ним приглядываться-то будет? Были, мусор вывезли? Ну и чего еще надо?! Просто – чего?!

Когда дан Дардано соизволил вернуться домой... орал он долго и упорно. И было отчего!

Мия не мелочилась. Она утащила самое необходимое.

Письма, расписки, даже личный дневник дана. Шкатулку с деньгами, с драгоценностями...

Всю заначку выгребли!

Да еще и собаки пострадали! И слуги, пока их отлавливали, и сад...

Нет, ну что за сволочь это сделала?! Что за негодяи?!

Дан орал и метался, ругался и допрашивал всех присутствующих, но...

Даже те, кто мог описать посыльного – и что это кому даст? Этого лица больше не существовало.

Адриенна

Серая кошка лежала на коленях у девушки.

Лежала, мурлыкала...

Адриенна сидела у себя в комнатах. Без света. Не хотелось никого видеть, ни с кем разговаривать, а зажги свечу – и мигом примчится Роза, будет уговаривать девочку покушать, потом еще кто...

Два месяца, как отец привел в СибЛевран жену.

Два месяца.

И сколько же всего поменялось за это время!

Сначала эданна Сусанна принялась плести интриги. Конечно, большая часть слуг тут же переметнулась к ней. Потом в эту игру вступил дан Рокко.

Управляющий, собственно, и не играл. Он просто сумел разъяснить, что хозяйкой-то и замка, и поместья по-прежнему остается Адриенна.

Не ее отец, нет.

Поместье – собственность даны СибЛевран.

Дан и его эданна здесь живут из милости, если хотите. А прислушиваться – на здоровье, это никто и никому не запретит. Но решить судьбу здесь живущих будет дана Адриенна. Ну и он, немного.

До слуг все дошло быстро. Те, кто было прислушался к сладким речам эданной, похлопали глазками и развернулись в обратную. Но тут уже обиделась Адриенна.

Шестерых она уволила. Остальные поняли и вняли.

Теперь обстановка была простой.

Дана и эданна грызлись, дан Марк страдал, слуги уверенно держали нейтралитет, равно спокойно выполняя приказы и даны, и эданной. И тут уж кто вперед успел.

Приказала дана?

Будем выполнять ее приказ.

Эданна?

Значит, эданна...

А вот Леонардо уверенно держал сторону Адриенны, из-за чего эданна Сусанна бесилась и ругалась. Но сделать пока ничего не могла. Дан Рокко кое-как старался примирить женщин, но, конечно, у него ничего не получалось.

Думая об этом, Адриенна начесывала мурлыку за ухом.

Как-то не задался сегодня день. Опять они с эданной сцепились, дан Марк вспылil, грохнул дверью и унесся в ближайшую деревню. Леонардо последовал за ним.

За два месяца розовые очки с глаз дана, кстати, так и не упали. Соответственно, он считал виноватой Адриенну, но сделать ничего не мог. Даже выпороть.

Дан Рокко не дал бы. Запретить он, конечно, не мог, а вот отчитаться его величеству – запросто. И чем это кончится для дана Марка?

Проверять тому решительно не хотелось.

– Риен!

Адриенна покосилась на Марко, который, без всякого почтения к благородной дане, шипел из-за двери:

– Риен, иди сюда!

Видимо, истинно благородной Риен не была. Потому что...

Ну любопытно же! Чего это он? Раньше за ним такого не водилось!

Но Марко гримасничал, подмигивал и всем видом намекал, что случилось нечто важное. Но что?

– Что случилось, Марко?

– Ты можешь сейчас пойти со мной?

– Да. А что?

– Только переоденься. В этом не пролезем...

– Куда?

– Делай, что сказал!

Кому другому это не сошло бы с рук. Но Марко?

Адриенна кивнула ему выйти и метнулась к шкафу. Правда, кошку она осторожно в кресло переложила.

Киса лежала, мурчала, вылизывалась, смотрела зелеными мудрыми глазами. Она-то все знала.

Но люди, хоть и мнят себя венцом творения, бывают куда как глупее кошек.

* * *

Переодеться было недолго. Скинуть верхнее платье, а на нижнее натянуть штаны и накинуть дублет. А что? Так намного быстрее, Адриенна знала.

– Куда идем?

– Твоего отца сегодня нет дома.

– И что?

– Пошли, говорю...

Марко тащил девушку за собой, практически силой.

– Ты сдурел, что ли?

– Только молчи! Поняла? Что бы ни увидела – молчи!

– Что я такого могу увидеть?

Марко многозначительно хмыкнул.

– Пошли.

Задний двор. Конюшня.

Только почему они пошли не через нормальный вход? Вместо этого Марко потащил девушку в обход. Через сарай со сбруей, на чердак...

– Молчи. На вот, прикуси платок.

Адриенна посмотрела на клочок грязной ткани, который ей протянул Марко, поморщилась, но свой достала. И даже демонстративно закусила ткань белыми зубками.

И вовремя.

– О да! Да, дорогой!!! ЕЩЕ!!!

Голос, который это выкрикивал, был знакомым. Очень хорошо знакомым. И так эданна Сусанна говорила только... Отец вернулся?

Адриенна осторожно прильнула к щели.

Да, полы на чердаке разошлись, и дети очень давно, еще лет пять назад, расковыряли щели. Мало ли что надо подглядеть или подслушать?

Интересно же!

На соломе, в свободном деннике, лежала эданна Сусанна. Платье ее было задрано, ноги закинута на плечи мужчине, который зарылся лицом между ее упругих грудей.

– Скажи, что хочешь меня, сучка!

– Я! Хочу! Тебя!!!

Эданна стонала с каждым движением мужчины.

Только вот не дана Марка.

Конюха.

Серджио Фадда.

Адриенна его отлично знала, здоровущий мужик, лет тридцати, такой... звероподобный. Рядом с ним дан Марк казался щуплым подростком.

А вот что происходит здесь, на сене...

Адриенна прикусила покрепче платок – и отползла. Тихо-тихо...

Марко полз за ней. Уже потом, в сарае, где никто не мог их услышать, Адриенна схватила приятеля за руку.

– Это... давно?!

– Считай, с самого начала, – пожал плечами Марко.

– И все... Все знали?

Приятель посмотрел с сочувствием.

– Ну все не все, я вот недавно узнал. Твой отец не знает. А из домашних слуг... да тоже вряд ли. Разве что ее служанка, но та ждет снаружи. Предупредит, если что...

Адриенна покусала губу.

– Марко...

– Да?

– Ты пока тоже помолчи.

Марко послушно кивнул. Адриенна поцеловала его в щеку.

– Спасибо, братишка.

А то как же? Молочный, но брат.

Девушке срочно надо было посоветоваться с кем-то поумнее. Только вот с кем?

Кроме дана Рокко, на ум никто не приходил. Адриенна направилась в покои управляющего. И не видела, какой тоской светились глаза Марко.

Сестра, да...

Молочная...

Им жениться нельзя никак. И любить ее нельзя. И мечтать о ней тоже нельзя.

Только разве ты прикажешь сердцу?

* * *

Дан Рокко еще не спал.

Сидел в своих покоях, что-то подсчитывал в специальной плоской чаше с песком, потом переносил расчеты на пергамент...

– Дана? Что случилось?

– Дан Рокко, мне надо с вами поговорить.

Дану Рокко Адриенна доверяла, хотя и до известного предела. С другой стороны, никто иной не мог ей дать совет, что делать в данной ситуации. Адриенна начала изучать законы, но пока еще не знала их достаточно хорошо.

Вообще, с легкой руки дана Рокко Адриенна теперь учила и несколько языков, которые знал он сам, значительно продвинулась в изучении математики, истории, философии. А уж законы и вовсе знать надо, если ты на земле живешь.

Адриенна понимала: дан Рокко небескорыстен, но так и лучше. Любовь слишком уж эфемерная категория, этому ее отец научил на собственном опыте. Спасибо, сыта.

Если б мама не оставила четкого завещания, где бы оказалась Адриенна?

То-то и оно.

Любовь!

– Проходите, дана. Располагайтесь. Будете кофе?

– Нет, дан Рокко. И вам бы не стоило, сердце у вас все ж не как у молодого...

– Ох, дана. В моем-то возрасте...

Дан Рокко откровенно лукавил. После переезда в СибЛевран он стал себя чувствовать намного лучше. Кашель если и не ушел полностью, то значительно сдал свои позиции, дан посвежел, начал чаще улыбаться...

Мысль, что во всем виновата сила Адриенны, ему в голову не приходила. Да и зачем? Не надо никому о таком знать. Даже и догадываться не надо.

– Дан Рокко, мне нужен ваш совет.

– Слушаю, дана.

– Дан Рокко, я в конюшне только что видела эданну Сусанну с конюхом.

Адриенна выдохнула эти слова, как воздух. И осталась задыхаться, в ожидании приговора, словно рыба на песке. Дан Вентурини задумчиво кивнул.

– Два месяца? Я думал, она хотя бы с полгода продержится.

Адриенна резко вдохнула. Так, что даже раскашлялась, и дану Рокко пришлось напоить девушку водой, а уж потом продолжать.

– Что вас так удивляет, дана Адриенна? Вы же знаете, что ваша мачеха – особа легкого поведения.

Адриенна кивнула.

– Да. Но мой отец...

– Я правильно понимаю, вы хотите знать, что вы можете предпринять, дана?

Еще один кивок.

– Я вас огорчу. Ничего.

– Дан!!!

Дан Рокко только вздохнул.

– Дана Адриенна, поймите правильно. Законы на этот счет достаточно строги. Если вашу мачеху поймать на месте преступления, она может понести наказание. Которое зависит от воли супруга. К примеру, ее могут выпороть или сослать в монастырь. Но эданна-то умнее!

Адриенна фыркнула.

– Вряд ли.

– А вот другое интереснее. Вы-то, дана, в любом случае останетесь с отцом. Думаете, он вам спасибо скажет за свое прозрение?

Адриенна задумалась. Раньше она бы безоговорочно сказала – да. А сейчас?

– Если со временем?

– Если я правильно понимаю дана Марка, вы окажетесь виноваты во всем. И в том, что он женился, и в том, что он развелся. А поскольку человек он достаточно слабый... может еще и не развестись. Пить начнет, но и только.

– Полагаете?

– Вы лучше своего отца знаете. Поднимет он руку на женщину?

Адриенна задумалась.

– Не знаю... наверное, нет...

– Думайте, что вы хотите получить, дана. А уж потом начинайте войну.

Адриенна кивнула.

– И не стоит забывать, что Сусанна – эданна, она принята при дворе, у нее есть друзья... в том числе и его высочество.

– Он – тоже?

– Это не мое дело сплетничать. Но разнообразие... понимаете, дана...

Адриенну затошнило.

Она и раньше-то к Филиппо Четвертому прикасаться не хотела, а уж сейчас! Только вот вряд ли принц это поймет. А ведь обычная человеческая брезгливость – и только. Ты себя размениваешь на дешевок, ну так не удивляйся, что к тебе потом и прикасаться-то противно!

– То есть если я ее поймаю на любовнике...

– Будет ее слово против вашего. Неубедительно.

– Так... Если отец?

– Будет долгое и муторное разбирательство, в результате которого эданна, скорее всего, выйдет сухой из воды, в крайнем случае пару лет проживет тихо, а потом будет то же самое. А вот вас и вашего отца ославят на весь свет, – решил не выбирать выражений дан Рокко. – Все ж... каковы родители, таковы и дети.

– Эта тварь мне никто!

– Об этом благополучно забудут.

Адриенна скрипнула зубами. Вполне отчетливо.

– Я...

– Вы идите к себе, дана Адриенна, подумайте как следует. И учтите, то, что эданна Сусанна блудила и блудить будет, – это уж точно. А вот как ее этим прижать... подумайте.

Адриенна медленно кивнула.

Она и правда подумает.

Вот ведь... и не убьешь эту гадину, и не разоблачишь... но что-то же с ней сделать можно? Наверное? Надо, надо подумать...

В комнате Адриенны было темно и тихо.

Серая кошка мирно спала в кресле. Услышав шум, она подняла голову и проследила за хозяйкой. Адриенна с размаху уселась на кровать.

– Вот ведь...

Ладно, сказала она не совсем так. И богохульства в ее речи было больше, чем необходимо. Но это уже детали.

А важно было другое.

Серая кошка спрыгнула с кресла и направилась к Адриенне. Заскочила ей на колени. И девушка вдруг...

Это была не телепатия. Не чтение мыслей.

Но что она ощутила отчетливо, так это кошачье настроение.

И переживает, и нервничает, и расстраивается, и все из-за какой-то крысы бесхвостой. Когтями ее надо, когтями... но это потом. А сейчас отдохни, котенок, а я спою тебе песенку...

И так это отчетливо было...

Адриенна едва от кошки не шарахнулась, но потом взяла себя в руки. И припомнила, что говорила прабабка.

Будешь понимать животных и птиц...

Это – оно?

Мия

– Друг мой, твоя племянница – настоящий талант.

– Благодарю. – Джакомо кивнул Комару.

Действительно, было чем гордиться. Бумаги они достали, и золото достали, и, кстати говоря, часть денег Джакомо честно отдал Мие. Более того, помог сходить в банк, взял с собой Энцо и открыл четыре счета.

Деньги он поделил не поровну, правда, а на пять частей. Энцо – две части, одну на восстановление Феретти.

Мия не возражала. Сестры пока ни о чем не знали. Пусть на счетах всего по несколько десятков лоринов, для даны даже смешно как-то... но это – начало. Любая река начинается с истока, вот и все. И истоком может быть вовсе уж невзрачный ключик, который и не видно... главное – она начинается.

Так что Мия училась.

Серьезно осваивала отмычки, занималась пальцами, сейчас перешла к более интересным вещам. С отмычками у нее ладилось. Мия приноровилась повышать себе чувствительность слуха и легко улавливала, что происходит внутри замка. Зацепилась отмычка – или нет...

Теперь настало время рук.

Делалось это достаточно сложным образом.

Вешался манекен, буквально утыканный колокольчиками, и надо было вытащить у него все содержимое карманов. При этом не потревожив колокольчики.

Зазвенел хоть один?

Ты провалила экзамен.

Мия приноровилась достаточно быстро. Для новичка – вообще сверхъестественная скорость, какой-то месяц-полтора, и она уже может достать что угодно, не потревожив колокольчики. Правда, и тут она себе немного помогала. Но кто об этом знает?

Кому она скажет?

За это время она разобралась с деятельностью дана Джакомо.

Убийца? Вор? Мошенник? Последнее – нет, но все остальное – очень даже да. Надо – убьет. Надо – выкрадет все что угодно или подбросит... Сейчас как раз речь шла именно об этом. Надо было подбросить мужчине в спальню шкатулку. Что в ней?

Самый пустяк. Слякля с ядом.

Зачем? А вот этим вопросом Мия не задавалась. Вот именно – зачем? Ей эти люди кто? Родные, близкие, друзья – кто?!

Да плевать ей на всех! Она задавалась другим вопросом. Сколько ей заплатят?

Джакомо с улыбкой наблюдал за племянницей.

– Скажем, сто лоринов?

– Пятьсот, – тут же отреагировала Мия. А чего мелочиться?

Конечно, столько ей никто не дал, но и двести пятьдесят... по пятьдесят ей и девочкам, сто – для Энцо. Сколько пойдет Джакомо?

Да хоть тысяча, в это она лезть не будет. Должно же что-то остаться и для малышки Кати?

Обязано! Просто Мия в это лезть не собиралась.

Абы кого в спальню к тому мужчине не пускали. И в дом тоже. Это даны. Но... у дана тоже была слабость. Он очень любил девочек определенного типа. Чтобы молоденькие, рыженькие, зеленоглазые и всенепременно с большой грудью. А найти таких в Эвроне... можно, но сложновато.

– Мия?

Девушка уверенно кивнула.

Делить постель со сластолюбцем она не собиралась. Но это она еще с дядей обсудит.

Дан Доменико Скалла ехал домой. Не спеша, не торопясь... куда ему лететь?

Дома никто не ждет, с любовницей он недавно расстался, новую пока еще не приискал, жена с детьми в деревне, друзья...

Поехать к друзьям?

Он так и собирался сделать. Но не успел.

Глаза уловили отблеск рыжих волос. Да не ядовито-рыжих, а таких... переливчатых, как хвост райской птицы, благородных, с темным медным оттенком...

Дан невольно заинтересовался. У каждого бывают свои слабости, в том числе и у него.

Доменико безумно возбуждали рыжие волосы. Его первая женщина была рыжей... потом он узнал, что крашеной, но память-то осталась! И он помнил, как рыжие пряди скользили по его телу...

Благородный дан имеет право на маленькие капризы!

Рыженькая девушка торговала фиалками. Белыми, невинными... увидев коня, она подняла очаровательное личико.

– Купите цветы, благородный дан!

Какая же она красивая!

Доменико едва не задохнулся от восхищения. Рядом с этой девушкой его последняя любовница выглядела вульгарной потасканной бабой. А эта...

Чудо с громадными глазами цвета молодой травы. Маленький носик, высокие скулы, приятно округлый подбородочек – так и хочется за него ущипнуть... еще и ямочки на щечках.

И грудки в вырезе – как спелые яблочки...

Доменико и не помнил, как спрыгнул с коня.

– И сколько корзинка стоит?

– Двадцать сольди, дан...

В ручку цветочницы лег полновесный золотой лорин.

– Поедем со мной?

– К-куда? – растерялась девушка.

– Ко мне. Я тебя не обижу, клянусь...

– Дан! Я девушка честная!

За корсаж честной девушки отправилась пригоршня полновесных золотых.

– Ай! – взвизгнула Мия.

Между прочим – отвратительное ощущение. Монеты хоть и не выпали, но холодные же! И на нежную кожу...

Гад!

– С твоими родителями поговорить?

Мия замотала головой.

– Нет у меня родителей. Сирота я.

– Тем более.

Доменико отпихнул ногой корзину с фиалками, вспрыгнул на коня и протянул девушке руку. Глазами он контролировал ее передвижения. Захочет убежать – догонит!

– Садись позади. И держись крепче за пояс.

– Корзина!

– Брось эту дрянь!

Мия вцепилась в фиалки, замотала головой...

Конечно!

Шкатулка-то у нее в корзине! Платье сшито так, что под ним ничего не скроешь, наоборот... вон как глазами по ней проходятся. И по ногам, и по груди... не дождешься!

Охотник здесь вовсе не ты!

Корзина отправилась в руки к дану, а за ней и девушка. Ладно уж. Если она хочет...

И дан Джакомо тронул коня.

* * *

В спальню он свою ношу почти затащил. Так ему хотелось скорее развернуть подарок, содрать с него грубые тряпки... до чего ж хороша! Просто невероятно!

Жадные мужские руки легли на плечи, поползли вниз...

– Иди сюда... вот так...

– Может, сначала вина?

Мия вывернулась из объятий. Но куда там?

Доменико ловко поймал ее за прядь рыжих волос, потянул к себе, не больно, но властно...

– Иди. Сюда.

Игры кончились.

Еще минута, и...

Мия это четко осознала. И то, что не собирается ложиться в постель с кем попало. И...

Снотворное у нее было в рукаве. А вот когти...

Всего один удар когтями по шее. По артерии. А больше и не потребовалось.

Мия отскочила, чтобы не изляпаться кровью.

Кто сказал, что от такой раны умирают сразу? Вовсе нет... Дан умирал минуты три или четыре, корчился на полу, хрипел... казалось, это никогда не кончится... и кровь лилась, и воняло. Ощущение было такое, словно свинью резали.

Впрочем, после чумы...

Мия смотрела на это вполне равнодушно. Столько уже умерло, чем ты лучше или хуже? Лично ей главное – не испачкать туфли и платье. А еще...

Где тут корзина?

Шкатулка заняла свое место глубоко под кроватью. Пусть постоит. А вот что дальше-то?

Хм...

Мия огляделась вокруг.

Первое – вино, снотворное, кубки. Налить, бросить один из кубков рядом с даном, разлить вино. Он выпил.

Второе – нужно оружие убийства.

Дан Доменико уже не хрипел и не дергался, он уже отошел, и в комнате еще и нечистотами запахло. Так, в дополнение к крови.

И пусть его! Это как раз не важно! Пусть хоть чем воняет... есть тут хоть какое оружие?

Ага! Есть! Вот и кинжал подходящий... Мия подошла поближе, примерилась, несколько раз резанула по горлу мертвого человека. Все же когти и клинок – две очень разные вещи. И следы они оставляют разные.

Зачем кому-то лишние подозрения? Не надо, ни к чему...

Что логично?

Логично – мужчина притащил в свой дом воровку, та убила хозяина, обокрала и сбежала. Вот так будет правильно. И для этого надо еще кое-что сделать.

Мия прошлась по комнатам хозяина.

Так... ее затащили в спальню, а вот кабинет...

Жаль, тут не так много полезного в хозяйстве. Да и унести много... ладно! Сколько получится!

Добычей Мии стали несколько десятков украшений, правда, мужских, но какая разница? Золото, драгоценные камни, цепи, перстни, серьги, браслеты, пряжки для туфель...

Несколько мешочков с монетами. Навскидку лоринов двести или триста, не больше.

Бумаги?

Хм... надо бы посмотреть... какие-то счета, какие-то записи...

Мия выгребла все. Вот уж что-что, а бумага легкая. Осталось самое тяжелое – выбраться из дома. Но и на это у Мии были свои идеи. Были и домашние заготовки, они же предполагали с дядей, что дан уснет, а Мия уйдет...

Мия сняла верхнее платье, вывернула его наизнанку, оказалось, что оно двустороннее и совершенно другого цвета. Да и качество...

Темно-синяя ткань визуально добавила пару лет к облику девушки.

Мия подошла к зеркалу и принялась менять лицо.

Так... рыжину и зеленоглазость убираем, лицо круглое, волосы черные, глаза карие, возраст... лет двадцать... это несложно, надо только пару морщин добавить.

И вот уже смотрит из зеркала не соблазнительная цветочница, а обычная ньора. Служанка?

Может, и так. У благородных данов слуги, бывает, и так ходят. Если куда в город идут...

А Мия в город и идет. А украшения, деньги и бумаги, равномерно распределенные под платьем в специальных карманах спереди и сзади, добавили объема.

Лицо спокойное, вид уверенный...

И вперед! Из спальни, пропахшей кровью...

Простите, дан, но я не собираюсь становиться вашей любовницей. Туда вам и дорога... будь на моем месте обычная цветочница, сиротка, вы бы ей жизнь поломали. Кому она нужна потом будет после вас? Хотя... с деньгами.

Но сколько таких берут, пользуют, выбрасывают... единицы сохраняют себя. А остальные спиваются, скатываются все ниже и

ниже...

Нет. Не жалко ей дана. Нечего тут!

Мия обошла кровавые брызги – и вышла из комнаты. Нечего ей тут делать!

Нечего!

Пройти по коридору уверенной походкой, выйти из дома...

М-да. Еще как дяде отчитаться за сегодняшнее? Или не говорить про убийство? Сказать, что он уснул? А почему бы и нет?

Мия вышла из задней двери и закрыла ее за собой. Ну может ведь быть и такое? Она оставила дана спящим... а уж кто потом к нему влез...

Она-то откуда это может знать?

Так и скажет, вошли, выпили... он выпил снотворное, его там и свалило, посреди комнаты, а Мия обшарила все и унесла интересное. Заодно и нечто важное оставила...

Черт!

Корзина с цветами!

Хотя... а что в этом такого? Может, дан ее купил... и вообще, цветочницу все видели. Не видели, как она ушла, ну так это не столь важно. У дверей караулы не стояли.

Кто там видел, что там видели...

Да пусть попробуют разобраться! И цветочницу поищут! Рыжую...

Джакомо ждал на углу, неподалеку от дома. К нему Мия и подошла.

– Прогуляемся, красавчик? Меня Кати зовут.

Джакомо дернулся в ответ на условленную фразу, оглядел племянницу. Конечно, она может выглядеть как ей захочется. Просто удивительно.

– Что с даном?

– Спит. Все оставила, подумала, еще кое-что взяла.

– Идем домой. Это надо посмотреть...

* * *

Драгоценности, которые утащила Мия, тянули на пару тысяч лоринов. Джакомо оценивал их вполне профессионально. Но посоветовал не оставлять в таком виде. У Комара был личный ювелир. Для своих он хорошо сработает...

Мало ли кто и что опознает? И когда?

Мия подумала, но отказалась. За месяц-полтора, проведенные ею в Грязном квартале, она и это узнала. И серебро добавляют к золоту, и медь, и «нищенское золото» продают, тут главное – правильно его начистить...

Если ювелир решит какую-то подлость устроить, она потом век правды не доищется.

Проще положить побрякушки в сейф к Энцо, и пусть лежат. Будет парню шестнадцать, сам разберется. И что, и как, и куда их пристроить.

Деньги были поделены на четверых. В этот раз Энцо не досталось второй доли, хватит с него и драгоценностей. Мия хозяйственно все прибрала в сейф, а бумаги отдала в пользу дяди и Комара.

Конечно, продешевила. Она даже в этом не сомневалась.

Конечно, бумаги ценнее и полезнее, чем золото. Информация всегда ценится очень высоко.

Но!

Ею надо уметь пользоваться! Мия сейчас хоть из шкуры наизнанку вывернись, ничего сделать не сможет. Попросту не сумеет! А если кто-то сумеет – ну им Бог в помощь.

А Мии надо учиться и еще раз учиться. Чтобы самой разбираться в таких вещах и интригах.

Сегодня девушка поняла очень важную вещь. У тебя могут быть любые способности, любые возможности, но если у тебя не хватает знаний...

Ты всегда будешь на послышках.

Куда уж тебя пошлют, чем ты будешь заниматься – дело другое. Но всегда найдется тот, кто, зная больше, будет диктовать тебе свои правила. Жестокие, кровавые... и никуда ты из этих рамок не денешься. Нереально.

Не нравится?

Тогда учись. И не только глотки когтями рвать, в жизни много чего пригодится...

Мия подумала – и попросила у дяди специалиста по столичной жизни. Чтобы ей объясняли, что и к чему. Вот, к примеру, дан А вызвал на поединок дана Б, ну и убил, конечно. Почему он это сделал?

Просто так?

Ан нет!

У дана А есть любовница, у любовницы брат. И его земли граничат с землями дана Б. А земли-то много не бывает, хочется всегда больше...

Пока у земли нет хозяина, у нее всегда найдутся управители. А там и карты чуточку изменятся, и бумаги могут найтись нужные...

Научиться подделывать бумаги?

Мия решила подумать и над этим вопросом. А что такого? Что сложного – имитировать чужой почерк, состарить лист или чернила...

Этому учат?

Этому можно научиться?

Значит, Мия будет это знать!

Дан Джакомо только головой покачал, улыбаясь. Он преотлично понял, к чему идет дело.

– Хочешь сама попробовать играть в эти игры, племянница?

Мия качнула головой.

– Нет. Это мне неинтересно. Я вообще хотела бы заработать денег, ну и жить спокойно... если получится.

– Тогда зачем тебе это нужно? Делай, что сказано, и заработаешь...

– Дядя, я хочу сама зарабатывать. А не чтобы меня однажды слили, как мыльную воду.

– Хм... достойное желание. Ладно. Я найду тебе учителей.

И Мия поблагодарила своего дядю. Сейчас она намного лучше относилась к дану Джакомо, чего уж там... нашлись общие интересы.

* * *

Наедине и Джакомо, и Комар, который, кстати, носил красивое имя Алесио, говорили вполне грамотно и «воровского языка» не употребляли. Глупость это все. Глупость ненужная.

Кому захочется, тот все эти иносказания и так узнает. А кому не захочется, тому и не надо.

– Что племяшка?

– Врет она мне...

– Хм. И как – веришь?

Джакомо тоже фыркнул в ответ.

– Ага, конечно! Оставила она этого недоумка спящим, а потом кто-то вошел и его зарезал! Бабке моей про то рассказать надо, она сказочки любила!

Алесио улыбнулся.

– Стражники схватили дворецкого. Говорят, он уже в воровстве признался... в убийстве пока нет, но то пока.

– Признается?

– Даже повесится от угрызений совести.

– Спасибо, Алесио.

– Не за что, друг мой. Твоя племянница умничка, она нам много всего полезного принесла. Надо девочку отблагодарить.

– Она свое уже получила.

– Это понятно. Но ты ее не разубеждай, пусть думает, что хорошо соврала.

Джакомо кивнул. Пусть думает, кто ж Мии запретит? Они с Алесио будут знать правду – этого вполне достаточно. Им.

– Мне нравится другое. Девочка была абсолютно спокойна, понимаешь?

– Спокойна?

– Она недавно убила человека. Хорошего ли, плохого... полагаю, он просто не дал ей времени подсыпать снотворное, сразу потащил в кровать. И девчонка ударила.

– Вполне могло быть. Как он на нее смотрел – я думал, на улице и завалит!

– Да уж. Постаралась племяшка. Так вот, она была спокойна. Ни крика, ни истерики... она инсценировала ограбление, она унесла добычу, ушла сама, пришла домой... я слуг попросил понаблюдать.

– И?

– Играет с младшими, смеется... как и не было ничего.

– Может, она не человек?

– Человек. Просто вот такой... равнодушный.

– Вся в дядю.

– Посмотрим, посмотрим...

Комар улыбнулся и поднял кубок.

– Твое здоровье, друг! Твое здоровье!

Джакомо ответил ему такой же улыбкой.

– И твое, друг.

Плывать, что один дан, а второй ньюр. На все плавать. Важно тут было другое. Оба они были хищниками, оба охотились на самую вкусную дичь – двуногую, оба рисковали своей жизнью... Джакомо, правда, еще и репутацией, но если все откроется – посмертно.

Лаццо – и те не знали ничего.

Катарина... может, и догадывалась. А может, и нет. Ей Джакомо говорил, что играет, а умная женщина предпочитает верить мужчине. Особенно когда ей говорят о любви.

Вот и ни к чему слишком углубляться в подробности. Но Мия не такова. Сейчас ее интерес, конечно, и можно и нужно поощрять. А вот потом...

Хотя чего тут сложного? Просто когда она станет чуточку постарше, надо будет подвести к ней красивого парня. С мужиком любая баба растает...

А там...

Один из механизмов отработки стар как мир. Сначала любовь, потом: «Дорогая, я столько должен!» – и вот самоотверженная дурочка уже бросается помогать любимому мужчине. Такие героини исправно бордели пополняют.

Так что...

Пусть Мия учится. Задатки у нее хорошие, через пару лет получится идеальное оружие. А уж хозяин у нее будет хороший. Не обидит...

Мужчины переглянулись с полным пониманием – и еще раз выпили вина.

За успех!

Глава 10

Адриенна

Оказывается, и так тоже бывает.

Смотришь, смотришь на человека – и не видишь его...

Время шло, Адриенна упорно следила за эданной Сусанной.

Вот подловить бы гадину да и показать отцу... только – как?! Конюхи, с которыми блудила эданна, общим числом две штуки, то порознь, а то и вместе, молчать станут. Сама эданна не сознается. А гуляла она с ними по-хитрому.

Когда дана Марка не было дома.

Стоило дану появиться, как она тут же превращалась в образец любви и заботы... образину! Но что тут скажешь?

Папа, она тебе врет? Она тебя обманывает? Она...

Хорошо бы. Только вот вопрос будет простой.

Доказательства.

У нас монархия, у нас без доказательств даже ведьму сжечь нельзя, мы ж не дикари какие! А доказательств-то и нет. Слово любого слуги против слова эданной?

Клевета.

Поймать ее на месте преступления?

А вот так она и будет ждать. Так и будет сидеть, глазами хлопать...

Адриенна не собиралась недооценивать противницу. Сусанна не дура. Дуры при дворе вообще не выживают, она стерва, гадина, дрянь редкостная, но ни разу не дура. И вокруг дана Марка она так вьется, что мужчина тает льдом на солнцепеке.

Ластится, в глаза заглядывает, танцует для него, сама на стол подает, а уж что в постели вытворяет...

Адриенне еще повезло, что ее комната от того места через несколько спален. А слуги перемигивались.

Мол, любятся дан с эданной что те голубки, глядишь, и наследничка подарят вскорости...

А там и дана Адриенна смягчится, ясно ж, кровь не вода. Глядишь, и оттаает сердечко?

Адриенна молчала.

А что тут скажешь? Оттает? При взгляде не пойми на чье отродье? То ли отца, то ли конюха какого? Знаете ли, это большой вопрос, что там будет таять и как...

Может, сосульками обойдемся?

К тому же эданна не беременела, несмотря на все усилия ее мужчин. Вот не было у нее ребенка – точка! Не получалось.

Бог не давал.

Если бы эданна Сусанна была в курсе кое-каких особенностей падчерицы, она бы не клеветала на Бога. Но... она просто не знала, что после разозленной Адриенны детей у нее может и не быть. Обратная такая сторона дара.

Счастье королевы – счастье Сибеллина. А тут-то Адриенна была несчастна. И у этого несчастья была конкретная и осязаемая причина. И имя ей – эданна Сусанна.

Адриенна злилась и гневалась, эданна Сусанна то чихала, то болела, то еще что. А уж что забеременеть не могла... Там бы и рота солдат не помогла, хоть бы они над ней трудись сутками. Увы.

Адриенна, кстати, тоже была не в курсе дела. Не соотносила она свои способности и бесплодие мачехи. Хотя и радовалась ему от всей души. Не по-христиански? Ну и ладно. После беседы с Морганой Адриенна подозревала, что она кто угодно, но не христианка. С такой-то прабабкой!

А вообще, все зыбко и неуютно.

Раньше было просто и понятно. Вот папа – он ее любит, она его любит. Вот Роза. Она родная, теплая и заботливая.

Вот СибЛевран – лучшее место на земле.

А сейчас что?

Все смутно, зыбко, нет ни врагов, ни друзей, ничего нет, словно туман – и в нем Адриенна. То ли стоит, то ли плывет... и ей страшно. Ей попросту жутко становится.

Есть безусловный враг – эданна Сусанна. Но есть и Леонардо. Не то чтобы Адриенна в него влюбилась, но относиться к парню она стала намного лучше.

Есть дан Рокко. Он не друг и не враг, он просто так, сам по себе. Но СибЛеврану он полезен.

Рози оставалась постоянной в этом кошмаре, но Адриенна понимала – кормилицу надо отпускать от себя. Устраивать в жизни... Она поговорила об этом с даном Рокко.

Спустя пять лет Адриенна уедет отсюда. Поместье перейдет под власть Короны. Конечно, дан Рокко с радостью останется здесь, он начал себя намного лучше чувствовать и, Бог даст, проживет еще долго. Но рано или поздно придет новый управляющий.

Как с ним поладит муж Розы?

Как с ним поладит сама Розы?

Да и ее дети... у них должен быть свой дом, свой доход, и хороший, не зависящий от замка. И точно так же Адриенна собиралась позаботиться обо всех верных ей слугах.

Ей верных.

Не дану Марку.

Не Сусанне.

Вот еще тоже... прислали ей девку из столицы. И от этой Розы просто не продохнуть, так и трется рядом, то предлагает волосы уложить по последней столичной моде, то платье перешить, то еще чего... липкая вся, что смола. Не отвяжешься, не отмоешься...

Адриенна махнула рукой на все сложности жизни и отправилась в замковую библиотеку. Здесь ей нужна была книга на ромском. Дан Рокко учил ее языкам, а что может быть лучше для практики, чем чтение? Потом она выпишет непонятные слова, потом обсудит книгу с даном Рокко...

Да, в библиотеке СибЛеврана было много книг. А ведь это дорого.

Рукописи стоят столько, что подумать страшно...

Впрочем, Адриенна об этом не думала. Она усердно искала нужную ей книгу на верхней полке. Залезла по лесенке, потянула, едва не упала сама, еще дернула... хорошо стоит, зараза! Небось кожаные переплеты слиплись...

А вот я тебя...

После особенно сильного рывка книга оказалась в руках у Адриенны. А за ней...

А что это у нас такое?

Конверт?

Интересно... кто его сюда спрятал? В шкаф, на верхнюю полку, еще и книгами заставил.

Очень интересно.

Адриенна ловко вытащила его, уселась на верхнюю перекладину лестницы и вскрыла старое письмо. Нехорошо, конечно, но это уже не переписка, а история. Судя по желтизне конверта.

«Я, Маргарита Сибеллин, оглашаю свою волю...»

Оп-па?

Адриенна с интересом повертела письмо в пальцах. Маргарита Сибеллин? А кто это такая? Судя по имени, из *тех* королей? Которые являлись предками Адриенны?

Почитаем...

Интересно же!

Завешание?

Скорее, письмо, аж на трех страничках. Маргарита рассказывала, как от подлого предательства погиб ее брат, король Лоренцо. Как приехал к ней один из рыцарей брата и сообщил, что надо бежать. Как он нашел женский и мужской трупы, как переодел их в свою одежду, как сбросил в реку.

В итоге Маргариту Сибеллин тоже признали погибшей.

Но по странному совпадению Маргаритой звали и мать маленькой Аламеда, умершую в родах. А Аламеда была вполне законной дочерью Лоренцо, который заключил с Маргаритой тайный брак.

И когда рыцарь привез к ее безутешным родителям сестру Лоренцо и объяснил, какая сложилась ситуация, СибЛевраны, конечно, приняли девушку как свою дочь. И Маргарита, ставшая даной СибЛевран, с радостью возилась с племянницей. Единственная беда – детей у нее не было.

Но...

Так получилось не по ее вине.

В ту ночь, когда погиб Лоренцо, ей явилась прабабка. И рассказала, что совершила страшную ошибку. Она прокляла врага, но плечо отката ударило и по Маргарите. Детей у нее не будет. Увы.

Насколько это обрадовало девушку?

Вот вообще не обрадовало! Ни разу!

Только ори, не ори, дело сделано. Из письма становилось ясно, что у Маргариты был любимый мужчина, но девушка так и не дала ему знать о себе. Не хотела обрекать его на бездетность.

Может, потому и жива осталась?

Любимый мужчина отлично прижился при Эрвлиных, даже какую-то должность при дворе получил, явно не за красивые глаза. А дана Маргарита так всю жизнь и возилась с племянницей, напрочь забыв, что это не ее ребенок, потом с внуками...

Завещание было простым.

Если найдется та СибЛевран, что его раскопает, если прочитает... это явно неспроста. Поэтому...

Осторожнее со своей силой!

Думайте, прежде чем гневаться. А то на месте Сибеллина и выжженной пустыни не останется. Вам это несложно, а людей жалко.

Адриенна только зубами скрипнула. Погладила кольцо на пальце.

Вот ведь...

А знай она раньше? Никогда б не разгневалась до такой степени, чтобы в Эвруну чума пришла. Не виновата она, не знала, только людей все равно не вернешь. Нет, не вернешь...

Дана Маргарита писала еще одну интересную вещь.

Как оказалось, Моргана, та самая прабабка, была невероятно вспыльчивой. Ну и характер не сахарный. Но сдерживаться она могла, равно как и остальные Сибеллины, которые унаследовали это милое качество.

Для этого всего лишь стоило носить с собой черную розу.

Оказывается, эти розы Моргана вырастила сама, их аромат как-то так действовал... или наоборот, они поглощали гнев Сибеллинов и росли гуще и гуще...

Маргарита сама до конца не знала. Что ей тогда было? Пятнадцать лет! Не интересовалась она историей, кружить головы мужчинам было куда как приятнее! А потом и поздно было.

Просто в СибЛевране она заметила за собой припадки гнева. Ну и вспомнила про цветочки.

Адриенна прочитала письмо до конца. Подумала немного и решила подложить его в ларчик с платком и еще одним письмом. Пусть все это будет вместе.

Погладила кольцо на руке.

Интересно, что сейчас с розами в королевском саду?
Растут они или нет?
О нет!
Роза!!!

* * *

Ну почему, почему это не мог быть кто-то другой?
Адриенна едва не застонала.
РОЗА!!!
Хоть ты волком вой. Хоть шакалом плачь...
Да все равно, и кем, и когда, результат один. Как же ей надоела эта липучка! Невероятно! До слез надоела!
Тем временем Роза увидела Адриенну, оживилась и пошла... в атаку?
Да, так это и выглядело.
– Дана Адриенна, как хорошо, что вы здесь! Может, вам слезть помочь?
– Нет.
– Давайте вот так, я вас под локоть поддерживу...
– Роза. Уйди.
– Вы же свалитесь так...
– Р-роза!
Адриенна рывкнула уже всерьез. Только вот на наглую девицу это не произвело никакого впечатления.
– Дана, вы себя совсем не цените. Вы посмотрите на себя! Вам бы в шелках ходить, в бархате, а вы в каком-то тряпье... да и библиотека эта...
– Я тебя спрашивала о чем-то?! Вон отсюда!
Адриенна рывкнула уже так, что полки с книгами пошатнулись.
Роза сделала обиженное лицо.
– А я вам сидра принесла. Свежего... не изволите?
Действительно, на столике у двери стоял небольшой кубок. Но как же он пах яблоками, Адриенна даже здесь почувствовала.
Роза хитренько улыбнулась и поднесла ей кубок.
– Не цените вы меня, дана...

Адриенна сделала глоток, потом допила до конца.

– Роза, ты служишь эданне Сусанне. Ей и служи.

– Ну так вы ж хозяйка, – мурлыкнула наглая девица. – А она тут при вас.

Адриенна нашла бы, что ответить, но дверь библиотеки кто-то толкнул.

Зря.

Дверь была изнутри заперта на засов. Адриенна гневно поглядела на Розу.

– Это еще что такое?! Немедленно открой!

– Слушаюсь, дана! – Девка послушно направилась к двери. Адриенна подумала, что надо бы ее выгнать при случае. И побыстрее, и подальше. Не такой уж великий специалист по косметике и волосам эта рыжая пакость, а вот наглости у нее на шестерых хватит!

Перебьемся!

В библиотеку вошел дан Марк. Наглая девка тут же стушевалась и принялась обмахивать книги тряпкой не первой свежести.

– Вон отсюда! – еще раз рыкнула Адриенна.

Сидр там, не сидр... слугам Сусанны она доверять не будет! И точка! М-да... жарко как-то стало...

– Как скажете, дана.

Роза поклонилась, и вышла вон. Адриенна слезла с лестницы. Сунула книги под мышку.

– Риен...

– Дан Марк?

Прощать пощечину девушка не собиралась.

– Риен... зачем ты так?

– Вам нужны деньги? Простите, дан Марк, все вложено в развитие поместья.

– И это все, что я заслужил за свои заботы?

Адриенна вздернула подбородок.

– Дан Марк, прошу простить, мне надо увидаться с даном Вентурини.

И вышла.

В расстроенных чувствах Адриенна не заметила наблюдавшую за ней Розу.

Сначала Розе казалось, что задание – ерунда.

Подумаешь – девчонку втянуть в свои забавы!

Но прошел месяц, а она по-прежнему топталась на одном месте.

Адриенна была холодна, словно зима. Что ее соблазнять, что сосульку с крыши – равновероятно.

Роза не знала, что Адриенна просто не созрела. Начавшиеся кровотечения никак не пробудили ее чувственность, да и не слишком-то повлияли на организм в целом. Официально – да. Она стала женщиной. А если подумать, то до женской реакции ей еще было расти и расти.

Страсть?

Эмоции?

Такого еще не было. Во многом Адриенна оставалась ребенком, которому описания приключений были куда как интереснее любовной лирики. С этой меркой и стоило подходить к девушке.

Рано, слишком рано.

Но у Розы-то времени нет!

У нее деньги!

А все ее ухищрения попросту ничего не дают.

Соблазнять в открытую, то есть явиться ночью в покои даны и залезть к ней в кровать? Конечно-конечно. Обязательно даже! Только с тех пор, как в доме появилась эданна Сусанна, Адриенна каждую ночь задвигала засов в своих комнатах. Не замок, который можно бы и отмычкой вскрыть.

Засов. Изнутри.

Не выломаешь, не вскрыешь, а если постучать – дана будет в полном и ясном сознании. Кричать начнет, сопротивляться... уж в покои к себе она Розу точно не пустит.

Гиблое дело?

А пятьсот золотых как же?

Роза сдаваться не привыкла. И, изучив за месяц обстановку, поняла, что у нее есть только один выход. Подкараулить девушку в уединенном месте, напоить возбуждающим и воспользоваться обстоятельствами.

Вот и сегодня она хотела попробовать... Библиотека – отличное место. Еще бы минут пятнадцать, и все было бы готово.

Но кой черт принес туда дана Марка?

С другой стороны, у Розы есть еще шанс. Адриенна явно пошла куда-то в башню, побыть одна... Что и требовалось Розе.

За ней!

* * *

В себя Риен пришла только в темном коридоре.

Сидела на окне, книга лежала рядом, по щекам катились слезы.

Больно.

Почему-то всегда больно.

Окно было открыто, свежий ветер развеивал черные волосы, гладил тонкое лицо. И Адриенна становилось спокойнее.

Почему?!

За что?!

Ответа, как всегда, не было. Просто было больно.

Как так получается?! Ну как?! Вот живешь... и все сначала хорошо, а потом оно появляется, и накручивается, словно снежный ком, и деться от него никуда не удастся, и... и больно!

– Дана...

Вкрадчивый голос заставил Адриенну дернуться не хуже, чем от удара плетью.

– Р-роза!

Да, проклятая липучка отыскала ее и здесь. И тут уж Адриенна взбесилась.

– Собирай вещи – и вон из замка!

– Дана, вы мне пару минут не уделите?

– Ты что-то не поняла?!

– Нет, дана. Это вы не поняли...

Роза с каждым словом приближалась к Адриенне, оказавшись почти вплотную с девушкой... а потом вдруг развернулась, прижала девушку к стене и впиалась в ее губы поцелуем. Опытным и умелым.

Адриенна задохнулась от неожиданности.

Так получилось, ее никогда не целовали. Она знала, как это бывает, знала, что происходит между мужчиной и женщиной, начинала задумываться, а вот если бы...

Но к такой наглости оказалась не готова.

– Ах...

А больше она сказать ничего и не успела.

Роза, которая была на голову выше и в полтора раза тяжелее, просто впечатала ее в стену, умело скользнула руками под корсаж, погладила, и все это – не разрывая поцелуя...

Ничего-ничего, и не таких уламывали!

Сейчас и эта девчонка... сначала она растеряется, а потом в дело вступит афродизиак, заботливо подсыпанный в кубок... вот, у девчушки уже и зрачки расширены, она почти ничего не соображает, Роза ей хорошую дозу дала...

Еще чуть-чуть...

Ветер ударил в окно, зазвенели по полу выбитые витражные стекла, страшно закричала черная птица...

Адриенна шарахнулась прочь.

И было видно, как с нее спадает дурман.

Она приняла свое наследство. Она надела кольцо и отдала кровь. Теперь отравить ее было значительно сложнее. Афродизиак подействовал, но не до конца, и действие его быстро проходило. Сейчас бы Адриенне извиваться, не помня себя в порыве страсти, а она только стояла, смотрела и тяжело дышала.

Впрочем, Роза не собиралась упускать случая.

– Дана, – проговорила вкрадчивым голосом. Подумаешь, птица!

Роза шагнула вперед. Сейчас она... и эта малышка... такая свеженькая, такая невинная... это приятно!

Адриенна отскочила ближе к окну.

– Не подходи! Чем ты меня отравила?!

Конечно, Роза не ответила. Вот еще не хватало!

Она сделала еще шаг... еще... На лежащую под ногами птицу не обратила никакого внимания. Да сдохла та ворона, кто бы сомневался!

Сама ворона.

Когда Роза оказалась ровно напротив окна, птица начала действовать. Забилась на полу, размахнулась – и взлетела. И ударила Розу в спину, да с такой силой, что женщина споткнулась, вскрикнула,

по инерции сделала шаг, только вот уже не к Адриенне, а в направлении окна.

Этого дане СибЛевран хватило.

Она окончательно пришла в себя, подхватила юбки и помчалась с такой скоростью, что за ней бы и лошадь на скачках не угналась.

Роза скрипнула зубами.

Ничего-ничего, дорогуша, я к тебе ночью приду. Или еще где подкараулю... рассказать ты никому и ничего не расскажешь, выгнать меня эданна Сусанна не даст, так что – вопрос времени.

– Ты...

Тихий шепот ударил по ушам, заставил дернуться.

Роза оглянулась. Но рядом не было никого.

– Ты...

– Кто здесь?!

Роза попробовала шагнуть вперед, к выходу из коридора, но откуда ни возмись ударил в грудь порыв ветра, заставил отшатнуться еще ближе к окну.

– Ты посмела посягнуть...

Шепот словно бы из ниоткуда. И бежит по коже мороз, и сгущаются в углах тени, чтобы в следующий миг собраться в женщину.

Полуженщина-полуптица.

Прекрасное лицо, руки в перьях, яростные синие глаза.

– С-смерть...

И когда она говорит, видно, что на месте языка, горла у нее просто провал. Чернота.

Роза завизжала от ужаса. Только вот визгом тень Морганы было не остановить. Тень, бессильная и бесплотная, только и могущая, что испугать. Но ей и этого хватило.

Моргана сделала еще один шаг вперед.

Роза шарахнулась. А дальше-то было и некуда. Подоконник ударил под колени, заставил потерять равновесие, женщина замахала руками в попытках удержать равновесие и с диким визгом рухнула из окна.

Последнее, что она увидела, было синее небо – и в нем черная птица.

Синее-синее, как глаза той женщины-призрака.

Адриенна вылетела во двор в полубезумном состоянии.
Кто знает, что бы она натворила, не натолкнись на Марко.

– Риен?

– Она... она...

Сказать Адриенна еще ничего и не успела. Крик словно гвоздем вонзился в уши присутствующих. Отчаянный, жалобный...

Из окна башни медленно падало тело женщины.

– Ох...

Марко сказал не только это, но благородная дана не обратила внимания.

– Р-роза?!

Марко перехватил Адриенну так, чтобы та ничего не видела, уткнул лицом себе в грудь. К сожалению, избавить Адриенну от жуткого звука, с которым тело упало на серые камни, он не смог. И от хрипа Розы – тоже.

– Птица... черная птица...

И все стихло.

– Марко?

Адриенну дрожь била.

Марко погладил ее по волосам.

– Все в порядке... ну, почти.

– Она... она...

– Она умерла. Постой пока тут?

Адриенна качнула головой.

– Марко, мне нельзя.

Постепенно она брала себя в руки. Афродизиак окончательно выветрился из крови, и девушка полностью осознала, что произошло.

Это она вначале растерялась, а теперь сообразила. Не из гнезда же она выпала! И не про такое наслушаешься. И про мужчин, которые с другими мужчинами, и про женщин с женщинами, а кто-то и с животными...

Церковь такое не одобряет. Решительно и бесповоротно.

Церковь считает, что оно для продолжения рода нужно. А вот это все... что ростка не даст – суть извращения. Любострастие и похотливость.

Но есть же!

И не выполоть!

Говорят, даже при дворе его величества, но тсс! Лучше о таком не говорить вслух. Целее будешь. Но все равно говорили.

– Я понимаю, ты хозяйка. Но...

– Марко, просто помоги мне. Будь рядом.

– Хорошо, Риен.

Нечасто он позволял себе так называть подругу. А тут забылся. Но потрясение все же серьезное.

Адриенна развернулась, выпрямилась...

Как выглядит человек, упавший с высоты?

Плохо.

Как большая сломанная кукла со странными пропорциями. Только лицо у Розы осталось целым. И глаза, некогда большие и красивые, бездумно смотрели в небо.

– Умерла?

– Да...

Адриенна стиснула зубы. А потом подошла, достала из кармана платок и накинула на лицо покойной. Закрыть ей глаза она не смогла... даже дотрагиваться не могла. Не от страха – от омерзения.

– Перенесите ее в храм, пошлите за падре Санто.

– Роза!

Во двор вылетела эданна Сусанна. И концерт начался по новой.

– Где моя служанка?! Кто с ней это сделал?!

– Никто, – подсказал Марко. – Она сама выпала из окна башни.

– Она не могла! Пусть люди туда сходят! Пусть проверят!!!

Повинуясь нетерпеливому визгу, несколько человек помчались в башню и быстро вернулись.

– Эданна...

– Моя книга! – ахнула Адриенна.

Да бес бы с ней, с книгой, но письмо! Письмо Маргариты, которое не должно попасть в руки посторонним!

Адриенна сделала шаг вперед и взяла книгу из рук слуги.

– Благодарю.

– Это ты ее столкнула?! – завизжала эданна. Но ее перебил голос дана Рокко:

– Кто видел, как упала служанка?

– Я видел. – Марко выступил вперед. – И дана Адриенна... я ее к себе лицом развернул, чтобы не смотрела.

– Я видела, – подала голос одна из служанок. – Я помой свиньям несла, а тут она как закричит... и Марко к себе дану прижал...

– Значит, Адриенна не могла столкнуть вашу служанку, эданна. Она была внизу, – кивнул дан Рокко. – Дана Адриенна, что это за книга?

– На ромском. Я взяла ее в библиотеке, решила почитать. Сидела как раз в башне, читала.

– А потом?

Адриенна потупилась.

– Ну... я...

– Дана, прошу вас, говорите без прикрас.

– Мне стало почему-то страшно, – созналась Адриенна. – И я убежала.

– Бросив книгу?

Дан Рокко отлично успел узнать девушку. Бросать книгу Адриенна не стала бы ни в коем случае. Наоборот, любого бы загрызла за такое предложение.

– Мне действительно стало страшно, – не солгала Адриенна. – Я себя не помнила.

Книга была у нее в руках. И письмо внутри, Адриенна успела это увидеть.

– Так было? – Взгляд дана Рокко переместился на Марко. Парень пожал плечами.

– Я что... Я во дворе был, тут дана бежит, я ее поймал, пока она себе бед не наделала, вижу – не разбирает ни пути, ни дороги. Только-только встряхнул, а тут... летит. Вот где жуть-то!

– Ага... значит, там был кто-то третий?

– Эданна Рианна приходила. Небось не по нраву ей такое...

Кто это сказал?

Так и не нашли. Но слова мигом разошлись по СибЛеврану, к немалому раздражению дана Марка. А вскоре кто-то шепнул, что видел призрак служанки в башне... потом второй подхватил...

СибЛевран обзавелся своим личным привидением.

Адриенна знала, что все это гольная чушь. Но к чему оспаривать или объяснять? Пусть люди сплетничают, тоже дело хорошее.

Сама она ни о чем рассказывать не собиралась. Но и забывать не будет.

Наверняка приставания служанки и вся эта грязь – дело рук эданны Сусанны. Что ж.

Когда-нибудь ей придется за все ответить. Когда-нибудь. А пока остается только ждать. Жить и ждать удобного случая.

Мия

Вот уж чего Мия не ждала, так это визита Марии в свои комнаты.

– Мария?

Служанка отбросила назад толстые черные косы. В Феретти крестьянки заплетали две косы, перебрасывали на грудь, вплетали ленты и цветы. Когда выходили замуж – делали одну косу и укладывали корзиночкой вокруг головы.

– Дана, мне поговорить с вами надо.

– Пожалуйста. – Мия отставила в сторону лютню. – Что случилось?

– Дана Мия, отпустите меня. Я замуж собираюсь.

Мия подняла брови.

– За кого же?

– За ньюра Лаццо. За старшего...

– Фредо Лаццо? – удивилась Мия. При чем чему удивилась больше – непонятно. Вроде бы купец уже в годах и не слишком красив. С другой стороны, и Мария...

А что – Мария?

Лет ей двадцать пять – тридцать, точнее девушка не знала. Вроде как Мария даже моложе ее матери. А в остальном...

Косы черные, без ниточек седины, щеки румяные, фигура такая... налитая. Фредо понять можно. Да и Марию, пожалуй, тоже. Это раньше она казалась Мии толстухой, пока в Феретти жили. А сейчас и очень даже... Мия постепенно повзрослела.

– Да, – с определенным вызовом произнесла служанка.

Мия пожала плечами.

– Приданое я тебе дам. Хотя, подозреваю, муж у тебя этих сольди и не заметит. А так – будь счастлива. Я за тебя только порадуюсь.

– Спасибо, дана!

Мия улыбнулась.

– Мария, ты уж с нами сколько лет! Неужели ты счастья не заслужила? Как вы умудрились влюбиться, если не секрет?

Мария потупилась.

– Вот так, дана. Я за малышкой Кати ухаживала, ньор Фредо ее любит, ну и...

Понятно. Он ее любит, ты ее любишь, а в результате вы и друг другу понравились. И такое бывает.

– Мария, я за тебя очень рада.

Мария окончательно расслабилась.

– Ньор Фредо хочет скромную свадьбу. Говорит, просто в соборе обвенчаемся, да и хватит нам, чего людей-то смешить?

– А ты?

– И я... дана, просить вас хочу. На колени встану, чем угодно отслужу...

– Мария, ты о чем сейчас?

– Кати.

Мия медленно кивнула.

– Что – Кати?

– Отдайте мне малышку? Дана? Дан Джакомо ее хоть и удочерил, а все одно не полюбил. Нет у него в сердце дочки.

Мия вздохнула.

Ну... если так...

Мария была полностью права. Когда-то Джакомо пожалел плачущего ребенка, не дал пропасть, взял к себе в дом, удочерил. В бумаги человека внести проще, чем в свое сердце. Мия видела – дядя равнодушен к Кати. Хотя уж на что обаятельная девочка! Улыбчивая такая, добрая, ласковая...

– Не знаю, согласится ли дядя.

– А вы с ним поговорите, дана Мия. Seriously поговорите. При его-то образе жизни он и сам пропадет, и малышку подведет.

Мия медленно подняла глаза. Служанка улыбалась.

– Мария?

– Дана, я ж не слепая. Вижу я, и какая вы стали, и чему вас учат. Только вот не к добру это...

– Я не спрашивала твоего мнения.

– А я его и не говорила. – Мария пожала плечами, отчего ее грудь колыхнулась волной. – Просто с такой жизнью, как у дана, не нужен ему ребенок. Совсем не нужен.

И с этим тоже было сложно спорить.

Мия вздохнула.

– Ладно, я поговорю с даном. Ты малышку любишь. И Лаццо ее обожают... может, ей и правда будет лучше у вас.

– Уж вы поверьте, дана. Я б и ваших брата-сестер забрала, честно говоря. Это сейчас дан только вами занимается, а что потом будет?

– Ничего не будет. У них нет таких задатков, как у меня, – отрезала Мия.

– Ой ли?

– Точно.

Кто сказал, что слуги ничего не видят? Не знают? Мария определенно знала больше, чем стоило бы. Но выдавать служанку Джакомо Мия не собиралась. Ясно же, чем это кончится.

Смертью.

Джакомо ее приговорит. А с ней – кого?

Мия поежилась, понимая, что она – ценное имущество. А вот ее брат, ее сестры...

– Мария, я надеюсь, ты умеешь молчать?

– Я вам, дана, зла не желаю. И с Фредо поговорю, пусть он дана Лоренцо к делу приставит, да где подальше.

Мия кивнула.

– Сделай мне одолжение, Мария. Энцо должен многому научиться.

– Дана, тут Фредо хотел корабль на Девальс отправить. Может, и дана Лоренцо туда же?

– Это опасно?

– Как и вся наша жизнь, – пожала плечами Мария. – Молиться будем. А школа жизни хорошая...

Мия задумчиво кивнула.

Вот не хотела она Энцо того же, что и себе. Не хотела ему Грязного квартала, не хотела обучения у Сундука и прочих, не хотела...

А Джакомо может и его втянуть.

Что ж.

– Если ты поговоришь про Энцо, я поговорю про Кати. Мое слово.

– И я вам слово даю, дана.

Мия хмыкнула.

– Если ты выйдешь замуж за Лаццо, ты мне кем станешь?
Тетушкой?

Мария посчитала на пальцах.

– Женой отца жены дяди. А вот как это называется...

– Тетушкой. Тетя Мария, отлично.

– Да, дана Мия.

– Или племянница? – подсказала Мия. И улыбнулась уже совсем иначе, тепло, спокойно. – Даже три племянницы.

Только вот подумали две женщины примерно об одном и том же.

Хорошо, что девочки еще маленькие. И Серена, и Джулия. А вот через три-четыре года...

* * *

С даном Джакомо Мия поговорила тем же вечером, не откладывая в долгий ящик:

– Дядя, у меня к вам серьезная просьба.

– Какая, Мия?

Дядя был в хорошем настроении, Мия лично сделала ему грог, как он любил, с яблоками и корицей, и подала к нему имбирное печенье.

– Дядя, Мария собирается замуж.

– Да? И за кого?

– Эм-м-м... вы только не переживайте, ладно?

– Мия?

– За Фредо Лаццо. Вашего тестя.

Джакомо едва грогом не поперхнулся.

– Ты это серьезно?!

– Вполне. Он ведь постоянно к малышке Кати заходит... вот и получилось так.

Джакомо припомнил особо выдающиеся стати Марии, подумал немного – и удивляться перестал. Ну не в его вкусе, а Фредо и понравилась. У него и любовницы похожие бывали частенько.

У каждого свой вкус.

– Ну... что ж. Счастья им и плодовитости.

Мия тут же и перешла к главному. Раз он сказал про плодовитость сам.

– Дядя... тут такое дело. Мария к Кати привязалась, оставлять ее не хочет. Да и Фредо от счастья светится, как малышку видит. Может, вы согласитесь, чтобы она у них воспитывалась?

Джакомо задумался.

Может, так и лучше будет?

Кати он все же не любил как часть себя, ну не получалось у мужчины принять чужого ребенка как родного. Он бы и воспитывал, и обеспечил, но любовь?

А что она такое – ваша любовь?

Джакомо это чувство вообще было не слишком доступно. Предложение же решало сразу несколько проблем.

Марию выдавали замуж, тесть-молодожен перестанет шлаться к ним каждый день, и это неплохо, Фредо ведь не дурак. Мало ли что увидит?

Мало ли что подметит?

Правда, появлялись и новые проблемы.

– Твои сестры? Им нужна будет нянька?

Мия кивнула. Этот вопрос она тоже продумала.

– Дядя, я думаю, надо поискать в городе дану или эданну, из бедных... есть вещи, которым может научить только благородная. Мария любит девочек и видеть их будет, любовь никто не отнимет. Но учить их надо. Служанка – и учительница.

– Капризничать не станут?

– Серена и Джулия привязаны друг к другу. Они погодки, поэтому им не так нужна Мария. Да вы и сами видите, она больше с Кати...

– Хм. Пожалуй, это и неплохо будет.

– Да и я бы поучилась. Хорошие манеры мне нужны. Мама старалась, но вы сами понимаете, деревня и город – это совершенно разные правила.

Джакомо кивнул.

– Да, согласен. Смотрю, ты многое уже продумала?

– Мне не по душе, что Лаццо постоянно здесь, – честно сказала Мия. – Я себя неплохо контролирую, но от случайностей никто не застрахован.

Это решило дело окончательно.

– Я не против. И даже приданое Марии добавлю.

– И насчет Кати?

– Она все равно останется моей дочерью. Это понятно?

Мия кивнула.

– Спасибо, дядя.

– Не за что. Ты ведь была уверена в моем согласии?

Мия лукаво улыбнулась.

– Скажем так, дядя. Вы отлично знаете, что вам выгодно.

– Лиса, – рассмеялся Джакомо. – Еще печенье есть?

– Конечно, дядя.

И только когда шаги стихли в коридоре, Джакомо позволил себе расслабиться. Проводил Мию острым холодным взглядом.

Девочка начала пробовать коготки?

Отлично, пусть тренируется! Да и ему выгодно то, что получается. Очень выгодно.

Джакомо обдумывал новое дело...

* * *

Когда через несколько дней Фредо Лацци явился с визитом к дану Джакомо, он улучил несколько минут.

Подошел к Мие, сжал ее руку.

– Я должен буду. И Лоренцо к делу пристрою, мое слово.

Мия кивнула.

– Если деньги нужны или еще что...

– Не нужны, дана. Я корабль отправляю на Девальс, надеюсь, заработать удастся. Если только вложиться захотите...

Мия вздохнула.

Девальс.

Остров, с которого везли черное и розовое дерево, жемчуг и пряности... Товары роскоши, приносящие бешеный доход, но и стоящие...

Один корабль с товарами мог обогатить, но мог и разорить человека.

– Да что у меня там есть? Вам же не тысячи нужны – десятки и сотни тысяч. Разве нет?

Фредо хмыкнул.

– Это для чужих, дана.

– Племянница. Мария мне родная стала, вот и вы... тоже.

Фредо оценил. Все же пропасть между данами и ньорами была достаточно велика, иной и не имеет ничего, кроме пера на шляпе, но сколько ж дурного гонору?

– Хорошо, племянница. Давай так сделаем. Я сейчас время тебе уделить не смогу, а вот на днях слугу пришлю. Приедешь к нам, посмотришь, как мы Кати устроим, поговорим заодно... глядишь, и придумаем, что вложить.

Мия прищурилась.

– У меня тут жемчуг есть... вот если под залог?

Фредо улыбнулся.

– Может, и так правильно будет, племянница. Деньги – они работать должны, даже если там горстка соли. Тогда из них лорины и вырастут.

– Энцо бы это еще усвоить.

– Обещаю.

И Мия не сомневалась – сделает. Фредо Лаццо далеко не дурак и свою выгоду везде углядит. Пусть делает.

– Когда вы экспедицию отправите?

– Теперь по весне, дана. Сейчас, к осени, дело не пойдет. Шторма начнутся, ветер плохой задует, тут и без корабля останешься, и без товаров. А вот по весне – самое милое дело.

Мия прикусила губу.

По весне.

А ей бы Энцо и пораньше куда сплавить.

Но ньор Фредо отлично понял ее сомнения.

– Дана Мия, то есть племянница, не стоит так переживать. Я ведь не только кораблями товары вожу, у меня Паскуале еще и по стране ездит. Скоро предзимние ярмарки начнутся, народ товар продавать будет. Там со скидкой купить, здесь с наценкой продать. Могу и дана Лоренцо с собой взять. Хотите?

– Хочу, – честно сказала Мия. – Очень хочу.

– Я поговорю с зятем. Авось не откажет.

Мия тоже на это надеялась.

Она понимала, что дядя постепенно, шаг за шагом, втягивает ее в нехорошие дела. И не хотела такой судьбы для младших.

Она – да. Но она и метаморф, у нее просто нет выбора. Обычная мирная жизнь не для нее. А брату и сестрам надо жить.

Жить, радоваться, создавать семьи, растить детей – и молиться, чтобы они оказались обычными. Без фамильного проклятия.

Ярмарки?

Пусть будут ярмарки!

Адриенна

Время постепенно шло.

Осень подходила к концу, скоро должна была наступить зима. И СибЛевраны собирались на предзимнюю ярмарку.

Ярмарки проводились примерно в пяти-шести днях пути от СибЛеврана, неподалеку от городка с красивым названием Альмонте. Хотя, честно говоря, смотреть в этом городке было не на что.

Захолустье захолустьем, единственный плюс – удобная дорога.

Мэр города оказался человеком неглупым и свою выгоду понял быстро.

Отремонтировал дорогу, построил склады и ночлежные дома, оборудовал место для ярмарок – и дело пошло. И весьма неплохо.

Выгодно было купцам – не ехать далеко.

Выгодно было простым людям – меньше цену накрутят.

Выгодно было местным жителям – они, считай, с дороги жили. С этих ярмарок весь город кормился, кто покупал, кто перекупал, кто стирал, готовил...

СибЛевраны на ярмарки ездили регулярно.

Во-первых, они прикупали лошадей. И на племя, и на перепродажу – даны на несколько недель пути вокруг знали, что кони с клеймом СибЛеврана не задохлые какие клячи. Только качественный товар. Хотя бы и королю ездить!

Во-вторых, прикупали другую скотину. Те же пуховые козы – почему бы не купить пару-тройку, влить свежую кровь?

В-третьих, в замок всегда чего-то да не хватает.

То металла в кузницу, то посуды, то ткани, то зерна...

В этот раз у дана Марка тоже был большой список.

Дан Рокко на ярмарку не поехал. Вместо этого он вручил копию списка Адриенне и сильно извинялся. Спина у бедняги разболелась немилосердно. Так вот оно: забыл про кашель, забыл и когда последний раз кашлял, почувствовал себя получше – и не поберегся.

А спину р-р-р-раз – и просквозило.

Плачься, не плачься, а сиди теперь, укутанный в пуховый платок, и спину растирай настойкой на муравьях. Больно, щиплет, но куда деваться?

Пришлось ехать следующим составом.

Дан Марк – обязательно. Эданна Сусанна ехать отказалась. Она себя плохо чувствовала и надеялась, что беременна. Рисковать не хотелось. А если не беременна – есть шанс как следует постараться, пока муж в отъезде.

Ехал Леонардо, который изнывал в поместье от скуки.

Ехала Адриенна. Ее сопровождал Марко, очень гордый своей ролью охранника. Ему строго-настрого наказали, чтобы не бросал девушку. Ни на минуту не отходил. Розалия обещала лично уши оборвать, если что.

Леонардо этим был недоволен.

Нельзя сказать, что у них с Адриенной все ладилось, но девушка хотя бы не гнала его прочь, соглашалась разговаривать и признавала, что за грехи отцов и матерей дети не отвечают.

Но больше пока ничего другого не позволяла. Разве что руку поцеловать.

Что ж, и это неплохо. Леонардо знал себе цену, рано или поздно эта простушка не устоит.

И в чем-то он был прав.

Адриенна действительно думала о своем сводном брате чуточку чаще, чем следовало бы. Воздух Сиблеврана и здоровая пища, прогулки и отсутствие придворной жизни – и Леонардо сильно изменился. В его возрасте юноши вообще меняются разительно, месяц не увидишь – и уже другой человек.

Вот и тут...

Стали шире плечи, стали гуще волосы, очистилось лицо, перестал урчать вечно больной от несвежей пищи желудок, да и цвет лица тоже

улучшился. И вот: сидит на коне вполне привлекательный юноша.

Красавец даже.

Коричневый кожаный дублет подчеркивает широкие плечи и тонкую талию, очаровательная улыбка... ладно, зубы она не открывает. Зубы у Леонардо так и остались плохими, но улыбаться можно по-разному. К примеру, скромно и трепетно, не разжимая губ. И усы отпустить, благо они тут хорошо расти начали.

Адриенне он... нравился?

Не то чтобы очень, но Леонардо был единственным подходящим парнем на всю округу. Не Марко же на шею вешаться? Марко с детства рядом, он свой, он брат. А Леонардо...

В эту минуту Леонардо потянул за узду, горяча коня, и Адриенна поморщилась.

Она сидела верхом на симпатичной гнедой кобылке с белыми чулочками. Не в карете же ехать? Это намучаешься! Пару телег с собой взять надо, вот пусть они и тащатся. А господа пока по ярмарке погуляют, все купят. Приедут телеги, их только загрузить останется. И можно в обратный путь.

Ее-то кобылка была довольна. А вот серый мерин Леонардо – нет. Но это был его личный конь, и тут уж Адриенна ничего не могла сказать. Что хочет – то и делает. Но коня все равно жалко.

Леонардо поймал взгляд девушки, внутренне скривился, но коня оставил в покое. Серый вздохнул с облегчением. Тяжко быть хорошим конем, но у дурного хозяина.

Адриенна тоже выдохнула. Может, и не такой плохой Леонардо? Просто чего-то не понимает? Потому что при дворе жил? Но со временем она все ему сможет объяснить.

Наверное...

– Адриенна, давайте наперегонки? До того холма? – предложил Леонардо.

Адриенна качнула головой.

– Я не хочу соревноваться. Давайте просто покатаемся.

– Я буду очень рад. – Взгляд у Леонардо был отработан на кучке придворных дам. Томный, с поволокой...

Надо будет еще разноцветных листьев набрать, подарить этой дурехе. И стихи почитать.

Женщины на это преотлично клюют, лучше, чем рыба на опарыша! Только подсекать останется!

* * *

Ночлег на природе.

Адриенна давно к этому привыкла. Ну нет рядом с СибЛевраном постоянных дворов, просто нет! Откуда им взяться? Так что все отработано до мелочей.

Ставятся палатки, небольшие, для нее – на одного человека, для дана Марка тоже, остальные ночуют кто под навесом, кто рядом с костром. Сегодня дан Марк потеснится, лишних палаток у них нет, так что Леонардо будет спать с ним. И чего он так кривится? Странно даже...

Пища, приготовленная на костре, тоже не отличается изысканностью, но она горячая, сытная и вкусная. Каша с кусочками сала, хлеб, который чуточку поджарили на палочках над костром, сыр, яблоки – что еще надо?

Мужчины запивают все вином, Адриенне взяли яблочный сидр. Слабенький...

С некоторых пор девушка этот напиток разлюбила, но признаваться не собиралась. Спокойно выпила кружку и уселась у костра.

Языки пламени плясали, танцевали, завораживали...

Она даже не заметила, как с одной стороны рядом уселся Леонардо, а с другой подсел Марко. Оставлять подругу с этим столичным хлыщом?

Это Адриенна смотрит и не видит, а его мать уже предупредила, чтобы глаз не спускал! Ясно же – дрянь эвронская этот Леонардо. Такому девку испортить – что в лопах высморкаться.

Леонардо угрожающе посмотрел на Марко, но тот изобразил тупого крестьянина. А поскольку, по мнению Леонардо, крестьяне все такими и были, он и махнул рукой. И пошел в атаку.

– Мне тоже нравится смотреть на огонь.

Адриенна кивнула, не отводя взгляда от языков пламени.

– Он так красив, так прихотлив... пожалуй, есть только одно зрелище, которое способно заворожить меня еще больше.

– Да?

– Это вы, Адриенна. Вы так прекрасны, что я готов смотреть на вас часами.

Адриенна покраснела и качнула головой. Еще все придет. И способность галантно отвечать на комплименты, и умение слушать их, не краснея...

Все еще придет. Но пока ее это смущало.

– Я обыкновенная, дан.

– Нет, Адриенна. Вы самая прекрасная, самая чудесная девушка... Марко скривился.

Вот ведь... и не возьмешь его, не отведешь, не предложишь поговорить как мужчина с женщиной. Хотя...

Марко младше, так что кто бы и кому накомителю – еще вопрос.

Но все равно обидно!

А что он может сделать?

Хм...

Марко ухмыльнулся и незаметно отодвинулся в темноту от костра. Сейчас-сейчас...

Адриенна подбросила в костер несколько веточек. А потом ощутила, как ее пальцы попали в плен мужской ладони.

– Я готов вечность провести вот так... держа вас за руку, Адриенна. И глядя в ваши глаза, которые прекраснее и огня, и воды.

Марко отсутствовал недолго, но...

– Ау-у-у-у-у-у-у-у!!!

Вой, который пронесся по лесу, заставил Леонардо дернуться и заозираться по сторонам.

– Волки?!

– Наверное. – Адриенна пожала плечами. – В эту пору зверь сытый, на людей не кинется.

Леонардо это почему-то не успокоило.

– Сытый? А он об этом знает?

– Наверное... если только какой бешеный или подренок попадется...

Адриенна-то была спокойна. А вот Леонардо резко расхотелось любезничать. Он встал, вежливо попрощался и ушел в палатку.

Адриенна еще посидела у костра. Пару раз вой повторился.

Девушка почему-то не боялась.

Повторился?

Да и пусть его воет. И не такое слышали... знаете, как осенью воет ветер в горах? Нет? Ну так вы много потеряли. Там и стоны, и вздохи, и вообще кошмарный ужас. Уснешь, так седым проснешься.

Ладно, надо тоже спать. Завтра вставать на рассвете...

Глава 11

Лоренцо

Дану не подобает!

Сколько ж раз Энцо слышал эти слова! Они в зубах навязли, в челюсти застряли... от них на языке ядовитый привкус был! Отец только их и знал!

Дану не подобает!

Самому запрячь-распрячь лошадь? Дану не подобает!

Почистить? Дану не подобает!

Подобрать себе одежду, а то и щеткой отряхнуть – что тут такого? Дану не подобает!

Поиграть в мяч или расшибалочку с другими мальчишками, удрать на рыбалку, просто побегать и поорать всласть? Дану не подобает!

И так продолжалось почти всю жизнь Энцо.

А потом папа умер.

Стыдно сказать, но Энцо ничего такого серьезного не почувствовал. Это его отец, Энцо его любил, но как-то так... колбасу он тоже любил. Свиную, подкопченную. И погулять вечером, и влезть куда-нибудь повыше, посидеть...

Тоже любил.

И что?

Про любовь говорят очень часто и словом этим обозначают много чего. Энцо любил отца. Но когда его не стало – не расстроился. Ему было плохо, когда отец уходил, и Энцо не знал, как бы он выдержал, если бы не Мия. Но сестра помогла, и он тоже справился.

Мию он любил гораздо сильнее. Даже не так. Не любил.

Энцо вообще мерил все происходящее не силой любви, а другими категориями.

Когда не стало отца, ему было больно, но он справился. Когда не стало матери, ему было очень-очень больно, но он опять справился.

А если не станет Мии?

Энцо подумал, что справится. Наверное. Но...

Уход близких – это как кусочки твоего мира. Ты стоишь на краю обрыва, а из-под твоих ног вылетают кусочки, катятся вниз... когда-нибудь и ты шагнешь в эту бездну.

Когда-нибудь...

Раньше или позже – от чего это зависит? Во многом еще и от того, какого размера кусок отколется от скалы. Если слишком большой, то и ты не удержишься.

Мия была...

Энцо понимал, что именно сделала для них сестра. Она фактически взвалила семью на свои плечи, она заменила всем мать, она ухаживала за матерью и теткой во время чумы, а он прятался с младшими и молился. Но вел себя как мужчина. По мере сил помогал Марии, успокаивал и Джулию, и Серену, развлекал, смешил, играл с ними. Мария была довольна.

И понимал: если все умрут, кормить сестер придется ему.

Вот где он оценил науку ньора Фредо! Вот где понял!

Какая разница, кто тебя учит – ньор или дан? И чему учат? Пристало это дану или нет, благородное это дело или нет? Это ремесло у тебя в руках, которое не даст пропасть с голоду и тебе, и твоим близким!

И куда только спесь делась?

До болезни Энцо еще мог пофыркать. Мальчик на побегушках, он же дан, его нельзя гонять, и вообще... конечно, не фыркал. Потому как получал от Мии за такое по шее.

Благородный ты или нет, а сестра-то на год старше. И крепче.

И от дяди мог получить...

Так что Энцо слушался, но через силу. А вот во время чумы он и понял. И после ее ухода принялся и работать, и учиться в полную силу. В лавке на мальчишку нарадоваться не могли! Как подменили парня!

Первым несется помогать, с клиентами уважителен, товар изучает, спрашивает, учится... приказчики, конечно, ему отвечали. Обычно мальчиков на побегушках и гоняют, и не особо-то уважают, но Энцо же племянник хозяина! Его поставили, чтобы он с самого начала купеческую науку постигал. Вот его сильно и не шпыняли, и не нагружали.

А когда он сам захотел да желание изъяснил...

Тут-то поручения и посыпались как из рога изобилия. Тут-то мальчишка и начал домой приходить едва дыша. Но не жаловался. А там и втянулся, и начал соображать, подмечать...

Торговля – неплохая школа жизни.

Узнаешь, как обманывают? Значит, тебя больше не обманут.

Узнаешь, как делают деньги? Значит, и сам их сделать сможешь! Не нарушая закон... почти. А уж по ярмаркам поездить...

Это Энцо с огромным удовольствием!

Мир повидать, себя показать...

Дан Джакомо ему честно предоставил выбор. Позвал его в кабинет, где были и Фредо Лаццо, и Паскуале. Энцо тот разговор хорошо помнил.

* * *

– Энцо, Паскуале собирается поездить по предзимним ярмаркам. И предлагает взять тебя с собой.

– Правда?! Можно?!

Энцо аж на месте подскочил. Надвигалось Приключение! И какой мальчишка от него откажется?! Нереально! Да пусть ему на месте голову оторвут!

Он хочет поехать!

Взрослые переглянулись с понимающими улыбками.

– Это до зимы, – строго предупредил Джакомо. – То есть почти на три месяца. И поверь, слуг у тебя не будет. Наоборот. Каждому придется ухаживать и за собой, и помогать другим. И за лошадьми смотреть, и воду таскать, и на костре готовить... я всех ситуаций даже представить не могу. Но первое же слово возражения – и ты отправишься обратно. Обуза никому не нужна. Ты понял?

Энцо кивнул.

– Я постараюсь не стать обузой. Я понимаю, что будет тяжело, но я хочу попробовать.

Мужчины переглянулись.

– Что ж. Тогда стоит попробовать. Паскуале поможет тебе собраться правильно, – подвел итог Фредо. – Джакомо, ты точно не против?

– Мальчику надо узнавать жизнь и с изнанки, – пожал плечами самый замечательный дядя в мире. – Когда еще и учиться? Я вам пару человек в охрану дам, пусть в дороге его поучат оружием владеть.

– Пусть, – согласился Паскуале. – Если будет время хоть ноги таскать.

– Ну первые-то дней десять точно не будет. А потом или втянется, и тогда ребята его учить будут, или рассопливится, и тогда будет кому его до дома отвезти.

– Я не подведу, дядя! – поклялся Энцо. – Дяди...

Мужчины переглянулись – и рассмеялись.

– Не дуйся, – поспешил объяснить Паскуале. – Мия так и сказала, что ты рад будешь.

– Мия... знает?

– Как же ей не знать? Она сестра, она волноваться будет.

– Ой...

А вот об этом Лоренцо и не подумал. И волноваться будет, и переживать, и вообще нервничать. Кто бы спорил.

– Мия сама это предложила. Она сказала, что тебе полезно поучиться. Так что иди поболтай с сестрами, а завтра с утра приедет Паскуале. У вас впереди много работы.

Работы!

От одного этого слова дан Пьетро упал бы в глубокий и продолжительный обморок.

Дан – и работа?! Не положено!!!

Но Энцо было на это плевать.

Кто там что там куда положил...

Его ждало приключение! И он собирался взять от жизни все интересное!

* * *

Первые несколько дней действительно были ужасными. Каждому путешественнику полагались лошадь и вьючной мул. И скотину надо было обихаживать. Не можешь? Тогда это сделают за тебя, а ты тем временем или дров для костра наберешь (и получишь по шее за то, что

принес сырые), или за водой сходишь, или стоянку обустраивать будешь...

Палатки никто с собой не возил, благородных тут не было, ночевали в фургонах, наподобие ромских. Натягивали тент и спали под ним. Но холодно же!

Не на земле, конечно, а то бы вовсе околели, но в каждом фургоне есть жаровня. Только вот за ней следить надо. Дежурство.

Уснешь – такую оплеуху схлопочешь, что до конца дней головой трясти будешь. Энцо не уснул, его это миновало, а вот один из охранников, Жако, как раз задремал. И Паскуале его поучил попростому.

Никто не протестовал, да и сам Жако тоже.

Жаровня же!

Хоть и лист металлический подложен, но огонь же! Стрельнет уголек на тент – все погорят. Хорошо, если жертв не будет.

А еще надо готовить пищу, следить за лошадьми, проверять копыта и спины, осматривать зубы, кормить, поить, растирать...

Чего только не надо!

Упряжь – и ту регулярно осматривали, смазывали, чтобы не сохла, товар проверяли, оружие... даже себя! Потертости, опрелости, мозоли... так вот запустишь и получишь себе антониев огонь. Там уж лечить поздно будет.

Первые дней десять Энцо чувствовал себя ужасно. Даже не так.

УЖАСНО!!!

Состояние было такое... он не высыпался, от плохой еды начался понос, он едва таскал ноги, его мутило и регулярно рвало... а уж про боли в мышцах вообще помолчим! Энцо казалось, что все тело у него одна громадная мышца. И она БОЛИТ!!!

Адски болит.

Мальчишка уходил подальше от костра и ревел. При всех было стыдно как-то, а уединиться в фургоне не получалось, там постоянно кто-то был. Он не знал, что двое охранников, назначенных Джакомо, Чезаре Делука и Леоне Каздеи, постоянно следили за ним. Не знал, что даже по нужде ходит в сопровождении.

Остальные знали, но молчали. Смотрели на дана.

Приглядывались.

Дан там, не дан... это дорога! Случиться здесь может разное, на соседа полагаться надо полностью. А не так... тут буду, там не буду...

Капризы могут жизни стоить!

Но Энцо справлялся.

Постепенно прошли судороги, мальчишка оттаял, а там и начал всем интересоваться. Учиться тому, учиться этому, спрашивать, уточнять...

Прошел понос от некачественной пищи, приспособился желудок, и Энцо принялся лопать все, что на столе лежит. Сало? Так давай, и побольше! Хлеб? Лук? Сыр? Да хоть что давай, все съем! Еще и добавки попрошу!

И это не могло не сказаться.

Постепенно окрепли мышцы. Энцо относился к тем мужчинам, которые массивными, наверное, никогда не будут. Узкокостный, но жилистый, словно из ремней сплетенная мускулатура, хорошие растяжка и гибкость...

Наследство метаморфов.

Они жирными не бывают, им слишком часто приходится удирать.

А там Энцо и понял, что у него остается время и на лапнике поваляться, на овечьей шкуре, и на звезды посмотреть...

А однажды к нему подошел Леоне. Примерно на седьмой день пути.

— Учиться будем, дан?

— Чему? — с готовностью откликнулся Энцо.

— Для начала — верхом ездить.

— Так я же вроде...

— Так это — вроде, — ухмыльнулся Леоне. И на следующий день мышцы заболели снова.

* * *

За два месяца пути Энцо выучился управлять конем одними коленями, без поводьев, взлетал в седло с любой стороны, наклонялся и поднимал с земли любой предмет, пробовал, как Леоне, на скаку пролезть под брюхом коня, вставал на седло коленями и примерялся

выпрямиться во весь рост. Пока побаивался, правда. Знаете, как сложно удерживать равновесие?

Вот Леоне, ловкий и гибкий, невысокий и худощавый, все это умел. Чуть ли не на одной ноге стоял на седле. А еще жонглировал чем хотел, на скаку попадал кинжалом в мишень, стрелял из арбалета...

Энцо тоже так хотел.

Ему, правда, было тяжело, Леоне обмолвился как-то, что он в детстве был циркачом и с малолетства тренировался, но Энцо тоже может наверстать. Правда-правда...

Чезаре в это время тоже тренировал мальчишку. Правда, чуточку иначе.

Меч? Да, возможно. Но это потом. А пока...

Нож, стилет, кинжал, любое острое, которое попадает в руки, – из всего можно сделать оружие. Меч для мальчишки нужен особый, тренировочный, и режим особый... данов этому с детства учат. У них такой возможности нет, да и желания.

Пусть мальчишка сражается тем оружием, которое удобнее.

Энцо метал в мишень все что угодно, привыкал к балансировке, к развесовке, впервые подержал в руках пращу, и как же ему было интересно!

А кнут?

В руках Чезаре кнут летал, словно птица. Мужчина мог муху сбить с лошадиного уха и шерстинки не потревожить.

Оружие коровьих пастухов? А вы его попробуйте освоить! Тогда и посмотрим, кто будет смеяться последним.

А нагайка? Если кто не видел, как это оружие – да-да, оружие! – вспарывает плоть, лучше и не надо. Кошмарные сны потом будут обеспечены. Чезаре мог волка перешибить пополам. Не рассечь, конечно, но хребет сломать – спокойно.

И это было действительно страшно!

Только вот Энцо не боялся. Он учился и учился.

Учился на привалах.

И учился в городах.

Как жульничают и обманывают, как красят лошадей и надувают их, как старых животных выдают за молодых, гнилую ткань за хорошую, медь за золото, как распознать фальшивый лорин на вес и прикус, как поговорить с прислугой в трактире и с уличным

мальчишкой, как узнать, на что будет спрос, а что можно купить подешевле...

Не подобает?!

Честное слово, явись сейчас пред Энцо покойный отец и попробуй что-то запретить, мальчишка бы его послал по матери. Да-да, и этому он тоже учился.

Как известно, крепкое словцо и подзатыльник иногда успешно заменяют сутки уговоров. Так что простым народным говором Энцо тоже владел. Более того, начал разбираться в одежде, прическах, выговоре...

Вот в столице тянут звук «а» и раскатисто произносят «р».

А на севере, ближе к горам, «р» короткое, зато «у» очень певучее и красивое. Как волчьи песни... хотя сейчас как раз волкам петь и не сезон. Вот позднее, когда свадьбы начнутся...

В профессиях начал разбираться. На руки смотреть, на походку, осанку... то, что началось еще в лавке. Мало ли кто придет, мало ли что предложит или продаст...

Вот, к примеру, матросы с кораблей. У них интересные товары бывают. Но матрос никогда просто так в город не выйдет, расфрантится до предела.

А если пришел кто-то с нежными руками, но расфранченный, и говорит, что матрос?

Или руки, допустим, в порядке, а вот наряд не тот? Не парусина крашенная?

Там подметить, тут посмотреть... Вот и оказывается, что человек-то себя за другого выдает. А раз так, то жди беды. Жди подвоха.

Учиться, учиться и снова учиться. И как же это было интересно!

Энцо впитывал дорогу каждой клеточкой, каждой жилочкой своего тела. И от каждого нового города ждал только новых интересных впечатлений.

В том числе и от Альмонте. Здесь можно было закупить вещи из козьего пуха, чтобы потом выгодно перепродать в столице. Так что надо постараться...

Правда, Энцо в этих вещах не разбирался, но торгует-то Паскуале! Авось и покажет, и разъяснит... а Энцо послушает. Давно уж все забыли, что мальчишка – дан. Энцо да Энцо. Поди, принеси, отнеси...

В дороге друг друга как-то быстро начинаешь по именам звать. Вот и Энцо тоже...

А и пусть! Так и быстрее, и удобнее. Итак, Альмонте. И предзимняя ярмарка, к которой как раз и подгадал Паскуале.

Адриенна

Альмонте девушке был хорошо знаком. И таверна, в которой они уже не раз останавливались, – тоже.

«Матерая рысь».

Название красивое. На самом деле рысь там и рядом не пробегала. А матерыми могли быть разве что тараканы. Вот они – да, матерущими даже.

Адриенна на них и внимания не обратила.

Привычно поздоровалась с дядюшкой Витторе Пиччини, которого вот уж лет семь знала, слышала, что «ваша, дана, комната всегда свободна», и отправилась наверх.

Пусть ей сейчас принесут горячей воды! И хорошо бы выспаться. Есть не хотелось, а вот спать, спать, спать...

Мужчины остались внизу.

Дан Марк заказал покушать, и побольше. Леонардо сначала присоединился к старшим, а потом увлекся прелестями служанки и отправился вслед за ней в небольшую кладовку.

Он молодой!

Ему НАДО!

* * *

– Что мы сегодня делаем?

Этот вопрос опять задал Леонардо. Остальным все было и так ясно.

Дан Марк и Адриенна идут на ярмарку, закупаться, охрана охраняет, слуги ждут. Что еще требуется?

Леонардо подумал какое-то время и принял важное решение:

– Я, пожалуй, останусь. Отдохну еще денек, а уж потом пойду с вами...

И стоило спутникам выйти за дверь, как он позвал к себе в комнату вчерашнюю служанку. А что? Ему вчера мало было! Надо сегодня наверстать!

И побольше, побольше... кувшин вина, кровать и сговорчивая женщина, что еще надо для счастья? Да ничего, даже кровать исключить можно! Есть и другие удобные места!

– Для начала, думаю, к лошадям, – решил дан Марк.

Адриенна не возражала.

Лошадей она любила, да и как их можно не любить? Умные глаза, шикарные гривы, изящные мощные тела... полет, застывший во плоти.

К тому же им требовалась пара племенных кобыл.

С лошадьми работать достаточно сложно, лошадь не может постоянно рожать, постаревшую лошадь тоже надо куда-то пристраивать, регулярно «обновлять кровь»...

Тонкостей много. Очень много.

В библиотеке хранились несколько толстых томов с родословной коней, от первого до последнего. И не только родословной.

Мало знать, кто и от кого. Нужны еще особенности самого коня, перенесенные болезни, характер, корм...

Книги регулярно дописывались, в них вкладывались листы... Дан Рокко обещал за зиму привести это хозяйство в порядок. Но Адриенна не сомневалась – этой осенью она ему еще добавит работы.

Минимум две кобылы на племя. И хотя бы один жеребец.

И если большинство товаров можно купить в последние дни ярмарки, то лошадей лучше смотреть сразу. Их разберут быстро.

Вот и шли СибЛевраны по направлению к загонам для скота.

Молчали.

Раньше Адриенна держалась бы за руку отца, дан Марк купил бы ей какой-нибудь жутковатый леденец из крашеного сахара, они бы смеялись и подшучивали друг над другом.

Сейчас между ними стояла эданна Сусанна.

Адриенна не могла простить отцу этой женщины. Не могла...

Может, кто-то другой... другая... но не эта же! Девушка не понимала, что любая, занявшая место ее матери, просто любая женщина вызвала бы точно такую же волну агрессии.

Дан Марк?

Понимал. Но разбираться с этим не хотел, считал, что тоже заслуживает счастья. А не бабских дрызг и споров, в которых виноватым всегда остается мужчина.

Вот и молчали отец и дочь.

Шли, молчали...

* * *

– Какое чудо!

Адриенна прикипела взглядом к белой кобылке.

Та, словно понимая, что ею восхищаются, покосилась фиолетовым глазом, кокетливо изогнула шею.

– Чистокровная арайка, – порадовал продавец. – Три года, выносливая, ласковая... для молодой девушки так лучше и не придумаешь.

Так-то да.

Но...

Лошадь может быть нужна для парадов, выездов, для аристократов. Тогда – да! И арайка идет в масть. Но где столица, а где СибЛевран?

Кому в глубоком захолустье нужны *такие* лошади?

Нежные, изящные, не приспособленные к местным условиям, требующие особого ухода и корма и годящиеся – будем честны! – только на то, чтобы покрасоваться перед толпой.

Адриенна, равно как и все СибЛевраны, делала ставку на другое.

На крупных, мощных коней, неприхотливых, легко переносящих и жару, и холод, умных и послушных... нет у них такого стандарта породы, как у арайцев?

И не надо! Зато будут работать там, где сдохнут остальные.

Девушка качнула головой.

– Нам не...

– Мы ее покупаем, – прищурился дан Марк.

Адриенна посмотрела на отца даже с недоумением. Вот зачем, зачем им это счастье в конюшню?! С ума с ней сходить всю зиму?! Ее даже на выпас не отправишь просто так... это как ребенка завести!

Но...

Ответ пришел на ум мгновенно.

– Эданна Сусанна обойдется без подобных игрушек.

Дан Марк покраснел, косвенно подтверждая слова дочери.

– Какая разница? – даже возмущение прозвучало фальшиво. – Нам все равно нужны кобылы на племя, почему бы и не эта?

Адриенна фыркнула.

Ну да. Выводите вы кур-несушек в курятнике, потом покупаете павлина – и туда его! Чего б не скрестить? Оно же тоже птица?

– Она нам не подходит.

– Я считаю, что подойдет, – надавил дан Марк.

Адриенна качнула головой.

– Сколько стоит это счастье, ньор?

– Мелочи, дана! Всего сто лоринов!

Адриенна фыркнула еще раз.

Ладно, после торговли она собьет цену до восьмидесяти лоринов, дороже эта лошадь не стоит. Но... подумайте сами! Зачем?! Если сто лоринов они с даном Рокко выделили на ТРЕХ лошадей? Не на одну? Будь она хоть какая шикарная!

– Я думаю, – начал было дан Марк, – что мы...

– Что у нас нет столько денег, – жестко вмешалась Адриенна. – Дан Вентурини не одобрит подобную трату.

Дан Марк сверкнул глазами.

– Я знаю, что деньги есть!

– Не на баловство, – отрезала Риен. – Не на всякое и всяких! Деньги мы сейчас взяли, чтобы закупить все необходимое для зимы. Если эданне Сусанне нужна лошадь, если те, что стоят в конюшне, ее не устраивают, равно как и конюхи, она всегда может купить себе животное сама.

– Адриенна! Ты обнаглела!

Адриенна пожала плечами.

Допустим, обнаглела.

Только вот сделать с ней отец ничего не сможет. Куда еще-то? Есть куда, конечно, но король с него потом спросит, и строго.

– Сиблевран не должен оплачивать прихоти не пойми кого. Или обратись с этим к дану Рокко, отец, – тихо сказала она.

– Мы. Берем. Эту. Лошадь!

Дан Марк сильно разозлился.

Мешочек с золотом перекидывал в руки торговца.

Сказать, что Адриенна разозлилась?!

Она тряхнула головой.

– Отлично! Если так... я предоставляю вам, дан Марк, закупаться самостоятельно!

– Вот и чудесно!

– Я тоже так думаю!

Адриенна развернулась – и, печатая шаг, удалилась с ярмарки.

* * *

Вот как тут быть?!

С одной стороны, Сиблевран страдать не должен из-за амбиций дана Марка.

С другой... дан Рокко, конечно, будет ругаться, но факт все равно останется фактом. У них будет одна бесполезная кобыла вместо трех нужных лошадей. И это смотря что еще отец купит, чтобы угодить своей девке.

А что она может сделать?

Деньги-то у него...

В расстроенных чувствах Адриенна не заметила, как за ней отправились двое мужчин. Девушка, красивая, молодая... За такую дорого дадут в той же Арайе. А уж как доставить...

Разберемся!

Не первый раз уже, технология отработана.

Вот она уже подходит к удобному переулку, вот уже сейчас...

Ничего особенно сложного. На голову девушки набрасывается мешок, в котором находится крошенный табак. И не задохнется, и на помощь позвать не сможет. Не до того будет.

И – тащим!

Обычно работоторговцы так и делали, но в этот раз все пошло немного не так. В дело вмешался посторонний человек.

Лоренцо

Энцо бродил по ярмарке в свое удовольствие.

Он не знал, что Чезаре и Леоне приглядывают за ним издалека. Пока он не научился распознавать слежку. А вот погулять хотелось.

Очень.

Паскуале к этому отнесся вполне спокойно. Мальчишка неглупый, серьезный, а узнавать жизнь когда-то надо. Чего все время со взрослыми-то за ручку ходить?

Что надо, они уже прикупили. Почти.

Осталось еще кое-что продать... вообще, дней пять они отсюда никуда. Пусть парень погуляет.

Энцо и гулял.

Купил себе пирожок с яблоками, кружку эля... а вот потом эль подошел к концу. И в кружке, и... через организм он тоже прошел очень быстро. И Энцо понадобилось уединение.

В переулок он за тем и направился. Устроился за выступом стены, щедро полил какой-то кустик, и... и обнаружил, что, пока он занимался удобрением, в переулок свернули две личности с явно плохими намерениями.

Насмотрелся он таких в столице, бегая по поручениям. Лучше от них подальше держаться...

Сволочь, а не человек, метко высказался по этому поводу дядя Джакомо. И Энцо считал, что лучше не скажешь.

Именно что сволочи. А люди – это потом. Наверное...

Но это не по его душу, явно. И стоят спиной к Энцо, и кого-то ждут... и мешок у них в руках. Адриенна о таком не слышала, а вот Энцо – вполне. Дядя Паскуале рассказывал.

И что теперь делать?

Прятаться? Это логично, это безопасно и... не подобает благородному дану! Если уж на то пошло! Значит... воюем!

Энцо тоже ждал.

И как только в руках у мужчин затрепыхался сверток, перешел в наступление.

Удар под колено – страшная штука. Между прочим, может свалить с ног любого мужчину. Даже если в тебе двадцать килограмм (в Энцо было все же побольше), а в том за сотню.

Главное – ударить в нужное место. И Энцо отлично справился.

Один из мужчин полетел на землю, мешок тоже упал... а Энцо тут же атаковал второго. И ударил, жестоко и расчетливо, головой в живот. Согнулся и второй.

Дальше?

Вот дальше и закончилась бы эта история для Энцо. Потому что кинжал он в ход все же не пустил, не доводилось ему пока убивать. А оглушенная Адриенна не смогла бы бежать.

Детей мигом поймали бы, и Энцо прирезали, а Адриенну все равно продали. Но в дело вмешались охранники.

Чезаре Делука возник словно из-под земли.

– Вот ведь молодежь... Начал – так добивай!

Два точных удара кинжалом в сердце оборвали жизни похитителей.

Леоне подхватил на руки девочку, стянул у нее с головы мешок и встал так, чтобы она не увидела трупов.

– Начал неплохо, но потом-то чего растерялся?! Надо было кинжалом!

Энцо посмотрел на это квадратными глазами – и согнулся в приступе рвоты.

Все, что не вышло с одного конца, вылетело обратно с другого. Как-то миновала его эта сторона жизни... и чуму он взаперти просидел, и убийств при нем не совершалось.

Мия на его месте вела себя иначе. Но Мии здесь и не было.

Чезаре ловко обшарил карманы покойных, перехватил Энцо, сунул ему платок и подтолкнул к выходу из переулка.

– Не задерживаемся! Живо, живо, нагрянет стража – замучаемся откупаться.

Возражающих не было.

Только хрипло и надсадно кашляла Адриенна.

* * *

В себя девушка пришла только на постоялом дворе. Что интересно – совсем в другом конце города.

Да, вот так вот.

Трактиры для чистой публики и для торговцев располагались в разных местах. Не потому, что одни хорошие, а вторые плохие. Просто цели разные...

Дану что надо?

Чтобы разместили его и свиту. Обслуживание можно и подороже, а вот места нужно меньше.

Купцу же бог весть какие поклоны не требуются. Но нужны и загон для скота – отдельный, – и конюхи, и место для телег, и склад для товара...

Много чего нужно! Совершенно не того, чего благородным данам. Вот и зачем их смешивать? Чтобы всем неудобно было? Или чтобы драки вспыхивали, ссоры, скандалы?

Не нужно такого в Альмонте, вот совсем не нужно.

Перед гостиницей Чезаре подхватил Энцо под руку.

– Сбегай за дядей и расскажи ему все. Сможешь?

Энцо кивнул.

Сможет. Заодно и умоется, и вообще...

Но как они... так хладнокровно... так быстро, раз – и все закончено... интересно, этому его тоже научат? Хотелось бы. Вот ведь он опозорился!

Так... где сейчас должен быть дядя?

Наверное, рядом с фургонами, он собирался сегодня проверять товар.

Адриенна уже перестала кашлять, но ее все равно донесли на руках. И помогли умыться, и привести себя в порядок, и даже чашку ягодного взвара заказали.

И только потом приступили к осторожным расспросам:

– Дана, как вы себя чувствуете?

Адриенна прислушивалась к себе.

– Благодарю вас. Более-менее. Глаза пока еще жжет и в горле першит. Я понимаю, что вы меня спасли, ньоры, и благодарна вам...

– Не мы спасли, – поправил Чезаре. – Начал драку наш подопечный, а мы не могли допустить, чтобы его прирезали в грязном переулке.

А в чистом можно, надо полагать.

Но об этом Адриенна промолчала. И посмотрела на мужчин. На одного, на второго, оценила кожаные штаны и такие же кожаные

дублеты, рубахи из простого полотна, одежду, которая не сковывает движения, оружие, в том числе и потайное.

– Я не знаю, чем вас благодарить. Понимаю, что деньги – лучшее спасибо, но только если не оскорблю вас.

Мужчины переглянулись.

Правильная девочка. И к ним относится как к благородным. Хотя уж что-что, а благородство в Грязном квартале просто не выживает. Тонет в грязи.

Но девочка не протянула им по монете, даже золотой. Она показывает, что благодарна, что ценит, что поставила их практически вровень с собой.

Это дорогого стоит. Такой и помочь не жалко.

– Не оскорбите, дана. Деньгами вы нас не оскорбите, – ухмыльнулся Леоне.

– Тогда обещаю завтра же приехать и поблагодарить вас, – кивнула Адриенна. – Скажите, я могу рассчитывать, что меня проводят до гостиницы?

– Конечно, дана. А вот и наш хозяин... предлагаю вам поговорить с ним.

К столу приближался ньор Паскуале в компании Энцо.

* * *

Энцо достаточно быстро нашел дядю. Обрисовать ситуацию было еще проще. Буквально в двух словах.

Паскуале встревожился.

Не было напасти, называется! Вот почему, почему эти даны не могут жить как приличные ньоры? Без лишних приключений?! Почему у них азарт играет?

Мало ли что ты увидел? Так пройди мимо! Нет? Ну хоть потом уйди... так и тут не срослось! А что это за дана такая? Чем вообще чревато ее спасение?

Паскуале наивным не был.

В Альмонте похищают людей. Наверняка не в первый раз, это вы кому другому расскажите. Вот шел так человек, шел, видит симпатичную дану и решает: дай-ка я ее украду.

Нет?

Вот и ему казалось, что нет.

А значит – что?

Что это промысел. Что он поставлен на поток, что его кто-то прикрывает... кто?

Да не важно! Он тут что – королевский эмиссар по особым делам? Вот еще чего ему не хватало! Он купец и купцом останется. Только вот проблемы это не снимет.

Кто бы ни прикрывал работоторговцев, это явно человек решительный. И похоронит он и дану, и Паскуале... так что... прирезали похитителей?

Отлично!

Расспрашивать?

Энцо, ты о таком забудь! В эту грязь лезть – не наше дело, мы потом костей не соберем! Еще надо бы с даной поговорить... вот сейчас и поговорим.

Паскуале вошел в таверну.

Энцо последовал за ним.

За столом, рядом с Чезаре и Леоне, сидела девочка. Может, чуть помладше Мии, может, того же возраста. Энцо видел только черные волосы и худенькую спину, по которой змеей сбегала длинная коса.

– Ньор Лаццо! – поразовался Чезаре.

Дана встала из-за стола.

Повернулась.

И Энцо замер.

Сестра была красива. Мама тоже... была. Но лучше вот этой даны он не видел никого.

Красота? Нет, это не совсем красота, это стихия, заключенная в человеческую оболочку! Громадные синие глаза затягивали, завораживали... и Энцо опомнился, только когда Паскуале сильно наступил ему на ногу, пытаясь привести в чувство. Не пинать же парня у всех на виду! Некрасиво как-то... он, кажется, влюбился – и тут пинок?

Хотя девочка красивая... понятно с ним все. Видимо, раньше не рассмотрел, а вот сейчас, когда она умылась, причесалась, успокоилась...

– Дана Адриенна СибЛевран, – первой назвала себя девушка.

Полагалось бы дождаться, пока представятся мужчины, но было одно уточнение. Здесь и сейчас Адриенна проявляла вежливость, как бы ставила присутствующих на одну доску с собой. Так-то она могла не называть свое имя или ждать приветствий от ньоров...

Она первая назвалась, показывая, что считает их своими... пусть пока не друзьями. Но что она им обязана – безусловно.

Паскуале оценил.

– Ньор Паскуале Лаццо. Мой племянник, дан Лоренцо Феретти. Наши охранники, ньоры Чезаре Делука и Леоне Каздеи.

Мужчины по очереди поклонились.

Адриенна ответила реверансом.

Это раньше она ходила по ярмарке в мужской одежде. А сейчас пришлось надеть нечто другое. Они с Розы продумывали ее наряд, чтобы было и удобно, и прилично, и вроде бы получилось.

Шелковое белье осталось. Нижнее платье было из теплой шерсти – поди походи подольше по ярмарке, авось еще не так промерзнешь. Так что шерсть. Немаркого серого цвета.

Сверху такой же серый гаун, только утепленный. С вышивкой, с отделкой, но тоже уютный и немаркий. И плащ, отделанный волчьим мехом.

Все добротное, качественное, очень теплое.

Головной убор Адриенна потеряла, так что волосы и не прятала. В ушах – маленькие серьги с сапфирами, под цвет глаз. Кольцо на руке все равно никто не видит.

Выглядела девушка на редкость очаровательно. Ее даже припухшие глаза и носик не портили.

– Дана, я рад, что мы смогли помочь вам. – Паскуале улыбнулся. – Возможно, еще взвара? С булочками?

Адриенна подумала пару минут.

– Я буду вам очень признательна, ньор.

– А потом мои люди проводят вас... где именно вы остановились?

– В «Матерой рыси».

– Хороший постоялый двор. Уютный и чистый. Вы приехали с родителями?

– С отцом, – поморщилась Адриенна.

Паскуале заметил эту гримаску, но комментировать не стал – зачем? Явно не все так гладко.

– Хорошо, дана. Не сомневаюсь, он сильно волнуется.

Адриенна качнула головой.

– Не думаю.

Паскуале одним жестом отослал охранников. А сам... плох тот купец, который не разбирается в людях. Сам он подошел к девушке, ласково взял ее за руку и усадил за стол.

– Все будет хорошо, дана. Даже не сомневайтесь.

– Правда?

– Я это точно знаю. Что у вас такого случилось, дана? Что вы оказались одна, на ярмарке, подверглись опасности... может, вам нужна наша помощь?

Адриенна только рукой махнула.

– Мне никто не поможет.

– И все же, дана? Вдруг да получится?

– Благодарю вас. Но...

Паскуале ласково погладил девичью руку.

– Дана, у всех бывают проблемы, которые мы сами решить не можем. Посмотрите на это с другой стороны. Смогли бы вы сами отбиться от врагов сегодня?

– Нет.

– Но Энцо помог вам. Помог просто так, бескорыстно, потому что не мог пройти мимо совершающегося зла. И когда-нибудь вы поможете ему. Но здесь и сейчас вы бы не справились самостоятельно.

– Это верно.

– Мы – посторонние люди в вашей жизни. Мы уедем, и все забудется.

– Да, наверное...

– Иногда надо доверять людям. Не все, конечно. Но ровно столько, сколько нужно, чтобы выиграть партию. Не просто же так вы оказались на улице одна?

– Да.

– А что будет завтра? Учитесь искать союзников, дана. Учитесь...

Адриенна прикусила губу. Вообще, посвящать посторонних в семейные дела нехорошо. Но здесь и сейчас...

Это именно что посторонние. И вскоре их пути разойдутся навечно. И не будет им важна эта информация. Все верно. Даже если

лет через пять оно всплывет... ну и что? Что такого позорящего ее в этой истории?

Ничего.

А дан Марк, Сусанна... а они все еще – ЕЕ семья? Или просто чужие люди, которые живут под ее крышей?

– Мой отец женился второй раз. Мы с мачехой не нашли общего языка. Сегодня мы поссорились с отцом. Мы с ним приехали на ярмарку, чтобы купить лошадей для поместья, но он решил побаловать вздорную бабу. В результате мы потратили большую сумму на бесполезную арайку, на которой только по столице ездить, и то на небольшие расстояния. Для наших мест эта лошадь непригодна. Поместье будет нести убытки, а это мое наследство.

– Не вашего отца? Братьев...

– У меня нет братьев. А поместье передается в роду по материнской линии.

Паскуале кивнул. Это он понял... м-да, ситуация. И чем тут поможешь?

Пожалеть разве что дану.

– С такими темпами у вас ничего не останется к совершеннолетию, – неделикатно ляпнул Энцо.

Адриенна тряхнула головой.

– Я понимаю. У меня есть управляющий, отец против него не идет, и просто так мои деньги разбазаривать не дадут. Но всего не предусмотреть...

– Здесь и сейчас это очень неудобно. – Паскуале ловил за хвост какую-то мысль. Потом сообразил и улыбнулся. – Дана, скажите, а лично вам эта лошадь очень дорога?

Адриенна качнула головой.

– Отец отдал за нее сто лоринов. Хотя стоит она не больше восьмидесяти.

– Дана, тогда почему вы не воспользуетесь его же методом? Продайте кому-нибудь эту лошадь и порадитесь.

Адриенна задумалась.

– Я бы с радостью, но кто у меня ее купит – на таких условиях?

– А вот с этим я могу вам помочь.

Паскуале лукаво улыбался.

Адриенна посмотрела на него, задумалась.

– Что у вас на уме, ньор Лаццо?

– Небольшая шалость, дана.

– Кстати, вы из тех самых Лаццо? Которые «Торговый дом Лаццо» в столице?

– Безусловно. А СибЛевран – это ведь те самые? Ваши пуховые вещи мы покупаем на ярмарке?

Адриенна кивнула. И не удержалась:

– Договоримся без посредников?

Паскуале улыбнулся в ответ. Весело и искренне.

– Я думаю, дана, договоримся.

Энцо только головой помотал.

Какая же ОНА! Только что была усталой и несчастной, но и тогда ослепительно красивой. А сейчас расправила плечи, улыбается – и стала еще очаровательнее. Заулыбалась – и словно солнышко засветилось. И тепло так, хорошо...

– Красиво...

Он и не понимал, что говорит вслух. Но разве это было важно?

Адриенна не обратила на это внимания. Она уже оживленно обговаривала с Паскуале план действий.

* * *

Пуховые вещи продают именно сейчас, к зиме. Тут можно и две цены взять, и три. Но Адриенна в качестве пуховых вещей разбиралась намного лучше, чем Паскуале. Он этим не жил, а вот с СибЛевране именно что жили.

И Адриенна могла прочесть целую лекцию.

И про козий пух, и когда он вычесан, и как, первая там ческа или уже четвертая, сколько там остевых волокон, какая прочность...

И про шерсть. И про то, как и когда ее состригли. Однородная она или нет, грубая, полугрубая, нормальная, сорная...

Это ведь тоже большая разница. А Адриенна могла все отличить и на ощупь, и рассказывала, и показывала... Паскуале наслаждался. Еще и записывал, и образцы прикладывал^[19].

Для начала стоило закупиться Паскуале. Вот и шли они по ярмарке, в сопровождении Энцо и его телохранителей, вот и

разговаривали о том о сем... И в какой-то момент Адриенна взяла Паскуале за руку, как с отцом привыкла. И мужчина не возражал.

Своих сыновей он так не водил, а дочек у него и не было, но...

Ребенок же! Просто обиженный ребенок, который по глупости отца мог попасть в беду.

Паскуале уже знал, что промолчит об этом случае. И не воспользуется доверием девочки. Будет у него еще одна племянница, хотя и условная. И на следующий год он сюда приедет, Бог даст...

А еще ему очень хотелось надрать уши папаше Адриенны.

Скотина, ты о чем думаешь?!

Девочка убежала, могла попасть в беду, могла вообще погибнуть... ты свою гордость лелеешь? Да мало ли кто и на ком женился? Вон у Паскуале отец тоже второй раз... того. И что?

Мария сидит спокойно, с малышкой Кати возится, жене Паскуале помогает, ньюры вообще легко договорились. И дома покой и благолепие, и все довольны по уши.

А тут что?

Или у данов так принято? Чем больше проблем, тем веселее?

Тьфу на тебя, недоумок благородный!

Паскуале смотрел, как Адриенна, даром что дана, грозит пальцем торговке, как ругается, заставляя показать настоящий товар, а не «дерюгу для нищих», – и глаз радовался.

Его бы парням такую жену! Хоть одному!

Видно же, умненькая, хозяйственная, симпатичная, а что благородная – так у всех свои недостатки! Но увы, Адриенна уже занята. В этом Паскуале даже не сомневался.

Пару фраз девушка обронила.

В столицу она ездила ради помолвки...

Жаль. Очень жаль.

Совершенно замечательная девушка. И тоже достанется какому-нибудь спесивому дураку, которому даже чулки – и те лакеи надевают. Нет в мире справедливости! Это уж точно...

И Энцо жалко. Вон как парень смотрит... кажется, у нас первая любовь?

И это тоже неплохо. Мальчишки должны переболеть романтикой.

Вечером Паскуале сидел за столом довольный по уши.

Только что ушла Адриенна с сопровождающими. Наверняка отец ее уже ждет и волнуется...

На ярмарке они не столкнулись, ну так и ярмарка та – половина города. А Адриенна отлично знала, куда может пойти ее отец. И куда он пойти точно не может.

Фургон был забит изделиями из козьего пуха и шерсти. И не такими, какие он обычно привозил. Эти и королеве продать не стыдно. В столице их даны и эданны раскупят мигом.

К тому же Адриенна ему треть денег сэкономила. Она-то отлично знала, и кто, и где, и сколько, она местная, а это немаловажно.

Обязательно надо помочь девушке.

– Дядя, – за стол присел Энцо.

Он тоже хотел пойти провожать Адриенну, но сошлись на том, что это неправильно. Телохранители – хорошо. Но дан и его телохранители? Это как-то неправильно.

– Что, дружок?

Энцо мялся, жался, подергивал светлый вихор надо лбом.

– Дядя... мы ведь ее не бросим, правда?

– Адриенну СибЛевран?

– Да. Она такая... ее жалко. У меня сестры и семья. А у нее никого. Она совсем одна.

Паскуале подумал, что несчастная сиротка не так уж бедна. Не голодает, обладает титулом и определенной защитой. Но вслух сказал совсем о другом:

– Об этом бы ее жениху позаботиться.

– Жениху? – сник Энцо.

– Адриенна упоминала, что ездила в столицу ради помолвки. Ты не слышал?

Не слушал. Сидел и любовался. А мозг в это время вышел погулять и заблудился в районе чуть пониже пояса.

– Почему он не рядом с ней?

– Энцо, вариантов много. Ты об этом отлично знаешь. Но мы ее действительно не бросим. И поможем. Это хорошее знакомство, выгодное...

Энцо кивнул.

– Да. Она умная, я вижу...

Разве?

– Мы и на следующий год можем сюда приехать. Не стоит терять полезные знакомства.

– Да, дядя!

– Я могу тебе сказать только одно. Не увлекайся. Но и вреда особого не вижу.

Энцо кивнул. Услышать он услышал. А вот какие выводы сделает? Кто ж его знает...

Адриенна

Адриенна спокойно вошла в таверну.

Все были уже там. В том числе и дан Марк, который метался по общему залу.

Дочери до сих пор не было. А где она может быть? Что с ней? А если что-то... ой, что с ним король сделает, что сделает... Представить даже страшно!

И где ее искать? Бежать к мэру города?! Или в стражу?! Или...

Истерику оборвала вошедшая Адриенна.

Чезаре с ней предусмотрительно не пошел, так, в окно подглядел, что все в порядке. Но Адриенна попросила его не афишировать свое присутствие. Ни к чему отцу знать про их дружбу с ньором Лаццо.

Ньор Делука согласился. Ему тоже лишняя известность ни к чему.

– Адриенна!!! – взвился дан Марк. – Ты где была?!

– Полагаю, это мое дело, – отбрила дочь.

Дан Марк схватил ее за плечо.

– Отвечай, дрянь! Где ты шлялась!?

А вот это он зря. Очень зря.

– Дан Марк!

Тут и Леонардо уже был вынужден вмешаться, и Марко подскочил, и остальные подтянулись...

Адриенна с брезгливостью посмотрела на отцовские пальцы.

– Отпусти. Немедленно.

– ТЫ!!!

– Ты сам сказал, что эданна Сусанна тебе дороже и меня, и Сиблеврана. Вот ее и расспрашивай, скольких конюхов она

пропустила в твое отсутствие. А меня трогать не смей! Я сама королю отчитаюсь!

Дан Марк уже замахнулся, чтобы вклепить дочери затрещину, но...
Королю.

Отчитаюсь.

Эти слова и слона на марше остановили бы, не то что дана. Мигом вспомнились и его переживания, и что дочь могла не вернуться.

— Адриенна, я...

— Я. Все. Поняла. Завтра мы занимаемся хозяйственными делами или вы, дан, опять покупаете что-то для своей эданны? А СибЛевран остается голодным и холодным?

— Ну... зачем ты так?

— Арайка в СибЛевране не нужна. Мы все об этом знаем. Но вы ее купили — из денег поместья. Об этом вы еще побеседуете не со мной, с даном Рокко. Остальные деньги нужны на закупку продуктов. Или вы еще что-то желаете? Соловьиных язычков прикупить? Устриц? Розового масла?

Дан Марк вспыхнул.

— Нет!

— Значит, завтра-послезавтра мы идем и все закупаем по списку, который согласовал дан Вентурини. И никак иначе. А через два дня домой.

— Ты не хочешь еще остаться, погулять?

— Нет, — отрезала Адриенна. — Я уже нагулялась на всю оставшуюся жизнь.

Паскуале тоже уезжал через два дня. А подмену надо было осуществить в последний момент. Что именно купить, он знал, но завтра Адриенна еще подойдет к нему.

Действительно, прав ньор Лаццо. Зачем решать и делать все самостоятельно, если можно переложить работу на чужие плечи?

Адриенна приказала принести ей в номер побольше горячей воды и решила как следует отдохнуть. Есть она не хотела, Лаццо ее накормил, а вот спа-а-а-а-ать...

С утра все закупалось точно по списку.

Зерно.

Мука, овощи, масло, птица...

Адриенна не отступала от списка ни в чем. Дан Марк маялся виной и угрызениями совести, но не признаваться же? Вместо этого он тщательно следил за погрузкой отобранного.

Все уносилось и увозилось в таверну. Там все еще раз проверят и будут грузить. Благо телеги с утра пришли.

Люди, конечно, ворчали, узнав, что скоро уже домой, но не сильно. И холодало постепенно, и дома завсегда лучше. День у них есть отдохнуть, день купить гостинцев и проверить погрузку, а там и в обратный путь.

Адриенна придирчиво отобрала несколько коз.

Поинтересовалась у отца, не желает ли тот прикупить своей даме ее воплощение, получила в ответ злобный взгляд, но издевку дан Марк съел.

Это вчера он был гордым и свободным, а сегодня уже подумал, что скажет дан Вентурини. Поверьте – ничего хорошего. Ну не выделены деньги на породистых лошадей, не выделены! А не нравится – пишите прошение лично его величеству.

Ладно бы еще... продать какую побрякушку. Оплатить хотя бы одну кобылу...

Но продавать было вульгарно нечего. Шкатулки с приданым матери Адриенны в первые же дни переписал и учел дан Вентурини. Дан Марк на тот момент пребывал в любовном дурмане, а когда очнулся...

Простите, дан, но это СибЛевран. Вот и клеймо в виде ворона. Вы тут при чем? Не вы ведь это дарили, сейчас так камни не гранят...

Крыть было нечем. И не он дарил. И вообще... дан Марк мало что дарил супруге.

И не успел, и беден был, и вообще... так получилось. А сейчас уж и поздно. Вот и результат.

Дан и благородный, и живет в замке, на всем готовом, а своих денег – крыса начхала. То, что ему выделяется на содержание, а это пятьдесят лоринов в год, он уже потратил на эданну Сусанну, больше до конца года денег не будет.

Адриенна?

На дану тоже выделяются деньги. Только вот девчонка их сразу внесла в бюджет. Сказала, что пару лоринов на ленты и сладости ей выделяют, а больше и ни к чему.

Безвыходная ситуация... разве что в кости сыграть? Или в карты? Пара дней есть, руки помнят...

* * *

В обед дан Марк сослался на головную боль и отправился обратно.

Леонардо тоже решил, что у него заболела голова. Вчерашняя девушка, она... ей ведь никто не мешает побыть еще и сегодняшней? И даже немного – завтрашней? А потом опять домой... э-эх...

Адриенна осталась в компании своих людей. И принялась закупаться еще активнее.

Одному дала сверток, второму... Марко получил свое распоряжение в числе первых. Адриенна могла доверить такие важные вещи только ему. Книги же!

Почти сокровище!

Очень быстро она отослала всех людей, а сама огляделась – и направилась к условленному месту встречи.

Там ее уже ждал Паскуале Лаццо.

– Ньор Лаццо, – улыбнулась ему Адриенна, – дан Феретти, ньоры, доброго вам дня!

Улыбка у нее была чудесная. Словно солнышко выглянуло, теплое, ласковое, уютное... она даже и не заметила, как зажмурил глаза Энцо. Словно от избытка света.

Но помнить он будет это всегда.

Как Адриенна стоит, и солнце ей прямо в лицо светит, и широко открытые синие глаза девушки сияют, а черные волосы льются по плечам, и прядь выбилась из туго заплетенной косы...

А солнце все обливает ее, словно расплавленным золотом, и искры бегут, бегут по одежде, по лицу – словно святая на старых картинках. Но у них там рисунок, а здесь все в жизни, по-настоящему.

Потрясающе красиво.

– Дана Адриенна. – Паскуале чуть-чуть проверял ее реакцию. А вдруг?

Мало ли что вчера было? Спесь – она у данов такая, родовая...

Ответом ему была теплая улыбка.

– Как же я рада вас видеть!

– И я вас, дана. Ну что – пойдете выбирать вам лошадок?

Паскуале мог бы их и сам купить. Но во-первых, Адриенна такого не допустила бы. Ей нужны были совершенно определенные лошади. Во-вторых, мужчине и самому было интересно, на что способна благородная дана.

В-третьих, пусть Энцо еще на свою красотку полюбуется. Дело молодое, надо...

Паскуале предложил Адриенне руку, дана коснулась его локтя кончиками пальцев, благовоспитанно, как полагается, и они быстрым шагом направились к лошадиной ярмарке. К той его части, где торговали конями.

* * *

Разбирался ли Энцо в лошадях?

Вырос он все же в деревне, там поневоле научишься. Но не так чтобы слишком хорошо. Рысак от тяжеловоза он бы отличил, безусловно. И арайку от джебели. Мог посмотреть копыта и зубы... Но чтобы настолько?

Адриенна знала о лошадях если и не все, то многое.

Она со знанием дела проверяла ноги, копыта, лезла самым страшным коням в рот, ворошила гривы, осматривала крупы и холки...

Сейчас уже она рывкнула на торговца, который пытался выдать семилетку за трехлетку, и пообещала ему заорать на всю ярмарку. Ишь ты, свинью за бобра продавать? Не обнаглел? Кого другого дури, дядя, а я не из таких!

Паскуале смотрел с восхищением.

– Какая чудесная женщина будет! – тихо поделился с Лоренцо. – Сразу видно, и умненькая, и хозяйственная... если ее муж не оценит – значит, дурак!

Энцо был твердо уверен, что будущему мужу Адриенны неоправданно повезло. Но высказывать это вслух не спешил.

Вместо этого...

Он самым наглым образом любовался. И ничего не мог с собой поделать. Да и не хотел.

Первая любовь... она такая, настоящая.

— А там что?

— Ромы, — поморщился Паскуале.

Нельзя сказать, что он был расистом или что не любил какой-то народ. Нет. Но ему не нравились ромы за вороватость и наглость. Будешь работать? Отлично, договорились! Мы с тобой нашли общий язык. Нет? Тогда пошел вон. Не о чем с тобой говорить. А уж воров почтенный купец с удовольствием драл бы кнутом на площади.

Адриенна тоже сморщила нос. У нее о ромах тоже были плохие воспоминания. Она помнила, как испугалась — тогда. А потом уж, узнав о Моргане, о короле Лоренцо, о Маргарите... о своих предках Сибеллинах, поняла, что именно произошло.

Она все же была законной наследницей Сибеллинов.

Законной, признанной, по крови. Не важно, сколько раз потом разбавлялась кровь, все равно все СибЛевраны были копиями Сибеллинов.

Она — законная правительница. Ромы пролили ее кровь. Посягнули, подняли руку... соответственно, должны быть наказаны. Вот их и покарали.

Мгновенно.

Безжалостно.

Надо полагать, если еще кто-то решится... интересно, что стало с тем, кто убил Лоренцо? Подло убил, в спину... Скорее всего, что-то неприятное.

Ромов она не любила. Но кони-то у них бывали! И хорошие...

Два синхронных вздоха. Два обреченных взгляда.

Адриенна и Паскуале, дана и ньор, двенадцать лет... ладно, почти тринадцать — и сорок. А мысль была одна и та же.

Для дела? Надо...

И озвучки эта мысль не требовала. И так все понятно.

Глава 12

Адриенна

Ромы действительно торговали конями. Мельтешили вокруг, лопотали что-то... Леоне со вздохом достал кнут – и ловко снял кончиком шапку с одного из ромов.

– А в следующий раз по морде. Потом глаз выстегну. А ну, успокоились!

И ведь как отлично подействовало! Моментально все успокоились, заткнулись, перестали крутиться под ногами, а одному из мальчишек, который пытался спереть у Энцо кинжал, уже Чезаре помешал. Перехватил руку, потом ухо – и от души крутанул, вызывая возмущенный и жалобный вой. Подействовало.

А думай, дрянь мелкая! Сейчас ухо пострадало, потом тебе вообще руку отрубят. Такое наказание тоже есть.

Не умеешь – и не лезь!

Мальчишка понял все верно, заткнулся и улепетнул. А Паскуале с Адриенной отправились к загону для лошадей.

Трем загонам. Кони, ослы, мулы. Ромы всем торгуют, что спереть можно.

Адриенна придирчиво осматривала коней.

Одного, второго... одна кобылка ей даже очень понравилась.

Такая... уверенная, крепко сбита, с гривой-щеткой, с задорно приподнятым хвостом, не слишком густым, но это не по болезни, просто порода такая. И цвет хороший, мышастенький...

– Посмотрим? – обратилась Адриенна к Паскуале.

– И то, дана...

Торговцу тоже кобылка понравилась. Ромы не возражали пустить покупателей в загон. Приглядывали, но не протестовали.

Адриенна медленно шла мимо лошадей.

А потом вдруг...

Это было – словно удар, от которого девочка даже пошатнулась.

Боль, отчаяние, гнев, и в то же время – страх. И что-то еще... конечно, Риен повернулась в ту сторону. И даже сделала несколько шагов.

– А вот это что такое?

Конь.

Обычный, грязно-бурого окраса, да и грязный донельзя. Клочкастая грива, слезящиеся глаза, спутанные ноги, рубцы от кнута, зубов половины нет...

Такого не купят. Еще и стороной обойдут, чтобы не заразиться чем, вон какие проплешины на крупе! Адриенна тоже не купила бы.

Но это когда она издалека смотрела. А сейчас она подошла поближе. И от коня... да, именно от коня она все это ощущала. И гнев, и отчаяние, и все это вполне отчетливо.

Бывает такое.

Стоишь рядом с человеком, а от него аж разит злостью. Или наоборот, греешься от его тепла. И так, и этак бывает. Но в данном случае...

Лошадь?!

Адриенна подошла еще ближе. Положила ладони на шею коня.

И ощутила это. Как удар. Как крик через пропасть.

Она уже не видела, как развернулись Чезаре и Леоне, отгоняя внезапно возбудившихся ромов. Не слышала, как тихо выругался Паскуале. Не чувствовала, как подхватил ее под руку Энцо, не давая упасть.

Этого не было.

Был только конь.

Черныш. Араец, между прочим. Чистокровный. Просто изуродованный донельзя.

Конь любил и был любим, его холили и лелеяли, он стоял в конюшне, его ценил и обожал хозяин...

Дан Антонио Каттанео.

Черныш его помнил и любил, обожал и показывал картинку, как видел хозяина своими глазами. Адриенна даже застонала.

Странно все же лошади видят мир. Цвета они видят, а вот форма...

Ладно, авось узнает.

А потом Черныша, так уж получилось, украли. Все было просто и вульгарно. Пьяный конюх, услужливая девушка, выпас, на который выводили Черныша, – и кража. Ромам повезло, их не догнали, неясно только почему?

Но Адриенна не знала ответа, его ведь и сам Черныш не знал. А дальше...

Как можно провести чистокровного арайца через половину страны? Продавать-то его лучше в столице. Не на окраинах...

А вот так.

Закапать в глаза воду с сахаром, выстричь проплешины, познакомить гордого скакуна с кнутом... много чего можно придумать.

Но Черныша пока еще не сломали.

И почуяв рядом... кого?!

Почуяв рядом *Дитя Ветра*, Черныш решился закричать. Не зная, услышат или нет, помогут или нет...

ПОМОГИ!!!

И как Адриенна могла остаться равнодушной к этой мольбе? Да никак. Но сейчас...

Она сделала шаг назад, отрывая руки, разрывая контакт.

– Мы. Берем. Этого. Коня.

Сказано было так четко и увесисто, что замерли все.

И ньор Паскуале, и здоровущий мужик в алой рубахе, видимо, ромский вайдо, не то чтобы вожак, но мужчина, который имеет право говорить от имени всего стойбища, и остальные ромы.

Адриенна посмотрела на ньора Паскуале.

– Мы платим за него десять лоринов. Уводим с собой. Немедленно. И вы уезжаете. А ромы остаются. И если что-то случится с этим конем...

– Да это грабеж!!! – заорал ром.

Адриенна посмотрела ему прямо в глаза.

– А что скажет про грабеж дан Каттанео? Я знаю этого человека.

Ром побледнел. Потом покраснел, хотя под бородой было не особенно заметно, но все же...

– Откуда...

– Мы торгуем лошадьми, – пояснила Адриенна. – И я знаю и дана, и этого коня. Хоть вы его и изуродовали, но не покалечили.

Дальше все было ясно без слов.

Убить?

Быстро и бесшумно это сделать ромы просто не сумеют. Да и слишком близко к ярмарке, и опять же спрятать тела тоже непросто. Найдут.

И ромскому стойбищу придется сложно.

А если сейчас выпустить, эти люди кинутся к мэру города, и ромов потащат под плети. Тоже приятного мало, за воровство и шкуру спустят, и солью посыплют. Или... не кинутся?

– Десять лоринов, – жестко повторила Адриенна. – За ваши хлопоты... по доставке. Скажем, конь потерялся, убежал, а вы совершенно случайно его поймали.

Возмущенное ржание было ответом, но девушка и головой не шевельнула.

– Молчать, Черныш.

Конь за ее спиной тут же замер, словно статуя. И это убедило ромского вайдо больше, чем трехчасовой разговор.

– Двадцать, дана. И мы обо всем забудем. И без мести.

– Слово?

Паскуале выступил вперед, по-особенному сложил пальцы, сплюнул на землю...

С ромами он дела иметь не любил. Но знать их обычаи – знал, он же хороший купец... вот и сейчас не оплошал. Ром скривился, но пальцы сложил так же. Сплюнул.

– Слово.

– Хорошо. Двадцать за Черныша. И двадцать за ту кобылку?

– Без ножа режете, ньор!

– Могу и без ножа, кнутом накромять. – Леоне сделал едва заметное движение запястьем. Кнут снял шерстинку с рубахи рома и убрался обратно.

Это послужило решающим аргументом.

Обе стороны обменялись товарами и улыбками и расстались, взаимно довольные друг другом.

Ромов устроило, что они сбагрили с рук неудобную лошадь. Оно конечно, грех пройти мимо того, что плохо лежит, но и арайцами торговать – дело сложное. Здесь за него нормально не дадут, а пока ты упрямую скотину дотащишь до хорошего торга... сколько он еще съест, сколько с ним хлопот будет... ему ж даже куриные яйца

подмешивать надо каждые два дня! Это не ромские лошадки, которые сами травку щиплют, а то и из-под снега ее добывают. Это скотина капризная!

Может, в столице за него сто монет золотом и дадут. Но ты ж его еще дотащи! Кусок хлеба всяко лучше, чем его запах.

Черныш тыкался носом в плечо Адриенны и, кажется, не мог поверить, что кошмар закончился. Что его увели от этих страшных и злых людей.

Адриенна не отпихивала коня.

Она гладила его по умной морде и тихо уговаривала потерпеть. И кошмар закончится. Он вернется к хозяину...

* * *

– И что это было?

Паскуале хотелось объяснений.

За время пути до постоянного двора Адриенна успела все продумать и ответила почти честно:

– Я узнала коня. И Черныш меня узнал, вот и все. Виделись.

– Вот оно как...

Паскуале мигом успокоился. Если Адриенна коня знает... ну и кому, если не ей? Видел он, как девушка к лошадям подходила, как смотрела, как лошади к ней тянулись...

– Теперь надо подумать, что с ним дальше делать...

Адриенна даже брови подняла удивленно.

– Ньор Паскуале, да разве тут есть над чем думать? Вы берете коня и едете к дану Каттанео. Антонио Каттанео. И возвращаете. Двадцать лоринов я вам отдам.

– Дана!!! – Паскуале возмутился так искренне, что Адриенна улыбнулась.

– Ладно. Но тогда... давайте купим еще одну кобылку и жеребца, я уже примерно знаю, кого именно. И вам действительно пора собираться в дорогу. Только Чернышом надо бы заняться, не то он не дойдет...

Паскуале довольно кивнул.

– Конечно, дана. Но вы ж поможете с этим зверем?

Сейчас, избавленный от пут на ногах, гордо поднявший голову, Черныш действительно был арайцем. А это звери весьма и весьма своевольные. Даже когда похожи на свою заморенную тень.

Адриенна только вздохнула.

Лучше б, конечно, ей и съездить. Но ничего, коню она все объяснит, тот будет слушаться.

Дитя Ветра.

Кто это такие?!

И конь слушался.

Он терпел, когда ему промывали глаза, терпел, когда чистили ранки, когда проверяли и копыта, и зубы, с последних, кстати, еще и краску стерли...

Терпел, когда давали лекарства. Только ржал тихонько и косился в сторону Адриенны. Но та была рядом. И подтверждала все кивком.

И Черныш терпел.

Его забрали у воров, его обещают отвести к хозяину. Что еще нужно?

Он потерпит.

Энцо крутился рядом, но Адриенна не обращала на него внимания. А ему так хотелось, чтобы она улыбнулась, и именно ему, Лоренцо Феретти!

Ну хоть взгляд!

Хоть слово какое...

Увы, конь интересовал девушку намного больше благородного дана.

* * *

Только вечером Адриенна смогла задуматься, что и как с ней произошло. До вечера времени как-то не было. Пока одно, пока другое, и только лежа в постели, в своей комнате, она смогла более-менее соображать.

Она... она просто поняла коня. Сначала она поняла его чувства, потом мысли... имя хозяина ей точно сказал конь. И свое собственное имя – тоже.

Не с потолка же она его взяла?

И реакция ромов подсказывала, что все так и есть. И Черныш, и дан Каттанео...

Дитя Ветра.

Так назвал ее конь. Об этом ли говорила Моргана? Когда обещала, что Адриенна, как кровь от крови и плоть от плоти земли, начнет понимать живущих на ней? Адриенна подумала, что на скотный двор лучше не заходить. А то и курица в рот не полезет...

Она прекрасно понимала, что все эти симпатичные несушки предназначены на мясо, но раньше не интересовалась, что они думают по этому поводу. А сейчас может получить все эмоции... вряд ли ей это понравится.

Но до этого-то дня все было как обычно?

А всех ли она понимать может? Или только таких, как лошади? Самых смысленых?

Дитя Ветра. Это потому, что вороны на гербе? Потому, что Моргана – полуптица? Не понять... может, со временем прояснится?

А если сейчас попробовать с кем-то поговорить? Есть же тут собака, есть кошка, в конюшне лошади... кто мешает Адриенне прогуляться?

Да никто!

Девушка накинула верхнее платье прямо на ночную рубашку, завернулась в плащ, сунула ноги в сапожки и выглянула в коридор.

Никого. Отлично!

Вперед?

Адриенна тенью скользнула к лестнице. Представила, что заворачивается в черные перья, как в плащ... Может, и не подействует, но почему не попробовать?

Надо только потом на ком-то проверить, когда будет не слишком важно. В СибЛевране. А здесь лучше и самой по себе не попадаться.

Хозяин «Матерой рыси», ньор Пиччини, заботился об удобстве постояльцев. А какое уж тут удобство, если знатным данам приходится спускаться в общий зал?

Никакого, правильно. Еще пристанет какая пьянь и рвань, потом плохая слава пойдет о его постоялом дворе. Поэтому лестница выводила на задний двор, минуя общую залу. Незамеченным и не расплатившись все равно никто не уйдет, там привратник есть.

Для Адриенны сейчас это было вдвойне удобно.

Она вышла на задний двор и свернула к конюшне. И замерла в тени строения.

Мимо прошли две служанки, особо и не скрываясь. Да и зачем им?

– ...пойдешь завтра?

– Если пригласит – пойду. Он хоть и скуповат, но в постели хорош.

– Пфф... тощий, как свищ. И молодой еще, зелень зеленая.

– Что бы ты понимала? Это благородный дан, а не твои ньоры. Да на тебя дан и не посмотрит!

– Ну посмотрел на тебя этот Леонардо! Даже поимел! И что? Не женится, с собой не заберет, денег нет... тьфук, а не дан.

– Зато благородный. А деньги все у дана Марка, он сказал. Но пару дариев я с него получила.

– С данов лорины брать надо...

Служанки прошли мимо.

Адриенна сделала себе пометочку в памяти. Ага, вот что болит у Леонардо. Вот почему он остается на постоялом дворе.

А как красиво рассказывает о своей любви!

ТЬфу, пакость.

Хотя... мужчины существа странные, у них с одной любовью, а с другой кровать. И даже изменой не считается...

Ну и пусть его, не до того!

Если бы не Черныш, Адриенна бы это серьезнее переживала. Но сейчас возможность разговаривать с животными затмевала все, в том числе и измену Леонардо. Изменил? Это даже не измена, кляत्व-то он ей не давал!

Вот и собачья будка.

– Локо, Локо...

Собачий нос высунулся из будки. Потом высунулся и весь пес. Адриенна показала ему предусмотрительно захваченный из комнаты кусок колбасы.

– Будешь? Хороший мальчик, умный, иди сюда...

Локо действительно был умницей. Дурной собаке на постоялом дворе не место. Он принялся и целеустремленно порыскал к Адриенне. Страшенная пасть расплзлась в улыбке. Да, собаки тоже улыбаются, и очень обаятельно. Они могут.

Адриенна протянула Локо кусок колбасы. Прислушалась.

Удовольствие. Вкусно, хорошо, спокойно.

Мысли? Мыслей никаких нет.

– Локо, как зовут твоего хозяина?

Тишина в ответ. Адриенна билась еще с полчаса, но потом признала свое поражение. Наверное, Черныш смог докричаться, потому что ему очень нужно. А Локо не нужно, ему и так очень даже неплохо. Есть миска, будка, хозяин и служба. Чего еще надо?

Разве что собачью даму.

А не разговаривать с человеческим щенком...

Вот это Адриенна поняла очень четко. И даже вздохнула.

Мысли – нет, но чувства, ощущения... ну хоть так? Тоже неплохо ведь, правда?

Она погладила Локо и направилась в конюшню.

Купленная даном Марком белая арайка мирно стояла в своем деннике. Адриенна потрепала ее по гриве.

– Эх ты, бедолага...

Лошадь фыркнула в ответ, явно не соглашаясь. С чего это она – бедолага? Тепло, уютно, спокойно... хочется, конечно, на воле побывать, но и тут неплохо кормят.

– Это ты эданну Сусанну не видела, бедолага.

Адриенна как живую представила себе ненавистную мачеху. Фигуру, глаза, повадки...

Лошадь недовольно фыркнула. Кажется, ей тоже что-то не понравилось.

– Да, и вот такой тебя предназначили. Она как усядется своей тушей... а остальное время будешь в конюшне стоять, потому что сводить тебя с кем-то невыгодно, нет у нас таких лошадей, а эта зараза никому на тебе ездить не даст. Разве что проминать иногда будут...

Лошадь фыркнула еще раз.

Адриенна вздохнула.

– Чернышу повезло. А вот тебе... хотя кто знает, может, и сложится? Какое-то время вам бежать бок о бок...

Она тихо рассказывала о Черныше и не замечала уже, что лошадь-то смотрит вполне осмысленно. Серьезно и вдумчиво.

Адриенна еще не слишком хорошо понимала зверей, разве что тех, кто желал с ней общаться. Зато звери преотлично понимали ее.

И арайка Бьянка (ах, какое оригинальное имя!) решила не сопротивляться, когда за ней придут. Вozить толстую и, судя по всему, противную бабу ей не хотелось. А вот побегать рядом с арайцем – очень даже.

Черныш, говорите?

Как это... волнующе. И как интересно...

* * *

День погрузки.

Это вовсе не так романтично. Скорее это попытка впихнуть невпихуемое и уложить неукладываемое. Причем так, чтобы в небольшой объем телеги вместились раза в три больше всяких полезностей и нужностей. А еще телеги бывают разные, колеса с узкими и широкими ободьями, разные лошади, да и груз надо распределять по-разному...

Нет, не такое это простое дело.

В это Адриенна не лезла.

Погрузкой всегда распоряжался дан Марк, иногда с помощью крепкого словца, иногда и с помощью затрещин...

Девушка взяла с собой сопровождающих и отправилась снова на ярмарку.

Больше они с ньором Паскуале решили не рисковать и вместе не показываться. Но поговорить все же стоило, да и попрощаться тоже. Поэтому в обед Адриенна совершенно случайно отослала всех сопровождающих по разным делам и поручениям и пообещала дожидаться их вон в той таверне. Заодно и поест.

А на возмущение Марко, мол, не подобает, только отмахнулась.

Не подобает? Так мы никому и не скажем. Ты со мной зайди, я обед закажу, а ты сбегай, все отнеси и возвращайся. И урона моей чести не будет.

Я дана, в сопровождении... телохранителя, зашла перекусить. А что ненадолго тебя отослала, так имею право. Ничего страшного.

На телохранителя Марко был похож, как грач на ястреба, но спорить не стал. И послушно сопровождал дану, а потом потащил

сверток с посудой. Адриенне очень уж приглянулся большой глиняный чайник, украшенный гроздьями рябины.

Тут-то, в таверне, и ждал ее ньор Паскуале.

– Добрый день, ньор. Как ваши дела, как Черныш?

– Ночь прошла отлично. Черныш не нервничал, явственно поправляется, выдохнул на свободе... сволочи все же эти ромы! Так с благородным животным обращаться!

Адриенна была того же мнения.

– Сегодня ночью?

– Да. С первыми петухами, дана^[20].

– Я вам точно ничего не должна?

– Дана, это как бы мне в долгу не оказаться.

Адриенна погрузнела.

– Да... завтра мы тоже уезжаем.

– Дана Адриенна, я поговорил сегодня с ньором Пиччини. И если мы будем в этих краях, я для вас записочку оставляю. Именно для вас.

Адриенна расцвела в улыбке, заставив Энцо, который сидел за соседним столиком (остаться на постоялом дворе его бы и лично Господь Бог не уговорил), вздохнуть.

Какая же она... нереальная! Словно чудо!

– Я тоже буду оставлять у ньора Пиччини записочки для вас, ньор.

– А там – кто знает? Бог милостив, глядишь, и встретимся. Вот моя печатка, – показал замысловатую завитушку ньор Лаццо.

– А вот моя, – продемонстрировала родового ворона Адриенна.

– Сегодня, с первыми петухами.

– Я тоже там буду. Мало ли что. Краску вы приготовили?

– Разумеется, дана, – даже слегка обиделся ньор.

Самое забавное, что краску купили как раз у ромов, это по их части. Такова уж ирония жизни...

Все было запущено в дело, оставалось только ждать. Адриенна дружески распрощалась с ньором Паскуале, помахала рукой Энцо и осталась дожидаться сопровождающих. Кстати, рыбу в этой таверне действительно готовили неплохо.

Первые петухи пропели, как им и положено, ровно в полночь.

Адриенна уже была во дворе. В конюшне.

Когда из конюшни кого-то выводят, это, конечно, подозрительно. Но когда это делает дана СибЛевран?

Хозяйка лошади?

Ладно, хозяин – ее отец, но тут ведь какая разница? Дан Марк спит, умотался за сегодня... вот сам, наверное, и не пришел.

Когда в конюшню вместо одной выведенной лошади заводят трех?

Тут уж и самому дурному конюху понятно, что никакой кражи не происходит.

Дан Марк спал. Спал и Леонардо, утомленный общением с горячей девицей, а кто не спал...

Слуги-то были в курсе дела. Кто не успел, того просветили. И...

Между нами говоря – что им важнее? Порадовать эданну СибЛевран, которая в замке никто и ничто, просто супруга дана? Или угодить законной хозяйке? Которая, заметим, этих коней не для красоты в конюшню покупает, а на племя и для заработка.

Ответ был очевиден.

Так что слуги спали, аж похрапывали в меру своего усердия.

Адриенна зябко куталась в плащ.

Паскуале вывел лошадь и поцеловал дане руку.

– Я очень рад нашему знакомству, дана. Вы чудесная девушка.

Адриенна привстала на цыпочки и поцеловала его в щеку. А затем и Энцо – под руку попался.

– Я тоже очень рада, ньор. Дан. И надеюсь, что знакомство продолжится.

Энцо молчал, только глазами хлопал. И изображал бы статую совы и дальше, но Леоне взял его за плечо и практически силой выпихнул за ворота.

Адриенна самолично их закрыла и вернулась в дом.

Она знала, что конюхи за ее спиной засуетились, добавляя овса новым лошадям, что все резко «проснулось».

Вот и отлично!

А сейчас спать. Тяжелый разговор у нее будет завтра. Надо накопить побольше сил.

– Теперь год умываться не будешь?

Насмешка вывела Энцо из себя. Но куда ему было справиться с Чезаре. Парень был скручен и смачно поцелован во вторую щеку.

– И это тоже можешь не смывать.

– Прекратили баловство! – распорядился ньор Паскуале.

Им еще предстояло покрасить лошадь.

Да, а как иначе? Белая арайка – очень приметная кобыла. А вот бурая, да если еще ей гриву попышнее... у арайцев она скорее стоячая, вроде щетки, а если накладные пряди, типа тех, что лысые бабы себе на макушку наворачивают, в гриву вплести, в самый раз будет.

Так что кобылку предстояло покрасить.

Впрочем, Бьянка не сопротивлялась. Она была просто идеальной лошастью.

Она послушно подавала ноги, спокойно стояла, пока сохла краска, разве что перефыркивалась с оживившимся Чернышом, терпела, пока ей вплетали в гриву чужие пряди...

И попону терпела.

И седло...

А утро застало ньора Паскуале уже в пути на север королевства. Примерно в двух неделях отсюда жил дан Антонио Каттанео, хозяин Черныша. Стоило доставить ему его собственность. А то и Бьянку оставить?

Красивые у них с Чернышом будут жеребята.

* * *

Для Адриенны утро началось с дикого вопля дана Марка:

– ЧТО?! КАК?

Судя по всему, пропажа была обнаружена.

Адриенна покачала головой, оделась на скорую руку и спустилась вниз. Успела как раз вовремя.

Отец поливал бранью всех слуг, а те отнекивались. Мол, не здесь был, не там был, спал, ничего не слышал...

Ладно бы просто свели лошадь! Но чтобы вместо нее трех поставили?

Таких воров не бывает!

Дан Марк метался, пока не увидел Адриенну. И сразу как-то все понял.

– ТЫ?! ЭТО – ТЫ?!

Адриенна спокойно кивнула.

– Да, это я. Если ты о лошади.

– Но КАК?!

Дан Марк не знал, что делать.

То ли влепить дочери затрещину так, чтобы звон по двору пошел. То ли выслушать. То ли...

Третьего пока в голову не приходило, но это потому, что мужчина был решительно растерян. Нет, ну как так-то?!

Что вообще надо было сделать?

Адриенна посмотрела в лицо отцу. Голову ей для этого задирать уже почти не пришлось.

– Нам не нужна арайка дома. Ее не пустишь в разведение, она не сможет жить в нашем климате и на наших кормах, содержать ее дорого и накладно. Такая лошадь заслуживает большего, нежели два раза в год таскать на себе тушу эданны Сусанны.

– Да ты...

– Можешь говорить что пожелаешь. Но я знаю, что права, – отчеканила Адриенна. – У нас бы арайка сдохла через год-два, и сто лоринов были бы выкинуты на ветер.

С этим дан Марк спорить не смог. Все же в коневодстве он разбираться начал.

Сдохла бы. Слишком уж лошадь нежная. Но...

– Я нашла людей. Им нужна была арайка, мне – племенной жеребец и две кобылы. Мы сговорились и обменяли лошадей.

– Да как ты посмела?!

Адриенна пожала плечами еще раз.

– На свои деньги, дан, на те, которые СибЛевран выделяет на ваше содержание, хоть крокодайла покупайте. Зеленого и зубастого. А на деньги поместья – не надо. Растраты я не допущу. Не знаю, кому его величество передаст поместье, но это не повод его разорять ради ваших капризов.

Слова, которые вырвались у дана Марка, вообще-то при юных девушках произносить не стоило бы. Разве что при старых конюхах, те и не такое слышали.

Адриенна молча выслушала и хлопнула в ладоши.

– Все собираются! Нам надо выехать до восьми утра!

А чего тут собираться, когда все уже собрано?

Дан Марк сверкнул глазами да и пошел со двора. Адриенна, впрочем, кидаться за отцом не стала. Он взрослый, он мужчина – разберется.

Как-нибудь.

Ее дело – расплатиться и понаблюдать за сборами.

Леонардо, который наблюдал за семейной сценой из окна, покачал головой. Оказывается, у Адриенны есть зубки?

Понятно, что есть, и что характер у нее не ангельский, но такая интрига? Это ведь не абы как, это надо найти людей, договориться, закупить лошадей...

И впервые по спине Леонардо пробежал неприятный холодок.

А вдруг им с матерью не удастся ничего сделать? Как тогда жить прикажете?

Но самоуверенности у Леонардо на троих хватило бы, так что он махнул на все рукой и позвал слугу. Одеваться в дорогу.

Не сам же благородный дан должен штаны натягивать? На то слуги есть!

Мия

Как же Мие нравилась Эврона!

Яркая, броская, искристая – с одной стороны, и темная, таинственная, грязная и вонючая – с другой. Центральные улицы – и жутковатые закоулки, королевский дворец – и Грязный квартал, чистая публика и жутковатые нищие, церкви и сточные канавы...

Мия обожала Эврону как человека. И Эврона платила девушке взаимностью.

Мия могла часами гулять по городу, разглядывать дома, стоять на мостах, глядя в реку, которая лениво несла мусор к морю, дышать солью, которую доносил морской ветер...

Ей нравилось.

Джакомо не возражал против ее прогулок, просил только выглядеть чуточку иначе. Ну и занятия не пропускать.

Ньор Луиджи сейчас не приходил, ведь Энцо был в отъезде. Зато Джакомо нашел сразу двух женщин – ньору Барбару Леонарди и дану Оливию Дилореццо.

Ньора Барбара, или, как ее тут же переименовали девочки, Бара, с удовольствием плела им косы, чинила платья, помогала одеваться и раздеваться, кормила и укладывала.

Дана Оливия учила. Пусть сама она сбилась с пути и стала сначала любовницей, потом содержанкой, а потом и вовсе скатилась вниз, но манеры-то не позабыла? И знания у нее остались. А что еще надо?

Заодно расскажет девочкам, что бывает, когда молодые дурочки поддаются на сладкие песенки.

Мия не возражала.

Она понимала, что эданна Фьора была бы против.

Что отца хватил бы удар.

Что знакомые и родные осудили бы.

Но ей ли открывать рот? Она и сама-то... не ангел. И это еще мягко сказано. Сколько жизней на ее совести? Три? И как там с угрызениями?

А никак.

Память не ворохнется, души по ночам не приходят. Да и души-то там плевка не стоили. Что дан, что бандит... туда им и дорога. Мия их не жалела.

А коли так – чего она других осуждает? Пусть дана Оливия учит малышей играть веером и стрелять глазками, пусть объясняет, как правильно пудрить нос и как кушать устриц.

Пусть.

Мия и сама с удовольствием послушает. Авось да пригодится.

А пока – город!

Эврона завораживала.

Мия не знала, что первое время Джакомо приставлял людей следить за ней, но получал примерно одни и те же отчеты: гуляла, сидела на скамейке, ела печеного осьминога в таверне, плевала в воду с моста, купила в лавке иголки...

Ничего интересного в отчетах не было, и Джакомо махнул на племянницу рукой. Тоже бывает. Нравится Мие гулять по городу? Пусть гуляет, лишь бы работу свою выполняла.

Иногда Мия заходила и в лавочки.

Не то чтобы она стремилась захлать весь дом, к чему? Но было приятно, что у нее есть деньги. Что она может купить себе... да что пожелает! Не обязательно золото и бриллианты, но хотя бы что-то интересное...

Маленькая лавочка уже издали привлекла Мию вывеской: «Товары с кораблей».

И кораблик рядом.

Товары с кораблей? А это может быть интересно. Даже очень.

Девушка решительно зашла в лавочку.

Сейчас она выглядела как небогатая эданна лет сорока, с поправкой на рост, конечно. Рост она увеличить пока не могла, да и ни к чему. Ботинки на толстой подошве все равно не видны под юбкой, а состарить руки и лицо ей по силам. И поменять цвет волос – тоже.

Благо зима начинается, Мия хоть и старалась жестко себя контролировать, но когда лицо спрятано под капюшон плаща, а руки в теплой муфте...

Так спокойнее.

Случись что – изменения не сразу заметят.

– Доброе утро, эданна.

Ньор, стоящий за стойкой, вежливо поклонился Мие.

– Доброе утро, – рассеянно кивнула девушка. – Я просто посмотрю, вы мне ничего не предлагаете.

Ньор и не собирался.

Это века могут меняться, а женщины, которые ищут что-то, чего и сами не знают, остаются прежними. У мужчин с этим проще. Есть цель, есть задание, надо купить и уйти.

У женщин...

Цель – есть. А вот точности и четкости в ней нет никакой. И на пути к бутылке оливкового масла женщина может стать обладательницей перчаток, сумочки и мужа. Очень даже запросто^[21].

Так что приказчик и не думал дергаться. Сама посмотрит, сама определится или просто уйдет... у него глаз наметанный, он-то видит, что это действительно дана, а не воровка какая. Не первый год работает.

Мия лениво перебрала веера. Нет, ей это не нужно.

Пошевелила кончиком пальца украшения. Интересные, вот очень симпатичная цепочка с кулоном... а как она ей пойдет?

– Примерьте, эданна?

Вот сейчас приказчик почувствовал, что зацепило. И кулон в виде какого-то языческого страшилища, вырезанный из зеленого нефрита, может сегодня обрести свою хозяйку.

– И зеркало есть. Маленькое, правда, но вы все увидите...

Мия еще раз проконтролировала свою внешность, сбросила капюшон плаща, примерила цепочку.

И взглянула в зеркало.

Ей очень повезло, что на улице раздался какой-то шум и на секунду приказчик отвлекся, глянул в окно. Потому что девушка едва не упустила контроль над маской. Но словно волна по лицу пробежала.

В зеркале отражалась Мия.

Такая, какая она есть на самом деле, со светлыми волосами, кареглазая. А дома, перед выходом, она проверила себя, и из зеркала глядела эданна лет сорока, что характерно – черноволосая.

Да, Мия чудом не упустила контроль. Но...

– Эданна?

По счастью, Мия уже овладела собой.

– Я беру это, – четко сказала она.

– Кулон, эданна?

– И зеркало.

– О, вы не прогадаете! Говорят, что эти зеркала отливали на растущей луне, причем располагали их так, чтобы внутрь стекла попал лунный свет. В нем вы всегда будете неотразимы...

Как ни была растеряна Мия, но...

– А есть какие-то сведения о мастере? О продавце? Я бы хотела заказать такое зеркало, но большое.

Приказчик задумался, вертя в руках тяжелое серебряное зеркало. Рассмотрел рисунок на обратной стороне, клейма мастера...

– Это остров зеркал. Линдано. А мастер... я, конечно, не знаю все клейма наперечет, но вот тут, видите? Трехлучевая звезда? И буква «Е» рядом с ней?^[22]

– Вижу, ньор. – Мия старательно держалась так, чтобы не отразиться в зеркале. Даже мимоходом.

– Это клеймо мастера Сальвадори. В своем роде легендарная личность.

– Ньор? Умоляю, расскажите? И сколько стоит это зеркало и кулон?

На стойку лег золотой лорин. Кулон Мие и даром не нужен был, но пусть уж...

– Двенадцать лоринов, эданна.

Мия хмыкнула.

Для сравнения, эти двенадцать лоринов в год мог получать подмастерье у художника или того же зеркальщика. И то если подмастерье хороший, а хозяин щедрый. Та же Барбара получала десять лоринов в год и была премного довольна даном Джакомо, прославляя его на всех углах.

Можно бы и поторговаться. Но...

История.

Кто такой этот мастер Сальвадори? Дядя не должен знать о ее интересе. Он мог бы и побыстрее все разузнать, но лучше не надо. Мия уже не обольщалась, Джакомо все обернет себе на пользу.

Себе. Не ей.

Итак. Мастер Сальвадори.

На стойку легло еще двенадцать теплых золотых кругляшков. Приказчик посмотрел на эданну дикими глазами, он-то больше чем на восемь и не рассчитывал, ладно – девять. Но тут же понял, что парочку сможет отначить себе, что платят ему и за информацию, и зачесал затылок, активно вспоминая историю.

Грех не помочь такой доброй и прекрасной эданне!

– Эданна, это уж лет сто тому назад было. Вот и не все в курсе, только самые-самые. Вы знаете, что Линдано называют закрытым островом?

Мия знала.

Что характерно, это только сейчас, при Эрвликах. При Сибеллинах все было иначе, секрет зеркал хоть и охранялся, но не так строго. А сейчас мастера жили на острове безвылазно.

И то ли климат там был плохой, то ли что еще...

До тридцати лет, считай, единицы доживали^[23].

Кто отдаст туда своего ребенка даже на обучение? Или те, кому уж хуже некуда, или те, кому наплевать.

Эмилио Сальвадори был из первых. Такое бывает. Мать его родила от благородного дана, который благородно выкинул служанку на улицу. И та опускалась все ниже и ниже. Ребенка содержала в приемной семье, сама на панель пошла, лишь бы за него платить...

Хлебнул там мальчик, конечно...

А когда ему исполнилось семь лет... где уж ньора Сальвадори познакомилась с линданским мастером – неизвестно. Но она понимала, что ей остался год, может, два. Потом она умирает, а ее ребенок оказывается в сточной канаве. И – все.

И ньора попросила мастера забрать мальчика с собой.

Мастер исполнил ее просьбу. Что уж там стало с ньорой – неизвестно. Впрочем, умерла, конечно, на панели долго не живут. А вот мальчик оказался невероятно талантливым.

Свое первое настоящее зеркало он отлил в десять лет, тогда же получил и звание мастера.

А в двадцать лет его не стало. Да так странно...

Был человек – и исчез.

Жена осталась, дети остались, зеркала, которые он отливал, – тоже. А сам мастер Сальвадори пропал. Однажды утром он ушел в мастерскую. А когда вечером его пришли позвать домой, обнаружилось, что его нигде нет. Есть верхняя одежда, в углу стоит обувь, а мастера – нет.

– Уехал с острова? Договорился и его вывезли?

– Ни одна лодка к острову не причаливала.

– Убили?

– Мастерская находилась среди других. Не на отшибе. Услышали бы шум, гам, крики...

– Сам утопился?

– В центре острова?

Мия почесала кончик носа.

– Ладно. Сдаюсь. Что с ним случилось?

– Этого никто не знает, эданна, – хитро улыбнулся приказчик. – Никто...

– А зеркала?

– За свою жизнь мастер Сальвадори отлил несколько десятков зеркал. Сейчас это клеймо передается в семье Сальвадори, но потомки ставят первую букву своего имени.

– Ага...

– Говорят, что он нашел какой-то секрет. Вы знаете, старые зеркала тускнеют, темнеют, но его зеркало всегда останется ясным и чистым. И он мог лить действительно большие зеркала. В которых видно всего человека.

– Потрясающе!

– Секрет так до сих пор и не раскрыт. Большие зеркала могут делать, но они тускнеют и темнеют... Говорят, мастер Эмилио продал свою душу дьяволу, и когда срок вышел... вы понимаете... за ним явились те, кого лучше не поминать к ночи.

Приказчик смешно таращил глаза.

Мия задумчиво кивнула.

– Может, и так... а зеркала святой водой проверяли?

– Более того, эданна. Если вы посмотрите... зеркало-то серебряное! И вот... крест на нем нацарапан... кто-то постарался.

Мия кивнула еще раз.

– Да, нечисть такого не выносит.

– На Линдано есть храм. Но, говорят, мастер туда почти не ходил... может, раз или два, на него из-за этого ругались. Но там не так строго...

Мия хмыкнула.

Строго, не строго... кто ж будет ругать курицу, несущую золотые яйца? Да пусть хоть на каком она насесте сидит, лишь бы нестись не переставала!

Хотя вот они по воскресеньям ходили на службу, к причастию, все как положено. И в церковь пару раз в неделю обязательно заглядывали, и в копилочку деньги бросали. Дядя очень настаивал.

– Мастер Эмилио Сальвадори. Линдано. Примерно лет сто назад?

– Да, эданна.

Мия положила себе узнать что можно. Только вот где?

– А кто вам продал это зеркало?

Ньюр замаялся, но блеснул еще один лорин, лег на стойку, потом самопроизвольно растворился в воздухе, и приказчик потянул откуда-то большую засаленную книгу.

– Посмотрим, эданна, посмотрим...

Мия терпеливо ждала.

Она уже убрала и зеркало, и кулон... дома она еще посмотрится. Дома она попробует разобраться. А здесь и сейчас надо узнать все возможное.

– Ага... вот, записано. Дан Джанмария Дуранте.

– А подробности?

Мия успела увидеть, что там и было-то всего три золотых, но ругаться не стала. Пусть уж... за такое – и больше не жалко. Да и деньги не каторжным трудом ей достались.

Приказчик еще полистал свой гроссбук.

– Я бы сказал, эданна, что это или украденное, или он наследство распродает... вот, тут почти двадцать вещей, которые он принес, все хорошие, дорогие... а самого дана я помню. Сейчас вспомнил. Не так чтобы он был шикарно одет или богатым казался...

– Можно мне посмотреть, что еще он приносил? – попросила Мия.

Ей-ей, приказчик бы не отказал ей, попроси она даже шкуру снять с благородного дана. За такие-то деньги?! Считай, ему сегодня в карман упала сумма, за которую он полгода работать должен.

Да что угодно, эданна!

Из лавки Мия уходила еще час спустя.

Кроме зеркала и кулона она купила еще несколько книг. И симпатичную шкатулку, проданную тем же человеком. Ньор позвал одного из уличных мальчишек, и тот тащил за Мией все это добро.

За пару улиц от дома она наградила мальчишку тремя сольди (что в кармане было), и тот, довольный, умчался прочь. Он-то больше чем на пяток рий не рассчитывал.

Но эданна хорошая, эданна благородная... Куда он ее отвел? А он уже забыл. У денег есть отвратительное свойство: они прекрасно отшибают память.

Дома Мия сгрузила все на кровать.

Достала зеркало, посмотрелась в него.

Сбросила личину, еще раз посмотрелась.

И с личиной, и без личины в зеркале отражалась именно она. Мия Феретти. Удлинить зубы? Не видно.

Сделать красные глаза?

Все равно в зеркале они карие.

Мия даже два зеркала рядом поставила, для контроля.

Но – нет.

Ее зеркало привычно показывало все изменения. Зеркало мастера Сальвадори их видеть отказывалось.

Что ж. Клеймо запомним, про мастера – учтем, а остальное...

Надо прочитать книги, надо осмотреть шкатулку и надо навести справки.

Дан Джанмария Дуранте.

Мия запомнила это имя.

Адриенна

– Как вы съездили? – Дан Рокко выглядел просто отлично. По сравнению с той бледной тенью, которой он был до приезда, – вообще великолепно. И румянец на щеках заиграл, и улыбка не вымученная.

– Замечательно, дан Рокко. Все купили, все привезли! – Адриенна светила от счастья.

– Марко! Ты же обещал мне лошадку!

Эданна Сусанна неподалеку строила из себя обиженную-несчастненькую.

Дан Марк разводил руками:

– Дорогая, я купил было арайку...

– Но?!

– В последний момент мне... перебили цену.

– Неужели мы нищие? Ах, я так хотела лошадь...

Эданна закатила глаза, изобразила головную боль и удалилась к себе. Дан Марк последовал за ней, продолжая уговоры... перебьешься, папенька. Ничего тебе без оплаты не светит!

Адриенна понимала, что эданне Сусанне все равно обо всем расскажут. Тот же Леонардо и постарается.

Дан Марк?

Он это тоже понимал, но не хотел начинать приезд со скандала. Он соскучился, и вообще...

– Что за арайка? – правильно прочитал выражение лица Адриенны дан Рокко.

Девушка потупилась.

– Отец действительно купил арайку. Самая для наших мест бесполезная лошадь, но выглядела потрясающе. Потратил сто лоринов. Я договорилась с торговцем, и он потихоньку заменил мне ее на трех других коней. По цене сложилось так же, а вот по полезности – мои лучше!

Дан Рокко покачал головой, делая вид, что не одобряет такого поведения. И старших уважать нужно...

А глаза у него светились юношеским задором.

Интересно же!

– Дана, вы мне обязательно все расскажете!

– Обещаю. Завтра же, как отосплюсь, – пообещала Адриенна.

И попала в заботливые руки Розы.

Горячая ванна, сытный ужин – и спать. В идеале – без сновидений.

С последним не получилось, но Адриенна не была в претензии. Во сне она летала. Летала высоко, летала птицей... такие сны случались все чаще и чаще. И она видела облака у себя под крылом, видела черные перья, слышала свист ветров, которые рассекала крыльями...

И это было прекрасно!

* * *

Эданна Сусанна не спала. Она ждала сына и не прогадала. Леонардо явился, поклонился. И ухмыльнулся, глядя на шикарную постель.

– Сегодня одна?

– Пф-ф-ф-ф-ф!

Проводив мужа в дорогу, эданна Сусанна позволила себе некоторые излишества. Так что... сегодня она могла и одна поспать. И завтра, пожалуй, тоже, а то болит все. И здесь, и там, и где-то еще...

Конюхи – мужики простые и грубые, но недостаток ухваток компенсируют размерами и неутомимостью. А кое-какие любовные игры им и подсказать можно.

Леонардо понимающе усмехнулся. И заговорил о том, что интересовало его матушку:

- За девчонкой я ухаживаю. Она постепенно поддается.
- Это хорошо. Время есть, не спеши, чтобы все не испортить...
- Да, матушка.
- Что там за история с моей лошадейю?
- Я толком не понял. Дан Марк привел в конюшню белую арайку.
- О-о-о-о-о...

Эданна Сусанна представила себя на белой арайской кобылке. Как бы она шикарно выглядела!

У Чески была такая... золотистая. Гнедая, с черными гривой и хвостом. Потрясающе красивая. А у нее – нет.

У нее была бы белая...

– И что с ней?! Где МОЯ лошадь?!

– Как я понял, Адриенна была против. Она сказала, что эти деньги выделили на содержание СибЛеврана, а не лично дана Марка.

– Сучка!

– И перед самым отъездом в конюшне вместо арайки оказались эти три лошади. Две кобылки и жеребец. Да, по цене оно примерно сопоставимо. Адриенна объяснила отцу, что поменяла одну лошадь на трех.

Эданна выругалась погрязнее.

– Марк искал мою лошадь?

– Да. Я точно знаю, что он навел справки на воротах, что искал, но результата не было. Никто даже не видел белую кобылу.

Эданна Сусанна гневно зашипела.

Вот ее бы воля – перетравила б она этих лошадей!

Тьфу, мерзкие твари!

Остановило простое соображение, даже два. И яда нет, и доходы упадут. А дану Марку содержание выплачивается с дохода, не с его отсутствия...

– Гадючка мелкая! Леонардо, милый, сделай мне подарок! Пусть эта тварь за тобой хвостом бежит!

– Обещаю, матушка. К весне и управимся, – порадовал почтительный сынок.

Эданна Сусанна потрепала его по руке.

Помощник растет. Защитник. Не то что ее супруг, вот уж тряпка тряпкой... Ах, как же она продешевила, когда решила выйти замуж за это ничтожество!

Ничего!

Адриенна ей еще за это ответит!

Хотя почему именно Адриенна была виновата в выборе эданны? Ладно бы еще в проделке с лошадьё! Но Сусанна такими мелочами, как логика, себя не обременяла. Вот еще...

Виноват всегда кто-то другой! И точка!

И эданна принялась строить планы мести.

Лоренцо

Поместье дана Каттанео было и больше, и красивее СибЛеврана. И намного богаче.

Дан Каттанео мог себе позволить и арайца, и даже трех арайцев. Хотя и купить их, и содержать достаточно дорого.

И просто так купцов в замок не впустили, разумеется. Остановили уже на подъезде.

– По какому вопросу, ньор? Купцам – в городок, в ту сторону. Дан Каттанео не принимает.

Паскуале даже не удивился.

Чем богаче дан, тем он заносчивее. Есть и исключения, но они очень редкие. К таким, как Каттанео, не то что ньорам – и данам победнее не прорваться небось.

– Как я могу связаться с даном?

– Напишите письмо и оставьте в мэрии. Там передадут.

Паскуале это не устраивало.

Это данам заняться нечем, а ему надо обратно до зимы.

Зима в Эрвiline – штука сложная, снег начинается не сразу. Сначала идет период грязи, распутицы... вот попадешь в такое – считай, месяц долой.

Паскуале и хотел вернуться ДО грязи. Чего время-то терять?

А сколько могут передавать его письмо? Он не дан, он просто ньор. Можно попросить Энцо написать письмо, но вряд ли это чему-то поможет.

Как тогда?

В руке Паскуале мелькнула монета. Стражник принял ее без видимого отвращения, разгладил усы.

– Скажите, ньор, а ваш дан – он в город не выезжает? Или там на конные прогулки?

* * *

Конь под тобой – словно птица.

И поля стелются под копыта. И ветер в лицо, и ощущение счастья...

Было!

Все это было раньше!

До того, как пропал Черныш!

Вот с ним Тоньо сроднился, на нем любил кататься, с ним сложилось полное взаимопонимание. Рядом с Чернышом любой другой конь был...

Как каменная глыба рядом с мраморной скульптурой.

Антонио любил коней, разведением не занимался, но так получилось... случайно.

Остановился в городе торговец, и выкупил у него Антонио несчастного жеребенка. И то скорее из жалости – пусть бедолага помрет в хороших условиях, ладно уж! То ли они с друзьями шутили, то ли просто на спор – сейчас уж и не вспомнить. Но когда малыш понял, что его забирают и что он теперь уходит с чужим человеком... как же он смотрел! Тогда у Тоньо и дрогнуло впервые сердце.

Доверчиво, серьезно... ты же меня не обидишь?

Мне и так досталось, меня от мамы забрали, по чужой стране тащили, мне плохо и больно, меня вообще хотели убить, а ты? Ты – не обидишь?

И Тоньо не смог предать этого доверия.

Жеребенок не помер.

Взял да и вырос в чистокровного арайца, под вороной шкурой которого перекачивались мощные мышцы и билось нежное сердце.

Тоньо тогда сам его проведывал, сам лекарства давал, и конь не забыл, кому обязан жизнью. Черныш честью для себя считал прокатить хозяина. И уступать ее не собирался никому.

Когда его украли...

Для Антонио и свет померк.

Смешно?

Двадцать пять лет, дан, хозяин своих земель, тут уж жениться пора, а ты по какой-то лошади страдаешь?

А идите вы... с моих земель с такими заявлениями!

Не по лошади!

По другу. Даже больше. Черныш был частью Тоньо. Как глаза, рука, нога... ну вот просто – его частью. И его исчезновение причиняло мучительную боль.

Но ладно бы просто – жить без ноги!

Тоньо понимал, что лошади живут меньше людей, рано или поздно верный друг оставил бы его. Но это другое.

Он бы до смерти ни в чем не нуждался.

А где Черныш сейчас?

Что с ним?

Если его бьют, обижают, если ему плохо... даже думать об этом было мучительно.

Антонио вообще разонравилось ездить верхом, но Каттанео – местность такая, где долины, где луга, где ручейки... в карете проехать можно, но намного дольше, на коне да напрямик – быстрее. Вот и приходилось дану довольствоваться лошадьми похуже, поплоче... другими!

Не Чернышом!

Так что дан давно был в дурном настроении. И сегодня был... а потом откуда-то издалека донеслось призывное ржание.

Все лошади одинаковы?

Так может сказать только тот, кто не знает лошадей. А у дана Антонио сильно забилося сердце.

Черныш?

Но как такое может быть?!

Невозможно!

Бороться с собой Тоньо не стал, направляя коня к источнику звука. И очень скоро...

– ЧЕРНЫШ!!! – почти выдохнул дан Антонио.

Это действительно был его конь. Похудевший, подурневший, но ЕГО! И мчался Черныш именно к своему любимому хозяину, не обращая внимания на мальчишку на спине.

Тоньо спрыгнул со своего коня – и бросился навстречу Чернышу.
А что там с тем конем будет?

Да хоть бы что!!!

ЧЕРНЫШ!!!

– Родной мой!

Конь, несущийся во весь опор, остановился аккуратно рядом с Тоньо. Положил ему голову на плечо, вздохнул...

Антонио гладил черную шкурку и не замечал, как по лицу ползут капли слез.

Малыш, вернулся, живой...

Да что еще-то надо?!

Ничего!

Энцо вежливо отвернулся, чтобы не мешать. И не подглядывать.
Очень интимная встреча получилась.

Прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем Тоньо обратил внимание на всадника. Но ругаться не стал. Явно не тот случай.

– Ты кто?

Энцо соскочил на землю.

– Дан Лоренцо Феретти. К вашим услугам, дан Каттанео.

– Вы меня знаете?

– Мы для этого и приехали. Вернуть вам вашего коня.

Из Антонио словно стержень выдернули. Он где стоял, там и на траву опустился.

– Вернуть... Черныш! Хороший мой!

Энцо протянул дану руку.

– Вставайте, дан. Холодно, застудитесь.

Антонио послушался. И заодно кое-что сообразил... мы... приехали...

– Дан Феретти, вы не один здесь?

– Нет, дан Каттанео. Просто задерживаться мы не можем, прошение вам передадут неизвестно когда, поэтому пришлось выбрать именно такой способ. Черныш здесь каждый кустик знает, вот он и прискакал к вам.

Антонио кивнул.

– Кто ваши сопровождающие, дан Феретти?

– Ньор Паскуале Лаццо, купец. Мы здесь по делам.

Звучало это чуточку забавно, особенно от мальчишки, но дан Каттанео не собирался сейчас ничего расспрашивать.

– Дан Феретти, если я приглашу и вас, и ваших людей к себе? Вы для меня дорогие гости!

Энцо улыбнулся.

– Дан Каттанео, для нас честь ваше предложение. Но я бы просил вас сначала проехаться до города, тут ведь недалеко. Там вы оставите меня и заберете Черныша. Бедняга так настрадался, что его не хочется с вами разлучать. А уж вечером – как вы пожелаете. Или, если хотите, я поеду в ваш замок сейчас, а моим людям pošлем записку.

– Да, так будет лучше всего. И пусть приезжают. Все.

– Хорошо, дан. Так и сделаем.

Антонио согласно кивнул. Но...

– Нет-нет, – покачал головой Энцо. – Уж простите, придется вам немного потерпеть меня на спине Черныша. Он пока не может нести никого... тяжелого. Ему надо восстанавливаться.

Дан Каттанео кивнул еще раз.

Кони медленно, бок о бок, пошли по направлению к городку.

* * *

Вечером в доме дана Каттанео был праздник.

Рекой лилось вино, хотя гости и пили мало. Звенели кубки, сияли улыбки.

– Я ведь его сам взял, сам с рук выкормил, – рассказывал Антонио. – Когда Черныш пропал, у меня аж руки опустились. Как себя корил – не передать! Как не уберег?!

Паскуале кивал.

Черныш вернулся к хозяину, да не один, а с подругой. Бьянкой.

За время пути лошади успели подружиться, более того, заинтересовались друг другом. И теперь стояли в соседних денниках, хрупая овсом.

А дан Каттанео слушал историю обретения коня.

Правда, оставался неясным вопрос о дане СибЛевран. Ну не могла она его видеть! Никак! Он ведь ее не видел... хотя – кто знает? Может,

они с отцом через город проезжали? А Черныш – он такой, сразу запоминается. Его хоть раз увидишь – не забудешь!

Антонио был благодарен за его спасение и клялся на свои землеромов вообще не пускать.

Никогда!

Сволочи вороватые!

Позабавила его история с Бьянкой. Но кобылу он купил за честную цену, так что Паскуале стал богаче аж на сто лоринов. Хотя и отказывался, говоря, что он тут ни при чем.

Но... как это ни при чем?

Если бы не он, кто знает, что бы с Чернышом стало?

Антонио клялся в любви и дружбе, приглашал заезжать в гости, в любое время, а уж насчет беспошлинной торговли...

Родной ты мой!

Да что там те сольди! Торгуй хоть чем в любое время!

Паскуале был благодарен.

И Адриенну вспоминал тоже с благодарностью. Надо бы ей что-нибудь подарить. Сто не сто лоринов на подарок, но что-то же подобрать можно? Поинтереснее?

Вспоминал Адриенну и Энцо. Он уже понял, что на этом направлении у Паскуале образуются крепкие связи. А значит, они сюда еще приедут. И Энцо сможет увидеть свою любовь.

И это замечательно!

А в конюшне, неспешно пережевывая овес, стояли две лошади.

Черный и белая. Иногда переглядывались, тянулись мордами друг к другу, тихонечко ржали.

Древнее лошадиное поверье – да, у лошадей они тоже есть – гласило, что встретить Дитя Ветра – к удаче. Так оно и вышло.

Они живы, они вместе. Они у хорошего человека, в этом Бьянка верила Чернышу безоговорочно. А там и жеребята у них будут... для них уже кошмар закончился, и закончился он – хорошо. Дом, любящие и любимые люди, защита, спокойствие... лошади нужно то же, что и человеку. Пусть они и прошли через беды и горести, но им повезло встретить *того* человека. *Правильного*.

Дитя Ветра – это к добру.

Лошади это знали точно. А люди?

Люди торили свои дороги, и история продолжалась...

notes

Примечания

Обращение к благородным. Дан – мужчина, вне зависимости от семейного статуса, эданна – замужняя женщина или вдова, незамужняя девушка – дана. *(Прим. авт.)*

Ньор, ньора – обращение к простонародью, вне зависимости от семейного статуса. Ласково, к незамужней девушке могут обращаться «ньорита». *(Прим. авт.)*

Золотая монета называется лорин (3.5 грамма золота). Один лорин равен 6 дариям, один дарий – двадцати сольди или ста двадцати малым риям. *(Прим. авт.)*

Мокрец сопровождается деформацией копыт, образованием гнойных язвочек, возникает при повышенной влажности в помещениях. *(Прим. авт.)*

Гаун – средневековая выходная одежда. *(Прим. авт.)*

Научный факт. Свиньи не могут смотреть на небо, шея так устроена. (*Прим. авт.*)

Камбок – предвестник футбола. Тоже две команды, мяч, ворота, только команды по пять человек и правил на порядок меньше. (*Прим. авт.*)

Миракль – представление, в котором главную роль играет «рояль в кустах». С учетом эпохи – чудо свыше. *(Прим. авт.)*

Котта – средневековая одежда типа туники. (*Прим. авт.*)

Автор знает, что таинство исповеди проходит чуточку иначе. Ритуал изменен, чтобы не оскорблять чувства верующих. *(Прим. авт.)*

Спинет – прадедушка пианино. Лютня в начале своей карьеры и была четырехструнной. *(Прим. авт.)*

Одна из картин мигрени. Сильнейшая головная боль, тошнота, рвота, светобоязнь – дня на два. Лично встречалась. *(Прим. авт.)*

Даже египтяне применяли нечто подобное. Лет так за пару тысяч до христианства. Работает до сих пор. Вот где стройнадзор-то был! Нам бы так! (*Прим. авт.*)

Между прочим, такие розы без всякой магии растут в Турции, в Халфети. Без всяких селекционеров. Говорят, там состав воды такой.
(Прим. авт.)

Сии новаторские методы лечения как раз и применялись в Средние века для борьбы с чумой. *(Прим. авт.)*

Аналог – «наломаете дров». (*Прим. авт.*)

Интердикт – отлучение от церкви. Хоть всего государства оптом. В свое время огребали и Англия, и Шотландия, и Франция, хотя и ненадолго. (*Прим. авт.*)

Так в просвещенной Европе и поступали. В том же Париже, к примеру, прекратили только тогда, когда мусор начал переваливаться обратно через стену. *(Прим. авт.)*

Автор тоже прослушал лекцию. Здесь не привожу – это минимум листов десять, но слов нет, одни впечатления! Я и не знала, что бывает столько сложностей с обычными варежками. *(Прим. авт.)*

Полночь. (*Прим. авт.*)

Реальная история знакомой. Пошла за маслом, поскользнулась, упала в лужу, перчатки порвались и восстановлению не подлежали, пришлось купить новые. И с сумочкой, да. А муж... сам виноват, что ее из лужи вытянул, мог бы и дальше ходить холостым. *(Прим. авт.)*

Emilio. (*Прим. авт.*)

История печальна, увы. Раньше при отливке зеркал активно использовали ртуть, которой и начинали травиться с малолетства. Результат – смерть. *(Прим. авт.)*